УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ,
РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

ПРАКТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 25-летию учреждения образования
«Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»

Минск, 5–6 сентября 2024 года

Минск
РИВШ
2024

УДК 342.56(061.3)
ББК 67.7
П69

Р е к о м е н д о в а н о
советом учреждения образования
«Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
(протокол № 7 от 15 ноября 2024 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :
А. В. Барков, М. А. Городецкая, Л. Л. Зайцева,
О. Н. Здрок, Е. В. Новикова, Т. Н. Пунько

П69 **Практика** осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Ин-та переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та, Минск, 5–6 сент. 2024 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: М. А. Городецкая (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – 420 с.

ISBN 978-985-586-864-5.

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета».

Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам, слушателям повышения квалификации, обучающимся учреждений образования юридического профиля.

УДК 342.56(061.3)
ББК 67.7

ISBN 978-985-586-864-5

© Учреждение образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», 2024
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ 11

К 25-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ, РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Здрок О. Н. Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета: 25 лет устойчивого развития 12

Калинкович В. Л. Роль Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета в становлении и развитии судебной системы Республики Беларусь: ключевые достижения и перспективы 20

Хмарук С. К. Четверть века сотрудничества: вклад Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета в развитие межведомственного взаимодействия с органами прокуратуры 23

Кот О. Н. Институту переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета 25 лет: путь к успеху и новым вершинам 25

Шидловский А. В. Юридический кластер Белорусского государственного университета: история, современность и перспективы 27

РАЗДЕЛ 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Бибило В. Н. Юрисдикция как социальный феномен и юридический термин 31

Василевич С. Г. Информационные технологии как средство транспарентности судебной практики 36

Власов В. И. Особенности правового регулирования в условиях различных политических режимов 38

Власова Г. Б. Соотношение правового регулирования и правового воздействия в условиях развития демократической государственности 40
Воронович Т. В. Роль конституционного правосудия в формировании и развитии правовой системы 42
Горупа Т. А. Социальное обслуживание в аспекте экономической безопасности человека (на примере государств-членов Союзного государства) 46
Зубрик Д. А. Правовое регулирование RAW DATA в Республике Беларусь 50
Ковалева В. В. Роль судебной доктрины в российской правовой системе 52
Костян И. И. О методологии динамического анализа правовой культуры в сфере информационной безопасности 55
Рябцева Е. В. Независимость судебной власти как гарантия защиты прав граждан и юридических лиц в современных условиях 59
Телятицкая Т. В. Инновационные подходы к повышению эффективностимер административной ответственности в национальной правовой системе 62
Трифонова К. В. Модернизация миграционного законодательства России в условиях новых вызовов 65
Харевич Д. Л. Использование термина наркотики в нормативных правовых актах 67
Щербик Д. В. Генезис постиндустриального общества и перспективы развития государства и права 71
Якубовский О. А. Модернизация правовой системы Республики Беларусь в условиях санкционной политики 74
Ярмоц Е. Н. Место осуществления правосудия (историко-правовой аспект) 77

РАЗДЕЛ 2. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ГРАЖДАНСКИХ, ХОЗЯЙСТВЕННЫХ, ТРУДОВЫХ, ФИНАНСОВЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Авдей А. Г. О некоторых способах защиты прав платформенных занятых 80
Амельченя Ю. А. Использование кластерной формы организации предпринимательской деятельности в условиях преференциальных режимов ее осуществления 82
Бакиновская О. А. Консорциальные отношения в законодательстве Республики Беларусь 85
Белоусова С. Д. Актуальные вопросы правового регулирования деятельности холдингов и концернов 88

Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. К вопросу о перспективах кодификации инвестиционного и хозяйственного законодательства 91
Василевский А. В. Форма соглашения о предоставлении опциона на заключение договора и опционного договора 94
Давыденко Д. Л. Мировая сделка как способ управления неопределенностью в правоотношениях: истоки в римском праве..... 97
Евсикова Е. В., Шкляр Т. А. Предпроверочный анализ как форма налогового контроля в контексте усовершенствования и развития налогового законодательства и правоприменительной практики 101
Короткевич М. П. Особенности распоряжения имуществом супругов..... 104
Куницкая О. М. Правовые стимулы при осуществлении инвестиций..... 106
Лобанова Е. Н. Бессознательное состояние как основание для признания гражданина недееспособным 109
Максименко Е. В. Исторические аспекты и современные тенденции законодательства Республики Беларусь в сфере строительства 112
Минич С. А. Функциональный подход к класификации юридических лиц..... 115
Мороз О. В. Правовое закрепление объектов производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов 118
Пантелеева Н. В. Анализ изменений законодательства в области осуществления предпринимательства 121
Пулоди М. К. Проблемы компенсации морального вреда: анализ судебной практики..... 124
Пунько Т. Н. Применение принципа эстоппель в договорных обязательствах 126
Солянкина Н. А. Право на экологическую безопасность и охрану труда в контексте экологизации социально-трудовой сферы..... 129
Функ Я. И., Чигилейчик-Функ А. Я. О возможности внутренней коллизии норм ГК Республики Беларусь в части типовых уставов юридических лиц, подъюрисдикционных праву Республики Беларусь ... 132
Халецкая Т. М. Семья VS домохозяйство 135
Хашковский Н. В. Особенности квалификации действий субъектов хозяйствования, зарегистрированных в сельской местности и неправомерно получающих налоговые льготы 138
Шимкович М. Н. Страхование предмета лизинга: на примере из практики судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь..... 141
Шингель Н. А. Правовое регулирование самообеспечения продукцией охоты и рыболовства..... 144
Юн Л. В. Экологическая культура как важный компонент при реализации экологических прав граждан..... 147

РАЗДЕЛ 3. РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Бабич Н. И. Особенности взаимодействия с различными группами лиц с инвалидностью 150
Василевич Г. А. Суды общей юрисдикции как субъекты конституционного контроля..... 153
Денисенко С. В. Последовательность применения альтернативных способов урегулирования правовых конфликтов..... 157
Зайнутдинов Д. Р. Административная юстиция в орбите советского права..... 160
Здрок О. Н. Переговоры при содействии адвокатов как новая форма примирения сторон по гражданским и экономическим делам 163
Князькин С. И. Предпосылки и источники справедливости судебного решения..... 166
Колядко И. Н. Развитие отраслевых принципов в Кодексе гражданского судопроизводства..... 169
Коновалов Р. Р. Предупреждение и пресечение злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе 175
Крипиневич С. С. Индивидуальное судебное регулирование и его применение в уголовном судопроизводстве Российской Федерации 178
Лусегенова З. С. Правовая квалификация спора..... 180
Мезяк В. Ю. Отдельные направления развития информационных технологий в деятельности правоохранительных органов..... 184
Певцова И. Е. Защита гражданских прав: теоретические и практические аспекты..... 186
Скобелев В. П. Регулирование пределов компетенции должностных лиц органов прокуратуры в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь: о нерешенных проблемах 190
Трифонов С. Г. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах 194
Улога М. А. Установление в суде факта получения заработной платы как форма реализации пенсионных прав граждан..... 196
Унукович Е. А. Судебная компетенция в контексте развития альтернативных способов разрешения (урегулирования) цивилистических споров 199

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аземша И. С. Направления уголовной политики в условиях использования криптовалют в преступной деятельности 203
Апарина Н. А. Криминологическая безопасность коллективного инвестирования в сфере долевого строительства..... 206

Барков А. В. Систематическое толкование норм Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь 209
Бородулькина Е. С. Вопросы совершенствования санкционного обеспечения норм об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков с учетом опыта государств-членов ЕАЭС 212
Бохан А. П. Об установлении уголовной ответственности за преступления в сфере киберпространства 215
Бурганов Р. С. Предупреждение преступлений сотрудников правоохранительных и судебных органов 218
Винокуров С. И. Соотношение и особенности реализации уголовной ответственности и предупреждения преступности 221
Гарбатович Д. А. Время совершения преступления 224
Герасимова С. И. Особенности динамики преступлений против собственности 227
Головенчик М. Г. Уголовно-правовые риски майнинга токенов 230
Городецкая М. А. О некоторых вопросах уголовной ответственности за нарушение законодательства о персональных данных 233
Григорович В. Л., Ходасевич А. В. Предупреждение хищений имущества путем модификации компьютерной информации 237
Гультяева Н. Н. Социальные детерминанты киберпреступности 240
Дрозд А. Н. Использование беспилотных летательных аппаратов при совершении умышленных преступлений: пути криминализации 243
Игнатенко Е. А. Противодействие преступлениям диверсионной направленности: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ 247
Карабанов В. А. Ретроспективный анализ правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних в период СССР 250
Карабельникова А. С. О системе коррупционных правонарушений 253
Козелецкая Н. И. Заражение инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих: вопросы криминализации и декриминализации 256
Коротич Е. А., Василевский А. В. Определенность законодательных предписаний как фактор снижения коррупционных рисков (на примере понятия «медицинская практика») 259
Лабоцкая А. А. Особенности предупреждения коррупционных преступлений 262
Лапцевич И. И. Принцип равенства всех перед законом в контексте освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности 266
Локтевич О. И. Проблемные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, совершенных в отношении несовершеннолетних 269

Лукашов А. И. О соответствии Конституции уголовно-правового запрета деяния, характеризующегося признаком незаконности 272
Макеева М. Г. Трансформация ст. 253 Уголовного кодекса Республики Беларусь 276
Малевич О. А. Анализ причин и условий торговли людьми и связанных с ней преступлений 279
Марчук В. В. К вопросу о практике назначения наказания по совокупности приговоров 282
Новикова Е. В. К вопросу о сроках давности исполнения обвинительного приговора 285
Осадчая Н. Г. Проблемы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции в бюджетной сфере 289
Павловская Н. В. Состояние и проблемы предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий 292
Плетенева Д. А. Дифференциация уголовной ответственности в новеллах особенной части УК Беларуси 2021-2024 гг. 295
Реутская Е. А. Об оценке общественной опасности 298
Рогава И. Г. Проблемы реализации уголовной ответственности за торговлю людьми по российскому законодательству 301
Рыбак С. В. О субъектах преступлений, предусмотренных нормами криминального банкротства 305
Серегина Е. В. Проблемы и перспективы наказания в виде смертной казни 308
Сидоренко Д. О. Особенности профилактики мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий 311
Соколов Д. А. Противодействие виктимизации поведения как одно из направлений предупреждения преступности 314
Стаценко В. Г. К вопросу о востребованности криминологического знания 317
Судник Т. В. Незаконный оборот банковских платежных карточек: отдельные аспекты 320
Тарасова О. Е. Правовая политика современного Российского государства в сфере применения смертной казни в контексте правовой государственности 323
Хованская А. М. Предупреждение насилия над женщинами 327
Хомицевич И. Г. Уровень правосознания и преступности среди несовершеннолетних в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX веков 329
Хомич В. М. Криминология социальных рисков в системе национальной безопасности и уголовно-правовые средства их преодоления 333

Чуешов, К. В. Социальная инженерия как инструмент мошеннических действий: сущность и основные характеристики 338
Шаблинская Д. В. Восстановление социальной справедливости как функциональный признак мер уголовно-правового воздействия 341
Шекк Е. А. Актуальные проблемы противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в России в 2023 г. 344

РАЗДЕЛ 5. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Адамович А. А. К вопросу об установлении местонахождения лиц, уклонившихся от мероприятий призыва на воинскую службу 348
Азарко Е. А. О порядке проведения осмотра и экспертизы технических устройств при осуществлении предварительного расследования 351
Амелина И. С. Взаимодействие прокуратуры и социально ориентированных некоммерческих организаций по вопросам профилактики экстремизма 353
Аристархов А. Л. Специфика отказа в возбуждении уголовного дела ввиду возмещения ущерба 357
Варавко Ю. В. Факторный анализ в системе методов информационно-аналитической деятельности следователя 360
Великая Е. В. Ответственность подсудимого за злоупотребление правами при рассмотрении уголовного дела судом 363
Данько И. В. Обращение в Конституционный суд как основание приостановления производства по уголовному делу 366
Зайцева Л. Л. Основные направления реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь 369
Крукович Т. А. Перспективы совершенствования правового регулирования оказания международно-правовой помощи по уголовным делам в рамках Содружества Независимых Государств 373
Куликова Г. Л. Обвинительная речь прокурора как средство воспитательного воздействия 375
Мирошниченко В. А. Особенности признания и допуска законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего от сексуального насилия 379
Наметкин Д. В. Проблемные аспекты прекращения уголовного преследования по ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 383
Огородникова А. Д. Нормативно-правовое регулирование и обеспечение законности в сфере учетно-регистрационной дисциплины 385
Орехова Е. П. О принципах судебной экспертизы в уголовном процессе 388

Панченя Д. Н. Предварительное исследование объектов волокнистой природы и изделий из них на месте происшествия 391
Пацкевич А. П. Подготовительный этап допроса несовершеннолетнего подозреваемого 394
Петрова О. В. Межведомственное взаимодействие при производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних 398
Розсудовский Е. С. Об использовании методов фотограмметрии при осмотре места происшествия 401
Самарин В. И. Процессуальное положение защитника в производстве, связанном с решением вопроса о выдаче лица иностранному государству 404
Снурницын Н. В. Принцип независимости судей в уголовном процессе: теоретические и практические аспекты 407
Солтанович А. В. Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе Республики Беларусь: вопросы содержания и реализации 409
Тимошенко А. А. Реализация принципа справедливости в уголовном процессе 412
Федулов А. В. Целесообразность как принцип уголовного преследования 414
Хлус А. М. Обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, и их значение для организации расследования взяточничества 417

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

ГК Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб.1998 г.

ГПК Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 1998 г.

КоАП Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобрен Советом Респ. 18 дек. 2020 г.

КоБС Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.

ТК Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.

УИК Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобрен Советом Респ. 22 дек. 1999 г.

УК Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.

УПК Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.

ХПК Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: 15 дек. 1998 г. № 219-З: принят Палатой представителей 11 дек. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 26 дек. 1998 г.

К 25-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ, РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИНСТИТУТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ, РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: 25 ЛЕТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Здрок Оксана Николаевна
директор учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»,
доктор юридических наук, профессор

Международная научно-практическая конференция, по материалам которой издан настоящий сборник, явилась одним из наиболее значимых и итоговых мероприятий, которым учреждение образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» (далее – Институт) отметил свое 25-летие.

Институт был образован в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 1998 г. № 348 «О создании Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции», однако первых обучающихся принял в своих стенах практически через год, в сентябре 1999 г. По этой причине Институт праздновал свой 25-летний юбилей на протяжении года, в течение которого была создана постоянная музейная экспозиция, посвященная истории развития и современному состоянию Института; обновлен сайт Института, занявший в 2024 г. первое место в престижном конкурсе ТИБО; открыта именная аудитория первого директора Института, заслуженного работника образования Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора В. Н. Годунова; проведен Международный круглый стол «Договор в гражданском праве: современное развитие традиционных цивилистических институтов», приуроченный к 70-летию со дня рождения В. Н. Годунова.

Что означает для Института 25 лет существования, и в каком качестве он встретил эту юбилейную дату? В разрезе человеческой жизни 25 лет – это окончание периода становления и наступление зрелости. С этих позиций можно оценить и деятельность Института, который на сегодняшний день занимает уверенное место в числе учреждений образования Республики Беларусь. Достаточно упомянуть тот факт, что Институт, имея на протяжении своего существования статус ведущего учреждения дополнительного образования взрослых по специальности «Право», подтвердил данный статус в соответствии с Положением о порядке предоставления статуса «Ведущее учреждение образования, реализующее образовательные программы дополнительного образования взрослых», утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2022 г. № 518 «О реализации Закона Республики Беларусь от 14 января 2022 г. № 154-З «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании». При Институте продолжает функционировать учебно-методическое объединение по группе специальностей 0421 Право (приказ Министерства образования от 2 мая 2023 г. № 219 «Об учебно-методических объединениях в сфере дополнительного образования взрослых»).

Показателями стабильности Института на рынке образовательных услуг выступают не только наличие определенных сформированных традиций и следование им, но и одновременно наращивание объемов деятельности, освоение новых направлений, развитие учреждения образования адекватно задачам времени, что проявляется в расширении круга заказчиков кадров, увеличении количества обучающихся и реализуемых образовательных программ, количества проведенных мероприятий, заключенных договоров о сотрудничестве и т. д.

Институт осуществляет все направления деятельности, которые свойственны учреждению образования: образовательная, научно-исследовательская, международная, идеологическая и воспитательная работа с обучающимися. В рамках образовательной деятельности Институт реализует программы: специальной подготовки судей в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей; повышения квалификации юридических кадров и иных лиц в сфере права; переподготовки руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование, по специальности «Правоведение»; обучающих курсов; стажировки.

Ежегодно Институт выпускает примерно 2 200 слушателей (из них примерно 780 составляют слушатели образовательных программ повышения квалификации за счет средств республиканского бюджета и до 30 – слушатели программ специальной подготовки судей). В сравнении с учреждениями высшего образования (далее – УВО) эта цифра может показаться небольшой, но для учреждений дополнительного образования

взрослых применимы несколько иные критерии, поскольку их деятельность связана с реализацией краткосрочных образовательных программ. В частности, продолжительность образовательных программ повышения квалификации составляет от 1 до 3 недель, в связи с чем практически каждые три недели в Институте осуществляется полный образовательный цикл от зачисления слушателей с назначением тем выпускных работ и выпуском группы.

Учреждения образования, подобные Институту, имеющие целью обеспечение непрерывной подготовки юридических кадров, существуют практически во всех странах, но функционируют в различном статусе: как самостоятельное учреждение образования, как структурное подразделение УВО либо как структура, созданная при определенном государственном органе (Верховном суде, Министерстве юстиции и т. д.) для узковедомственной подготовки кадров.

При формировании национальной системы непрерывной подготовки юридических кадров, как представляется, было принято правильное решение о нецелесообразности в масштабах Республики Беларусь создания нескольких ведомственных учреждений образования для обособленной подготовки судей, прокуроров, следователей и иных специалистов в сфере права, в связи с чем на Институт была возложена задача по осуществлению дополнительного образования всех категорий юристов.

На сегодняшний день обучение в Институте проходят более 25 категорий слушателей, среди которых: кандидаты на должность судьи; судьи; специалисты судов по работе с обращениями граждан и юридических лиц; помощники председателей судов; заведующие канцеляриями, архивариусы, секретари судов; прокурорские работники; следователи Следственного комитета Республики Беларусь; руководители и работники органов принудительного исполнения; адвокаты и соискатели лицензии на осуществление адвокатской деятельности; лица, оказывающие юридические услуги, и лица, готовящиеся к сдаче аттестационного экзамена для получения свидетельства лица, оказывающего юридические услуги; нотариусы; руководители и работники органов, регистрирующих акты гражданского состояния; юрисконсульты; работники государственных органов и организаций, курирующие нормотворческую деятельность; сотрудники подразделений правового обеспечения органов пограничной службы и Вооруженных Сил Республики Беларусь; работники комиссий по делам несовершеннолетних; преподаватели правовых дисциплин; лица, оказывающие риэлтерские услуги, и лица, готовящиеся к сдаче аттестационного экзамена для получения свидетельства риэлтера; агенты по операциям с недвижимостью; лица, претендующие на получение свидетельства медиатора и медиаторы и др.

Вместе с тем, Институт не является монополистом на рынке образовательных услуг в сфере дополнительного образования взрослых по юри-

дическому профилю, поскольку в последние годы был создан ряд самостоятельных ведомственных учреждений образования и учебных центров, в частности, учреждение образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь» (далее – Институт Следственного комитета), учебно-методические центры при Белорусской республиканской коллегии адвокатов (далее – БРКА) и Белорусской нотариальной палате (далее – БНП). Учитывая отмеченную тенденцию, Институт при организации своей деятельности совместно с заказчиками кадров и соответствующими учебными учреждениями и центрами определяет новые формы взаимодействия, которые бы позволяли не только сохранять, но и наращивать количество обучающихся и перечень образовательных программ. Например, для БНП и БРКА апробирована такая форма взаимодействия как организация однодневных обучающих курсов по актуальным вопросам развития законодательства и практики его применения. Совместно с Институтом Следственного комитета организуются общие занятия в формате круглых столов для групп прокуроров, обучающихся в Институте, и групп следователей, обучающихся в Институте Следственного комитета.

Институт был создан и функционирует как структурное подразделение Белорусского государственного университета (далее – БГУ) со статусом юридического лица. Указанная форма организации дополнительного образования взрослых юридического профиля имеет несомненные плюсы. Нахождение Института в структуре БГУ способствует эффективной реализации принципа непрерывности юридического образования, поскольку Институт наряду с юридическим колледжем и юридическим факультетом БГУ образуют единый правовой кластер, а также позволяет Институту решать весьма крупные задачи по совершенствованию образовательного процесса, организации научных исследований, развитию материально-технической базы минимальным кадровым составом. Между Институтом и юридическим факультетом БГУ в прошлом году была подписана Дорожная карта по развитию сотрудничества, на юридическом факультете БГУ действуют филиалы кафедр Института.

У Института за годы его существования налажено тесное взаимодействие с государственными органами и организациями, которые выступают заказчиками кадров. Из числа государственных органов наиболее тесно Институт взаимодействует с Верховным Судом Республики Беларусь, Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, Следственным комитетом Республики Беларусь, Министерством юстиции Республики Беларусь, Национальным центром законодательства и правовой информации (договор о сотрудничестве заключен в 2022 г.), Конституционным Судом Республики Беларусь. Наиболее актуальными направлениями взаимодействия являются: согласование учебно-тематических планов; разработка новых образовательных программ; привлечение представителей заказчиков

кадров в качестве преподавателей и в состав комиссий по защите выпускных работ; направление писем о наиболее отличившихся слушателях; участие в научно-практических мероприятиях; участие сотрудников Института в составе научно-консультативных, ученых, редакционных советах, комиссиях, функционирующих в государственных органах и организациях.

В 2022 г. существенно обновлен состав Совета Института с включением в него представителей всех заказчиков кадров.

Взаимодействие с заказчиками кадров позволяет своевременно выявлять актуальные образовательные запросы по развитию у юристов новых профессиональных компетенций и на этой основе своевременно обновлять «ассортимент» предлагаемых Институтом образовательных программ, их содержание, а также методику преподавания.

В частности, по инициативе Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь и Министерства юстиции Республики Беларусь Институтом была разработана и реализуется образовательная программа «Актуальные вопросы нормотворческой деятельности на современном этапе конституционно-правового развития Республики Беларусь». По согласованию с Верховным Судом Республики Беларусь в 2024 г. Институтом были разработаны и реализованы эксклюзивные образовательные программы повышения квалификации для судей Верховного Суда Республики Беларусь и для работников аппаратов судов по связям со СМИ. По инициативе Конституционного Суда Республики Беларусь Институтом разработана образовательная программа обучающих курсов для адвокатов «Процессуальные особенности подготовки и рассмотрения конституционных жалоб».

В числе новых следует назвать также образовательные программы повышения квалификации «Преподавание правовых дисциплин» для преподавателей УВО, осуществляющих подготовку специалистов в сфере права, «Административная ответственность за правонарушения против порядка использования топливно-энергетических ресурсов», «Организация и проведение государственных закупок и закупок за счет собственных средств», «Правовые основы адвокатской деятельности в сфере экономики», обучающие курсы «Противодействие коррупции в Республике Беларусь», «Особенности наследования и раздела отдельных видов имущества», «Новеллы договорного права и практика их применения», «Договоры в семейном праве», «Ведение административного процесса», «Soft-skills современного адвоката: тренинг конфликтологической компетентности», «Soft-skills современного адвоката: стрессоустойчивость и тайм-менеджмент», «Организация и проведение переговоров по урегулированию споров».

Институт применяет в своей деятельности инновационные методы обучения. В частности, в образовательном процессе активно используются возможности образовательной онлайн-платформы Moodle, на которой со-

здан образовательный портал Института, позволяющий, в том числе, проводить текущее и итоговое тестирование слушателей по вопросам образовательных программ, а также обеспечивать удаленную интерактивную связь участников образовательного процесса.

По соглашению с ООО «ЮрСпектр» на сайте Института размещаются научные сборники, издаваемые в рамках проекта «Наследие права».

Для обучающихся организуются выездные занятия, например, на криминалистических полигонах юридического факультета БГУ и Института Следственного комитета, в Национальном собрании Республики Беларусь, Верховном Суде Республики Беларусь, Конституционном Суде Республики Беларусь, дружественной детям комнате опроса Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и т. д.

Учитывая потребность заказчиков кадров во внедрении интерактивных методов обучения, для судей и кандидатов на должность судьи, проходящих в Институте специальную подготовку, на постоянной основе организована деловая игра на базе суда Советского района г. Минска.

Проведен пилотный проект по утверждению для судей экономических судов единой темы выпускной работы, которая позволила изучить, проанализировать и обсудить новый нормативный правовой акт – Кодекс гражданского судопроизводства, который унифицирует правила отправления правосудия по гражданским и экономическим делам и вступит в силу 1 января 2026 г.

Программы повышения квалификации судей, судебных исполнителей, а также работников органов, регистрирующих акты гражданского состояния, дополнены темами, посвященными ознакомлению с возможностями медиации, занятия по которым проводятся в тренинговом формате, что позволяет соответствующим специалистам эффективно рекомендовать гражданам и представителям юридических лиц альтернативные способы урегулирования правовых споров, а также освоить первичные переговорные и медиативные навыки.

В рамках научной деятельности Институт является постоянным исполнителем научно-исследовательских работ по заданиям Государственной программы научных исследований. В частности, Институтом осуществляется научно-исследовательская работа по теме «Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности как основание совершенствования правового регулирования в контексте закономерностей функционирования национальной правовой системы» (номер государственной регистрации 20212512) в качестве составной части задания «Правовое обеспечение противодействия преступности и правонарушениям в современных условиях развития общества и государства» государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма «Право».

На базе Института проводятся многочисленные международные и республиканские научно-практические конференции, семинары, в ходе которых апробируются результаты научных исследований. В 2021–2023 гг. с участием Института проведено 12 международных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов и 44 республиканских научно-практических семинара с участием государственных органов.

Институт осуществляет выпуск сборника научных трудов «Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение», который выходит с периодичностью 1 раз в 2 года.

Ученые Института являются членами научно-консультативных советов при Конституционном Суде Республики Беларусь, Верховном Суде Республики Беларусь, Генеральной прокуратуре Республики Беларусь, центральном аппарате Следственного комитета Республики Беларусь, проводят предварительные экспертизы и дают заключения по проектам нормативных правовых актов. Ученые Института включены в состав группы экспертов в области права при Администрации Президента Республики Беларусь (профессоры О. Н. Здрок, А. В. Барков, Я. И. Функ, доценты Л. Л. Зайцева, И. Н. Колядко). В рамках работы группы экспертов в области права при Администрации Президента Республики Беларусь в 2021–2023 гг. подготовлены предложения по Концепции правовой политики Республики Беларусь, даны консультативные заключения на проект Кодекса гражданского судопроизводства, проект изменений в Указ Президента Республики Беларусь «О совершенствовании контрольной (надзорной деятельности)», на проект изменений в УК.

Институт принимает активное участие в международных образовательных, культурных, научных программах и проектах.

В частности, Институт входит в Консорциум организаций стран ближнего и дальнего зарубежья, осуществляющих подготовку, профессиональную переподготовку и (или) повышение квалификации судей и гражданских служащих, созданный под эгидой ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Институтом заключены Соглашение в области повышения квалификации и совместной научно-исследовательской деятельности с Институтом повышения квалификации кадров органов прокуратуры, изучения проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (от 23 августа 2012 г.); Меморандум о сотрудничестве в области образовательной и научно-исследовательской деятельности с Академией Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан (от 13 июня 2018 г.); Договор о сотрудничестве с Академией юстиции Республики Армения (от 13 сентября 2018 г.); Договор о сотрудничестве с Центром повышения квалификации юристов при Министерстве юстиции Республики Узбекистан (от 25 августа 2020 г.); Меморандум о взаимопонимании с Академией правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (от 28 апреля 2022 г.). Установлены также связи с Академией пра-

восудия при Верховном Суде Республики Казахстан, Университетом прокуратуры Российской Федерации, Национальным институтом юстиции Республики Молдова, Санкт-Петербургской академией Следственного комитета, Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, Высшей школой правосудия при Верховном Суде Кыргызской Республики, Академией правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан.

Институт участвует в работе Международной школы уголовного процесса, инициированной ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» (г. Екатеринбург), в том числе в реализации программы повышения квалификации «Уголовный процесс России и стран Содружества Независимых Государств: вопросы теории и практики».

Осуществляется взаимодействие с ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург) в рамках выполнения совместной научно-исследовательской работы «Правовое регулирование и цифровизация контрольно-надзорной деятельности» (2022–2024). Тема НИР включена в Программу («Дорожную карту») научно-технического сотрудничества между образовательными и научными организациями, расположенными на территории Санкт-Петербурга, и образовательными и научными организациями Республики Беларусь.

По договору с Секретариатом Парламентского Собрания Союза Беларуси и России Институтом в 2023–2024 гг. подготовлен проект модельного законодательного акта «О приграничном сотрудничестве в Союзном государстве». В соответствии с Перспективным планом модельного законотворчества в Содружестве Независимых Государств на 2023–2025 годы (постановление МПА СНГ от 28 октября 2022 г. № 54-33) Институтом осуществляется разработка проекта Рекомендаций по нормативному регулированию академической мобильности.

В Институте на постоянной основе проходят обучение по программам повышения квалификации сотрудники Следственного комитета Российской Федерации. В 2023 г. прошли обучение по программе стажировки ведущие ученые и преподаватели учреждений высшего образования Республики Казахстан, в том числе представители Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Казахского национального педагогического университета имени Абая, Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, а также Института Сорбонна-Казахстан Казахского национального педагогического университета имени Абая. Стажировка была организована в рамках темы научных исследований «Меры противодействия совершению некоторых видов правонарушений посредством чипирования отдельных категорий лиц», финансируемой Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан.

Таким образом, Институт выступает современным, мобильным, динамично развивающимся учреждением образования.

РОЛЬ ИНСТИТУТА ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ, РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КЛЮЧЕВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Калинкович Валерий Леонидович
первый заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, заслуженный юрист Республики Беларусь

Вот уже четверть века учреждение образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» (далее – Институт) играет важную роль в формировании и укреплении кадрового потенциала системы судов общей юрисдикции. Этот период полностью подтвердил правильность и своевременность принятого Главой государства решения об его создании. Напомню, что это было сделано в очень непростой исторический период становления молодого суверенного белорусского государства.

Переживаемый нами период белорусской истории также не менее сложен и не менее важен. Поэтому сейчас важно не только сохранять, но и умножать потенциал Института, тем более что возможности для этого имеются.

За четверть века в учебных аудиториях Института прошли специальную подготовку десятки кандидатов на судебные должности. Повысили квалификацию почти 4 000 судей, 276 председателей судов, 1 150 работников их аппаратов.

На площадках Института с участием представителей судейского корпуса регулярно проводятся национальные и международные правовые конференции и семинары. Публикации штатных работников Института регулярно появляются на страницах главного судейского печатного органа – журнала «Судовы веснік».

Все это создает хорошую основу для дальнейшего развития учебного процесса. Каковы могут быть основные направления этой работы?

Прежде всего, это обеспечение гибкости и адаптивности учебных планов в зависимости от категории слушателей и текущей обстановки. К примеру, сегодняшних кандидатов на должности судей условно можно делить на две категории. Одна из них – это работники аппаратов судов, неплохо знающие организацию судебной работы, однако не всегда имеющие необходимый опыт самостоятельного практического правоприменения. Большинство из них к тому же достаточно молодые люди без богатого жизненного опыта. Им надо помогать в обретении необходимых судье знаний в сфере психологии, коммуникации, аналитики; восполнять пробе-

лы в базовой юридической подготовке; готовить их к принятию самостоятельных правовых решений. Часть же кандидатов – это достаточно опытные юристы, некоторые с опытом руководящей работы. Им необходимо помогать восстанавливать профессиональные компетенции в тех сферах правоприменения, которыми они на своем пути не занимались (например, гражданское право для следователя).

Необходимо продолжать дифференциацию учебной нагрузки в зависимости от стажа практической судейской работы слушателей, их должностного положения, поскольку повышение квалификации впервые назначенных на должности судей, получающих лишь стартовый опыт самостоятельной судебной работы, объективно имеет свои особенности. При повышении квалификации председателей и заместителей председателей судов основной упор необходимо делать в сторону наполнения учебных программ дисциплинами, владение которыми позволит обучаемым быть более эффективными в плане осуществления управленческой деятельности.

Пожалуй, настало время задуматься и об организации работы по проведению отдельных обучающих мероприятий с лицами, состоящими в кадровых резервах на должности руководителей судов, судей вышестоящих судов.

Хотелось бы, чтобы в учебных планах находилось достойное место теоретическим и практическим занятиям по риторике, деловому письму; практической психологии и конфликтологии. Однако не в классическом, так сказать, виде, а с адаптацией под реальные условия, в которых судьи осуществляют публичную деятельность.

Важной составляющей успешной профессиональной деятельности судьи является не просто хорошее знание действующего законодательства и способность правильно выбрать применимую в конкретном деле норму. Для вынесения не просто формально законного, а действительно справедливого судебного решения во многих судебных ситуациях требуется глубокое погружение в дух закона, а нередко и в историю нормативного регулирования определенной сферы общественных отношений; понимание смысла предпринимаемых законодателем мер по совершенствованию нормативного регулирования.

Поэтому представляется, что современные подходы к совершенствованию профессионального мастерства судейского корпуса обязательно должны включать мероприятия с участием ведущих ученых-правоведов, направленные на ознакомление слушателей с новациями правовых теорий, современными разработками в сфере права, перспективными направлениями нормотворчества.

Таковы лишь некоторые перспективные направления, продвижение по которым будет способствовать повышению эффективности работы Института, укреплению его роли в формировании современного профессионального судейского корпуса.

Видится, что за свою 25-летнюю историю Институтом накоплен необходимый потенциал для их успешной реализации. Мы приветствуем усилия руководства Института по развитию и укреплению его материально-технической базы, внедрению в образовательный процесс современных технологий, повышению качества образования. Верховный Суд Республики Беларусь оказывал и будет оказывать Институту содействие в решении возникающих проблем, и мы надемся, что руководство Белорусского государственного университета также будет продолжать поддерживать эти благие начинания.

Руководители, судьи, работники аппарата Верховного Суда по-прежнему будут в числе активных участников образовательного процесса!

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СОТРУДНИЧЕСТВА: ВКЛАД ИНСТИТУТА ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ, РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Хмарук Сергей Константинович
заместитель Генерального прокурора Республики Беларусь, государственный советник юстиции 3 класса, заслуженный работник органов прокуратуры Республики Беларусь

В условиях высокой динамики современных общественных отношений, обусловленной достижениями научно-технического прогресса, активизации нормотворческой деятельности, появлением новых институтов и форм работы, новых источников угроз национальной безопасности Республики Беларусь, связанных с развитием противоправных форм поведения и беспрецедентным давлением на наше государство со стороны ряда государств и международных организаций, особенно заметной становится роль органов прокуратуры в обеспечении законности и правопорядка.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, предполагает предъявление к прокурорским работникам высоких квалификационных, профессионально-деловых и моральных требований, необходимость постоянного совершенствования своих знаний и компетенций.

Неслучайно в приказе Генерального прокурора Республики Беларусь «Об основных направлениях работы с кадрами в прокуратуре» от 11 июля 2017 г. № 29 (в редакции от 30 мая 2023 г. № 35) обучение в учреждении образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» (далее – Институт) названов качестве одного из наиболее важных направлений кадровой работы в органах прокуратуры.

С момента открытия Институт активно включился в действующую систему повышения квалификации прокурорских работников Беларуси и на протяжении 25 лет своей деятельности занимает прочное место ведущего учебного учреждения в сфере обучения прокурорских кадров.

Очевидно, что повышение квалификации в Институте способствует не только развитию и совершенствованию профессиональных компетенций прокуроров, но и позволяет им более системно, глубоко, с учетом тенденций современной юридической науки и проблем практики понимать закономерности развития общественных отношений, оценивать последствия принятия правоприменительных решений, прогнозировать возмож-

ные формы развития противоправной деятельности в условиях появления новых видов правоотношений.

Все это становится возможным благодаря высокому профессиональному уровню профессорско-преподавательского состава Института, его практико-ориентированному подходу при реализации программ повышения квалификации. При этом учитывается как специализация слушателей, так и – что самое главное – потребности и интересы белорусского общества и государства.

Огромное значение имеют и грамотные управленческие решения, принимаемые руководством Института в целях организации образовательного процесса.

25 лет функционирования Института – это не только значимая веха в истории становления уникального по своей природе образовательного учреждения Беларуси, но и знаковая дата в истории плодотворного и тесного сотрудничества Института и органов прокуратуры страны.

Четверть века работники Института посвящают себя важной для государства задаче – повышению квалификации представителей судебного и правоохранительного блока, в том числе прокуроров, на которых возложено осуществление надзора практически во всех областях жизнедеятельности государства и общества.

Работники Института, действительно, могут этим гордиться.

Помимо реализации образовательных программ повышения квалификации, переподготовки кадров, Институт уделяет существенное внимание научным мероприятиям, которые обеспечивают симбиоз теории и практики, служат целям профессионального роста прокурорских работников.

Международная научно-практическая конференция «Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы», приуроченная к 25-летию Института, и по заявленной тематике, и по предметным направлениям работы, и по составу участников – прямое подтверждение сказанному.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь выражает искренние поздравления с 25-летием с момента начала функционирования Института и пожелания не останавливаться в своем профессиональном развитии, оставаться флагманом в образовательном пространстве нашего государства в части реализации задач по совершенствованию кадрового потенциала Республики Беларусь.

ИНСТИТУТУ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ, РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 25 ЛЕТ: ПУТЬ К УСПЕХУ И НОВЫМ ВЕРШИНАМ

Кот Олег Николаевич
заместитель Министра юстиции Республики Беларусь

Уважаемая Оксана Николаевна!

Уважаемые коллеги!

От лица Министерства юстиции Республики Беларусь примите поздравления с 25-летием со дня основания Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета (далее – Институт).

Сегодня хотелось бы особо отметить, что за относительно небольшой период времени Институт достиг значимых результатов и занял достойное место в рейтинге учреждений переподготовки и повышения квалификации не только в Республике Беларусь, но и за рубежом.

Этот результат – бесспорная заслуга руководства и сотрудников Института – людей, искренне преданных своему делу, творчески мыслящих, имеющих большой опыт практической и научной работы. Вами обеспечивается высокий уровень подготовки настоящих профессионалов.

Между Министерством юстиции Республики Беларусь и Институтом налажено активное и плодотворное взаимодействие. Ежегодно в этих стенах повышают квалификацию около 100 работников системы органов принудительного исполнения, 50 работников отделов записи актов гражданского состояния, 300 адвокатов. В прошлом учебном году 400 нотариусов прошли однодневные обучающие курсы по противодействию коррупции.

Востребованными в юридическом сообществе являются организованные в Институте курсы подготовки к экзаменам для адвокатов и для лиц, желающих оказывать юридические услуги либо осуществлять риэлтерскую деятельность. Слушатели показывают хорошие результаты на экзаменах.

Важным фактором, гарантирующим качество образовательных программ, является привлечение к чтению лекций, проведению практических занятий высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава Института, ученых, известных не только в Республике Беларусь, но и за ее пределами, руководящих работников государственных органов и организаций.

Образовательный процесс построен на современных программах обучения, которые имеют практическую направленность и позволяют применять полученные знания в профессиональной деятельности.

Разработанные программы повышения квалификации создают возможности для углубления теоретических познаний, обсуждения возникающих на практике вопросов с судьями Верховного Суда Республики Беларусь, работниками Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь, практикующими адвокатами, медиаторами, юристами, которые достигли значительных успехов в профессии.

Как известно, Министерство юстиции Республики Беларусь координирует деятельность по правовому просвещению. В этой связи наши работники также активно участвуют в образовательном процессе, делятся своим практическим опытом, методологическими разработками.

Положительно хотелось бы отметить введение в учебный план Института в октябре прошлого года новой программы повышения квалификации для работников государственных органов и организаций «Актуальные вопросы нормотворческой деятельности на современном этапе конституционно-правового развития». Особое значение данная программа приобретает в русле выполнения поручения Главы государства по анализу нормативных правовых актов в целях сокращения их массива, обеспечения юридического качества, устранения перегруженности актов нормативными предписаниями. Работники нормотворческих подразделений Министерства юстиции Республики Беларусь в рамках данной программы делятся со слушателями Института своими знаниями и опытом в сфере подготовки нормативных правовых актов, обсуждают актуальные практические вопросы разработки, согласования и внесения проектов в нормотворческие органы.

Новая программа, несомненно, является существенным вкладом в процесс совершенствования национального законодательства. Повышение квалификации специалистов в сфере нормотворчества позволит улучшить качество подготовки нормативных актов.

Международная научно-практическая конференция «Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы», приуроченная к 25-летию Института, предоставляет отличную возможность для обсуждения направлений дальнейшего развития и совершенствования программ повышения квалификации, для конструктивной дискуссии и обмена передовым опытом, в том числе с зарубежными коллегами, по актуальным научно-теоретическим и прикладным вопросам, возникающим в нашей профессиональной деятельности.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шидловский Андрей Викторович
декан юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
shidlovsky_a@mail.ru

Важнейшую образовательную миссию в системе национального юридического образования выполняет учреждение образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» (далее – Институт), который на протяжении 25 лет является главным учебным, научным и методическим центром дополнительного образования взрослых юридического профиля. Институт является ведущим учреждением дополнительного образования взрослых по направлению образования «Право».

Институт создан в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 1998 г. № 348 для переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции как учебный, научный и методический центр. Учредителем Института является Белорусский государственный университет (далее – БГУ).

Свою деятельность Институт начал с повышения квалификации юридических кадров по нескольким образовательным программам.

В целях участия в деятельности Института представителей заинтересованных государственных органов и организаций в 2003 г. создан Наблюдательный совет, преобразованный в 2012 г. в Попечительский совет. В настоящее время в его состав входят представители Белорусского государственного университета, Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь. Председателем Попечительского совета является Первый заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. Л. Калинкович.

Отметим, что необходимость возобновления системы переподготовки в Республике Беларусь была связана с успешно проведенным республиканским референдумом 1996 г., который принял кардинальные изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь. Создание конституционных основ, заложивших базу для дальнейшего успешного суверенного развития Республики Беларусь, поставило перед правовой системой ряд новых задач, включая и необходимость подготовки юридических кадров, тем более что была разрушена сложившаяся советская система правового образования.

Выбор Главы государства объективно пал на БГУ, в структуре которого был создан уникальный юридический кластер, включающий юридический факультет, Институт и Юридический колледж. Это позволило предложить судебным и правоохранительным органам новые образовательные программы, позволяющие приобретать новые компетенции и навыки, синтезировать достижения науки, образования и практики.

Особую роль в создании юридического кластера сыграл доктор юридических наук, профессор Валерий Николаевич Годунов, который стал первым директором Института и на протяжении более двух десятилетий развивал многопрофильное учреждение образования, предлагающее программы повышения квалификации для различных государственных органов и организаций, субъектов хозяйствования и практикующих юристов. Под его руководством Институт стал центром взаимодействия науки и практики, профессиональной площадкой, на которой высшие должностные лица – руководители судебной системы и правоохранительных органов формулируют критерии эффективной переподготовки и повышения квалификации соответствующих специалистов, а ученые и практикующие юристы знакомят с последними научными достижениями, примерами разрешения сложных правовых ситуаций.

Особое значение в усилении образовательного процесса в университете имеют научные исследования, проводимые совместно юридическим факультетом и Институтом. Так, в 2021 г. начаты исследования по научной теме задания «Правовое обеспечение противодействия преступности и правонарушениям в современных условиях развития общества и государства» подпрограммы «Право» государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства». Научно-исследовательская работа включает разработку теоретических и прикладных проблем формирования судебной, прокурорской и следственной практики на основе действующего законодательства. Ученые БГУ ежегодно активно публикуют научные статьи в юридических научно-практических журналах Республики Беларусь и за рубежом, работают над монографиями, учебниками, учебными пособиями, научно-методическими трудами, научно-практическими комментариями к действующему национальному законодательству и др.

Высокими результатами научно-исследовательской работы Института являются: предложения, которые отражены в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, других кодексах и актах законодательства Республики Беларусь; заключения на запросы Верховного Суда Республики Беларусь о применении норм, например, гражданского, административного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Институтом проводятся научные экспертизы и даются заключения по про-

ектам постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о применении норм материального и процессуального права в гражданских, уголовных и административных делах.

Институт организовывает научно-практические конференции, семинары, круглые столы, в том числе международные.

Институт – это гибкая образовательная платформа, занимающая особое место в правовой и образовательной системе, которую отличает способность быстрого реагирования на возникающие запросы, умение прогнозировать потребности правовой системы, а также проводить на высоком уровне научно-практические мероприятия.

Высокую эффективность показывает совместное обсуждение учеными юридического факультета БГУ и Института нововведений в национальном законодательстве в формате круглых столов с участием слушателей, ученых, представителей Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Беларусь и других государственных органов.

В содержании образовательных программ на всех ступенях получения высшего образования и дополнительного образования взрослых особое внимание уделяется актуальным вопросам формирования идеологии белорусского государства, современным задачам судебной власти, повышению авторитета судебной системы и уровня общественного доверия к правосудию, культуры судебной речи, правилам поведения представителей судебной власти и соблюдению ими коммуникационного этикета в условиях цифровизации современного информационного пространства, внедрению новых информационных технологий в судопроизводство, новым формам сотрудничества судебных органов со средствами массовой информации, психологическим аспектам в работе судьи и пр.

Содержание дипломных, магистерских и выпускных работ в ближайшей перспективе предполагается преобразовать в интерактивный практико-ориентированный исследовательский формат (например, с использованием данных кейс-макета по соответствующему делу (спору) и подготовкой эссе на заданную правовую тематику по материалам и обзорам судебной практики). В рамках образовательного процесса повышения квалификации активно внедряются методики обучения слушателя по индивидуальной программе, составляемой с учетом его опыта и занимаемой должности, специфики выполняемой работы и профессиональных приоритетов в деятельности соответствующего судьи, допущенных персональных ошибок при осуществлении правосудия и т. д.

В перспективном развитии непрерывного образовательного процесса на юридическом факультете БГУ и в Институте важнейшей задачей видится разработка и открытие новых комбинированных образовательных программ повышения квалификации для судей, прокурорских работников,

следователей, работников юстиции, адвокатов (по согласованию с соответствующими государственными органами и ведомствами). Например, на базе криминалистического полигона и залов судебных заседаний юридического факультета БГУ. В настоящее время на юридическом факультете БГУ прорабатываются вопросы открытия новых спецкурсов на профильных специализации (для специалистов) и профилизации (для магистрантов): «Электронное судопроизводство» («Цифровизация судопроизводства»), «Судебное управление и организация работы судов» («Судебное администрирование»). Новые образовательные программы повышения квалификации (обучающих курсов) будут ориентированы на более активное распространение инновационных подходов в правоприменительной деятельности. Например, внедрение в судебной системе элементов электронного судопроизводства (аудиопротоколирование, видеоконференцсвязь, подача документов в суд в электронном виде и пр.), адаптацию перехода судейского корпуса от бумажных носителей в судопроизводстве к формированию электронных дел, восприятию иных цифровых новшеств современного общества.

Юридический комплекс БГУ сегодня решает весь спектр научно-образовательных и методических задач, которые стоят перед системой современного национального юридического образования. Высокое качество юридической подготовки на всех его уровнях обеспечивает успешное инновационное развитие как отдельных отраслей права, так и совершенствование правовой системы в целом, надлежащее научное сопровождение формирующейся правоприменительной практики.

РАЗДЕЛ 1

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

ЮРИСДИКЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН

Бибило Валентина Николаевна
профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
krym_praces@bsu.by

Термин «юрисдикция» является одним из наиболее распространенных в юридической теории и практике, возникновение которого связано с эпохой становления государства и права. Несмотря на широкое его применение, единого понимания не выработано. Юрисдикцию порой отождествляют с компетенцией, подведомственностью, правомочиями, полномочиями и т. п. Такая неопределенность, отсутствие конкретного содержания влечет за собой использование данного понятия в широком смысле либо, наоборот, его понимание ограничивают узкими рамками. В русской юридической литературе второй половины XIX – начала XX в. в понятие «юрисдикция» вкладывался тот смысл, который был присущ источникам римского права.

Исследование феномена юрисдикции особенно активно начало проводиться в советской юридической литературе в контексте полемики об административной юстиции. Исследователи традиционно связывали юрисдикцию с деятельностью суда. Данное направление продолжается и в современной юридической литературе. Вместе с тем наметился и более широкий подход.

В доктрине международного права, как и в международно-правовых документах, нет единообразия в применении термина «юрисдикция». Такие же подходы сформировались и в зарубежных исследованиях интерпретации юрисдикции в киберпространстве [1, с. 164–166; 2, с. 64–69].

Понятие «юрисдикция» известно со времен римского государства и права. Изначально юрисдикция принадлежала городскому претору, на которого возлагалась функция правотворчества, правоприменения и правореализации. Кроме этого, претор принимал участие в *cognitio*, т. е. в «рассле-

довании обстоятельств дела» (III в. до н. э.). При этом деятельность претора отличалась от деятельности судьи [3, с. 159–161]. Д. Франчози отмечает, что функция юрисдикции (*iurisdictio*) состояла в произнесении знаменитых трех глаголов (*tria verba*): *do*, *dico*, *addico*. *Do* (давать), вероятно, относилось к *dare iudicium* (допустить истца к предъявлению иска) и к *dare iudicem* (назначить судью); *dico* относилось к *dicere ius*, то есть к установлению юридических рамок спора; *addico* предполагает наличие актов, трактующих право в пользу одной из сторон процесса [4, с. 78]. Юрисдикция рассматривалась как полномочия претора на организацию и участие в судебном процессе.

Если рассматривать термин «юрисдикция» с этимологической точки зрения (от латинского *jurisdictio*), его происхождение объясняется сочетанием *jus* (право) и *dico* (говорю) и отождествляется с судопроизводством [5, с. 248, 433].

Справочные издания второй половины XX в. при объяснении понятия «юрисдикция» содержат устоявшееся традиционное понимание юрисдикции как круга полномочий суда или административного органа при оценке конкретных фактов, в том числе по разрешению споров и применению предусмотренных законом санкций [6, с. 1583]. В некоторых изданиях уточняется, что специальными органами юрисдикции являются суды общей юрисдикции и хозяйственные (арбитражные) суды, а также уполномоченные административные органы [7, с. 512; 8, с. 833; 9, с. 941].

Ограничение юрисдикции только правоприменительной деятельностью превалирует и в юридической литературе. Так, А. П. Шергин отмечает, что юрисдикция как государственно-властная деятельность состоит в применении закона к юридическим конфликтам, анализе фактических обстоятельств дела, что является правоприменительной деятельностью. При этом суд не создает правовых норм, а применяет уже существующие [10, с. 11–12].

В теории международного права имеет место как ограничительное, так и расширительное толкование юрисдикции. По мнению С. В. Черниченко, под юрисдикцией следует понимать облеченную в правовую оболочку возможность государственного принуждения [11, с. 114]. Более широкий смысл вкладывает в данное понятие А. А. Моисеев, который утверждает, что «юрисдикция государства – это совокупность государственных прав и полномочий, позволяющих осуществлять правомерные действия государству, его государственной власти» [12, с. 32]. Однако такое толкование юрисдикции по существу одинаково с пониманием компетенции. Между тем это не совпадающие понятия и их надо различать. При этом А. В. Малышкин и А. Н. Миронов уточняют, что если речь идет относительно государства в аспекте реализации внутренних функций, то применим термин «юрисдикция», а при реализации внешних функций государства по отношению к другому государству более приемлем термин «компетенция» [13, с. 31].

В пределах юрисдикции конкретных государственных органов проявляются их компетенция, правомочия, полномочия, подведомственность, подсудность и другие явления, вытекающие из их юрисдикции и юрисдикции государства в целом. Наиболее близко к юрисдикции примыкает компетенция, являющаяся выражением одной из ее сторон.

Компетенция (лат. *competere* – добиваться, соответствовать, подходить) означает, во-первых, круг полномочий какого-либо органа или должностного лица; во-вторых, круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен [14, с. 268]. Компетенция по своей сути – это права и обязанность конкретных органов и должностных лиц с учетом требований, предъявляемых к тем, кто их будет реализовывать. К компетенции примыкают дискреционные полномочия (усмотрение), осуществляемые в процессе деятельности государственных органов и должностных лиц.

Особенности юрисдикции вытекают из государственной власти, ее полноты или ограниченности, одним словом, ее возможностей. С учетом того, что государственную власть реализуют государственные органы, у которых различная юрисдикция с учетом принципа разделения властей. Согласно ст. 6 Конституции Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г., «государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную». Каждая из ветвей государственной власти формирует систему своих государственных органов, которым принадлежит специфическая юрисдикция, проявляющаяся прежде всего в функциях соответствующих государственных органов. Все они, конечно, взаимодействуют между собой и сообща реализуют всю полноту государственной власти, присущей конкретному государству. В связи с этим надо различать юрисдикцию государства в целом и юрисдикцию конкретных государственных органов.

В конституциях современных государств проводится идея, что только суверенное государство обладает полнотой власти. Оказывается, что государственной властью является то, что охватывается ею. Общественные отношения, пронизанные государственной властью, образуют систему властеотношений.

Роль государства в жизнедеятельности современного общества велика, несмотря трансформации и изменения. Регулятивные, контролирующие, принудительные способности государства помогают человечеству преодолевать трудности в конструировании социальных отношений, оперативно реагировать на вызовы времени. Такого рода деятельность обусловлена самим предназначением государства и наличием внутри его соответствующих структур, между которыми устанавливаются системные связи. Отсюда государству присущи своего рода два облика: один – функциональная составляющая государства на принятие решений, второй – институциональная способность его структур обеспечивать фактические проявления государства в управлении обществом.

Широта государственной власти зависит от распространения ее в пределах государства, т. е. воздействия на систему внутригосударственных отношений, или особенностей проявления во взаимоотношениях с другими государствами и международными организациями. Заметим, что во внутригосударственных отношениях государственная власть имеет потенциальную возможность обладать всей своей полнотой, конечно, с учетом политического режима, уровня экономического развития, менталитета народа и т. п. Что касается межгосударственных отношений, то реализация государственной власти осуществляется с ориентацией на особенности власти в других государствах. Это означает, что государственная власть порождает юрисдикцию.

В доктрине административного права сформировалось два основных направления, по которым воплощается государственно-управленческая деятельность – юрисдикционное и управленческое. Юрисдикционное традиционно принято связывать с наличием юридического конфликта и способностью суда и некоторых административных органов его разрешать. Управленческое направление связано с управленческой деятельностью по соответствующим отраслям в целях жизнеобеспечения общества и нормального функционирования государственных органов. Вместе с тем в юридической литературе появились суждения о более широком понимании юрисдикции. Так, утверждается мнение, что под понятие юрисдикции подпадает не только деятельность суда. Например, Д. Н. Бахрах считает, что административная юрисдикция – это «юрисдикционная деятельность административных органов на основе административно-процессуальных норм. Это не правосудие» [15, с. 10]. Расширяя таким образом сферу административной юрисдикции, авторы тем не менее полагают, что в ее основе лежит спор, конфликт, требующий разрешения. Наряду с этим предлагается и более широкая позиция. В. В. Головко задает правомерный вопрос: «Почему административно-юрисдикционный процесс может реализовываться только с применением принуждения? В. Д. Сорокин, Д. Н. Бахрах, Л. Л. Попов, Ю. М. Ковалев, П. И. Кононов в своих работах указывают на позитивный характер установления юридических фактов, споров, исполнения решений, постановлений и других значимых юрисдикционных действий, причем в процессуальной деятельности они занимают больший удельный вес, чем действия принудительного характера» [16, с. 11]. Далее В. В. Головко приходит к выводу, что «административную юрисдикцию необходимо наполнить более широким содержанием и понимать не только как принудительную, но и как регулятивную, правоприменительную, правонаделительную деятельность» [16, с. 11].

Не рассматривая вопрос о дифференциации органов исполнительной власти и административных органов, отметим, что всем им присуща юрисдикция как социальное явление, выражающееся в издании юрисдикционных актов, как общих, так и индивидуальных, причем не обязательно

содержащих санкции или принуждение, а носящих регулятивный, правоприменительный, воспитательный характер.

В юридической доктрине не рассматривается вопрос о том, присуща ли юрисдикция в традиционном ее смысле органам законодательной власти. Между тем в соответствии с конституциями современных государств органы законодательной власти обладают широкими возможностями по реализации государственной власти. Более того, по разнообразию принимаемых решений они превалируют по сравнению с органами других ветвей власти или, по крайней мере, не уступают им. В связи с этим их акты также можно признать юрисдикционными.

Юридическая деятельность на основе локальных и корпоративных нормативных правовых актов присуща также структурам и формированиям гражданского общества. Принимаемые ими акты имеют юридическую силу и распространяются на определенные сообщества людей.

Таким образом, юрисдикция – это социальное явление, присущее деятельности всех видов органов государственной власти, органов местного управления и самоуправления, а также структур и формирований гражданского общества по регулированию, правоприменению, правореализации и правоустановлению в отношении соответствующих субъектов. Юрисдикция – это своего рода обобщающий, исходный юридический термин. Его уточняющими, производными будут такие термины, как «компетенция», «правомочия», «полномочия», «подсудность» и др.

Список цитированных источников

1. Каюмова, А. Р. Понятие и содержание юрисдикции в доктрине международного и внутригосударственного права / А. Р. Каюмова // Изв. высших учеб. заведений. Правоведение. – 2011. – № 4 (297). – С. 164–177.

2. Чердаков, О. И. Теоретико-правовая интерпретация юрисдикциив киберпространстве в зарубежных исследованиях / О. И. Чердаков, С. Б. Куликов // История государства и права. – 2024. – № 3. – С. 64–69.

3. Гарсия Гарридо, М. Х. Римское частное право: казусы, иски, институты / М. Х. Гарсия Гарридо ; пер. с исп.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2005. – 812 с.

4. Франчози, Дж. Институционный курс римского права / Дж. Франчози ; пер. с итал. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2004. – 428 с.

5. Латинско-русский словарь. – 3-е изд. испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

6. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (пред.). – М. : Совет. энцикл., 1981. – 1600 с.

7. Гавриленко, В. Г. Юридическая энциклопедия / В. Г. Гавриленко, Н. И. Ядевич. – Минск : Бип-С, 1999. – 532 с.

8. Борисов, А. Б. Большой юридический словарь / А. Б. Борисов. – Изд.-е 2, перераб. и доп. – М. : Книжный мир, 2012. – 848 с.

9. Астахов, П. А. Большая правовая энциклопедия / П. А. Астахов. – М. : ЭКСМО, 2010. – 976 с.

10. Шергин, А. П. Административная юрисдикция / А. П. Шергин. – М. : Юрид. лит., 1979. – 144 с.

11. Черниченко, С. В. Теория международного права / С. В. Черниченко. – М. : НИМП, 1999. – 336 с.

12. Моисеев, А. А. Суверенитет государства в международном праве : учеб. пособие / А. А. Моисеев. – М. : Восток-Запад, 2009. – 384 с.

13. Малышкин, А. В. Понятие юрисдикции / А. В. Малышкин, А. Н. Миронов // Административное право и процесс. – 2017. – № 8. – С. 29–33.

14. Новый краткий словарь иностранных слов / отв. ред. Н. М. Семенова. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 795 [5] с.

15. Бахрах, Д. Н. Нужна специализация судей, а не судов / Д. Н. Бахрах // Рос. юстиция. – 2003. – № 2. – С. 10–11.

16. Головко, В. В. О понятии и содержании административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел (полиции) / В. В. Головко // Административное право и процесс. – 2015. – № 12. – С. 4–13.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ПРАКТИКИ

Василевич Сергей Григорьевич
доцент кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
sergey.workmail.135@gmail.com

Современное государство и весь спектр складывающихся в нем общественных отношений сложно представить без применения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Постоянно происходит процесс все более широкого и углубленного использования ИКТ.

В Республике Беларусь допускается дистанционное рассмотрение ряда категорий дел. Все судебные акты помещаются в единую базу данных судебных решений. В рамках локальной сети судебной системы есть возможность обмениваться информацией. В настоящее время допускается подача искового заявления в суды обшей юрисдикции по электронной почте. Проводятся дистанционно совещания с нижестоящими судами. По видеоконференцсвязи ведутся заседания Президиума Верховного Суда Республики Беларусь. Таким образом, ИКТ существенно облегчают работу судов, обеспечивают оперативный обмен информацией, быстрый поиск при необходимости ранее вынесенных судебных решений.

Перспективным направлением является разработка методики рассмотрения дел с использованием искусственного интеллекта. Безусловно, развивая ИКТ необходимо учитывать все возможные риски, обеспечивать информационную безопасность [1, с. 16].

Информационно-коммуникационные технологии могут оказать неоценимую помощь в рассмотрении обращений граждан. Порядок подачи и рассмотрения электронных обращений уже определен и показывает свою эффективность. Вместе с тем, можно было на сайтах министерств, иных

органов публичной власти, включая суды, размещать банк данных типичных вопросов и возможных вариантов ответов на них. Это позволило бы гражданам более предметно знакомиться с возможным правовым решением по своим вопросам, что может уменьшить число обращений граждан в органы государственной власти, способствовать экономии времени должностных лиц.

Споры часто ведутся относительно того, создает ли суд новые нормы или он выступает в качестве правоприменительного органа, действующего в строгом соответствии с положениями закона. Полагаем, что однозначного ответа в данном случае быть не может. Суду необходимо понимать возможные пределы своего решения. Согласимся с позицией, где допустимо только то судебное правотворчество, которое осуществляется на основе закона и не противоречит ему [2, с. 56]. То есть в данном случае происходит судебное восприятие нормы закона.

Однако, когда есть пробел или противоречие между актами законодательства, то, конечно, суд «творит» право, создавая новую норму. Ведь еще в Гражданском кодексе Наполеона 1804 г. было указано, что суд не вправе отказать в правосудии по причине «темноты» закона. Известны такие принципы как принцип аналогии закона и аналогии права. Реализуя их, суд придает общественным отношениям, которые были предметом спора, правовую форму. Поэтому консолидируемся с высказанной в научной литературе позицией, согласно которой суды, осуществляя правосудие, формулируют новые правила общественных отношений. Это следует признать представителям науки и законодателю. Даже обосновывается необходимость ссылаться на новые подходы, сформулированные судами в иных юридических актах [3, с. 15].

В литературе часто применительно к деятельности Конституционного Суда используют выражение, что он выступает в роли негативного законодателя, который исключает из правовой системы неконституционные нормы. Это сближает его с деятельностью законодателя, который отменят нормативный правовой акт или признает его утратившим силу.

В век интенсивного развития ИКТ появляются возможности для быстрого получения Верховным Судом сведений о состоявшемся судебном постановлении, вынесенном нижестоящим судом. Если на него не приносится протест, то такой единичный судебный акт порождает прецедент, которому необходимо следовать. Безусловно, речь не идет о полном совпадении нового постановления с ранее вынесенным, но в концептуальном плане оно должно быть.

Различая казуальное и нормативное толкование закона, важна роль правовых позиций, изложенных в актах судебного конституционного контроля, которые можно рассматривать как источники права. Однако в качестве формального источника, обязательного для исполнения, выступают только те правовые позиции, которые изложены в резолютивной части решения.

Список цитированных источников

1. Лопатин, В. Н. Информационная безопасность в электронном государстве / В. Н. Лопатин // Информационное право. – 2018. – № 2. – С. 14–19.

2. Желдыбина, Т. А. Судебный прецедент: современный взгляд / Т. А. Желдыбина // Теория права. – 2015. – № 3. – С. 53–56.

3. Коростелкина, О. Н. Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О. Н. Коростелкина. – М.: Рос. прав. акад. Мин-ва юстиции РФ, 2005. – 20 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Власов Василий Иванович
профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор философских наук, профессор
vlasovvi@mail.ru

Первые диктаторские режимы зародились в Новое время (период с конца XV в. до начала XX в.) и связаны с именами Кромвеля, Бонапарта и Бисмарка. Сущность бонапартистских диктатур состоит в опоре на армию и полицейские структуры. Благодаря этому создается жесткая бюрократическая вертикаль исполнительной власти, пронизывающая общество и государство сверху донизу, что неизбежно приводит к ограничению прав и свобод личности, подавлению оппозиции и построению полицейского государства.

Однако в это же время осуществляется укрепление и развитие экономической системы государства. Если при Кромвеле, объединившем в XVII в. Англию, Уэльс, Шотландию и Ирландию, наблюдалась только стабилизация экономического развития, то во Франции и Германии в XIX в. бонапартизм шагнул намного дальше. Во-первых, в этих странах была осуществлена кодификация всего частного права посредством принятия в 1804 г. Гражданского кодекса, а в 1807 г. – Торгового кодекса Наполеона, а также Германского гражданского уложения в 1896 г. Во-вторых, была осуществлена централизация всей государственной власти. В частности, во Франции был создан институт префектуры, действующий по настоящее время. А Германия стала единым централизованным федеративным государством (Кайзеровская Германия). В-третьих, эти государства создали собственные колониальные империи.

В начале XX в. попытка применить бонапартистские практики была предпринята Столыпиным в России. Ее провал стал одной из причин сползания страны в пучину социальной катастрофы 1917–1922 гг.

Несколько иначе происходило развитие в условиях тоталитарной государственности фашистского и коммунистического типа. В 20–40-х гг. прошлого века западный тоталитаризм проявлял себя по-разному. В основном он был фашистским – Италия, Испания, Венгрия, Португалия, Румыния. В национал-социалистической ипостаси тоталитаризм проявил себя только в Германии. Как и в случае с бонапартизмом, все фашистские и нацистские режимы были автократическими. Но в отличие от бонапартистских, эти режимы были в большей или меньшей степени партократическими. Их политическая и правовая активность была осложнена Второй мировой войной. Только Испания и Португалия избежали участия в ней, продлив благодаря этому свое существование.

Правовое регулирование в странах западного тоталитаризма приняло весьма своеобразный характер. Следует отметить, что преследование по национальному признаку (в основном евреев и цыган) наблюдалось в широких масштабах только в Германии и Румынии. Остальные режимы старались уклоняться от подобного рода эксцессов. К этому необходимо добавить, что помимо создания однопартийной системы, борьбы с инакомыслием, проводилась весьма эффективная социальная демографическая и молодежная политика. Главной причиной, обеспечившей неизбежность гибели этих режимов, стала их авантюристическая внешняя политика. Исключением была лишь франкистская Испания.

Коммунистический тоталитаризм был намного сложнее и многоплановее. Если гитлеровский режим строил свой национальный социализм за счет ограбления других стран и народов, то построение пролетарского социализма в СССР было осуществлено за счет крестьянства. Однако, этого нельзя сказать о странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь социалистическое строительство осуществлялось при значительной финансовой поддержке Советского Союза.

Если в странах западного тоталитаризма развитие крупной частной собственности (а также средней и мелкой) ставилось под жесткий государственный контроль, то коммунистическое руководство СССР и других стран мировой системы социализма брало курс на искоренение крупной частной собственности. Следует отметить, что подобного рода практика была полностью воспринята в КНДР и КНР.

Ограничение прав и свобод (в первую очередь, экономических и политических) неизбежно отражается на развитии тоталитарных государств. И в конечном итоге, приводит к началу их разложения. В этой связи особый интерес представляет развитие современного Китая. Реформы Дэн Сяопина, начатые после смерти Мао Цзэдуна, дали очень хорошие результаты. Коммунистическое руководство КНР успешно провело серию экономических преобразований в сфере частной собственности, что положило начало фактическому переходу от тоталитарного режима к авторитаризму, но с сохранением монополии коммунистической партии на политическую и государственную власть.

В заключении следует отметить, что авторитаризм различного типа может давать как отрицательные, так и положительные результаты в плане экономического и социального развития государства, создавая, таким образом, необходимые условия для формирования и развития гражданского общества.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Власова Галина Борисовна
заведующий кафедрой теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры теории и истории права и государства ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент
vlasovagb@mail.ru

Право всегда было, есть и будет одним из важнейших средств регулирования отношений индивидов, социальных групп и всего общества в целом. Оно закрепляет самые различные права и свободы индивида, выступая, таким образом, как социальная ценность. Исходя из учета потребности индивидов и общества, направляя действие субъектов развития в русло общественных интересов, право реализует своё основное предназначение – регулирование общественных отношений.

Частью системы правового воздействия является правовое регулирование. Оно представляет собой главную составляющую управления людьми, в рамках которого одни индивиды воздействуют на сознание, деятельность и поведение других.

Правовое регулирование – это один из важнейших организационных факторов, который обеспечивает эффективность деятельности людей. Следует понимать, что без нормативно-правового регулирования не могут быть успешно решены задачи социального и государственного управления. В связи с этим системно-структурный анализ государственно-правовых феноменов приобретает особую значимость.

Рассматривая соотношение правового регулирования и правового воздействия, следует, прежде всего, уточнить их понятия, так как отражающие их категории далеко не равнозначны. В частности, термин «регулирование» является производным от латинского слова «*regulo*», означающего «правило». В. И. Даль понимал глагол «регулировать» как «уравнивать (ход, движение), соразмерять, устанавливать в порядке» [1, с. 516]. А в Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина глагол «регулиро-

вать» означает упорядочивать, налаживать, направлять развитие; «приводить механизмы и их части в такое состояние, при котором они могут правильно, нормально работать» [2, с. 657].

Таким образом, «регулирование» означает упорядочение, налаживание, приведение чего-либо в соответствие с чем-либо. В свою очередь, «воздействие» эквивалентно понятию «влияние», которое осуществляется посредством определенной системы действий. Хотя категории «регулирование» и «воздействие» близки по смыслу, тем не менее, они не равнозначны. Фактически «регулирование» охватывается понятием «воздействие», которое помимо регулирования предусматривает другие средства и формы влияния на активность индивидов и их образований (институтов и организаций). Поэтому не следует сводить влияние права на общественные отношения только к правовому регулированию.

Правовое регулирование представляет собой воздействие права на общественные отношения при помощи системы специальных юридических средств. Достаточно четкую характеристику правового регулирования дал известный российский ученый С. С. Алексеев. В одной из своих работ он писал о том, что: «правовое регулирование, в отличие от иных форм правового воздействия (также весьма существенных, ключевых – таких, как духовные) всегда осуществляется посредством своего «динамического инструментария» – особого свойственного только праву, механизма, всего комплекса динамических систем и структур, призванных юридически гарантировать достижение правовых задач в рамках определенных типов, моделей юридического воздействия на общественные отношения» [3, с. 250].

В отличие от правового регулирования правовое воздействие является эффективным нормативно-правовым влиянием на общественные отношения, которое осуществляется специальной системой правовых средств (правовых норм, актов реализации права, правоотношений), а также таких правовых феноменов как правосознание, правовая культура и правотворчество.

Разграничение правового воздействия и правового регулирования позволяет достаточно четко установить место и роль в общей системе правового воздействия такого важного правового феномена как механизм правового регулирования. По-мнению А. В. Малько, «механизм правового регулирования – это система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [4, с. 625].

Следует отметить тот факт, что подлинное правовое регулирование общественных отношений возможно только в условиях демократического политического режима, действующего в условиях развитого гражданского общества. Оно не может полностью реализоваться в условиях жесткого и властного нормирования государством общественных отношений. Правовое регулирование не тождественно жесткому и властному принуждению. Ведь норма права – это модель отношений, сочетающая интересы

индивида с общественными интересами. Право широко использует такие средства воздействия как стимулирование и предоставление прав. Несомненно, что жесткое и властное нормирование поведения людей закреплено в большей степени в правоохранительных нормах, которые регулируют отношения, возникающие в результате правонарушений. Но этим правовое регулирование в демократическом, социальном государстве не исчерпывается.

В заключение необходимо подчеркнуть, что если рассматривать всю систему правового воздействия, то оперируя марксистской терминологией, можно утверждать, что она совпадает с понятием «правовая надстройка», под которой понимается вся совокупность правовых явлений, возвышающихся над экономическим базисом, но это статический подход к анализу правовой действительности. В том же случае, когда правовые явления анализируются как элементы правовых процессов, протекающих в обществе, внимание концентрируется на их динамической характеристике, на взаимодействии и соотношении всех правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие. Следовательно, изучение системы правового воздействия позволяет раскрыть структурные особенности правовой надстройки, которая рассматривается в динамике и развитии.

Список цитированных источников

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. / В. И. Даль. – В 4 т. – Т. 3. – М., 2007. – 576 с.

2. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М., 2006. – 944 с.

3. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Собрание сочинений / С. С. Алексеев. – 10 т. – Т. 6. – М., 2010. – 258 с.

4. Теория государства и права. Курс лекций. / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М., 2007. – 672 с.

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Воронович Тадеуш Валентинович
судья Конституционного Суда Республики Беларусь,
кандидат юридических наук
tadeush1956@icloud.com

Деятельность конституционного суда – относительно нового для постсоветских государств органа – привлекает большое внимание исследователей. Однако целостная концепция воздействия конституционного правосудия на формирование и развитие правовой системы юридической наукой не выработана.

В связи с этим актуальным является обсуждение дискуссионных вопросов об участии конституционных судов в правотворчестве, месте их решений в системе источников права, роли правовых позиций конституционных судов в формировании и развитии правовой доктрины.

Современные правовые реалии таковы, что конституционный принцип разделения властей не означает, что нормотворчество осуществляется только законодателем. Сегодня им в известной мере занимаются и другие государственные органы.

Анализируя научные взгляды на конституционное правосудие, можно заключить, что конституционные суды как органы судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов принимают участие в правотворчестве, осуществляя его особый вид – конституционно-судебное правотворчество [1, с. 55; 2, с. 7; 3, с. 21]. Своеобразие правотворческой активности конституционного суда проявляется в ее направленности не на непосредственное регулирование общественных отношений, а на обеспечение соответствия Конституции действующего законодательства в целях его надлежащего применения. В своей основе такое правотворчество является интерпретационным (правоприменительным), что отличает его от первичного (нормоустановительного) правотворчества, определяя тем самым пределы правотворческой активности конституционно-судебных органов [4, с. 22].

При осуществлении последующего конституционного контроля в случае принятия решения о неконституционности действующего правового акта конституционный суд выступает «негативным законодателем», поскольку признание нормы не соответствующей Конституции порождает общий запрет на ее применение, а также является юридическим фактом, запускающим правовой механизм по исключению такой нормы из законодательства. «Негативное правотворчество» имеет и положительный эффект, поскольку обусловливает необходимость принятия нормотворческими органами новых (дополнительных) актов либо изменения действующих. При этом рамки правотворческой деятельности ограничены ранее принятыми решениями конституционного суда.

При осуществлении предварительного контроля конституционный суд формулирует правовые позиции, содержащие интерпретацию конституционных принципов и норм применительно к конкретным правоотношениям. Раскрытие содержания конституционных принципов позволяет ориентировать законодателя на их глубокое понимание и соблюдение. Конституционный суд, как правило, обращает внимание законодателя на необходимость развития в законодательных актах фундаментальных конституционных положений, создания действенных правовых механизмов обеспечения и защиты прав и свобод граждан, реализации в законотворчестве конституционного принципа верховенства права как обязательного условия эффективного правового регулирования.

Несмотря на многолетнюю научную дискуссию, правовой статус решений конституционных судов остается спорным.

Отдельные белорусские ученые упрощенно рассматривают решения конституционного суда как нормативные правовые акты [5, с. 6].

Л. В. Лазарев, А. Н. Пугачев определяют их как нормативно-интерпретационные акты, посредством которых конституционные суды осуществляют правокорректирующую функцию [6, с. 7; 7, с. 169].

По мнению Н. С. Бондаря, решения Конституционного Суда России – это качественно новый вид источников российского права: они воплощают в себе единство нормативных и доктринальных начал [8, с. 59–63].

Л. О. Мурашко и Л. И. Данькова определяют решения конституционного суда как особый вид источников права, основу для корректировки законодательства и правоприменительной практики. Отмечается, что они содержат концептуальные подходы для развития правовой доктрины, фактически представляют собой результат судебного правотворчества [9, с. 103].

По мнению В. Д. Зорькина, некоторые существенные признаки решений Конституционного Суда России (их официальный и обязательный характер, распространение на аналогичные случаи) сближают их с прецедентами [10, с. 7]. Это подтверждается практикой: общие и арбитражные суды России выносят решения на основе правовых позиций Конституционного Суда и ссылаются на них как на нормы законов [11, с. 13].

Полагаем, что формального наличия в решениях конституционных судов некоторых признаков нормативных правовых актов и других источников права недостаточно, чтобы отнести их к конкретному виду. Следует согласиться с В. В. Захаровым, признающим решения конституционного суда источниками права особого рода (*sui generis*), устанавливающими неконституционность действующих норм права, что ведет к лишению их силы [12, с. 31]. На наш взгляд, такие акты, в том числе заключения и решения Конституционного Суда Республики Беларусь, составляют особый вид, который наряду с «классическими» источниками права влияет на национальную правовую систему во взаимосвязи с положениями Конституции.

На современном этапе значительный вклад в формирование правовой доктрины вносят решения и правовые позиции конституционных судов, отличающиеся нормативно-доктринальной природой. Так, наряду с оценкой конституционности норм проверяемых законов в ряде решений Конституционного Суда Республики Беларусь изложены конституционно-доктринальные подходы к совершенствованию правовой системы государства, указаны конкретные направления законодательного регулирования общественных отношений, определен конституционно-правовой режим правоприменения.

Например, при оценке ограничений конституционных прав и свобод граждан нормами законов Конституционный Суд указал, что с учетом принципа пропорциональности правовые ограничения, какими бы ни были основания для их установления, должны обеспечивать надлежащий баланс интересов граждан и государства; быть юридически допустимыми, социально оправданными, адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты других конституционно значимых ценностей; отвечать требованиям справедливости.

Важной формой участия Конституционного Суда Республики Беларусь в правотворчестве и его воздействия на процессы конституционного правообразования является подготовка и принятие ежегодных посланий о состоянии конституционной законностив государстве, адресованных Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания. Помимо выводов о состоянии конституционной законности в своих посланиях Конституционный Суд Республики Беларусь формулирует предложения концептуального характера, направленные на совершенствование законодательных механизмов защиты прав и свобод граждан и, соответственно, правовой системы.

Так, в посланиях указывалось на необходимость принятия концепции правовой политики; выработки при формировании интеграционного права действенных механизмов обеспечения баланса национальных и наднациональных интересов; упреждения возможных вызовов и угроз посредством опережающего законотворчества; создания гибкой системы законодательной регламентации, стимулирующей развитие технологий, но при этом гарантирующей безопасность, права и свободы человека и др.

Данные концептуальные предложения реализуются в нормотворческой деятельности Президента Республики Беларусь и Парламента, имеющих необходимую полноту полномочий по обеспечению эффективного правового регулирования. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь.

Вышеизложенное приводит к следующим выводам:

1. Конституционный Суд, осуществляя контроль за конституционностью нормативных правовых актов, выявляет потребности в новом (дополнительном) правовом регулировании либо в изменении действующего, определяет направления совершенствования законодательства, а также контуры конституционно-правовых преобразований, что свидетельствует о его непосредственном и значительном воздействии на формирование и развитие правовой системы.

2. Итоговые акты конституционных судов представляют собой особый вид источников права, которые во взаимодействии с положениями Конституции служат основой для корректировки действующего законодательства, определяют конституционно-правовой режим правоприменения.

3. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, учитывающие как научно-теоретические подходы, так и практику современного конституционализма, имеют существенное значение для совершенствования правовой системы. Излагая в своих посланиях выводы о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь, Конституционный Суд формулирует предложения концептуального и доктринального характера, направленные на формирование и развитие конституционно-правовой доктрины.

Список цитированных источников

1. Абдрасулов, Е. Б. Некоторые аспекты применения методов толкования и аналогии права в деятельности Конституционного Совета Республики Казахстан / Е. Б. Абдрасулов // Вестн. Конституц. Совета Респ. Казахстан. – 2019. – Вып. 35. – С. 52–60.
2. Малюшин, А. А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества / А. А. Малюшин // Рос. юстиция. – 2015. – № 10. – С. 6–8.
3. Дерхо, Д. С. Системный анализ парадигмы конституционного правообразования / Д. С. Дерхо // Актуальн. проблемы рос. права. – 2020. – Т. 15. – № 2 (111). – С. 19–25.
4. Кокотов, А. Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации / А. Н. Кокотов // Рос. юстиция. – 2014. – № 4. – С. 21–24.
5. Скобелев, В. П. Акты Конституционного Суда Республики Беларусь как источники регулирования цивилистического судопроизводства / В. П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 9. – С. 21–27.
6. Лазарев, Л. В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права / Л. В. Лазарев // Журн. рос. права. – 1997. – № 2. – С. 6–8.
7. Пугачев, А. Н. Акты высших органов судебной власти Республики Беларусь: юридическая природа и проблемы соотношения / А. Н. Пугачев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2010. – № 10. – С. 165–170.
8. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Инфра–М, 2011. – 544 с.
9. Мурашко, Л. О. О современных тенденциях развития источников права в аспекте судебного правотворчества / Л. О. Мурашко, Л. И. Данькова // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2018. – № 2. – С. 100–107.
10. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журн. рос. права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.
11. Сергеев, А. А. Источники российского права: вопросы классификации и некоторые тенденции развития / А. А. Сергеев // Рос. юрид. журн. – 2017. – № 5. – С. 9–17.
12. Захаров, В. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права / В. В. Захаров // Журн. рос. права. – 2006. – № 11. – С. 25–31.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В АСПЕКТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА)

Горупа Татьяна Александровна
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент
taharupa21@gmail.com

Социальное обслуживание, как занятость и образование в целом, оказывает существенное влияние не только на социальное благополучие, но и экономическую безопасность. Так, по мнению ряда ученых-

экономистов «существует значительный пласт проблем, которые непосредственно влияют на уровень социально-экономической безопасности. К примеру, одной из наиболее значимых проблем является объем и качество предоставляемых населению социальных услуг» [1, с. 11–12].

Социальное обслуживание, конечно же, вторично для обеспечения экономической безопасности как государства, так и интеграционного союза государств. Приоритетом, несомненно, обладает сфера занятости и образования, которые дают человеку средства к существованию и профессиональные компетенции, приносящие доход и обеспечивающие экономическое благосостояние. Но сферы здравоохранения, социального обслуживания, культуры, спорта призваны формировать человеческий капитал, в том числе и для социально уязвимых категорий населения и людей, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Если брать аспект региональной экономической безопасности Союзного государства, то именно для обеспечения свободы передвижения лиц в рамках Союза приобретает важность и социальное обслуживание. Трудовые мигранты будут выбирать для работы страну не только с достойным заработком, но и социальным обслуживанием.

Уход за пожилыми, инвалидами, в целом социальное обслуживание нуждающихся людей всегда традиционно находилось в поле семейных отношений. Но современная жизнь обуславливает миграционные процессы, люди уезжают не только из родных мест, но меняют и страну проживания, что в целом возлагает на государство их пребывания определенные обязанности по обеспечению социального обслуживания в случае появления такой необходимости.

Таким образом, несмотря на различия социально-экономического развития государств-членов в интеграционных объединениях социальное обслуживание в целом направлено на обеспечение их экономической безопасности. Вместе с тем социальное обслуживание в Союзном государстве не является приоритетным направлением развития, и данная политика находится в ведении государств-членов.

Социальное обслуживание в Российской Федерации и Республике Беларусь базируется на концептуальных основах советской школы права социального обеспечения, нормы которого регулировали отношения «по поводу предоставления услуг и натуральных видов социального обеспечения» [2, с. 28] за государственные средства. При этом традиционно кроме социального обеспечения в виде пенсий и пособий, социального обслуживания в предмет права социального обеспечения входили образовательные и медицинские отношения. В течение 30 последних лет как Российская Федерация, так и Республика Беларусь постепенно ушли от патерналистской системы социального обеспечения, сменили принцип всеобщности в социальном обслуживании на его адресность, ограничили бесплатность услуг, практически заместив их частичной

либо полной платностью, что повлекло за собой и изменение юридической сущности самого социального обслуживания. Если ранее это был сугубо институт права социального обеспечения, то в настоящем социальные услуги оказываются уже на основании гражданско-правового договора, что, несомненно, является достаточно спорным вопросом в виду легального признания регулирования отношений по социальному обеспечению нормами гражданского права. В итоге в праве социального обеспечения России и Беларуси стал активно использоваться терминологический аппарат цивилистики, поэтому из «сферы действия норм права социального обеспечения может быть выведена большая часть социальных услуг, что повлечет за собой ущемление прав граждан на социальное обеспечение» [3, с. 158].

Правовое регулирование социального обслуживания в государствах-членах Союза осуществляется на уровне законов: Закона Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З «О социальном обслуживании» (далее – Закон № 395-З), новая редакция которого вступила в силу 1 июля 2024 г., и Закона Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 442-ФЗ). Данные нормативные правовые акты определяют основные цели, принципы, систему социального обслуживания, а также закрепляют правовой статус получателей и поставщиков социальных услуг, виды таких услуг и порядок их оказания.

Стоит отметить, что Модельный закон СНГ от 26 марта 2002 г. № 19-9 «Об основах социального обслуживания населения» фактически заложил основу общих подходов регулирования социального обслуживания России и Беларуси и определил самый болезненный критерий платности/бесплатности получения социальных услуг – это граждане, не способные к самообслуживанию, имеющие доход ниже прожиточного минимума, и граждане, находящиеся в трудной жизненной ситуации, включая детей, молодежь, женщин (ст. 14).

Национальные законы о социальном обслуживании, конечно же, имеют свои особенности. Прежде всего – это выделение различных критериев для признания гражданина, нуждающимся в предоставлении социальных услуг. Вышеназванным Законом № 442-ФЗ закреплен критерий «обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности» (ст. 15), а Законом № 395-З – «трудная жизненная ситуация, предупреждение и преодоление трудной жизненной ситуации» (ст. 18).

Поставщиками социальных услуг в России и Беларуси могут быть государственные и негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации и индивидуальные предприниматели, а в Республике Беларусь еще и физические лица (ст. 1 Закона № 395-З), для которых установлены запреты оказывать социальные услуги, если есть судимость.

Отличительной особенностью Закона № 442-ФЗ является формирование Реестра поставщиков социальных услуг и Регистра получателей социальных услуг государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (ст. 25, 26). Работа подобных информационных систем для Республики Беларусь – это вопрос будущего социального развития, несомненно, несущего ряд позитивных факторов. В республике уже функционирует Государственная информационная система социальной защиты (ГИССЗ) и на ее базе могут создаваться реестры поставщиков и получателей социальных услуг.

В итоге нашего исследования можно констатировать, что социальное обслуживание в интеграционных союзах государств обеспечивает свободу передвижения работников, социальные права которых не должны ущемляться при переезде на новое рабочее место в государствах-членах. Несмотря на ряд отличительных черт в правовом регулировании социального обслуживания Российской Федерации и Республики Беларусь возможна выработка унифицированных принципов его правового регулирования. Социальное обслуживание способствует формированию человеческого капитала для наиболее уязвимых категорий населения, социализируя таких людей, способствуя их социально-экономической безопасности. Правовое регулирование социального обслуживания в государствах-членах Союзного государства должно использовать положительный опыт советской научной школы права социального обеспечения и нивелировать угрозы поглощения целого социально-обеспечительного института социального обслуживания более цельной и системобразующей отраслью, в частности гражданским правом.

Список цитированных источников

1. Барабанов, А. А. Социальная сфера как фактор экономической безопасности региона [Электронный ресурс] / А. А. Барабанов, В. А. Дегтерева, М. В. Иванов. – Режим доступа: https://www.e-rej.ru/upload/iblock/297/c95um4ut4w8mc5p793dbx3nz8ytakso2.pdf. – Дата доступа: 11.07.2024.

2. Андреев, В. С. Право социального обеспечения в СССР: учебник / В. С. Андреев. – М.: Юрид. лит., 1974. – 304 с.

3. Миронова, Т. К. Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли / Т. К. Миронова // Актуальные проблемы рос. права. – 2017. – № 9 (82). – С. 153–162.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ RAW DATA В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Зубрик Диана Антоновна
преподаватель кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы», магистр юридических наук
dianazubrik@mail.ru

Обеспечение безопасности и сохранности информации становится все более актуальным в современном обществе. В информационном массиве создано достаточно большое количество видов информации. Одним из таких видов являются *raw data* или «сырые данные». Однако в науке отсутствуют доктринальные работы относительно правового анализа такого вида данных. В связи с этим в нашей научной работе будет проведен анализ правового регулирования *raw data* в Республике Беларусь.

Raw data («сырые», первичные, исходные данные) – это данные, которые были собраны системой, устройством или при помощи операций и при этом не подвергавшиеся структуризации или систематизации. Raw data собираются из различных источников: веб-сайты, онлайн-транзакции, опросы, датчики, считывающие информацию, мониторинг и т. д. [1].

Существует 2 вида raw data: количественные и качественные. Под количественными raw data подразумеваются числовые данные, благодаря которым можно измерить состояние или свойства объекта/субъекта. Качественные raw data – данные, характеризующие свойства объекта/субъекта или какое-то конкретное обстоятельство [1].

Raw data соотносится с понятием «информация». Соответственно, правовое регулирование таких данных попадает под действие Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон).

Raw data хранится на серверах как совокупность информации без структуризации. Причем на каждом сервере создана своя база данных, где загружены raw data по определенным категориям. Однако в Законе указано, что база данных – совокупность структурированной и взаимосвязанной информации, организованной по определенным правилам на материальных носителях. В связи с этим возникает вопрос: урегулирован ли правом порядок использования тех баз данных, в которые загружены raw data?

По мнению автора, да. Существует большое количество видов баз данных. Одним из таких видов являются поисковые базы данных (*Search Engines*). В таких базах может размещаться неструктурированная информация, по которой осуществляется поиск [2]. Более того, базы raw

data структурированы по категориям мест, откуда эта информация была получена. Поэтому, несмотря на то, что внутренняя информация представлена в виде совокупности, систематизация все-таки имеется, хоть и представлена в непривычном виде.

Рассмотрим виды raw data. Как было сказано ранее, существует два вида: количественные и качественные.

Количественные raw data могут содержать в себе числовую информацию о каком-либо объекте или субъекте. Такие данные могут использоваться в компаниях для проведения маркетинговых исследований и т. д. Однако количественные raw data могут быть получены вследствие опроса в компании о каких-либо внутренних процессах. В этой связи возникает вопрос, попадают ли такие данные под понятие «коммерческая тайна»?

Согласно Закону Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» коммерческая тайна – сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям выше указанного Закона, в отношении которых установлен режим коммерческой тайны. Т. е. количественные raw data, содержащие в себе закрытую информацию о компании, могут составлять коммерческую тайну, поскольку в самом понятии «коммерческая тайна» заложено, что это может быть абсолютно любая информация о компании.

Качественные raw data – это такие данные, которые содержат в себе конкретные характеристики. Более того, по указанным характеристикам можно идентифицировать объект или субъект. Из этого возникает вопрос: можно ли качественные raw data относить к персональным данным?

В Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) указано, что персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Соответственно, если по качественным raw data можно идентифицировать конкретное физическое лицо, то такие данные являются персональными и требуют специального обращения.

Следует отметить, что качественные raw data также могут попадать под понятие «коммерческая тайна», поскольку могут содержать в себе характеристики не только, относящиеся к физическому, но и к юридическому лицу.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что raw data являются сырыми данными, которые не подвергались структуризации, они все равно попадают под понятие «обработка персональных данных». В Законе о персональных данных указано, что обработка персональных данных – любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, уда-

ление персональных данных. Поскольку raw data были собраны при помощи системы, операций и устройства, то есть в отношении них были совершены конкретные действия, то, несмотря на отсутствие систематизации, такие данные были подвержены обработке и на них распространяются требования законодательства о персональных данных. Более того, существует повышенная опасность утечки raw data, так как данные не структурированы, и, соответственно, при небрежном отношении операторов пласт данных может затеряться или же стать общедоступным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Республике Беларусь сформированы правовые основы обработки raw data. Вместе с тем ввиду отсутствия научных исследований по указанному вопросу существует вероятность того, что: 1) raw data не будут учитываться в активно развивающемся информационном законодательстве (праве); 2) операторы будут игнорировать требования по обработке и защите таких данных (следствием такой небрежности может стать их утечка).

Список цитированных источников

1. What is raw data (source data or atomic data)? [Electronic resource] : TechTarget. – Mode of access: https://www.techtarget.com/searchdatamanagement/definition/raw-data#:~:text=Raw%20data%20is%20the%20data,countless%20other%20operations%20and%20places. – Date of access: 28.06.2024.

2. Виды баз данных. Большой обзор типов СУБД [Электронный ресурс]. – Хабр. – Режим доступа: https://habr.com/ru/companies/amvera/articles/754702/. – Дата доступа: 29.06.2024.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ДОКТРИНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Ковалева Виктория Викторовна
заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
v.v.kovaleva@list.ru

В современный период развития общества, который характеризуется глобальными трансформациями, актуальным является вопрос о роли в этих изменениях различных форм права. В условиях динамики и сложности общественных отношений особое значения приобретает такая форма права как судебная доктрина. П. П. Серков справедливо отмечает, что судебную доктрину можно считать своего рода инструментом судебной гармонизации правоприменительных и правотворческих начал, реализуемых в мерах современной правовой политики [1, с. 14].

Традиционно судебная доктрина считается формой права в странах, относящихся к системе общего права. Вместе с тем, растет ее значение и в государствах, правовая система которых относится к континентальной. Данная закономерность характерна и для Российской Федерации, ярким подтверждением чего являются вышедшие в последнее время монографические исследования, посвященные указанной проблематике [1; 2; 3].

Анализ юридической литературы позволяет прийти к выводу о существовании различных подходов к пониманию судебной доктрины и определению ее значения в правовой системе.

Так, например, А. Н. Чашин, исследуя источники и формы современного российского права, а также раскрывая юридическую природу правовой доктрины, указывает, что это вид формы права, формируемый ученым сообществом, характеризующийся авторитетностью, научной обоснованностью и широкой распространенностью. Однако этот автор, используя понятие «правовая доктрина», в своей монографии в качестве примера таких доктрин приводит положения, сформированные в процессе осуществления правосудия, т. е. судебные доктрины [4, с. 162].

Полагаем, что правовая доктрина – это родовое понятие, а судебная – видовое. По мнению Т. Я. Хабриевой, зачастую можно наблюдать следующие закономерности развития российского права: сначала в доктрине обосновывается качественно новый институт, затем он внедряется в практику судебных органов (в первую очередь Верховного Суда Российской Федерации) и под влиянием судебной практики формируется новое понимание положений действующего законодательства – судебная доктрина [2, с. 29].

Справедливым по этому поводу представляется вывод Х. И. Гаджиева о том, что для своевременного реагирования судей на социальные и экономические преобразования необходимо не просто независимое осуществление правосудия, но и способность носителей данной профессии создавать на основе существующих общих доктрин судебные доктрины, в которых отражаются также их представления о социальных ценностях [1, с. 23]. Х. И. Гаджиев отмечает, что основное свойство судебной доктрины заключается в том, что она выводится эмпирически, путем применения норм права судом к конкретным правоотношениям, с использованием различных методов толкования права и правовой аргументации, и требует от суда владения необходимым уровнем правотворческой техники для реализации судебного усмотрения с целью справедливого разрешения конфликта сторон судебного разбирательства правовыми средствами [1, с. 22].

Разделяет данную точку зрения Ю. Э. Ибрагимова, которая отмечает, что судебные доктрины являются «связующим функциональным звеном» между общими правовыми доктринами (как результатами мышления *in abstracto*) и правоприменительной практикой (складывающейся *in concreto*),

выполняющими функции концептуализации эмпирического опыта в праве и повышения реалистических начал в правообразовании [1, с. 327]. Следует согласиться с данным автором в том, что судебные доктрины являются основой для преобразования норм права в эффективно действующие регуляторы.

Далее необходимо обратиться к анализу существующих дефиниций судебной доктрины. Ю. Э. Ибрагимова рассматривает судебную доктрину как основанную на правовой доктрине, развиваемую судом, существующую независимо от законодательного закрепления, но не противоречащую действующему законодательству совокупность идей, нашедших отражение в судебных решениях. Судебная доктрина, по мнению автора, предоставляет суду ориентиры при разрешении дел, предполагающих судебное усмотрение и восполнение пробелов в законодательстве, и обогащает правовую доктрину [1, с. 326–327]. Если редуцировать данную дефиницию, то судебная доктрина представляет собой совокупность идей, выработанную в процессе судебного правоприменения.

Кроме того, как отмечается в юридической литературе, правовая доктрина, в том числе и судебная – это те взгляды (идеи), которые пользуются авторитетом среди юристов и в обществе, являются общепринятыми и применяются на практике в правотворчестве и в правореализации [5, с. 30]. Следовательно, судебная доктрина – это результат деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Полагаем, что идеи, являющиеся результатом рассмотрения дел нижестоящими судами, могут приобрести доктринальный характер, получив поддержку высших судебных инстанций.

Когда судебная доктрина рассматривается как совокупность идей, возникает вопрос о соотношении судебной доктрины с такими понятиями как «принцип права», «правовая позиция суда», так как эти явления также аккумулируют в себе определенные идеи. Более того, полагаем вполне закономерным переход правовой позиции суда в судебную доктрину, а затем формирование принципа права. Поскольку эти явления непосредственно связаны между собой, то юридической науке еще предстоит установить их общую правовую природу.

Еще одной проблемой является рассмотрение судебной доктрины как формы права и ее функциональных связей с другими формами права. Так, А. С. Емельянов приходит к выводу, что формирование судебных доктрин по отдельным вопросам представляется неизбежным, т. к. именно данная форма восполнения правовых лакун является наиболее оперативной. Однако, порождаемая судебными доктринами правовая неопределенность не позволяет рассматривать их в качестве полноценного источника права. По его мнению, выявленная и временно восполненная через судебную доктрину правовая лакуна должна быть полноценно урегулирована посредством изменения законодательства [1, с. 91]. В свою

очередь А. Н. Чашин считает доказанным, что правовая доктрина есть полноценная форма права [4, с. 202].

Полагаем, что решение вопроса о том, является ли судебная доктрина формой (источником) права, зависит, прежде всего, от ее содержания. Если оно является универсальным, тогда судебную доктрину при определенных условиях можно рассматривать как форму права. В любом случае роль судебных доктрин возрастает и это закономерный процесс, связанный с интенсивным и многообразным развитием общественных отношений, за которым законодатель не всегда успевает. В связи с этим возникающие споры необходимо разрешать, формулируя новые идеи об оптимальном регулировании разнообразных правоотношений.

Список цитированных источников

1. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 344 с.

2. Хабриева, Т. Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов ; отв. ред. Т. Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 384 с.

3. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА–М., 2024. – 384 с.

4. Чашин, А. Н. Источники и формы российского права: монография / А. Н. Чашин. – М.: ИНФРА–М, 2023. – 452 с.

5. Васильев, А. А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: монография / А. А. Васильев. – М.: Проспект, 2021. – 232 с.

О МЕТОДОЛОГИИ ДИНАМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Костян Иван Игнатьевич
старший научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
knoozzz@yandex.ru

Глобальные процессы социальной трансформации, детерминированные технологическим прогрессом, сегодня вызывают формирование нового типа мышления, которое прежде всего ориентировано на информационную составляющую бытия. Соответствующий дискурс преобразовывает базовые ценности общества, составляющие его культурную основу. Если рассматривать такие ценностные ориентиры в качестве своего рода

генома социальной жизни, как предлагает В. С. Степин, то можно говорить о том том, что сегодня мы наблюдаем ключевой этап в социальной эволюции, который определяется новым восприятием окружающего мира в условиях стремления к достижению безопасности обновленной, но еще не до конца освоенной социальной реальности информационного общества [1, с. 94].

Состояние современного общественного сознания, включающее в себя набор ценностей, связанных с обеспечением безопасного пребывания в мире, охваченном информационными потоками, проявляется как новый культурно-исторический пласт социальной жизни. Это вызывает необходимость научного осмысления проявления культурных аспектов в правовом поле регулирования процессов обеспечения информационной безопасности, в том числе путем целостного восприятия феномена правовой культуры в соответствующей сфере. Это приводит к необходимости выработки комплексной научной субстанции – правовой культуры в сфере информационной безопасности.

Раскрытие сущности понятия правовой культуры в сфере информационной безопасности как самостоятельной категории, представленной отдельной гранью культурного выражения правовой действительности в контексте современного социального контекста развития информационного общества, невозможно без ее осмысления в динамическом измерении. Не статичное восприятие феномена правовой культуры в сфере информационной безопасности необходимо также для определения закономерностей и перспектив развития данного явления как квинтэссенции выражения правового восприятия реальности в информационном обществе. Основным методологическим инструментом изучения правовой культуры в сфере информационной безопасности в таком ракурсе выступает ретроспективный анализ ее развития.

Методологически изучение сущностной составляющей генезиса исследуемого социально-правового явления базируется на множестве общенаучных и теоретико-правовых подходов, используемых для изучения правовой культуры в целом, основу которых представляют историко-цивилизационное и социально-психологическое направления.

Историко-цивилизационный взгляд на правовую культуру в целом, а также ее отдельные проявления, органически дополняет антропологическое и аксиологическое осмысление правовой культуры, представляя ценностную картину мира того или иного общества в контексте культурного разнообразия. Как указывает А. Я. Флиер, культурогенез – это не единократное происхождение культуры где-то в глубокой древности, а совокупность постоянно протекающих процессов в культурах всех времен и всех народов [2, с. 17–18, 72–73, 115].

Такой подход позволяет выделять отдельные типы правовой культуры, соответствующие тому или иному социальному образованию с харак-

терной для них системой ценностей. Специфика каждой такой системы будет обусловлена не только этапом исторического развития,но и другими особенностями конкретного социума. Так, должны учитываться особенности социальных процессов в каждом отдельно взятом обществе на основе его культурной идентичности. По мнению А. И. Гусейнова, «нет и не может быть общечеловеческой правовой культуры» [3, с. 5]. Таким образом, историко-цивилизационный подход позволяет сфокусировать внимание на особенностях определенных аспектов правовой культуры в конкретном культурно-временном дискурсе.

При осмыслении характера соответствующего дискурса необходимо учитывать специфику общественного сознания, для выражения которого применительно к таким общественным формам как народы и нации используется понятие менталитет. Истоки определения данного феномена лежат в области социально-психологических концепций. Так, в психологической плоскости правовая культура предстает в форме психологических свойств, связанных с правовой действительностью. Данные свойства могут быть не только результатом осознанной когнитивной деятельности или социально-значимого творчества. Адаптация сознания к социальному устройству посредством формирования правовой культуры может происходить на более тонком, ментальном уровне человеческого развития, в сфере психических реакций, в том числе, базироваться на глубинных эмоционально-ценностных проявлениях.

Применительно к теории К. Юнга, можно предположить, что пласт таких эмоционально-ценностных проявлений, сгенерированный угрозами в информационно-цифровой сфере и процессами по обеспечению информационной безопасности, направленных на их предотвращение, способен породить отдельный «архетип сознания», который в последующем не предполагает рефлексии, то есть не будет осмысливаться, а станет восприниматься как само собой разумеющееся [4, с. 203]. При этом соответствующий архетип может находить выражение и в правовой плоскости.

Непосредственно юридическим архетипом является «преемственно воспроизводящийся из поколения в поколения первичный правовой идеал, возведенный посредством духовно-нравственных норм и приоритетов в правокультурный канон развития, обусловливающий ценностную систему и социально-правовой кодекс (типизированный шаблон) социально-правового взаимодействия в системе «личность-общество-государство» [4, с. 321]. При таких обстоятельствах юридический архетип не тождественен правовым обычаям, традициям, символам, ритуалам или инстинктам, а представляет частицу правовой культуры, формулирующую модель ее эволюции в конкретном цивилизационно-временном измерении.

В этой связи эволюция цивилизационно либо национально идентифицированной правовой культуры в сфере информационной безопасности представляет единый исторический процесс, осуществляющийся в соот-

ветствии с собственной «матрицей» развития и закономерностями культурной модели, поддерживаемой архетипическими структурами [5, с. 15].

Таким образом, проводя исторический анализ генезиса правовой культуры в том или ином проявлении, в частности в сфере информационной безопасности, необходимо учитывать обусловленность такого генезиса как психологическими детерминантами, так и непосредственно историческими факторами, включающими экономические, социальные, политические и др. И те, и другие оказывают прямое воздействие на генезис правовой культуры: первые составляют инвариантное культурное ядро национальной правовой жизни; вторые отражают динамику социально-правовой системы, ее изменения и адаптацию к новым условиям и потребностям, но в контексте общекультурной перспективы, в соответствии с психологическим, архетипическим ядром конкретного социума [5, с. 20].

В таком инструментарии сочетается изучение процесса становления явления под влиянием конкретных факторов с пониманием его психологического окраса в заданной территориально-временной системе координат. Указанный подход определяет теоретико-методологическую основу для проведения динамического анализа формирования и развития правовой культуры в сфере информационной безопасности с целью выявления сущности данного феномена и тенденций его эволюции в конкретном обществе на определенном этапе его становления.

В заключение можно сделать вывод, что в основе государственной политики по формированию и развитию правовой культуры в современных социальных условиях должно лежать понимание динамического измерения данного социально-правового явления в историческом контексте, обусловленном как общими детерминантами, прежде всего связанными с комплексной эволюцией государственно-правовых институтов и информационных технологий, так и психологическими факторами цивилизационно-культурного развития конкретного общества (народа, нации).

Список цитированных источников

1. Степин, В. С. Идея права как социокультурный феномен / В. С. Степин // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов Российской академии наук Всероссийских научных конференций с международным участием, Москва, 10–11 дек. 2018 г. / под общ. ред. А. Н. Савенкова. Том 1. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2019. – С. 93–112.

2. Флиер, А. Я. Культурогенез / А. Я. Флиер. – М. : Рос. Ин-т культурологии, 1995. – 128 с.

3. Гусейнов, А. И. Право как феномен культуры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. И. Гусейнов ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2007. – 47 с.

4. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Минск : Харвест, 2004. – 400 с.

5. Тюрин, М. Г. Архетипы национальной правовой культуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. Г. Тюрин; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов н/Д., 2008. – 29 с.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рябцева Екатерина Владимировна
доцент кафедры теории права, государства и судебной власти
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
rev020680@mail.ru

Эффективность судебной системы, отвечающая современным условиям развития общества и государства, предполагает формирование независимого, профессионального судейского корпуса. Проблемам обеспечения независимости судебной власти посвящено большое количество научных исследований. Независимость рассматривается, как правило, в качестве одного из базовых принципов судебной власти [1, с. 68; 2, с. 9]. Однако для того, чтобы принцип независимости судебной власти не был декларативным положением, требуется система гарантий, обеспечивающих такую независимость. Анализ законодательства и правоприменительной практики свидетельствует об определенных проблемах и противоречиях, существующих в законодательном закреплении и практике реализации гарантий независимости судебной власти.

Институциональная независимость судебной власти многоаспектна и включает ряд элементов, одним из которых является способ формирования судейского корпуса. Анализ зарубежного опыта позволяет сделать вывод о том, что формирование судейского корпуса осуществляется посредством: выборов судей (то есть их избрания населением или органами государственной власти); назначения судей представителями других ветвей государственной власти; смешанного способа, включающего возможность как избрания, так и назначения судей (как правило, в зависимости от вида судебной инстанции, на работу в которой претендует кандидат на должность судьи).

В Российской Федерации (далее – РФ) действует смешанный порядок формирования судейского корпуса. Все судьи федеральных судов назначаются, а судьи судов субъектов РФ избираются. Значительная роль в назначении судей принадлежит Президенту РФ, поскольку он может отказать в назначении судей, рекомендованных квалификационными коллегиями судей субъектов РФ, а также Высшей квалификационной коллегией судей РФ. Однако, существенное внешнее влияние на формирование судейского корпуса со стороны других ветвей государственной власти не обеспечивает в полной мере институциональную независимость судей.

Поскольку существующий порядок назначения судей в современных условиях не предусматривает какой-либо альтернативы, то представляется

необходимым закрепить дополнительные гарантии объективности принятого решения в отношении кандидатов на должность судьи.

Так, если в результате проверки в отношении кандидатов, получивших отказ в рекомендации от Администрации Президента РФ, Совет судей субъекта РФ не выявит нарушений, послуживших основанием для такого отказа, то последний может дать повторную рекомендацию данному кандидату. Безусловно, это не означает положительного решения Администрации Президента РФ, но является гарантией от ошибки и неправильной оценки кандидата в судьи. При этом администрация Президента РФ может учесть обстоятельства, на которые указывают органы судейского сообщества при проверке и оценке документов кандидата на должность судьи.

В качестве дополнительных гарантий независимости судей при формировании судейского корпуса выступает деятельность квалификационных коллегий судей как органов судейского сообщества при проверке и оценке кандидатов. Ранее существовало дополнительное требование при их отборе в виде получения согласия председателя суда после дачи рекомендации кандидату от региональной коллегии судей. Далее контроль за тем, насколько полно и всесторонне проведена проверка и дана оценка будущих судей, в том числе о возможности возникновения конфликта интересов в судебной деятельности обеспечивал Верховный Суд РФ.

Указанная процедура оптимально не обеспечивала внутреннее организационное взаимодействие, поскольку право председателя суда давать немотивированный отказ кандидатам в судьи являлось коррупциогенным фактором. А значит потенциально могло привести к злоупотреблениям своими полномочиями со стороны председателя суда в отношении того или иного кандидата в судьи. За 2014–2017 гг. в РФ было получено 63 немотивированных отказа председателей судов, что составляло 0,2 % от общего числа кандидатов на должность судьи, рекомендованных региональными квалифицированными коллегиями. Право последних повторно направлять положительное заключение в отношении кандидата на должность судьи председателю суда не выступало гарантией принятия объективного решения. Ведь окончательное решение, в том числе без какой-либо мотивировки, принимал председатель суда.

Такая роль председателя суда пагубно влияла на прозрачность осуществления отбора судей. В связи с этим Федеральным Законом от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ были внесены изменения в Федеральные Законы «О статусе судей в РФ» и «Об органах судейского сообщества в РФ», которые исключили председателя суда из субъектов, которые непосредственно учувствуют в отборе кандидатов на должность судьи. Такие изменения в правовом регулировании рассматриваемого вопроса оправданы. Сохраняя определенное опосредованное влияние в виде дачи рекомендаций в отношении претендента на должность судьи о качестве его работы и личных характеристиках, председатель не становится неоправданным

барьером, преодоление которого может привести в последующем к конфликту интересов. Благодарность председателю, чувство обязанности по отношению к нему за то, что согласился поддержать его кандидатуру, является ничем иным, как личной заинтересованностью, зависимостью от председателя и может, в конечном итоге, отразиться на вынесенных этим судьей решениях.

Обеспечение межведомственного взаимодействия также должно способствовать правильной оценке кандидатов при назначении будущих судей. Положительная практика некоторых регионов РФ, связанная со взаимодействием Советов судей и кадровых служб регионов, позволяет провести анализ данных о трудоустройстве родственников судей и рассмотрении ими дел с участием организаций, в которых работают их родственники (Республика Татарстан, Республика Адыгея и т. д.).

Постоянный обмен необходимой информацией между представителями различных структур может быть организован на уровне межведомственной комиссии субъектов РФ, включающей представителей Советов судей, квалификационных коллегий судей регионов, управлений Судебного департамента при Верховном Суде РФ, управлений Министерства юстиции РФ, органов прокуратуры, налоговых органов и т. д. Помимо обмена информацией на заседаниях таких межведомственных комиссий целесообразно рассматривать иные вопросы, связанные с установлением обстоятельств, которые могут повлиять на независимость судей.

Таким образом, правовое регулирование формирования и функционирования судейского корпуса предусматривает комплексный подход, направленный на обеспечение независимости судебной власти, повышение ее авторитета, а также доверия и уважения населения к суду. Тем не менее, институциональная независимость судебной власти в России реализована не в полной мере, что требует дальнейшего развития и укрепления ее гарантий.

Список цитированных источников

1. Абросимова, Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы: монография / Е. Б. Абросимова. – М.: Институт права и публичной политики, 2002. – 160 с.

2. Акишева, Ж. Л. Гарантии реализации принципа независимости судей и подчинения их только закону в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ж. Л. Акишева; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1991. – 228 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Телятицкая Татьяна Валерьевна
заведующий кафедрой международного экономического права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент
tvt@tut.by

Эффективность – это «конкретное и реально измеряемое явление, ибо оценка, степень чего-либо всегда конкретны» [1, с. 199]. Специалисты оперируют такими ее синонимичными понятиями, как «результативность», «продуктивность» и «оптимальность». Результативность подчеркивает достижение поставленных целей и получение запланированных результатов. Продуктивность акцентирует внимание на соотношении ресурсов, затраченных на достижение целей, и полученных результатов, то есть на выходе продукции по отношению к затратам. Оптимальность же касается нахождения наилучшего варианта использования ресурсов и методов для достижения максимальных результатов с минимальными затратами.

Эффективность правовых норм должна оцениваться с учетом их экономичности, социальной полезности, моральности и оптимальности используемых правовых средств. Однако «существующие способы определения эффективности в условиях одного типа правопонимания оказываются малопригодными в условиях другого» [2, с. 4–5].

Стабильно высокий уровень административной деликтности свидетельствует о необходимости поиска новых путей повышения эффективности борьбы с правонарушениями. Административная ответственность эффективна лишь тогда, «когда в результате такого применения осуществлено воспитание правонарушителя, реализовано частное и общее предупреждение (превенция), восстановлена справедливость» [3, с. 26].

Успешная правоприменительная практика требует учета психологических, социальных и экономических факторов, влияющих на поведение правонарушителей. В частности, криминолог Джон Брэйтуэйт (*John Braithwaite*) в своей теории реинтегративного стыда подчеркивает важность социальной реакции на правонарушения и влияние социальной среды на исправление поведения правонарушителей, что важна не стигматизация личности, а осуждение конкретного поведения с последующим восстановлением статуса правонарушителя в обществе [4].

Важную роль в достижении целей административной ответственности и предупреждении правонарушений играют также психологические аспекты. Ганс Тох (*Hans Toch*) в работе о социальной психологии преступности подчеркнул важность понимания этих факторов для разработки эффективных стратегий предотвращения деликтности [5, p. 85–90].

Эффективность административной ответственности во многом зависит и от способности правоприменительных органов не только наказывать правонарушителей, но и формировать у них осознание последствий своих действий. Ее следует рассматривать как «соотношение целей административных санкций и результатов их воздействия» [6, с. 204]. Она основывается на трех составляющих: анализ правоприменительной практики, оптимизация применения действующих норм, дальнейшее совершенствование законодательства на основе полученной информации.

В этой связи следует положительно оценить появление в 2021 г. КоАП таких профилактических мер, как устное замечание и предупреждение, а также воспитательных мер для несовершеннолетних, хотя перечень таких мер мог бы быть более разнообразным.

Для повышения эффективности административной ответственности необходимо не столько ужесточать взыскания, сколько обеспечивать их своевременное и четкое исполнение. Например, высокий процент неоплаченных штрафов указывает на необходимость разработки механизмов, способствующих их сбору. Если основной целью наложения штрафа является воспитание правонарушителя и предупреждение совершения новых правонарушений, то задачей правоприменителя должно быть воздействие на психоэмоциональное состояние нарушителя путем установления особого порядка уплаты штрафа. Можно ввести систему, при которой правонарушитель обязан лично оплачивать штраф в определенные дни и часы, что создаст дополнительное неудобство и усилит чувство ответственности за свои действия. Если же административное взыскание в виде штрафа преследует фискальные цели, то, как вариант обеспечения его уплаты, представляется возможным начисление пени.

Можно рассмотреть возможность введения различных стимулов, таких как скидки при досрочной уплате штрафа или частичное освобождение от него в случае участия правонарушителя в общественно-полезных работах.

Для совершенствования системы административных взысканий за правонарушения в экономической сфере следует отменить их нижние пределы и установить общие минимальные размеры штрафов, а также снизить верхние границы. Важно отметить, что даже по уголовным делам максимальный размер штрафа составляет 1 000 базовых величин, в то время как по делам об административных правонарушениях штрафы могут быть выше, если они исчисляются, например, в процентах от суммы сделки (даже если нет экономического ущерба).

Размеры штрафов для физических лиц целесообразно увязать с их заработной платой (доходом) таким образом, чтобы их размер не превышал определенного процента заработка (например, 50 %).

В систему административных взысканий можно включить: ликвидацию юридического лица, ограничение на участие в государственных закупках и тендерах, публикацию информации о правонарушениях и взысканиях в официальных источниках и др.

Немало вопросов вызывает эффективность и иных взысканий. Например, при депортации в Россию сотрудники, ее осуществляющие, имеют право конвоировать правонарушителя лишь до Государственной границы Республики Беларусь. Соответственно, «если депортация осуществляется на поезде и сопровождающий вышел из него на последней перед границей станции, депортируемому никакого труда не составит нажать «стоп-кран» между этой станцией и границей и снова оказаться на территории Республики Беларусь, уже без всякого надзора» [7, с. 17].

Данный перечень может быть продолжен, что свидетельствует о необходимости продолжения научных исследований эффективности мер административной ответственности.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Высокий уровень административной деликтности указывает на необходимость поиска новых, более действенных мер воздействия, включая оптимизацию применения и совершенствование законодательства на основе анализа его эффективности.

2. Для достижения целей административной ответственности важно учитывать различные факторы, влияющие на поведение правонарушителей, в том числе психологические и социальные аспекты.

3. Вместо ужесточения административных взысканий, следует сосредоточиться на обеспечении их своевременного и четкого исполнения, внедрении стимулирующих механизмов, включении новых видов взысканий, что может способствовать превенции противоправного поведения.

Список цитированных источников

1. Рогачева, О. С. Эффективность норм административно-деликтного права : монография / О. С. Рогачева ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 356 с.

2. Савенок, А. Л. Теоретические и прикладные проблемы эффективности уголовного закона : автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А. Л. Савенок ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2017. – 50 с.

3. Козловская, В. В. Справедливость и эффективность как принципы административной ответственности в Республике Беларусь / В. В. Козловская, А. М. Карпенко // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 4. – С. 21–28.

4. Encyclopedia of Criminological Theory. Chapter: «Braithwaite, John: Reintegrative Shaming Theory» // SAGE Publications Braithwaite, 1989. – P. 100–125 [electr. resource]. – Access mode: https://study.sagepub.com/system/files/Braithwaite%2C_John_-_Reintegrative_Shaming_Theory.pdf#:~:text=URL%3A%20https%3A%2F%2Fstudy.sagepub.com%2Fsystem%2Ffiles%2FBraithwaite%252C_John_ – Date accessed: 10.05.2024.

5. Toch, H. Violent Men: An Inquiry into the Psychology of Violence / H. Toch. – Chicago : Aldine Publishing Company, 1969. – 368 p. [electr. resource]. – Access mode: https://archive.org/details/violentmeninquir0000hans – Date accessed: 22.05.2024.

6. Попов, Л. Л. Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка : монография / Л. Л. Попов. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1976. – 212 с.

7. Плоскунов, Д. В. Проблематика надзора за исполнением законодательства при административном выдворении за пределы Республики Беларусь / Д. В. Плоскунов, Т. В. Телятицкая // Актуальные проблемы правового регулирования международных отношений : сб. науч. ст.; Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Витебск, 2019. – С. 11–17.

МОДЕРНИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Трифонова Кристинэ Васаковна
доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХИГС, кандидат юридических наук, доцент
kri-kazaryan@yandex.ru

В Российской Федерации, «как и в большинстве стран мира, проблема миграции является предметом острых научных дискуссий в различных сферах» [1, с. 341].

Современное миграционное законодательство России имеет своей целью правовое регулирование общественных отношений, связанных с перемещением населения как в добровольном порядке, так и не по своей воле, как внутри страны или за ее пределами с целью решения проблем социального, экономического и правоохранительного характера, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечения функционирования государственного управления миграционными процессами и поддержания законности и порядка.

В настоящее время модернизация миграционного законодательства в части ужесточения ответственности за миграционные правонарушения детерминирована различными процессами, которые носят политический, экономический, культурный, экологический, военный характер.

В связи с нестабильной военно-политической ситуацией в мире, связанной с наличием активных и «дремлющих» конфликтов, в том числе и на национальной почве, ухудшением экономической, а в некоторых регионах и экологической обстановки, мировое сообщество в целом, Россия в частности, сталкивается с глобальным изменением в миграционной сфере. Оно связано прежде всего с перемещение населения из одного в региона в другой, что в свою очередь порождает диспропорцию в принимающем обществе и оказывает большое влияние на социально-экономическую, правовую сферы. В связи с этим наглядно прослеживается прямая связь миграционной и национальной безопасности. Это, прежде всего, связано с тем, что нелегальная миграция представляет собой одну из угроз безопасности. Ярким подтверждением тому являются террористические акты, совершенные с привлечением иностранных мигрантов.

К сожалению, сложившаяся в настоящее время демографическая обстановка в России требует применения в отдельных отраслях труда иностранных граждан в связи с тем, что уменьшается число граждан, которые являются трудоспособными. К 2025 г. по разным прогнозам численность населения еще более сократится, что может привести к серьезной напряженности и диспропорциям на рынке труда» [2, с. 63].

Таким образом, при рассмотрении с правовой точки зрения сложившихся проблем в миграционной сфере, которые находят свое выражение в складывающейся непосредственной связи нелегальной миграции и обеспечения национальной безопасности законодатель видит решение данных вопросов путем принятия ряда нормативных актов, ужесточающих имеющееся миграционное законодательство.

В частности, 18 июня 2024 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла в первом чтении пакет законопроектов (№ 614967-8 [3] и № 615003-8), направленных на повышение эффективности государственного контроля в сфере миграции.

Выделим основные направления ужесточения миграционного законодательства:

1) уменьшение разрешенного срока временного пребывания иностранных граждан на территории РФ без получения документов для проживания, работы или учебы до 90 суток суммарно в течение календарного года, что вдвое меньше, чем в соответствии с действующим законодательством (90 суток в течение 180) [3];

2) введение института «высылки, представляющего собой новый миграционный режим, устанавливающий в отношении иностранных граждан, не имеющих (утративших) основания для законного нахождения в Российской Федерации, и предусматривающий в отношении них отдельные ограничительные меры и запреты. Одним из мер реализации вышеизложенного режима является наложение «запрета на получение государственных и муниципальных услуг, включая заключение брака, регистрацию недвижимого имущества, а также иных услуг, предоставляемых организациями, в том числе совершение банковских операций» [3];

3) цифровизация миграционной деятельности, в частности «применение современных электронных средств контроля при установлении местонахождения незаконных мигрантов (использование работающих в автоматическом режиме специальных технических средств распознавания лиц, данных с мобильных устройств, геолокации, сведений платежных систем и т. п.)» [3];

4) создание и введение Реестра контролируемых лиц, который будет размещен в интернет-пространстве и доступен для всех заинтересованных физических и юридических лиц;

5) увеличение объема полномочий полиции в целях оперативного выявления и выдворения незаконных мигрантов из Российской Федерации. В частности, «сотрудник полиции имеет право принимать решения о выдворении иностранных граждан, представлявших угрозу правопорядку или нарушивших миграционные правила. При этом такие решения будут вступать в силу незамедлительно» [3];

6) привлечение к ответственности как физических, так и юридических лиц, которые предоставляют незаконным мигрантам жилое или иное помещение, транспортное средство либо оказывают им какую-либо услугу, в том числе в рамках гражданско-правовых отношений.

Таким образом, модернизация миграционного законодательства в части ужесточения ответственности в условиях новых вызовов в России преимущественно направлена на обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, так как основная цель данных изменений связана с оперативным выявлением и выдворением из Российской Федерации иностранных граждан, представляющих угрозу общественной безопасности и правопорядку.

Список цитированных источников

1. Трифонов, С. Г. К вопросу об уточнении содержания термина «миграция».// Муромцевские чтения. Неопределенности права в доктрине, законодательстве и юридической практике: сб. науч. тр.; М-во науки и высш. образов. Российской Федерации; ФГБОУ ВО РГГУ. –2021. – С. 341–348.

2. Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2019. – № 3 (83). – С. 63–82.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях повышения эффективности федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции) [Электронный ресурс]: законопроект № 614967-8. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/614967-8. – Дата доступа: 08.07.2024.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА НАРКОТИКИ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

Харевич Дмитрий Людвикович
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент
dmitryharevich@mail.ru

В нормативных правовых актах в различных комбинациях используется четыре словосочетания: «наркотическое средство», «психотропное вещество», «прекурсор наркотического средства или психотропного вещества», «аналог наркотического средства или психотропного вещества». Как можно заметить, лексические единицы достаточно громоздкие. Насколько оправдано их использование? Нельзя ли обойтись более лаконичной формулировкой?

До имплементации Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г. (г. Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.) (далее – Конвенция ООН 1961 г.) все контролируемые психоактивные вещества в законодательстве нашей страны перечислялись непосредственно в правовых нормах. Последующий рост количества таких веществ и неудобство их перечисления в диспозиции статьи вызвали необходимость использовать в ст. 75, 219

и 221 Уголовного кодекса БССР 1960 г. термины «наркотическое вещество», «наркотическое средство», «наркотик».

Эти изменения обязаны своим появлением международным конвенциям, определившим глобальный порядок контроля над их оборотом. Одним из базовых положений указанных конвенций является деление контролируемых веществ на наркотические средства и психотропные вещества. С научной точки зрения оно не вполне последовательно, ему присущи определенные противоречия [1, с. 35–40; 2, с. 3], отсутствие концептуальной основы и отличительных признаков отнесения веществ к одной из указанных категорий [3]. Так, непоследовательным является отнесение ряда галлюциногенов (каннабиноидов), имеющих одинаковое психоактивное основание, к разным группам: если марихуана, гашиш, гашишное масло, лист шалфея предсказателей являются наркотическими средствами, то их наиболее психоактивные компоненты – тетрагидроканнабинол и сальвинорин А – психотропными веществами. Помимо этого, использованное в русскоязычной версии Конвенции ООН 1961 г. понятие «наркотическое средство» не соответствует тому содержанию, которое было использовано в ее англоязычной версии. Его появление противоречиво и привнесено при переводе Конвенции ООН 1961 г. на русский язык.

Появление в законодательстве понятия химических веществ – прекурсоров обязано принятием Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (г. Вена, 20 декабря 1988 г.). Можно выделить такое свойство, отличающее прекурсоры от наркотических средств (психотропных веществ), как возможность их использования при изготовлении, производстве и переработке наркотических средств, психотропных веществ. В связи с этим может возникнуть предположение о его рассмотрении в качестве основания для разделения прекурсоров и психоактивных веществ (наркотических средств и психотропных веществ). Однако многие наркотические средства и психотропные вещества сами являются предшественниками (прекурсорами) других психоактивных веществ. Например, из маковой соломы можно изготовить большое количество опиатов; из марихуаны – каннабиноидов растительного происхождения. Некоторые наркотические средства (маковая солома, кокаиновый куст) практически не используются как объект незаконного потребления, выступая в большинстве случаев именно в роли прекурсора. С другой стороны, некоторые прекурсоры (бутиролактон, лизергиновая кислота, эргометрин) могут использоваться для достижения психоактивного воздействия, что приводит к развитию зависимости.

Таким образом, разделение контролируемых веществ на психоактивные вещества (наркотические средства, психотропные вещества) и их прекурсоры также не имеет единого основания и отличительных критериев с точки зрения их свойств.

При имплементации нашей страной норм антинаркотических конвенций ООН многие внутренние противоречия указанных международных соглашений были восприняты законодательством Белорусской ССР и Республики Беларусь. В 1999 г. был принят новый УК, в котором круг веществ, незаконный оборот которых подлежал криминализации, был расширен за счет добавления психотропных веществ и прекурсоров, а в 2012 г. – их аналогов. К контролируемым веществам были добавлены изомеры наркотических средств, психотропных веществ; их простые и сложные эфиры, соли, смеси и комбинации, что уже не могло быть отражено в терминологии доступными средствами юридической техники. Это привело к утрате лаконичности правовых норм без адекватного роста их информационной составляющей.

Изучение составов наркопреступлений показывает, что в современном уголовном праве нет существенных различий в правовой регламентации оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Они используются преимущественно как равнозначные понятия, а имеющиеся исключения не являются принципиальными. В отличие от этого прекурсоры не указаны в ч. 5 ст. 328, ст. 328-2, 331, 332 УК. Указанное положение объясняется, на наш взгляд, тем, что законодатель не ассоциирует оборот прекурсоров с их потреблением, влекущим за собой негативные последствия. Нами показана условность такого допущения: некоторые прекурсоры могут вызвать состояние наркотического опьянения, формируя при этом зависимость, а также приводить к тяжелым последствиям для здоровья, смерти. Прекурсоры также не упомянуты в ст. 329 УК, хотя некоторые из соответствующих веществ содержатся в растениях, грибах и при достижении определенной концентрации рассматриваются как прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ. Например, в ст. 228.3 УК Российской Федерации установлена ответственность за незаконные приобретение, хранение или перевозку растений либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ.

В целом можно говорить об отсутствии принципиальных препятствий для указания прекурсоров в рассматриваемых статьях УК наряду с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами, хотя эти вопросы, безусловно, требуют самостоятельной детальной проработки.

Анализируя правовые механизмы разграничения режима оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в правомерных видах деятельности, можно отметить, что их основой в большей степени является не классификация на перечисленные категории, а деление веществ на списки и таблицы.

Аргументом в пользу существующего деления на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры является необходимость соблюдения положений антинаркотических конвенций ООН. Доводом

против этого выступает диспозитивность соответствующих положений конвенций, которая не обязывает формировать национальное законодательство в точном соответствии с ними. Например, в Великобритании и Германии психоактивные вещества не делятся на наркотические средства и психотропные вещества, для их обозначения используется один термин [1, с. 40–41; 4, с. 86–87]. В СССР многие психотропные вещества рассматривались как наркотические средства либо сильнодействующие вещества, что не являлось нарушением Конвенции ООН о психотропных веществах 1971 г. (г. Вена, 21 февраля 1971 г.), поскольку обеспечивало адекватный нормам глобальных конвенций режим контроля над оборотом указанных средств и веществ [1, с. 41–43, 66, 68].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что по мере увеличения количества контролируемых веществ объем обозначающего их понятия возрастал, что влекло за собой расширение числа используемых терминов. Это привело к значительному разрыву между лексической единицей и содержанием понятия, утере лаконичности правовых норм. На определенном этапе данного процесса используемое словосочетание перестало отражать весь спектр контролируемых веществ, оказалось «тесным» для связанного с ней понятия, а термин «наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги» превратился в сложную отсылочную норму.

Деление находящихся под контролем психоактивных веществ на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги не вполне обосновано и лексически избыточно.

В нормативных правовых актах мы предлагаем использовать для их обозначения термин «наркотики», охватывающий всю совокупность веществ, подлежащих контролю. Это позволит достичь лаконичности правовых норм, улучшить их восприятие, будет соответствовать принципу лексической экономии языка закона.

Список цитированных источников

1. Бабаян, Э. А. Некоторые проблемы терминологии в области наркотических средств / Э. А. Бабаян, А. В. Гаевский, Е. В. Бардин // Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров. – М., 2000. – С. 4–14.

2. Международные конвенции о контроле над наркотиками: история, достижения и проблемы // Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2008 г. / Междунар. комитет по контролю над наркотиками. – Вена, 2009. – С. 1–15.

3. Харевич, Д. Л. Прикладные аспекты критериев деления на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, аналоги / Д. Л. Харевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2024. – № 1 (66). – С. 74–77.

4. Анисимов, Л. Н. Наркотики: правовой режим. Международно-правовые и внутригосударственные проблемы регулирования производства, применения, и распространения наркотических и психотропных веществ / Л. Н. Анисимов. – Л. : Ленинград. ун-т, 1974. – 143 с.

ГЕНЕЗИС ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Щербик Дмитрий Васильевич
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
shcherbikdv@bsu.by

Постиндустриальное общество – это общество, экономические, социальные и политические системы которого существенно отличаются от таковых систем индустриального общества. Оно еще находится в самом начале своего возникновения. И если в ряде стран уже активно формируется постиндустриальная экономика, то социальные изменения еще сильно не выражены, а преобразование политической и правовой систем находятся в зачаточном состоянии.

О перспективах развития государства и права в постиндустриальном мире можно говорить лишь как о прогнозах, опирающихся на возникающие тенденции, которые формируются в настоящее время и будут существовать в будущем. Среди таких тенденций в сфере экономики обычно выделяются деиндустриализация (снижение численности населения, занятого в промышленности, рост сферы услуг, увеличение в стоимости материальных благ информационной доли), возрастание роли инноваций, нематериальных активов, человеческого капитала, мелкосерийного производства, «высоких технологий», «экономики знаний» и др. В социальной сфере к ним относят формирование «когнитариата», снижение значения неквалифицированного труда, появление «прекариата» и др.

Большинство авторов говорят о постиндустриальном обществе как о мире, в котором монополия на власть национального государства будет размываться. Для этого существует ряд предпосылок. Конкуренцию ему, с одной стороны, составляют транснациональные корпорации, в том числе опирающиеся на цифровую экономику. Принятые в их среде нормы, стандарты, решения, оказывают огромное влияние на жизнь людей, сопоставимое с влиянием национальных государств. С другой стороны, на смену национальному государству приходят региональные и глобальные блоки государств, связанные сходством культуры, общностью экономических интересов. Мобильность населения переносит акцент с национальной идентичности, культивируемой в индустриальную эпоху, на культурологическую общность. Очевидно, что она все более начинает носить трансграничный региональный характер. Данный процесс многими воспринимается как переход к столкновению цивилизаций, но скорее он отражает результат процессов глобализации.

С третьей стороны, происходит замещение значения политических органов власти органами профессиональными, способными оперативно принимать решения, зачастую требующие узкоспециализированных знаний, опирающихся на доверие к данным субъектам. Центральные банки, комиссии по регулированию ценных бумаг, органы по антимонопольному регулированию и другие, связанные со сферой финансов, являются примером постиндустриальных тенденций, ярко проявляющихся в сфере экономики. Сюда же можно добавить торговые палаты, коммерческие арбитражи, медиацию, решения которых опираются не на авторитет бюрократического аппарата, а на доверие к специальным знаниям, близость к заинтересованным участникам.

Добавим к этому сомнение в выборных органах власти, которое в общественном сознании пробуждает развитие информационных и коммуникативных технологий. Появление новых форм взаимосвязи и взаимодействия органов управления и местного населения, форм самоорганизации последнего, в свою очередь также подрывает авторитет бюрократической централизованности государства, сформировавшейся в эпоху индустриального общества.

С четвертой стороны, дальнейшее развитие мобильности, 3D технологий, технологий в сфере обеспечения личной (телесной) безопасности вероятно приведет к обеспечению большей самостоятельности личности от общества и государства, чем это было в условиях индустриальной эпохи (особенно, если вспомнить коллективизм периода ее расцвета). Коллективизм индустриальной эпохи, как уже очевидно, будет замещен расцветом индивидуализма и субкультуральности. Не класс, не нация, а скорее индивиды и их объединения в равноправные и свободные субкультуры – новая реальность эпохи постиндустриализма.

Однако, есть и тенденции, которые обеспечивают в государстве. Постиндустриальная экономика будет сосуществовать с индустриальной, как последняя сосуществует с аграрной. В результате возникает необходимость эффективного согласования различных сегментов экономики, что в условиях разделенного политическими границами мира крайне важно для населения отдельных государств. Важность согласованности сфер экономики обуславливается и возможными кризисными явлениями эпохи перехода. Пример кризиса периода COVID-19 и наступившей эпохи санкций очевиден.

Требует урегулирования и социальный кризис, который возникает в результате становления постиндустриальной экономики. Формирование когнитариата, расцвет его влияния и имущественного благополучия сопровождается ростом численности прекариата, снижением достатка социальных групп, выполняющих малоквалифицированный труд, не имеющих доступа к необходимому уровню образования или информационным ресурсам. Перераспределение доходов, гибкая социальная политика являются жизненно необходимыми в складывающихся социально-экономических условиях, требуют надлежащего развития налогового законодательства,

правового регулирования социального обеспечения, здравоохранения, образования, обеспечения равных возможностей по доступу к данным услугам. В этой связи важную роль играет развитие трудового законодательства, государственно-частного партнерства.

Если вопросы личной неприкосновенности, защиты жилища возможно разрешить благодаря развитию технологий, то глобальные вызовы безопасности требуют их оперативного устранения в современном мире. Борьба с терроризмом, экстремизмом, манипуляциями общественным мнением посредством распространения фейк-новостей вызывает необходимость в правоохранительной функции государства, совершенствовании уголовного законодательства. Равным образом, развитие субкультурности вызывает необходимость в обеспечении их цивилизованного взаимодействия, а также устранения возможности формирования закрытых репрессивных сообществ тоталитарного типа, способных наносить вред своим членам и опасных для иных групп.

Нарастание негативных тенденций, их преобладание над позитивными, может привести к приостановке развития постиндустриальных процессов, сохранению значительной роли национальных государств. Однако, представляется, что борьба с данными негативными явлениями будет требовать от государства передачи ряда функций региональным интеграционным объединениям, т. е. «большим политическим пространствам» (например, ЕАЭС, ЕС, ШОС и др.), а равно развития информационно-коммуникационных способов обеспечения участия граждан в решении общественных проблем.

Таким образом, очевидно, что тенденции развития экономики вызовут трансформацию государственности, совершенствование способов нормативного регулирования обществом. В результате перед современным государством стоит задача не закрыться в бесплодной борьбе, не принимая происходящие изменения, а выработать стратегию по адаптации к ним, возглавить процессы самоорганизации общества, сохраняя за собой координационные функции, а равно оперативный контроль в целях минимизации негативных явлений постиндустриализма, активно участвовать в интеграционных процессах, чтобы обеспечить для своего населения наибольшие выгоды от глобализации.

Список цитированных источников

1. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире / В. Л. Иноземцев. – М. : Academia ; М. : Наука, 1998. – 640 с.

2. Саркисян, Т. Конец государства и ли новая форма организации общества / Т. Саркисян // 21-й век. – 2008. – № 1 (7). – С. 3–24.

3. Рахаев, Х. М. Постиндустриальное государство: природа происхождения и функции / Х. М. Рахаев, А. В. Гатов // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2013. – № 9. – С. 71–76.

4. Шевцова, Ю. А. Государство в условиях постиндустриальных тенденций / Ю. А. Шевцова // Актуальные вопр. экон. наук. – 2011. – № 22–1. – С. 77–81.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Якубовский Ольгерд Андреевич
аспирант кафедры политологии
юридического факультета Белорусского государственного университета
olgerd.yakubovsky@yandex.by

Одной из актуальных проблем для отечественного государственного управления выступают санкции, которые активно вводятся в отношении Беларуси начиная с 2020 г. Они затрагивают множество сфер жизнедеятельности государства, социально-экономического развития и национальной безопасности. По мнению В. О. Серебрякова, «негативное воздействие санкционной политики определенных государств отражается не только на руководстве страны – объекте санкций, но и на малообеспеченных слоях гражданского населения» [1, с. 49]. За последние годы было существенно модернизирован фундамент белорусской правовой системы.

Во-первых, в основе отечественного законодательства лежит Конституция Республики Беларусь. Изменения, вступившие в силу 15 марта 2022 г., соответствуют как современным тенденциям развития общества, так и формируют базу для модернизации действующего законодательства. Как отмечает Г. А. Василевич, «конституция любого современного государства не является застывшим документом» [2, с. 12]. Она выступает фундаментом для совершенствования законодательства, построения системы мер, способствующих защите прав и интересов граждан. В то же время Основным Законом установлены права и их гарантии, которые ставятся под угрозу санкциями, применяемыми к нашему государству.

Во-вторых, усиленное санкционное давление в отношении Беларуси нашло отражение в одном из ключевых нормативных документов страны. В соответствии с п. 29 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – КНБ), утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г., применение отдельными государствами или группами государств в отношении Республики Беларусь санкций (ограничительных мер) являются одной из основных угроз национальной безопасности. На наш взгляд, КНБ является вторым по значимости документом, определяющим приоритеты и основы государственного строительства, а также последующей модернизации правовой системы. Отражение в нем угроз, исходящих от международных санкций, формирует кластер защитных механизмов, включающих не только деятельность государственных органов по минимизации последствий от ограничений, но и разработку новых, научно-обоснованных механизмов противодействия внешним вызовам.

В-третьих, еще одним из стратегических документов, выступающих фундаментом отечественного законодательства, является Концепция правовой политики Республики Беларусь (далее – Концепция), утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. Так, в п. 42 Концепции отражена «потребность в усилении правовыми средствами обеспечения различных сфер национальной безопасности (экономической и др.)». Как отмечается в Концепции, «важно, чтобы законодательство позволяло не только оперативно реагировать на любые вызовы и угрозы, но и профилактировать, предупреждать возможные риски».

Все три документа способствуют построению механизмов, противодействующих и предупреждающих угрозы от введения санкций. Они составляют собой базу для определения текущих и предстоящих проблем, что дает существенные преимущества в реагировании на будущие угрозы. С 2020 г. недружественными странами была развернута политика, предусматривающая большой спектр ограничительных мер в отношении Республики Беларусь, ее граждан и экономических субъектов.

Экономические санкции потребовали оперативного ответа на них. Это, в свою очередь, послужило принятию соответствующих мер, которые включали: жесткое ценовое регулирование, снижение таможенных пошлин для импортных товаров при производстве экспортных товаров, изменение экспортно-импортной политики и др. Эти меры нашли отражение в таких нормативных правовых актах как Указ Президента Республики Беларусь от 14 марта 2022 г. № 93 «О дополнительных мерах по обеспечению стабильного функционирования экономики», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2022 г. № 70 «О лицензировании вывоза отдельных видов товаров» и др.

Следует отметить, что были активированы такие правовые инструменты, как параллельный импорт, обеспеченный Законом Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 241-З «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности», позволяющий ввозить на территорию Республики Беларусь отдельные товары без разрешения правообладателей. Это временная мера, действующая до 31 декабря 2024 г.

В качестве одной из мер, направленной на предупреждение угроз, выступает ст. 361 УК, внесенная Законом Республики Беларусь от 14 декабря 2021 г. № 133-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь». Она предусматривает уголовную ответственность за призывы к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь. Данная норма направлена на обеспечение защиты от внутренних и внешних угроз государства, имеет как своевременный, так и превентивный характер. Она отражает степень общественной опасности, исходящей от санкций. Полагаем, что в ней в полной мере реализуется охранительная функция уголовного права.

Большая часть из предпринятых мер является временными. На наш взгляд, требуется разработка постоянных механизмов, направленных как на оперативную ликвидацию негативных последствий санкций, так и на предупреждение будущих угроз. В частности, следует обеспечить применение инструментов превентивного характера, предусматривающих мобильность государственных органов в принятии решений в условиях ограничительных мер. Это будет способствовать обеспечению экономической безопасности государственных и негосударственных предприятий, занимающихся производством необходимой для населения продукции и услуг.

Таким образом, идет постоянная разработка мер законодательного закрепления механизмов, инструментов и направлений антисанкционной политики [3, с. 247]. В настоящее время уже сформирован правовой фундамент, позволяющий определить направления и вектор развития отечественной правовой системы в вопросах противодействия санкционной политике недружественных стран.

Полагаем, что в сложившейся обстановке Беларуси требуются дальнейшие разработки в области правового обеспечения антисанкционной политики, в частности, в вопросах защиты прав и интересов экономических субъектов, направленные как на ликвидацию существующих угроз, минимизацию их последствий, так и на предупреждение будущих.

Список цитированных источников

1. Серебряков, В. О. Санкционная политика как инструмент воздействия на суверенные государства / В. О. Серебряков // Беларус. думка. – 2023. – № 10. – С. 48–53.

2. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской конституции как фактор расширения правового статуса граждан / Г. А. Василевич // Современные новеллы Конституции Республики Беларусь : сб. ст. по материалам круглого стола, Минск, 11 марта 2023 г. / БГУ, юрид. фак., каф. конституционного права ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 12–16.

3. Якубовский, О. А. Политико-правовые аспекты государственного управления Республики Беларусь в условиях санкционного давления / О. А. Якубовский // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции : материалы круглого стола, Минск, 28 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., каф. политологии. – Минск: БГУ, 2024. – С. 246–251.

МЕСТО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Ярмоц Елена Николаевна
доцент кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент
Yarmots84@bk.ru

До сих пор судебная архитектура не была предметом исследования отечественных правоведов. В то же время научный интерес к этому вопросу наблюдается у архитекторов и искусствоведов. Междисциплинарные исследования, посвященные взаимосвязи права, юридической этики и архитектуры, можно найти у представителей западноевропейской и американской юридической науки.

Архитектура – это совокупность символов, знаков и сообщений, которые, хотя и придают пространству смысл, не всегда понятны «непосвященным». В этой связи исследовательский интерес представляет восприятие правосудия сквозь призму места его осуществления, обусловленное динамикой судебного архитектурного пространства в историко-правовом контексте.

Й. Хейзинга отмечал, что важнейшим условием осуществления правосудия является определение места: «всякое место, где совершается правосудие, – это подлинное «теменос» (др.-греч. *τέμενος*), освященное место, отрезанное, отгороженное от обычного мира. Это поистине магический круг, игровое пространство, внутри которого привычное деление людей по их рангу временно прекращается <…>» [1, с. 86].

С древнейших времен в качестве значимых мест, где осуществлялось «правосудие», использовались каменные круги, городские ворота, деревья и т. п. Эти места избирались либо из прагматических соображений (легкодоступность или близость к поселению), либо как изначально имеющие статус «священного» места, а, следовательно, подходящие для отправления правосудия [2, p. 1].

В Афинах центром государственной и общественной жизни, а также местом осуществления правосудия была Агора. Прототипом Агоры в Древнем Риме можно считать форум. Однако общие пространственные ассоциации, до сих пор проявляющиеся в современной судебной архитектуре, можно проследить на примере древнеримских базилик, которые возводились для осуществления судебных, административных, а также иных общественно значимых функций [2, p. 7].

В начале XI в. в средневековой Европе центром отправления правосудия являлся замок, который одновременно выполнял оборонительно-фортификационные и иные функции. Позже судебные и административные функции были закреплены за дворцами (Дворцы правосудия в Лиможе, Лионе, Монпелье).

Однако с развитием промышленности, городов, массовой миграции в них населения, с осознанием роли права в жизни общества и повышением авторитета юридической профессии, возникла необходимость в проектировании и строительстве отдельных зданий, предназначенных исключительно для осуществления правосудия. Так появились многие классические образцы самых известных зданий судов.

Архитектура судебных учреждений США формировалась под влиянием английских архитектурных канонов. Так, здания местных судов изначально строились на торговых площадях по английскому образцу – прямоугольное двухэтажное здание, на первом этаже которого размещался рынок или финансовая биржа, на втором – многофункциональные помещения, в том числе и судебные. Здания судов штатов и графств, помимо отправления правосудия, выполняли иные важные административные и общественные функции (налогообложение, лицензирование, запись актов гражданского состояния и т.п.). Часто судебные заседания проходили в арендованных или частных домах магистратов, тавернах [3, p. 104]. Лишь с середины XVIII в. началось строительство обособленных зданий судов.

В Российской империи применительно к судебным учреждениям прослеживается та же тенденция – специально отведенных зданий для осуществления правосудия долгое время не существовало. Как правило, здания, впоследствии используемые как суды, строились изначально для иных целей. К примеру, здание Нижегородского окружного суда первоначально было домом вице-губернатора, а позже – гостиницей [4]. Здание Екатеринбургского окружного суда изначально являлось домом титулярного советника, многократно перепродаваемым и сдаваемым в аренду частным лицам [5].

На белорусских землях с момента зарождения белорусской государственности дела наибольшей важности рассматривались в Великокняжеском («господарском») суде. Местом отправления правосудия был княжеский двор. Когда великий князь был в отъезде, правосудие осуществлялось по месту его нахождения [6, с. 24, 104–105].

Специально отведенным местом для осуществления правосудия обладал копный суд – «*капавішча*» («копішча», «капавіска», «копіска») – место на возвышенности (часто насыпанное для этих целей), куда ставили лавы, расположенное за деревней, в лесу или на границе с соседним поселением. Часто копище собиралось под большим деревом. Существовала еще одна разновидность копы – «гвалтоўная» («гарачая»), которая не имела специального места сбора. Потерпевший «падымаў гвалт» и все взрослые, кто его слышал, сбегались на место происшествия [7].

С принятием Статутов Великого Княжества Литовского произошла институционализация судебной системы – были учреждены замковые («гродскія»), земские и подкоморские суды. Обычным местом заседания гродских судов был хозяйский («господарский») двор, который находился в центре повета [8, с. 66]. В то же время для заседаний гродского суда

отводилась «изба судовая». Однако известны случаи заседания суда и в иных местах. К примеру, «в дому мещанина Павла Допъковича» или в имении старосты [8, с. 67]. Местом заседания земского суда был замок, княжеский двор или двор поветовый. «Суд отправляется в центре повета, на месце звыклом и заседает в особом дому судовомъ, устроенном для судовыхъ заседаній» [9, с. 279].

Подкоморским судам были подсудны земельные споры и споры о границах. При этом суду нередко приходилось осматривать границы, тянувшиеся на большие расстояния и таким образом передвигаться в течение нескольких дней с места на место. Обычным местом для суда являлись имения, которым принадлежали оспариваемые земли. Причем само разбирательство обычно проходило под открытым небом («на кгрунте сеножати, где спор был», «на врочищу в пуще его королевской милости <…>») [10, с. 357].

После разделов Речи Посполитой судебная система и судебная архитектура на белорусских землях развивалась по тем же канонам, что и в Российской империи в соответствующий период времени.

Таким образом, правосудие не может осуществляться вне конкретного места и пространства. На протяжении веков судебные пространства принимали различные формы – от древнегреческой Агоры, средневековых замков и дворцов до современных отдельных зданий судов, предназначенных для осуществления правосудия.

Список цитированных источников

1. Хейзинга, Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: Прогресс–Традиция, 1997. – 416 с.

2. Scott, L. Court: The Place of Law and the Space of the City // Journal of Architectural Research. – 2016. – Vol. 1(1): 5. – P. 1–27.

3. Norman, W. Spaulding. The Enclosure of Justice: Courthouse Architecture, Due Process, and the Dead Metaphor of Trial // Yale Journal of Law & the Humanities. Vol. 24. – 2012. – P. 101–133.

4. Здание окружного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Здание_Окружного_суда. – Дата доступа: 20.09.2023.

5. Здание окружного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Здание_Окружного_суда – Дата доступа: 20.09.2023.

6. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права : Вучэб. дап. / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.

7. Буцін, Д. С. Копны суд у Вялікім Княстве Літоўскім (XVI – XVIII стст.): «капавішчы» («копішчы») і «копныя аколіцы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/98058/1/42-46.pdf. – Дата доступа : 21.01.2024.

8. Лаппо, И. И. Гродскій судъ въ Великом Княжестве Літовскомъ въ XVI столетіи / И. И. Лаппо // Журналъ Министерства народнаго просвещенія. – 1908. – янв. Ч. XIII. – С. 51–114.

9. Лаппо, И. И. Земскій судъ въ Великомъ Княжестве Літовскомъ въ конце XVI века / И. И. Лаппо // Журналъ Министерства народнаго просвещенія. – 1897. – июнь. Ч. CCCXI. – С. 263–301.

10. Лаппо, И. И. Подкоморскій судъ въ Великомъ Княжестве Літовскомъ въ конце XVI века и начале XVII века / И.И. Лаппо // Журналъ Министерства народнаго просвещенія. – 1899. – август. Ч. CCCXXIV. – С. 341–403.

РАЗДЕЛ 2

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ГРАЖДАНСКИХ, ХОЗЯЙСТВЕННЫХ, ТРУДОВЫХ, ФИНАНСОВЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПЛАТФОРМЕННЫХ ЗАНЯТЫХ

Авдей Анна Генриховна
заведующий кафедрой современных технологий образования взрослых Института повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент
avdejgr@mail.ru

Платформенная занятость – это современная нетипичная форма занятости, которая становится все более востребованной во всем мире. Республика Беларусь не исключение в данном процессе, в стране население работает на Интернет-платформах. Данный вид занятости является составным элементом платформенной экономики. Он предполагает гибкие условия труда, возможность выбора времени и проектов, места работы и ряд иных условий для работающих.

Деятельность платформенных занятых происходит в сети Интернет. Исследуемая гибкая форма занятости способствует доступному заработку населения. Платформенная занятость имеет низкие барьеры входа, что делает ее привлекательной для таких категорий как: молодежь; родители, осуществляющие уход за детьми; инвалиды; пенсионеры.

В данной работе, хотим обратить внимание на проблему отсутствия должной правовой регламентации рассматриваемых отношений и сделать акцент на способах защиты платформенных занятых.

В Российской Федерации активно проводятся исследования платформенной занятости [1; 2], в Республике Беларусь количество исследований относительно немногочисленное [3; 4]. В настоящее время существует необходимость правовой регламентации исследуемых отношений и научной проработки данного направления деятельности государства.

Анализ зарубежного опыта правового регулирования платформенной занятости в целом и способов защиты занятых в частности показал отсутствие универсальных и эффективных решений. Беларуси необходимо выработать собственную правовую основу с учетом национальных интересов и безопасности. Решение вопросов платформенной занятости должно

обеспечить баланс интересов всех заинтересованных субъектов: операторов цифровой платформы, занятых и заказчиков.

Акцентируем внимание на дискуссионности вопроса относительно отраслевой принадлежности правовой регламентации общественных отношений, возникающих при платформенной занятости. Нет ответа на вопрос, к какой категории относятся платформенные занятые: это наемные работники, самозанятые, индивидуальные предприниматели, работающие по гражданско-правовым договорам?

Объективно существует множество различных видов цифровых платформ, соответственно необходим дифференцированный подход к правовому регулированию деятельности на них субъектов. Думается, что только операторы цифровых платформ-посредников, которые находятся между теми, кто оказывает работы (услуги) и заказчиками, и координируют порядок работ и услуг, должны нами рассматриваться как наниматели.

Очевидно, что ярко и явно в нетипичных формах занятости прослеживается единство публичных и частных начал в правовом регулировании трудовых отношений.

Законодательство Республики Беларусь отраслевое. Под защитой трудового законодательства находятся наемные работники, иные работающие – под защитой гражданского права.

Считаем, что платформенная занятость на упомянутых нами выше цифровых платформах-посредниках должна быть интегрирована в трудовые отношения. Этот вывод исходит из того, что у работающего на подобных платформах имеется определённый график работы, фиксированные выплаты заработной платы, рабочие место и иные признаки трудовых отношений. В нашей стране уже имеется прекрасный положительный опыт правового регулирования одной из форм нетипичной занятости – дистанционной работы, что удовлетворяет интересы всех заинтересованных субъектов.

Полагаем, что концептуально неверными являются утверждения, содержащиеся в доктринальных источниках о том, что исследуемые правоотношения исключительно гражданско-правовые, которым присущи соответствующие способы защиты. Для гражданско-правовых отношений присуща свобода договора. При введении дополнительных требований к цифровым платформам-посредникам, включая аспекты социальной защиты работающих на них, будет иметь место ограничение данной свободы. Данный тезис еще раз доказывает, что эти отношения явно имеют признаки трудовых.

В заключении отметим, что в силу существующей дифференциации цифровых платформ требуется дифференцированный подход к правовому регулирования платформенной занятости. Способы защиты прав занятых на цифровых платформах также должны применяться в зависимости от правосубъектности оператора цифровой платформы.

Список цитированных источников

1. Лютов, Н. Л. Трудовое право в условиях больших вызовов: монография / Н. Л. Лютов, Н. В. Черных. – М.: ООО «Проспект», 2023. – 176 с.

2. Забелина, О. В. Новации зарубежного опыта нормативно-правового регулирования платформенной занятости / О. В. Забелина, М. В. Сергеева // Экономика труда. – 2024. – Т. 11. – № 10. – С. 1563-1574.

3. Томашевский, К. Л. Гибкие формы занятости: понятие, формы и анализ Рекомендаций / К. Л. Томашевский // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 9.– С. 12–15.

4. Чесалина, О. В. Трудоправовые гарантии для лиц, занятых посредством онлайн-платформ / О. В. Чесалина // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – № 1.– С. 108–117.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛАСТЕРНОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Амельченя Юлия Александровна
ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
aua_post@tut.by

В экономической науке одной из форм организации деятельности хозяйствующих субъектов является кластер, определение которого впервые, как принято считать, сформулировано М. Портером. Им в качестве кластера рассматривалась группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций (образовательные, инфраструктурные организации), действующих в определенной сфере (рыночной нише) и взаимодополняющих друг друга.

Специальное юридическое «оформление» подобной формы организации предпринимательской деятельности отсутствует. Соответственно, может быть использован любой вариант из имеющихся в законодательстве – договорная форма, создание отдельного юридического лица, координирующего деятельность организаций, входящих в состав кластера. Но при этом должны выполняться сущностные признаки кластера: географическая близость [1, с. 190]; наличие кластерной инициативы, самоорганизация, агломерация конкурентоспособных хозяйствующих субъектов [1, с. 190; 2, с. 12–15], наличие конкуренции и кооперации между ними; подчинение определенной цели на основе согласованного экономического интереса [3, с. 16].

На сегодняшний день кластерная форма рассматривается в стратегических нормативных правовых актах Республики Беларусь как одно из условий регионального развития государства, равно

как и на уровне евразийской интеграции, Союзного государства акцент сделан на кооперационные связи между хозяйствующими субъектами и реализацию кооперационных проектов. Кластер может выступать основой для подобной кооперации в разных сферах и, в особенности, в сфере промышленности.

Очевидным образом для создания условий функционирования кластера предпочтительно сопровождение кластерных или кооперационных проектов мерами государственной поддержки, которые на сегодняшний день отсутствуют. В то же время правоприменительная практика иллюстрирует следующее.

Верховным Судом Республики Беларусь (далее – ВС) рассмотрено дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ф» к Государственному комитету по науке и технологиям Республики Беларусь (далее – ГКНТ) о признании недействительным ненормативного правового акта – приказа от 2 августа 2021 г. № 228 [4].

Судом установлено, что 28 января 2019 г. ООО «Ф» зарегистрировано в качестве субъекта инновационной инфраструктуры (научно-технологического парка, технопарка). Из материалов дела следует, что для целей такой регистрации был представлен бизнес-проект, содержащий обоснование о том, что регистрация ООО «Ф» технопарка позволит создать до конца 2023 г. вокруг данного субъекта в регионе биотехнологический учебно-научно-производственный кластер с регистрацией не менее 10 резидентов технопарка, которые будут реализовывать инновационные проекты.

Установлено, что за период деятельности ООО «Ф» его основной вид деятельности был связан с производством и реализацией товара. При этом особенность нормативно определенного статуса технопарка состоит в том, что основными направлениями его деятельности должны быть не производство, а оказание поддержки резидентам технопарка; содействие в создании и развитии на его базе субъектов малого предпринимательства в сфере инновационной деятельности с приобретением ими статуса резидента технопарка и осуществление материально-технического, финансового, организационно-методического, информационного, консультационного и иного обеспечения их деятельности; осуществление научной, научно-технической и инновационной деятельности (ст. 26 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности»). 23 июля 2021 г. на заседании коллегии ГКНТ деятельность технопарка ООО «Ф» в 2019 г. признана не соответствующей направлениям деятельности, определенным законодательством (на основании информации, представленной Комитетом государственного контроля Республики Беларусь и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь).

Также установлено, что ООО «Ф» было предоставлено ООО «Л» как резиденту технопарка в аренду имущество, которое не использовалось

для осуществления инновационной деятельности. Именно данное обстоятельство упомянуто в приказе ГКНТ от 2 августа 2021 г. № 228 как основание для лишения ООО «Ф» статуса субъекта инновационной инфраструктуры (технопарка), и с правомерностью принятого решения согласился ВС, а также кассационная инстанция ВС.

Надо отметить, что факт регистрации субъекта в качестве технопарка является основанием не только для предоставления в аренду резидентам помещений, что имело место в данном деле, но также и льгот по уплате налога на прибыль (ставка налога для технопарка и его резидентов – 10 %) (п. 2 ст. 184 Налогового кодекса Республики Беларусь), но при условии, если их деятельность соответствует направлениям деятельности, определенным законодательством, а деятельность резидентов технопарков является инновационной.

Таким образом, можно сделать ряд выводов:

в данном примере кластерная инициатива исходила от хозяйствующего субъекта, по оценкам которого создание в регионе биотехнологического учебно-научно-производственного кластера с регистрацией не менее 10 резидентов технопарка позволило бы реализовывать инновационные проекты по соответствующему направлению;

использование договорной формы кластера в приведенном примере не предполагалось, поскольку координация деятельности резидентов технопарка могла осуществляться самим технопарком в пределах определенных законодательством полномочий.

Представляется, что на данном этапе создание каких-либо дополнительных мер государственной поддержки для кластерной формы организации деятельности не требуется, поскольку может быть задействован потенциал не только правового режима осуществления инновационной деятельности, но также и иных преференциальных режимов осуществления предпринимательской деятельности [5; 6; 7] с предоставлением тех льгот и преференций, которые для таких режимов нормативно закреплены, и при выполнении условий их применения.

Список цитированных источников

1. Якименко, Е. Н. Транснациональные корпорации и кластера / Е. Н. Якименко // Иппокрена. – 2014. – № 2. – С. 186–206.

2. Якушева, Г. А. Кластерная концепция повышения конкурентоспособности предприятий в контексте сетевого сотрудничества и государственно-частного партнерства / Г. А. Якушева. – Витебск: ВГТУ, 2009. – 373 с.

3. Рутко, Д. Ф. Кластеры в Европейском союзе: механизм формирования и тенденции развития: автореф. дис. … канд. эконом. наук : 08.00.14 / Д. Ф. Рутко; Белорус. гос. эконом. ун-т. – Минск, 2015. – 29 с.

4. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 1 октября 2021 г., дело № 1ЭАП2121 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://court.gov.by/ru/resheniya/sudebnoj/kollegii/po/ekonomicheskim/delam/verhovnogo/suda/2b9334a8d83d4eb1.html. – Дата доступа: 28.05.2024.

5. Амельченя, Ю. А. Преференциальные режимы осуществления предпринимательской деятельности в государствах – членах Евразийского экономического союза / Ю. А. Амельченя // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.] – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2023. – Вып. 8 – С. 29–35.

6. Амельченя, Ю. А. Преференциальные режимы осуществления предпринимательской деятельности / Ю. А. Амельченя // Правовое обеспечение благоприятной деловой среды в контексте устойчивого развития Республики Беларусь: монография / Ю. А. Амельченя [и др.]; под ред. О. А. Бакиновской ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск: Колорград, 2023. – С. 93–116.

7. Амельченя, Ю. А. Некоторые теоретические аспекты преференциальных режимов осуществления предпринимательской деятельности / Ю. А. Амельченя // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2023. – Вып. 18. – С. 342–352.

КОНСОРЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бакиновская Ольга Александровна
заместитель руководителя Института – начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
bakinov187@mail.ru

Правовое регулирование общественных отношений, в том числе в сфере экономики, должно отвечать современным реалиям, быть направленным на формирование четких и понятных субъектам экономических отношений правил поведения. Одновременно необходимо обеспечивать гибкость правового воздействия, в ряде случаев устанавливая правовые «рамки» и предоставляя возможность выбора оптимальной экономической модели взаимодействия субъектов хозяйствования. К такой модели могут быть причислены консорциумы, в основе которых лежит соответствующее соглашение сторон о координации совместных действий по реализации общего проекта.

Организация взаимодействия в рамках консорциума широко распространена в финансовой, строительной, образовательной и иных сферах. В литературе указывается, что «договор консорциума заключается, зачастую, в случае необходимости реализации большого промышленного проекта, когда заказчик, в определенных случаях представляющий собой государство (в лице его органов), заказывает создание крупного производственного объекта, реализовать которое могут лишь несколько субъектов

одновременно, причем с одновременной кооперацией (сотрудничеством) не только и не столько в строительной и производственной сферах, но и в сфере объединения финансовых средств для реализации соответствующего проекта» [1].

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение понятий «консорциум», «договор консорциума», «договор о консорциуме», однако модели, основанные на консорциальных отношениях, в частности, по совместному участию в торгах в их широком смысле слова (в качестве участника как стороны) для последующей реализации проекта либо выполнения работ (оказания услуг), начинают получать свое распространение.

Например, Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП) допускает возможность участия в конкурсе группы юридических лиц и (или) иностранных организаций, не являющихся юридическими лицами, подавшими совместное заявление (далее – группа лиц). Такая группа лиц вправе осуществлять подготовку и вносить предложения о реализации проектов государственно-частного партнерства в качестве частных инициаторов. Закон о ГЧП не регламентирует вопросы взаимодействия между участниками группы лиц, в том числе отсутствуют упоминания об обязательности наличия какого-либо соглашения между ними. Однако предположить, что в практике такого рода взаимодействие по совместному участию в конкурсе группы лиц будет производиться без соответствующего договора, достаточно затруднительно, поскольку проект государственно-частного партнерства является сложным инфраструктурным проектом, предполагающим осуществление инвестиций в создание, модернизацию объекта инфраструктуры, в его техническое обслуживание, эксплуатацию. В данном случае законодатель, допуская возможность подачи совместного заявления на участие в конкурсе, не вмешивается в вопросы взаимоотношений участников этой группы лиц, ограничивая ее субъектный состав только юридическими лицами и (или) иностранными организациями, не являющимися иностранными организациями.

Далее Указ Президента Республики Беларусь от 7 октября 2021 г. № 385 «О создании и деятельности холдингов» (далее – Указ о холдингах), допуская возможность участия в процедурах закупок управляющей компании холдинга или определенной ею дочерней компании совместно с иными участниками холдинга, в качестве обязательного условия такого участия устанавливает наличие соглашения о совместном участии в процедуре закупки. Правовая природа и отраслевая принадлежность обозначенного соглашения не определена, но в качестве существенных условий указаны права, обязанности и ответственность участников, в том числе по вопросам реализации их полномочий в ходе процедуры закупки, предусмотренных законодательством о закупках.

Дальнейшее развитие консорциальные отношения получили в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон о госзакупках), нормы которого в настоящее время допускают совместное участие в процедуре государственной закупки юридических и (или) физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей в двух случаях:

установленных законодательными актами (на момент подготовки настоящего материала к таковым относятся только нормы Указа о холдингах);

если такая возможность предусмотрена заказчиком.

Решение заказчика о возможности совместного участия в процедуре государственной закупки отражается в документах, предоставляемых для подготовки предложения (при проведении конкурентных процедур государственных закупок), а также в решении заказчика о проведении процедуры закупки из одного источника. Соглашение о совместном участии в госзакупках, допускаемое по решению заказчика на стороне участника, не может быть заключено, если проектом договора предусмотрена выплата аванса участнику.

В отличие от Закона о ГЧП и Указа о холдингах нормы Закона о госзакупках содержат более подробную правовую регламентацию совместного участия нескольких субъектов в процедурах госзакупок. Следует отметить, что данное соглашение поименовано как соглашение о совместном участии в процедуре государственной закупки, и формальное отсутствие слова «договор» не влияет на квалификацию данного соглашения как имеющего гражданско-правовую природу.

Целью его заключения является участие в конкретной процедуре госзакупки нескольких субъектов и соответственно оно должно определять права, обязанности и ответственность юридических и (или) физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей – сторон такого соглашения по вопросам реализации их полномочий в ходе проведения процедуры госзакупки, предусмотренных законодательством. Определение места данного соглашения в системе гражданско-правовых договоров нуждается в дополнительном обосновании и исследовании, но на настоящем этапе можно утверждать, что оно не относится к договорам подрядного типа либо возмездного оказания услуг.

Также данное соглашение не может быть определено как договор простого товарищества (договор о совместной деятельности). В отличие от договора простого товарищества (договора о совместной деятельности), предполагающего обязательное внесение вкладов со стороны товарищей, соглашение о совместном участии в процедуре государственной закупки не подразумевает внесение в обязательном порядке денег, иного имущества, профессиональных и иных знаний, умений, навыков, либо деловой репутации или деловых связей.

Непродолжительный характер действия норм, допускающих возможность совместного участия в процедурах государственных закупок, не позволяет оценить с достаточной степенью достоверности их эффективность. Однако правоприменительная практика уже свидетельствует об определенном непонимании и недооценке со стороны потенциальных участников процедур государственных закупок преимуществ такого механизма. Функционал существующих в Республике Беларусь электронных торговых площадок, предлагающих участнику при подаче предложения выбрать вариант совместного участия путем проставления соответствующей отметки в экранной форме, в настоящее время привел к наличию ошибок.

Таким образом, можно констатировать постепенное проникновение консорциальных конструкций в правовое поле Республики Беларусь, в частности, в сфере государственно-частного партнерства, закупок.

Представляется перспективным дальнейшее исследование обозначенных вопросов, в том числе на предмет возможного законодательного урегулирования договора о консорциуме.

Список цитированных источников

1. Функ, Я. И. Договор консорциума, как вид договорного обязательства, применяемого в международном торговом обороте [Электронный ресурс] / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ // ЭТАЛОН. Правоприменительная практика / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЛДИНГОВ И КОНЦЕРНОВ

Белоусова Снежана Дмитриевна
младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
snezhana_belousova_1998@mail.ru

На сегодняшний день в целях противодействия внешним вызовам и обеспечения стабильного функционирования экономики Республики Беларусь законодателем создаются и реализовываются новые национальные механизмы и инструменты [1, с. 146]. Отдельный интерес представляют меры, направленные на предотвращение вывода капитала из страны, т. к. в капитале множества белорусских организаций, входящих в холдинги или концерны, участвуют иностранные юридические и физические лица. Такие лица, опасаясь принудительных мер и вторичных санкций, которые могут нанести им серьезный финансовый ущерб, склонны изменять свое

поведение в соответствии с требованиями инициатора, воздерживаясь в дальнейшем от взаимодействия с подсанкционным государством и лицами, связанными с этим государством [2, с. 38]. Соответственно, это может создать серьезные препятствия для нормального осуществления деятельности отечественных юридических лиц и их объединений.

В Беларуси такие меры закреплены в Указе Президента Республики Беларусь от 14 марта 2022 г. № 93 «О дополнительных мерах по обеспечению стабильного функционирования экономики». Так, на основании разрешений, выдаваемых в порядке и на условиях, установленных Советом Министров Республики Беларусь могут осуществлять следующие меры: 1) отчуждение участниками (акционерами) юридических лиц Республики Беларусь, являющимися лицами из иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц, долей в уставных фондах (акций); 2) реорганизация юридических лиц Республики Беларусь, собственники имущества, участники которых являются лицами из иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц, а также выход из такого юридического лица участника, являющегося лицом из вышеуказанного государства (пп. 2.13 п. 2). В постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 6 апреля 2022 г. № 209 «О перечне иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц» содержатся все государства – члены Европейского Союза, Соединенные Штаты Америки, Канада и другие.

В контексте выстраивания эффективной регуляторной политики в корпоративной сфере, а также с учетом тесного взаимодействия Беларуси и России в рамках выполнения Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг., утвержденных Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2, представляется интересным опыт Российской Федерации, где приняты схожие меры.

Так, для обеспечения устойчивости экономики Российской Федерации был принят Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» (далее – Закон № 470-ФЗ). В соответствии с п. 1 ст. 4 Закона № 470-ФЗ для приостановления корпоративных прав иностранной холдинговой компании достаточно одного из обстоятельств, в частности:

1) отказ (уклонение) иностранной холдинговой компании от осуществления прав и (или) от добросовестного исполнения обязанностей акционера (участника) экономически значимой организации (далее – ЭЗО) либо возникновение угрозы такого отказа (уклонения);

2) совершение иностранной холдинговой компанией действий (допущенное бездействие), направленных на создание препятствий для управления ЭЗО и (или) осуществления ею обычной хозяйственной деятельности, в том числе фактическое прекращение управления деятельностью такой организации его единоличным исполнительным органом или коллегиальными органами управления, назначенными (избранными) полностью или в любой части по предложению иностранной холдинговой компании;

3) совершение иностранной холдинговой компанией иных действий (допущенное бездействие), которые могут привести к прекращению или приостановлению деятельности, ликвидации или несостоятельности (банкротству) ЭЗО.

В Законе № 470-З определены критерии по формированию перечня экономически значимых организаций, понятие иностранной холдинговой компании, поводы для приостановления корпоративных прав, принадлежащих иностранной холдинговой компании, последствия приостановления корпоративных прав, принадлежащих иностранной холдинговой компании, и другое.

Вместе с тем в Законе № 470-З установлено, что приостановление корпоративных прав, принадлежащих иностранной холдинговой компании в отношении ЭЗО, которое выражается в лишении права голоса на общем собрании акционеров (участников), утрате права распоряжаться акциями (долями) и преимущественным правом приобретения в случае их отчуждения третьим лицам и т.д., осуществляется в судебном порядке.

В российской судебной практике уже имеются дела о приостановлении иностранной холдинговой компанией корпоративных прав в ЭЗО. В частности, Арбитражный суд Московской области удовлетворил иск Министерства промышленности и торговли Российской Федерации о приостановлении корпоративных прав компании X5 Retail Group N.V. (Нидерланды) в отношении «Корпоративного центра Икс 5», управляющего сетями «Пятерочка», «Перекресток» и «Чижик» [3]. Также Арбитражный суд Московской области удовлетворил иск Министерства финансов Российской Федерации о приостановлении осуществления иностранной холдинговой компанией ABH Financial Limited корпоративных прав в акционерном обществе «АБ Холдинг» [4]. При этом перечень ЭЗО Правительством Российской Федерации дополняется [5].

Очевидно, что принятые меры являются временными и необходимы для недопущения «блокировки» деятельности юридических лиц и в особенности их объединений (холдингов, концернов), которые в основном сосредоточены в стратегически значимых отраслях экономики, иностранными лицами.

Таким образом, с целью предотвращения оттока финансовых ресурсов и защиты прав и интересов организаций и граждан белорусский зако-

нодатель вынужден принимать меры ограничительного характера в корпоративной сфере. Указанные меры временны, они направлены на повышение внутренней устойчивости экономики, включая обеспечение макроэкономической стабильности. Аналогичная ситуация характерна и для Российской Федерации, где, однако, установлен судебный механизм приостановления корпоративных прав.

Список цитированных источников

1. Тарарышкина, Л. И. Меры по обеспечению стабильного функционирования экономики Республики Беларусь в условиях внешних вызовов / Т. А. Верезубова, Л. И. Тарарышкина // Глобальная неопределенность. Развитие или деградация мировой экономики? Абалкинские чтения : сб. ст. XI междунар. науч. конф., Москва, 17–18 мая 2022 г. : в 2-х т. / Российск. эконом. ун-т им. Г. В. Плеханова ; под ред. С. Д. Валентея. – М., РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2022. – Т. 2. – С. 146–152.

2. Okusako, H. Theoretical Aspects of Sanctions / H. Okusako // The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions / editor K. Kirkham. – Routledge, 2023. – 1 st ed. – Pp. 37–47.

3. Решение Арбитражного суда Московской области от 25 апреля 2024 г. № А41–26836/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/7f5d5ded-55a5-4efc-9221-e715b0832cbf. – Дата доступа: 10.07.2024.

4. Решение Арбитражного суда Московской области от 13 мая 2024 г. № А41-35527/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/92e64b0e-33c6-46b4-b5f4-f5c1fb634dd3. – Дата доступа: 10.07.2024.

5. Об утверждении перечня экономически значимых организаций [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ, 1 марта 2024 г., № 491-р : в ред. распоряжения Правительства РФ от 12.07.2024 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ КОДИФИКАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бондаренко Наталья Леонидовна
заведующий кафедрой хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
bondarenkonl@yahoo.com
Конаневич Юрий Григорьевич
старший преподаватель кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета
konanewitsch@yahoo.com

Вопросам обеспечения качества законодательства и эффективности правовых норм традиционно посвящаются как многочисленные публикации ученых-правоведов [1; 2], так и целые научные мероприятия [3].

«Постоянное совершенствование законодательства, формирование внутренне согласованной нормативной правовой базы, в том числе поддержание баланса в структуре законодательства» В. А. Шаршун называет «одними из важнейших задач функционирования национальной правовой системы, приобретающими особую значимость в период конституционных изменений, влекущих масштабный пересмотр законодательства», акцентируя внимание на необходимости выработки и внедрения в практику научных и обоснованных подходов к дальнейшему совершенствованию законодательства, а также обеспечения постоянного мониторинга нормативного правового массива на предмет его сбалансированности и оптимальности, недопущения избыточности правового регулирования [2, с. 398].

Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь (далее – Концепция). Глава 5 Концепции определяет правовую политику в области развития законодательства, а п. 45 Концепции конкретизирует ее применительно к сферам гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства, указывая на необходимость провести кодификацию инвестиционного законодательства, а также систематизацию (кодификацию) национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Вопрос о кодификации законодательства об интеллектуальной собственности уже неоднократно обсуждался авторитетными специалистами в данной области, большинство из которых высказались о необходимости систематизации национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности, отметив, однако, что «кодификация – это не единственный вариант систематизации законодательства» [4].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» кодификация – вид систематизации нормативных правовых актов, сопровождающейся переработкой установленного ими правового регулирования общественных отношений путем объединения нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт (кодекс, правила), содержащий систематизированное изложение нормативных правовых предписаний, направленных на правовое регулирование определенной области общественных отношений. Помимо кодификации, систематизация нормативных правовых актов осуществляется путем консолидации, инкорпорации, в том числе электронной инкорпорации, проведения справочно-информационной работы и иными способами (п. 2 ст. 72). Поэтому задача законодателя сводится к тому, чтобы принимая решение о систематизации законодательства, избрать корректный и наиболее приемлемый ее вид, обеспечивающий адекватность, целостность и системность правового регулирования (п. 5 Концепции).

Французский ученый Реми Кабрияк писал: «любая кодификация является юридически техническим ответом на потребность в правовой определенности, порожденную кризисом источников права, связанной с бесси-

стемным ростом их количества…» [5, с. 114]. Отталкиваясь от этого тезиса, постараемся оценить потребность в кодификации инвестиционного законодательства, принимая во внимание ряд факторов.

Во-первых, Инвестиционный кодекс Республики Беларусь (далее – ИК) от 22 июня 2001 г. утратил силу спустя всего 12 лет после его принятия. Не вполне понятно, какие настолько существенные изменения произошли за истекшие десять лет, вызвавшие потребность возврата к отвергнутой ранее идее кодекса, разработка которого потребует расходования значительных ресурсов и будет сопряжена с серьезным пересмотром и реформированием большого объема законодательства.

Во-вторых, Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» достаточно успешно регулирует инвестиционные отношения «традиционного» характера, т. е. складывающиеся в рамках гражданского оборота и с использованием исключительно объектов гражданских прав, находящихся в гражданском обороте (п. 1 ст. 1).

В-третьих, финансовые, интеллектуальные инвестиции и инвестиции в человеческий капитал также складываются по поводу осуществления инвестиций, но по своей правовой природе не являются инвестиционными, хотя и содержат инвестиционный элемент. Финансовые инвестиции регулируются нормами специального законодательства (банковского, страхового, законодательства о рынке ценных бумаг и валютном рынке), а интеллектуальные инвестиции регулируются законодательством об интеллектуальной собственности, научной и инновационной деятельности.

Разработка ИК потребует урегулирования всей системы общественных отношений инвестиционного характера путем объединения в рамках одного кодекса правовых норм, содержащихся в настоящее время в банковском законодательстве, законодательстве о рынке ценных бумаг, о государственных инвестициях, об инвестициях в человеческий капитал и пр., что практически неосуществимо. Полагаем, что для регулирования сферы реальных инвестиций достаточно Закона Республики Беларусь «Об инвестициях», имеющего рамочный характер и направленного на привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь, обеспечение гарантий, прав, свобод и законных интересов инвесторов, а также их равной защиты.

В то же время объективно назрела необходимость разработки и принятия Хозяйственного кодекса Республики Беларусь (далее – ХК) [6], что очевидно вытекает из анализа норм ГК, и, в частности, ст. 1 ГК. Хозяйственные правоотношения обладают собственными идентифицирующими признаками: они исключительно публичные, а также институциональные и организационные, в отдельных случаях отягощенные элементом процессуальных отношений. Поэтому из ГК в ХК должны быть перемещены все нормы о деятельности (ее типах, видах и формах, в том числе, о предпринимательской и непредпринимательской хозяйственной деятельности);

корпоративном и ведомственном управлении организациями; определяющие правовой режим агентских правоотношений, включая вопросы публично-частного партнерства; касающиеся государственной монополии на функции, объекты владения и виды деятельности; касающиеся функционирования публично-правовых корпораций. В ХК необходимо также закрепить критерии идентификации субъекта хозяйственной деятельности в качестве институциональной единицы соответствующего типа. Поскольку имплементация вышеназванных правовых норм в ГК противоречит предмету гражданско-правового регулирования.

Список цитированных источников

1. Осипов, М. Ю. Качество российского законодательства как ключ к повышению его эффективности / М. Ю. Осипов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 88–95.

2. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах оптимизации законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-optimizatsii-zakonodatelstva-respubliki-belarus. – Дата доступа: 08.08.2024.

3. Повышение качества законодательства как средство юридической безопасности : материалы междунар. круглого стола, Минск, 16 ноября 2018 г. / БГУ, юрид. фак., каф. констит. права ; под ред. Г. А. Василевича, Т. С. Масловской. – Минск : БГУ, 2019. – 101 с.

4. Кодификация законодательства об интеллектуальной собственности: дань моде или объективная необходимость [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: https://www.belta.by/roundtable/view/kodifikatsija-zakonodatelstva-ob-intellektualnoj-sobstvennosti-dan-mode-ili-objektivnaja-neobhodimost-1483/?utm_source=pocket_mylist. – Дата доступа: 08.08.2024.

5. Кабрияк, Р. Кодификации = Les codifications / Реми Кабрияк ; пер. и вступ. ст. Л. В. Головко. – Самара : Статут, 2007. – 474 с.

6. Каменков, В. Нужен ли Хозяйственный кодекс Республики Беларусь? / В. Каменков // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 10. – С. 42–45.

ФОРМА СОГЛАШЕНИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА И ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА

Василевский Андрей Витальевич
главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
vasileuskiav@gmail.com

В Беларуси на протяжении последних семи лет интенсивно ведется экспертная работа по масштабному осовремениванию положений ГК. С момента ее начала по настоящее время в силу п. 5 Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой

экономики» в рамках Парка высоких технологий проводится правовой эксперимент по апробации соглашения о предоставления опциона на заключение договора (далее – соглашение о предоставлении опциона) и опционного договора (в общем и целом названные договорные модели далее – договоры с опционом) на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство. Советом Министров Республики Беларусь совместно с Национальным центром законодательства и правовых исследований на основании информации о положительных промежуточных результатах правового эксперимента подготовлены предложения о дополнении ГК статьями 399^1 «Опцион на заключение договора» и 399^2 «Опционный договор», нашедшие свое развитие и нормативное закрепление в Законе Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон № 312-З).

В республике динамично ведется нормотворческая деятельность по закреплению договоров с опционом в гражданском законодательстве. Вместе с тем в отечественной юридической литературе их анализу уделяется недостаточное внимание. В связи с этим в настоящем исследовании рассмотрим теоретико-практические аспекты формы договоров с опционом.

По общему правилу, закрепленному в ч. 1 п. 1 ст. 402 ГК, договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем его существенным условиям. Следовательно, для признания договора заключенным сторонам необходимо соблюсти требования законодательства к форме выражения своей воли и фиксации ее содержания.

Соглашение о предоставлении опциона в соответствии с п. 5 ст. 399^1 ГК (в редакции Закона № 312-З) заключается в форме, установленной для договора об основном обязательстве. Соответственно, если договор об основном обязательстве подлежит заключению в письменной форме (простой или нотариальной), то и соглашение о предоставления опциона заключается в этой же форме. В отношении отдельных видов договоров об основном обязательстве наряду с формой в законодательстве установлен также способ заключения. Например, договор продажи недвижимости в соответствии с ч. 1 ст. 521 ГК подлежит заключению в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. Вместе с тем в п. 5 ст. 399^1 ГК (в редакции Закона № 312-З) закреплены правила определения лишь формы соглашения о предоставления опциона. Специальные требования к способу его заключения в законодательстве не предусмотрены. На основании изложенного следует, что стороны свободны в выборе способа заключения соглашения о предоставлении опциона в том числе в случаях, когда в отношении опосредуемого им договора об основном обязательстве в законодательстве установлено требование о его заключении определенным способом.

Правила определения формы соглашения о предоставлении опциона

основываются на положительной практике применения резидентами Парка высоких технологий соответствующих экспериментальных правовых предписаний ч. 8 пп. 5.2 п. 5 Декрета № 8. Вместе с тем разработчиками Декрета № 8 на основании сферы действия законодательного акта по кругу лиц, а также положений ст. 162 и п. 2 ст. 22 ГК, по умолчанию подразумевалась письменная (простая или нотариальная) форма заключения соглашения о предоставлении опциона. После дополнения ГК ст. 399^1 сфера действия правового регулирования соглашения о предоставлении опциона по субъектному составу расширяется на неопределенный круг лиц, в число которых также включены физические лица. В силу ст. 162 ГК становится возможной устная форма заключения такого соглашения при соблюдении следующих условий: сторонами соглашения являются физические лица; опционом опосредуется договор об основном обязательстве, в отношении которого в актах законодательства не установлена определенная форма его заключения; сумма опционной премии не превышает десятикратного размера базовой величины. Между тем устная форма заключения соглашения о предоставлении опциона не позволяет с достаточной степенью достоверности и определенности зафиксировать на длительное время направленность воли сторон и содержание его условий, что в конечном счете приводит к юридическим спорам. В целях предупреждения рисков криминогенного характера и обеспечения всесторонней защиты интересов сторон соглашения о предоставлении опциона уместно учесть опыт правового регулирования предварительного договора как литеральной сделки. В п. 5 ст. 399^1 ГК целесообразно предусмотреть, что в случае, если форма основного договора, подлежащего заключению в законодательстве не установлена, соглашение о предоставлении опциона подлежит заключению в письменной форме.

В отношении опционного договора в ст. 399^2ГК (в редакции Закона № 312-З) не закреплены правила определения формы и способа его заключения. В правоприменительной практике опционный договор фактически представляет собой основное обязательство, в содержание которого включены условия об опционе, опосредующем гражданские права и обязанности по нему. Условия об опционе не трансформируют суть, форму и способ совершения основного обязательства. В связи с этим опционный договор заключается в форме и способом, установленными для опосредуемого им основного обязательства.

В содержании ст. 399^1 и 399^2 ГК (в редакции Закона № 312-З) не предусмотрены правовые последствия несоблюдения требований к заключению договоров с опционом в письменной форме. Вместе с тем с помощью договоров с опционом могут опосредоваться отдельные виды обязательств, несоблюдение простой письменной формы совершения которых влечет их недействительность. На соглашение о предоставлении опциона такие последствия влияние не оказывают, поскольку само

соглашение и договор об основном обязательстве два взаимосвязанных, но по порядку заключения разделенных между собой договора. В то время как опционный договор считается недействительным в силу той же логики правоприменения, что при определении формы его заключения. Несоблюдение нотариальной (квалифицированной письменной) формы договоров с опционом, согласно п. 1 ст. 166 ГК, влечет их недействительность. Такие договоры считаются ничтожными. Однако в случае, если одна из сторон полностью или частично выполнила договор с опционом, требующий нотариального удостоверения, а другая сторона уклоняется от такого удостоверения, суд вправе по требованию исполнившей договор стороны признать его действительным. Последующее нотариальное удостоверение договора согласно п. 2 ст. 166 ГК не требуется. Сторона, необоснованно уклоняющаяся от нотариального удостоверения, на основании п. 4 ст. 166 ГК, должна возместить другой стороне убытки, вызванные задержкой в совершении договора. К письменной форме договоров с опционом в законодательстве и по соглашению сторон могут предъявляться дополнительные квалифицированные требования (например, совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и др.). При предъявлении дополнительных требований устанавливаются последствия их несоблюдения, а в случае их отсутствия применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки.

МИРОВАЯ СДЕЛКА КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ИСТОКИ В РИМСКОМ ПРАВЕ

Давыденко Дмитрий Леонидович
доцент кафедры международного права
Белорусского государственного университета, докторант,
кандидат юридических наук
dmitridavydenko@gmail.com

Вклад римского права в европейскую и мировую правовую культуру урегулирования споров включает создание особого правового института для урегулирования споров – мировой сделки (мирового соглашения), или *transactio*.

Латинское слово *«transactio»* в общей лексике означает 1) соглашение, сделка; 2) завершение, окончание [1, с. 780]. Применительно к мировым сделкам это выражает тот смысл, что данный договор завершает, оканчивает спор с тем, чтобы стороны более к нему не возвращались и первоначальных требований и возражений, ставших предметом *transactio*, не заявляли (т. е. договор имеет преюдициальное действие).

Следует также обратить внимание на то, что *«transactio»* образовано от двух слов: *«trans»* – «через; с другой стороны; за пределами» и «*actio*» – «иск; жалоба; судебное дело» [1, с. 25]. Вместе их сочетание может быть истолковано как нечто (в данном случае соглашение спорящих), стоящее на пути иска, преграждающее его.

В римском праве институт мировой сделки был впервые доктринально разработан и законодательно оформлен. В дальнейшем он был взят за основу во многих правовых системах.

Постепенно мировая сделка сформировалась как особого рода договор. В классическом римском праве под ним стало пониматься соглашение, посредством которого стороны спора путем взаимных уступок урегулировали или предупреждали спор по поводу наличия или точного содержания их взаимных прав и обязанностей. Одна из сторон (или же обе) отказывается от своего притязания, соглашается получить меньшее по сравнению со своими первоначальными требованиями [2, с. 256]. Мировая сделка прекращает спорность, неопределенность в правоотношениях (*res dubia*), заменяя ее на согласованные правоотношения (*res transacta*).

Если впоследствии неопределенность, которая стала мотивом заключения стороной мировой сделки, оказалась устранена, то это не являлось основанием для оспаривания мировой сделки [3, с. 134].

Наряду с взаимными уступками существенным условием мировой сделки являлась неопределенность в отношении наличия и содержания субъективных прав, которая, как правило, заключалась в спорности притязаний стороны или сторон: исход рассмотрения данного дела судом был сомнителен. «Кто заключает мировую сделку, тот вступает в соглашение о сомнительном деле и о находящемся в неопределенном положении и неоконченном споре...» (Ульпиан) [4, с. 202].

Это могла быть неопределенность по поводу точного содержания права. «Такая неопределенность возникала, например, в ситуации, когда кому-нибудь отказаны в завещании пожизненные алименты: поскольку срок жизни лица, управомоченного на получение алиментов, неизвестен, то неизвестна также общая сумма алиментов, которую ему придется выплатить. В таком случае *transactio* заключалось в том, что лицо, управомоченное на получение алиментов, отказывалось от своего права на них, а взамен получало единовременную денежную сумму» [5, с. 211].

В частности, мировой сделкой могла устраняться неопределенность, содержащаяся в юридическом акте или документе, регулирующем взаимные права и обязанности сторон, например, в договоре. Отсутствие неопределенности прав влекло невозможность заключения мировой сделки [4, с. 203]. Так, если по спору уже было вынесено судебное решение, окончательное и вступившее в законную силу, то мировая сделка по данному спору не могла быть заключена [5, с. 211]. Если же судебное решение еще могло быть обжалованным, т. е. формально правовое основание

для спора сохранялось, то мировая сделка могла быть заключена и после вынесения такого судебного решения.

Стороны прибегали к *transactio* и в тех случаях, когда истец испытывал трудности в доказывании своих требований, а ответчик также не был уверен в благоприятном для себя судебном решении [6, с. 475].

В качестве предоставлений, совершаемых сторонами при заключении мировой сделки для устранения неопределенности притязания, мог выступать полный или частичный отказ стороны от притязания (или, соответственно, признание притязания другой стороны) в обмен на определенную имущественную компенсацию.

Мировой сделкой стороны могли урегулировать и отношения, не входящие в предмет спора, если это было необходимо для совершения компенсации стороне за отказ от своего притязания. Так, компенсация могла состоять в установлении, прекращении или изменении какого-либо вещного или обязательственного права: результатом заключения мировой сделки могла быть передача вещи или погашение обязательства. Оно имело обязательную силу для преемников сторон (как для универсальных, так и для сингулярных) [5, с. 210].

К заключению мировой сделки по некоторым «чувствительным» предметам закон предъявлял особые требования. Мировая сделка, предметом которой являлись алименты, отказанные по завещанию, имела юридическую силу только в случае ее утверждения магистратом. Смысл такой меры заключался в защите интересов стороны, управомоченной на получение алиментов. Магистрат проверял, соответствует ли мировая сделка интересам такого лица.

При толковании мировой сделки для установления ее существования и предмета следовало исходить не только из ее буквы, но и духа примирения (*animus transigendi*), т. е. выраженного сторонами намерения прекратить спор, их воли урегулировать имеющиеся разногласия.

Последствием неисполнения мировой сделки одной из сторон могло являться возникновение у другой стороны права требовать ее расторжения. Сторона, не исполнившая мировую сделку, утрачивала право требовать ее исполнения другой стороной.

Таким образом, в римском праве институт мировой сделки был впервые доктринально разработан и законодательно оформлен, пройдя путь от неформального внесудебного соглашения к самостоятельному частноправовому договору, который имел процессуальные последствия. Его существенными условиями стали взаимные уступки с целью устранения неопределенности в отношении наличия, объема и/или содержания субъективных прав. Мировой сделке свойственно преюдициальное действие в смысле исключения последующего предъявления новых претензий и возражений по предмету прекращенного ею спора.

Практически все указанные положения, устанавливавшие правовой режим мировой сделки в римском праве, были восприняты с незначительными модификациями в современном европейском континентальном праве, принадлежащем к романо-германской правовой семье [7]. Данный опыт представляется актуальным для Республики Беларусь. В нашей стране отсутствует регулирование мировой сделки (мирового соглашения) в материальном гражданском праве. Имеются лишь положения об особенностях ее заключения в ходе судебного процесса, требованиях к ее содержанию и процессуальных последствиях. Между тем, как видно из изложенного, по своей сути и генезису это гражданско-правовой договор, достаточно специфический, сложный и значимый, требующий специального регулирования в Гражданском кодексе.

Список цитированных источников

1. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь. Около 200 000 слов и словосочетаний / И. Х. Дворецкий. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 846 с.

2. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права / Ч. Санфилиппо ; под ред. Д. В. Дождева. – М.: Изд-во БЕК, 2002. – 400 с.

3. Матвеева, С. Д. Формирование конструкции мировой сделки в римском частном праве / С. Д. Матвеева // Изв. ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3. – С. 133–138.

4. Дигесты, Книга вторая, Титул XV «О мировых сделках» / Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало–М, 1997. – 607 с.

5. Хвостов, В. М. Система Римского права / В. М. Хвостов. – М.: Спарк, 1996. – 522 с.

6. Дождев, Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. члена-корр. РАН, проф. В. С. Нерсесянца. – М.: Инфра М–Норма, 1996. – 704 с.

7. Давыденко, Д. Л. Мировое соглашение вне суда и его урегулирование гражданским правом / Д. Л. Давыденко // Хозяйство и право. – М., 2005. – Приложение к № 2. – 48 с.

ПРЕДПРОВЕРОЧНЫЙ АНАЛИЗ КАК ФОРМА НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В КОНТЕКСТЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Евсикова Елена Витальевна
доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент
Helen_yevsikova@mail.ru
Шкляр Татьяна Александровна
Заместитель Председателя Верховного Суда Республики Крым - доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук

Выступая предварительным изучением данных и информации о налогоплательщике, его контрагентах и реальности указанных в налоговой отчетности операций, предпроверочный анализ уже давно и негласно получил статус предварительной формы осуществления финансового и налогового контроля, которая, предшествует его осуществлению. Она представляет собой совершение ряда проверочных действий в отношении проверяемого субъекта со стороны контролирующих органов, что придает данному явлению достаточно противоречивый смысл. Отсутствие законодательного закрепления данной категории и порядка осуществления предпроверочного анализа вызывает еще больше вопросов и споров вплоть до судебных разбирательств относительно правомочности его проведения.

Как правило, большинством ученых предпроверочный анализ рассматривается как особый вид контрольно-аналитической деятельности, который предшествует проведению выездных налоговых проверок и направлен на обеспечение их эффективности [1, с. 80].

Порой предпроверочный анализ понимается как новый вид налоговой проверки, которая осуществляется в рамках налогового контроля и требует надлежащего правового урегулирования в целях защиты прав налогоплательщиков [2, с. 45].

В свою очередь, Е. Л. Васянина вполне справедливо называет предпроверочный анализ «нерегламентированными законодательством процедурами, предшествующими проведению налоговой проверки, основанием которых являются критерии самостоятельной оценки рисков», предусмотренных внутренними актами Федеральной налогово службы России, что привело к формированию крайне негативной практики реализации налогового контроля, проявляющейся в возможности неограниченного усмотрения фискальных органов при осуществлении контрольно-надзорных функций [3, с. 165].

Следует отметить, что предпроверочный анализ осуществляется в рамках проведения публичного финансового контроля, который в условиях цифровой трансформации будет реализовываться путем проверок, мониторинга, а также в иных формах в рамках определенного порядка, предусмотренного действующим законодательством, с помощью различных цифровых инструментов органами публичной власти (федерального и регионального уровня, и муниципальными органами, осуществляющими муниципальный финансовый контроль) в целях соблюдения, применения, исполнения и использования субъектами финансовых правоотношений требований действующего законодательства в сфере реализации процедур планирования, аккумулирования, распределения и использования финансовых ресурсов для реализации публичных целей (реализации публичных интересов), а также целей противодействия (предупреждения, выявления, пресечения, профилактики и минимизации) нарушений требований действующего законодательства всеми субъектами финансовых правоотношений [4, с. 229].

Однако законодательного определения категории «предпроверочный анализ» и порядка его проведения на сегодняшний день нет, вследствие чего возникает вопрос о правомерности проведения таких проверок в форме предпроверочного анализа и законных основаниях его проведения, которые действующим законодательством не предусмотрены.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 93.1 Налогового кодекса Российской Федерации «в случае, если вне рамок проведения налоговых проверок у налоговых органов возникает обоснованная необходимость получения документов (информации) относительно конкретной сделки, должностное лицо налогового органа вправе истребовать эти документы (информацию) у участников этой сделки или у иных лиц, располагающих документами (информацией) об этой сделке», которое участник сделки, получивший требование, должен исполнить в течение 10-ти дней под угрозой привлечения к налоговой ответственности.

Вместе с тем на практике это приводит к тому, что запрашиваемые документы зачастую превышают проверяемый период, объем отправки соответствующей информации по почте весьма ограничен и не всегда можно воспользоваться таким путем для выполнения требования в силу значительных объемов запрашиваемой информации. Передача документов путем доставки служебным/личным транспортом не всегда возможна, а отправка такой информации с помощью цифровых инструментов в электронном виде требует ведения соответствующего реестра. Это создает ряд существенных трудностей, как для проверяемого субъекта (налогоплательщика), так и для его контрагентов, что зачастую приводит к неоднократным судебным обжалованиям и спорам. При этом контролирующие органы под прикрытием истребования документов по конкретной сделке фактически истребуют документы по всем взаимоотношениям с контрагентом, т. е. осуществляют мероприятия налогового контроля, которые могут проводиться только в рамках налоговых проверок.

В то же время судебная практика не признает предпроверочный анализ формой проведения налогового контроля, прямо указывая на это в судебных решениях и ссылаясь на п. 4 ст. 82 Налогового кодекса России. Указанной нормой предусматривается, что при осуществлении налогового контроля не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации о налогоплательщике (плательщике сбора, налоговом агенте), полученной в нарушение положений Конституции России, Налогового кодекса и иных федеральных законов. Кроме того, судебной практикой признается, что законным является истребование налоговым органом у налогоплательщиков документов только в рамках проведения конкретного мероприятия налогового контроля, на которое должно быть указано в соответствующем требовании о предоставлении документов (информации) и (или) в поручении об истребовании документов. При этом вне рамок налоговой проверки налоговым органом может быть запрошена информация только в отношении конкретной сделки, идентифицирующие сведения о которой также указываются в требовании, а не о всей деятельности предпринимателя или предприятия.

Таким образом, в контексте развития финансового и налогового законодательства следует прямо предусмотреть такую форму финансового и налогового контроля как предпроверочный анализ с определением его статуса и порядка его проведения, а также возможность проверяющих органов предварительно запрашивать документы и информацию только в рамках конкретного проверочного мероприятия по конкретной сделке и операции и за определенный период с обоснованием причины запроса конкретных документов. За нарушение указанного порядка проведения предпроверочного анализа следует установить ответственность.

Список цитированных источников

1. Цинделиани, И. А. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации / И. А. Цинделиани, Т. А. Гусева, А. В. Изотов // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 77–87.

2. Красюков, А. В. Предпроверочный анализ как новый вид налоговой проверки / А. В. Красюков // Финансовое право. – 2018. – № 1. – С. 44–46.

3. Васянина, Е. Л. Налоговое администрирование и налоговый контроль: проблемы осуществления, перспективы развития / Е. Л. Васянина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 160–169.

4. Евсикова, Е. В. Публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации (теоретико-правовой аспект) / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 3. – С. 224–236.

ОСОБЕННОСТИ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ СУПРУГОВ

Короткевич Мария Павловна
доцент кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
mpkorotkevich@yandex.by

Имущественная сфера отношений супругов вызывает большое количество дискуссионных вопросов, практических проблем, которые анализируются в научной литературе [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Среди имеющих место проблем на сегодняшний день сохраняют актуальность и вопросы регулирования порядка распоряжения имуществом, нажитым супругами в период брака.

После заключения брака по общему правилу на имущество, нажитое супругами, распространяется законный режим, когда пределы владения, пользования, распоряжения имуществом, а также порядок и условия его раздела определяются конкретными нормами. Изменить установленный законом режим возможно заключив с соблюдением необходимых требований брачный договор. Исходя из норм ст. 13 КоБС супруги в брачном договоре могут указать, в частности, условия относительно изменения установленного законодательными актами режима общей совместной собственности супругов путем установления долевой собственности или собственности каждого из супругов на все имущество, подлежащее отнесению в соответствии с законодательными актами к общей совместной собственности, или на отдельные виды такого имущества. Исходя из указанного, если имущество супругов будет нажито в период брака и согласно положениям брачного договора поступает в раздельную собственность одного из супругов, то такой супруг вправе самостоятельно распоряжаться имуществом.

В вопросах регулирования имущественных отношений супругов по поводу их общего имущества необходимо учитывать возможность применения к данным отношениям не только норм семейного законодательства, но и гражданского. Такая возможность следует из положений ч. 2 ст. 7 КоБС, п. 1 ст. 1 ГК. Поддерживаем ранее высказанную позицию относительно приоритета применения к имущественным отношениям супругов семейного законодательства, с допустимостью применения гражданского законодательства к семейным отношениям лишь в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством о браке и семье, отмеченную и в доктрине [1; 8, с. 112]. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 7 КоБС гражданское законодательство Республики Беларусь применяется к семейным отношениям только в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством Республики Беларусь о браке и семье. В ст. 1 ГК содержится положение, что семейные отношения регулируются гражданским законодательством, если законодательством о браке и семье не предусмот-

рено иное. Таким образом, гражданское законодательство применимо к семейным отношениям только в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством Республики Беларусь о браке и семье.

В частности, вопрос о применимом праве возникает в случае распоряжения имуществом, находящимся в общей совместной собственности, при определении порядка согласования воли всех участников общей совместной собственности. Относительно распоряжения имуществом, находящимся в общей совместной собственности супругов в ч. 1 ст. 23 КоБС определяется, что супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом, если иное не предусмотрено брачным договором.

В ГК более детально регламентирован порядок распоряжения имуществом, находящимся в общей собственности, видом которой является общая совместная собственность супругов (п. 3 ст. 246 ГК). В соответствии с положениями п. 2 ст. 256 ГК распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершена сделка по распоряжению имуществом. Также в п. 2 ст. 256 ГК закреплено, что для распоряжения недвижимым имуществом необходимо письменное согласие всех участников совместной собственности. При этом данная норма ГК не закрепляет требования о необходимости получения письменного согласия второго супруга при распоряжении одним из супругов иным имуществом, нажитом супругами в период брака (кроме недвижимого).

В Республике Беларусь независимо о того состоят ли супруги в браке, в частности, нотариусы в правоприменительной деятельности при удостоверении договоров об отчуждении и о залоге имущества, находящегося в совместной собственности супругов, руководствуются нормами ст. 256 ГК (п. 19 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63).

В правоприменительной практике Российской Федерации имеет место иной подход. В частности, при распоряжении имуществом одним из супругов в период брака при определении порядка согласования применяются нормы Семейного кодекса Российской Федерации (ст. 35), а в случае расторжения брака – нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 253) [9].

Таким образом, порядок распоряжения имуществом супругов, нажитом в период брака, зависит от режима собственности супругов (законный или договорный (при наличии брачного договора)), вида имущества в отношении которого ставится вопрос о его распоряжении (движимые, недвижимые вещи, иное имущество). В Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, порядок распоряжения имуществом супругов по инициативе одного из участников не зависит от момента такого распоряжения (в период брака или после его расторжения).

Список цитированных источников

1. Короткевич, М. П. Возникновение права совместной собственности супругов / М. П. Короткевич // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект : материалы Междунар. научн.-практ. конф., приуроченной к юбилею доктора юрид. наук, проф. Ю. Ф. Беспалова. – М.: РГ–Пресс, 2019. – С. 162–169.
2. Матвеев, А. Г. Режим совместного имущества супругов и исключительное право на товарный знак: ошибки судебной практики / А. Г. Матвеев // Рос. судья. – 2023. – № 2. – С. 18–22.
3. Ильина, О. Ю. Оценочные категории в Семейном кодексе Российской Федерации / О. Ю. Ильина // Социально-юридическая тетрадь. – 2022. – № 12. – С. 54–61.
4. Низамиева, О. Н. Презумпция общности имущества супругов и их ответственность по обязательствам / О. Н. Низамиева // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. – 2016. – № 3 (110). – С. 90–95.
5. Рузанова, В. Д. Практические проблемы, возникающие при разделе общего имущества супругов / В. Д. Рузанова // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Право. – 2018. – № 2. – С. 39–49.
6. Короткевич, М. П. Страховые выплаты в составе общего имущества супругов / М. П. Короткевич // Социально-юридическая тетрадь. – 2021. – № 11. – С. 57–69.
7. Короткевич, М. П. Общее имущество супругов: особенности определения в нотариальной и судебной практике / М. П. Короткевич // Вестн. ЯрГУ. Сер. Гуманитар. науки. – 2023. – Том 17, № 3. – С. 402–413.
8. Семейное право: учеб. пособие / В. Н. Годунов [и др.]; под ред. В. Н. Годунова, М. П. Короткевич. – Минск : Изд. центр БГУ, 2024. – 392 с.
9. Расторгуева, А. А. Раздел имущества между супругами и наследниками: правовые аспекты / А. А. Расторгуева. – М.: Редакция «Российской газеты», 2019. – Вып. 4. – 144 с.

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИЙ

Куницкая Ольга Михайловна
доцент кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
volhakun@mail.ru

При регулировании инвестиционных правоотношений используются такие правовые средства, как правовые стимулы и, как правило, они касаются специальных правовых режимов осуществления инвестиций стимулирующего характера.

Общественная значимость инвестиций является достаточно высокой. Согласно преамбуле Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) в качестве одной из целей и назначения инвестиционного законодательства определено «привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь». Как нам представляется, данное положение определяет наиболее общие

характеристики пределов правовых стимулов осуществления инвестиций, и оно сформулировано с учетом интересов общества и государства.

При регулировании осуществления инвестиций путем объединения и обособления комплекса правовых норм, касающихся правых стимулов осуществления инвестиций, принимаются отдельные нормативные правовые акты. Речь идет о свободных экономических зонах, Белорусско-Китайском Индустриальном парке «Великий камень», Парке высоких технологий и др. То есть при помощи совокупности правовых средств, стимулирующих и ограничивающих осуществление инвестиций, создаются отдельные правовые режимы осуществления инвестиций.

Авторы предлагают «совокупность юридических средств стимулирующей и ограничивающей направленности» именовать «исключительным режимом» и считать его «частью механизма правового регулирования», где «основным средством, используемым для формирования режимов данного вида являются юридические исключения (льготы, преимущества, преференции), создающие особый порядок правового регулирования общественных отношений» [1, с. 9–10].

По мнению Н. А. Айзетулловой «правовой стимул инвестиционной деятельности означает правовое средство, направленное на побуждение правомерного и (или) желательного поведения при непосредственной реализации субъектами инвестиционных правоотношений своих правомочий (интересов) в целях поощрения развития направления нужного для общества и (или) государства, и фактически выступает в качестве правового средства установления желаемого законодателем правопорядка в сфере инвестиционной деятельности» [2, с. 111].

Правовые стимулы инвестиционной деятельности выражаются в субъективных правах инвесторов (ст. 12 Закона об инвестициях) (прежде всего, как собственника инвестиций), гарантиях прав инвесторов (ст. 15-18 Закона об инвестициях), льготах и (или) преференциях, иных мерах государственной поддержки (ст. 13 Закона об инвестициях). Инвесторы вправе использовать льготы и (или) преференции, иные меры государственной поддержки при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики) для осуществления инвестиций и в иных случаях, установленных законодательными актами и (или) международными договорами Республики Беларусь, международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза (п. 1 ст. 13 Закона об инвестициях).

Таким образом, юридические средства как инструменты и технологии, входят в механизм правового регулирования для придания упорядоченной формы правопорядка, стабильности и преемственности.

Способом оформления правовых средств, которые могут воздействовать на осуществление инвестиций как стимулирующе, так и ограничивающе, выступают инвестиционно-правовые нормы.

По своему значению правовые стимулы в правовом регулировании осуществления инвестиций несут в себе значимую роль в решения задачи по привлечению инвестиций в экономику. Это должно быть четко и конкретно отражено в целях законодательства об инвестициях.

Суть правовых стимулов состоит в том, что они предопределяются потребностью осуществления социально полезной деятельности средствами, исключающими государственное принуждение. У инвестора имеется выбор в поведении, и он побуждается к такому поведению, в котором заинтересовано государство и общество.

Система правовых стимулов в инвестиционной сфере включает в себя права инвестора, меры государственной поддержки инвесторов, гарантии его прав и меры по защите инвестиций. Указанные правовые средства обязательно должны быть нормативно определены, и могут использоваться субъектами только в тех случаях и порядке, которые предусмотрены нормативными правовыми актами. Конкретные правовые стимулы воплощаются в юридические нормы, в соответствующие институты инвестиционного права, благодаря чему наполняются правостимулирующим содержанием.

Последствиями ненадлежащего или неэффективного их использовании могут стать неадекватность правовых предписаний, их неполная социальная обусловленность, несоответствие реальным потребностям субъектов правоотношений.

Правовые режимы осуществления инвестиций включают в себя не только систему правовых стимулов, но и ограничений, и могут стать специальными правовыми режимами, включающими целый комплекс условий, призванных стимулировать позитивную активность инвестора или ее ограничивать.

Наличие таких исключительных правовых режимов свойственно правовому регулированию осуществления инвестиций, и их установление следует признать особенностью правового регулирования в сфере инвестиций.

Список цитированных источников

1. Афзалетдинова, Г. Х. Исключительные режимы в российском праве / Г. Х. Афзалетдинова : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2016. – 29 с.

2. Айзетуллова, Н. А. Система правовых стимулов и правовых ограничений инвестиционной деятельности в сфере предпринимательства: сущность, структура, взаимосвязи элементов / Н. А. Айзетуллова // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 110–113.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ

Лобанова Елена Николаевна
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и профсоюзной работы Международного университета «МИТСО»
e.lobanova1102@gmail.com

Новеллой белорусского гражданского законодательства 2018 г. стало внесение дополнений и изменений в ст. 29 ГК (Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь»), которые вступили в силу через два года после официального опубликования названного Закона. В настоящее время согласно ст. 29 ГК основаниями для признания гражданина недееспособным являются: психическое расстройство (заболевание), в результате которого гражданин не может понимать значение своих действий или руководить ими и бессознательное состояние гражданина, в связи с заболеванием исключающее возможность понимать значение своих действий или руководить ими. В обоих случаях над такими гражданами устанавливается опека и от имени гражданина, признанного недееспособным, по вышеуказанным основаниям сделки совершает его опекун. Общность данных оснований состоит в том, что у физического лица в силу заболевания нарушена сознательно-волевая сфера личности: отсутствует как интеллектуальный критерий, т. е. гражданин не способен понимать и осознавать значение своих действий, так и волевой критерий – способность руководить своими действиями, планировать их, предвидеть последствия таких действий и нести соизмеримую ответственность за них, составляющие психологическое содержание недееспособности. Сущность дееспособности граждан регламентирована в ст. 20 ГК. Дееспособность предполагает осознанную и правильную оценку человеком совершаемых им действий, имеющих правовое значение, т. е. это свойство субъекта гражданского права, зависит от степени психической зрелости лица. Зрелость же психики зависит как от возраста, так и психического здоровья человека [1, с. 110]. Е. Г. Белькова дееспособность определяет как «…способность человека сознательно выражать свою волю при совершении юридических сделок и руководить своими поступками с осознанием их последствий» [2, с. 47].

Отличие рассматриваемых оснований, указанных в ст. 29 ГК состоит в том, что согласно Закону Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи»: при психических расстройствах (заболеваниях) у физического лица происходит расстройство психического здоровья вследствие нарушения функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, со-

циальных, иных факторов, характеризующееся психопатологическими и (или) поведенческими нарушениями, т. е. можно сделать вывод, что у гражданина сознание есть, но оно нарушено в силу определенных факторов, которые препятствуют адекватному восприятию окружающей обстановки, осознанию себя в обществе и адекватному поведению. В отношении бессознательных состояний отметим, что законодательное закрепление данного термина в Республике Беларусь отсутствует, но исходя из Международной классификации болезней Десятого пересмотра (МКБ 10), действующей в Республике Беларусь [3], к таким состояниям можно отнести «кому неуточненную» (R40.2 в МКБ – бессознательное состояние БДУ) и различные вегетативные состояния организма человека, вызванные последствиями травм, отравлений и других воздействий внешних причин (Т90–Т98 в МКБ 10) при которых, биологические функции организма сохраняются, однако признаки сознательной деятельности у человека отсутствуют. Следует отметить, что Республика Беларусь является единственной страной Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в ГК которой бессознательное состояние закреплено как основание для признания гражданина недееспособным. Законодатели государств-членов ЕАЭС: Российской Федерации (ст. 29), Республики Казахстан (ст. 26), Республики Армения (ст. 31) и Кыргызской Республики (ст. 64) придерживаются консервативных положений и рассматривают психическое расстройство, слабоумие, душевную болезнь как единственный признак физического лица, являющийся основанием, наличие которого, позволяет признать гражданина недееспособным. Таким образом, следует признать, что анализ гражданских кодексов стран участников ЕАЭС позволяет констатировать, что в настоящее время отсутствует единство в легальных подходах к определению оснований для признания лица недееспособным. Вместе с тем, исходя из анализа гражданского законодательства вышеперечисленных государств, во всех случаях признание гражданина недееспособным, распространяется и на его процессуальную дееспособность: его права, свободы и законные интересы в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия защищают законные представители – опекуны.

Включение положения о бессознательном состоянии гражданина в силу заболевания, как основания признания такого физического лица недееспособным в ст. 29 ГК было весьма оправдано и по ряду причин, связанных с невозможностью самим лицом и его членами семьи (близкими родственниками) осуществлять юридические действия, совершать гражданско-правовые сделки, распоряжаться доходами и имуществом такого лица, исполнять обязанности и обязательства должника (в т. ч. третьим лицам), а также участвовать в рассмотрении дел в рамках гражданского судопроизводства. В связи с этим, дополнения и изменения были внесены также в ч. 2 п. 1 ст. 895 ГК, в которой регламентировано право заключения договора доверительного управления имуществом в интересах гражданина, который в связи с заболеванием находится в бессознательном состоя-

нии, исключающем возможность понимать значение своих действий или руководить ими, без выплаты вознаграждения доверительному управляющему. Аналогичные дополнения и изменения были внесены в процессуальное законодательство Республики Беларусь (ст. 373–376 ГПК).

В связи с вышеизложенным, п. 6. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. «О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности», необходимо привести в соответствие с ч. 2 п. 1 ст. 29 ГК, дополнив следующим содержанием: «…является наличие у него психического расстройства (заболевания), в силу которого он не может понимать значение своих действий или руководить ими и бессознательное состояние гражданина, в связи с заболеванием, исключающее возможность понимать значение своих действий или руководить ими» и разъяснить судам при рассмотрении дел данной категории, что необходимо понимать под дефиницией «бессознательное состояние» как с медицинской (прим. автора согласно клиническим протоколам Министерства здравоохранения Республики Беларусь), так и с юридической точки зрения. Кроме того, п. 10 данного постановления, дополнить следующей формулировкой: «Обратить внимание судов, что состояние гражданина, который в связи с заболеванием находится в бессознательном состоянии, в обязательном порядке подтверждается заключением врачебно-консультационной комиссии, организации здравоохранения, иной организации, осуществляющей медицинскую деятельность, в которой этому гражданину оказывается медицинская помощь, подтверждающим такое состояние гражданина».

Представляется, что правильное и своевременное рассмотрение судами дел данной категории, является основным средством защиты прав и охраняемых законом интересов лиц, находящихся в бессознательном состоянии в связи с заболеванием, признанных судом недееспособными, основной целью которого является реализация и защита имущественных прав таких граждан. Кроме того, это поможет избежать разночтений в правоприменительной практике и заполнит существующие пробелы в действующем законодательстве.

Список цитированных источников

1. Борисов, В. В. Значение градаций дееспособности для характеристики статуса субъекта гражданского права / В. В. Борисов // Общество и право. – 2009. – № 1 (23). – С. 108–113.

2. Белькова, Е. Г. Гражданская дееспособность / Е. Г. Белькова // Изв. ИГЭА. – 2007. – № 1. – С. 47–50.

3. Международная классификация болезней Десятого пересмотра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mkb-10.com. – Дата доступа: 27.06.2024.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Максименко Елена Владимировна
старший преподаватель кафедры хозяйственного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
магистр юридических наук
maksimenkaev@bsu.by

Развитие строительной отрасли всегда способствовало росту экономической активности в смежных с ней отраслях, которые удовлетворяют спрос с ее стороны в необходимых ресурсах, а также обеспечению занятости и благосостояния населения. В свою очередь законодательство должно обеспечивать эффективность строительной деятельности.

В современных условиях актуальность совершенствования правового регулирования общественных отношений в строительной отрасли неоспорима, поскольку данная сфера находится под влиянием множества перемен и вызовов. Особое влияние на нее оказывают фундаментальные технологические изменения, связанные с инновационным развитием, повышением роли человеческого капитала, усилением глобальной конкуренции.

При формировании законодательства помимо современных тенденций всегда учитывается сложившаяся национальная система, которая, как правило, совершенствуется с учетом динамики развития общественных отношений.

Строительная отрасль всегда шла в ногу со временем, руководствуясь задачами, которые ставило государство и опираясь на соответствующую систему управления и правовую базу. Самым значительным по времени и оказавшим существенное влияние на современное строительное законодательство Республики Беларусь явился советский период. Советский этап развития законодательства в рассматриваемой сфере характеризуется сложной системой нормативного регулирования, которая была обусловлена как системой социалистического общества, так историческими событиями. Под влиянием этих факторов на протяжении длительного времени была сформирована и структура государственного управления в строительстве. Становление советской законодательной базы в области строительства происходило в условиях преобладания общественного над частным, незначительной ролью местных органов власти, необходимостью ликвидации последствий Великой Отечественной войны.

Система управления строительством основывалась на территориально-отраслевом принципе. Строительными организациями руководили общесоюзные, союзно-республиканские и республиканские строительные министерства, а также входящие в их состав главные территориально-

строительные управления, комбинаты, объединения и другие организации. Территориальные и отраслевые организации фактически дублировали функции друг друга, при этом сохранялся и централизованный контроль в общих вопросах [1, с. 61].

Действовало большое количество ведомственных постановлений, распоряжений, приказов как на союзном уровне, так и на уровне республик, которые часто заменяли собой законы. Вся строительная деятельность основывалась на планах, выполнение которых было обязательным.

В сложившиеся правовой базе строительного регулирования сложно было разобраться даже профессионалу со значительным опытом практической деятельности. Вместе с тем, в плановой административной системе созданная структура управления строительным комплексом и правовая база справлялись с возложенными на них функциями, а предпринимаемые на протяжении различных периодов попытки разработки единого кодифицированного акта, регулирующего вопросы строительной деятельности, не увенчались успехом.

В суверенной Республике Беларусь законодательство и система государственного управления в области строительства развивались в соответствии с происходившими общественными изменениями. Необходимость нового законодательства была обусловлена проводимыми экономическими реформами. Зарождался рынок недвижимости, в котором начали действовать различные субъекты, преследующие собственные интересы, и требовалось обеспечивать приоритет общественных интересов. Был принят Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1993 г. № 2613-XII «Об основах архитектурной и градостроительной деятельности». Указом Президента Республики Беларусь от 26 августа 1994 г. № 74 создан республиканский орган управления строительной деятельностью – Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, на который были возложены функции по реализации государственной политики в области строительства, архитектуры и градостроительства.

В дальнейшем законодательство совершенствовалось. В 2004 г. был принят Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь», который являлся основополагающим законодательным актом, определяющим государственное регулирование архитектурной, градостроительной и строительной деятельности до 2024 г. В него неоднократно вносились изменения, также принимались другие нормативные правовые акты, регламентирующие строительную деятельность.

Большое влияние на строительную деятельность, включая упрощение нормативной базы, оказал Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства». Нормами данного Декрета поручалось разработать единый кодифицированный акт в области строительства. Кодекс Республики Беларусь об архитектур-

ной, градостроительной и строительной деятельности был принят 17 июля 2023 г. и вступил в силу в 2024 г. Его основные положения направлены на совершенствование и упрощение требований к архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, минимизацию административных процедур и вмешательства государственных органов в строительную деятельность.

Документ объединил в себе требования различных нормативных правовых актов, регулирующих строительную отрасль. До вступления Кодекса в силу было необходимо внести изменения либо отменить значительное количество актов законодательства, для такой работы был предусмотрен годичный срок с момента официального опубликования документа.

Среди значимых нормативных правовых актов в сфере строительства нельзя не отметить Директиву Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли», в которой определены основные задачи повышения эффективности инвестиционно-строительной деятельности, принятию мер по комплексному развитию территорий, повышению энергоэффективности возводимых объектов, обеспечению эффективности строительных организаций и их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, реализации цифровой трансформации отрасли.

Важным аспектом является применение в строительстве современных технологий и решений, что должно обеспечиваться нормами проектирования, при обеспечении безопасности строительства. Для выполнения данных задач принят и действует Указ Президента Республики Беларусь от 5 июня 2019 г. № 217 «О строительных нормах и правилах».

Международная договорная строительная практика также адаптируется к требованиям национального законодательства. На территории Республики Беларусь возможность применения типовых контрактов международных инженеров-консультантов FIDIC закреплена в действующих нормативных правовых актах, а также разработанных Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь методических рекомендациях.

Понимая важность строительства как отрасли национальной экономики, законодатель в качестве основных задач правового регулирования в данной сфере определяет стимулирование ее развития, закрепляя данные задачи в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196.

Список цитированных источников

1. Лактаева, М. А. К истории государственного управления строительством в России / М. А. Лактаева, В. Г. Иванов // Гос. служба. – 2017. – № 3. – С. 54–61.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Минич Светлана Александровна
научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
ekabpils75@mail.ru

Проблема классификации юридических лиц (точнее – организаций со статусом юридического лица), становится все более актуальной и обусловлена целым рядом причин: постепенно размывается понятие и нарушается устойчивость признаков юридического лица (как основных, так и дополнительных); в цивилистической доктрине до сих пор отсутствует консенсус относительно выбора единого основания разграничения юридических лиц, а те критерии классификации, которые установлены законодательно, подвергаются критике и требуют своего пересмотра, в том числе и по причине расширения роли предпринимательской составляющей в деятельности некоммерческих организаций, а также в связи с появлением новых моделей юридических лиц, необходимостью соблюдения принципа равенства участников гражданских правоотношений, и в целом, с учетом современных потребностей социально-экономического развития страны.

Согласно сложившейся традиционной классификации, нашедшей свое отражение в законодательстве, юридические лица делятся на коммерческие и некоммерческие. Квалифицирующими признаками данного деления выступает основная цель деятельности организации и возможность распределять полученную прибыль между ее участниками (п. 1 ст. 46 ГК).

Среди доктринальных классификаций зачастую называют деление юридических лиц по составу учредителей, по объему вещных прав, по наличию публичных функций, по организационно-правовым формам и др. Следует отметить, что учеными-цивилистами для концептуального изменения сложившихся взглядов относительно классификации юридических лиц предложено множество научно обоснованных подходов, одним из которых выступает функциональный (филантропический) подход, который заключается «в придании делению юридических лиц на коммерческие и некоммерческие фактического характера» [1, с. 14].

Суть функционального подхода при классификации юридических лиц состоит в том, осуществляет ли фактически та или иная организация функцию коммерческой организации по ведению предпринимательской деятельности, или нет. С этой точки зрения деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие происходит в зависимости от четкой сопоставимости (эквивалентности) формально установленной и действительно осуществляемой конкретным юридическим лицом деятельности, характер которой определяется критерием прибыльности, имеющим две составляю-

щие – целевую и распределительную. Как можно заметить, тут очевиден «приоритет содержания фактически складывающихся отношений над их формой» [2, с. 143].

Целесообразность в переориентации классификации юридических лиц в практическую плоскость усматривает, к примеру, А. С. Федорященко, отмечая, что «если и следует сохранить указанное деление, то формально не распределять организационно-правовые формы юридических лиц по данным видам, а считать организацию коммерческой или некоммерческой исходя из ее фактической деятельности и таким способом применять к той или иной организации соответствующие нормы» [3, с. 1897]. Следовательно, если деятельность некоммерческой организации имеет прибыльный характер, то к ней применяются нормы о коммерческих организациях.

Таким образом, функциональный подход устанавливает, что некоммерческая организация есть организация, преследующая общеполезные цели не только декларативно, но и фактически. А соотношение между основной и вспомогательной деятельностью некоммерческой организации определяется не на основании объективных критериев (таких как соотношение величины расходов), а исходя из того, «какая деятельность – предпринимательская или же общественно полезная «накладывает отпечаток» и тем самым играет доминирующую роль» [1, с. 110]. Если некоммерческая организация отклоняется от достижения своего предназначения, то она должна быть либо приведена к предусмотренной законодательством организационно-правовой форме, либо вовсе выведена за ее рамки (ликвидирована или преобразована в организацию противоположного типа). Однако, на практике провести такой «функциональный тест» довольно непросто. В частности, суды при оценке законности сделок, совершаемых некоммерческими организациями, зачастую попадают в ситуацию некоторой правовой неопределенности и вынуждены каждый раз перепроверять: соответствует ли заключаемая коммерческая сделка следующим требованиям 1) целям создания и деятельности данного вида некоммерческой организации и 2) закрепленным в уставе разрешенным видам деятельности [4, с. 187].

Несмотря на то, что приверженцам теории функционального подхода пока не удалось выявить четкого ориентира для определения допустимого соотношения между основной и вспомогательной деятельностью некоммерческой организации, тем не менее, очевидно, что извлечение прибыли – это тот классификационный критерий, который целесообразно использовать законодателем только в функциональном значении, без формальной привязки к тем или иным организационно-правовым формам юридических лиц. И с этой точки зрения, пишет О. В. Гутников, не должно быть «коммерческих» или «некоммерческих» организационно-правовых форм, а должны быть юридические лица, осуществляющие или не осуществляющие предпринимательскую (приносящую доход) деятельность [2, с. 143].

При разграничении юридических лиц в соответствии с функциональным подходом мы, в первую очередь, должны выделить все общие и индивидуализирующие признаки, имеющиеся по факту у рассматриваемого нами юридического лица, а затем соотнести их с законодательно установленными классификационными признаками, характерными для той или иной правовой модели юридического лица, после чего отнести наше юридическое лицо к соответствующей организационно-правовой форме. Важно подчеркнуть, что если придерживаться функционального подхода и проводить на его основе разграничение юридических лиц, то единым основанием классификации будет выступать не отдельный какой-то признак юридического лица, а вся их совокупность, из чего можно заключить, что предложенная концепция группирования рассматриваемого множества позволяет не нарушать основополагающие правила логического деления любого понятия, а именно: единственности и существенности основания.

Обобщив на уровне правовой доктрины аргументы «за» и «против» разграничения юридических лиц по функциональному признаку, можно выделить ряд положительных аспектов: действует принцип правовой определенности (не может быть никаких организационно-правовых форм юридических лиц, прямо не предусмотренных законом); на практике сокращается время на поиск, изучение и понимание особенностей внутреннего устройства организаций со статусом юридического лица. Однако, в силу своего движения в направлении расширения императивности правового регулирования корпоративных отношений, использование функционального подхода при классификации юридических лиц остается дискуссионным и требует более детального научного обоснования.

Список цитированных источников

1. Ивкова, О. В. Участие некоммерческих организаций в предпринимательской деятельности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Ивкова ; СПбГУ. – СПб, 2004. – 161 с.

2. Гутников, О. В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения / О. В. Гутников // Право. Журнал Высш. шк экон. – 2022. – № 2. – С. 128–163.

3. Федорященко, А. С. О дихотомии юридических лиц на коммерческие и некоммерческие / А. С. Федорященко // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1897–1898.

4. Григорьев, В. И. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации / В. И. Григорьев // Вестн. гражданского права. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 188–229.

ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, РАЦИОНАЛЬНОГО (УСТОЙЧИВОГО) ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Мороз Олег Васильевич
доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
moroz_ov@mail.ru

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» юридические лица и индивидуальные предприниматели при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду, обязаны обеспечивать осуществление производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов (далее – производственные наблюдения), включая организацию мест отбора проб и проведения измерений. Существуют объекты производственных наблюдений, которые следует рассматривать в двух смыслах: объекты проверочной деятельности специалистов и природоохранного инструмента в целом.

В Инструкции о порядке разработки и утверждения инструкции по осуществлению производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов, утвержденной Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 11 октября 2013 г. № 52, перечисляются объекты только самих мероприятий (проверочной деятельности) и их перечень является открытым. Они позволяют оценить воздействие хозяйственной и иной деятельности как на окружающую среду в целом, так и на ее составляющие. В основном это то, на что направлено такое воздействие и его источники. К первой группе можно отнести, к примеру, атмосферный воздух на границе зоны влияния объекта воздействия на атмосферный воздух, поверхностные воды в районе расположения источников сбросов сточных вод, объекты растительного мира. Вторую группу составляют в том числе объекты по использованию отходов, их хранения, захоронения, обезвреживания, системы утилизации озоноразрушающих веществ.

Объекты производственных наблюдений как природоохранного инструмента не определяются и отсутствует перечень видов деятельности, в отношении которых они проводятся. Единственным критерием для отнесения к таковым является использование природных ресурсов и оказание вредного воздействия на окружающую среду в процессе хозяйственной

и иной деятельности субъекта. Правовое понимание вредного воздействия на окружающую среду как любого прямого либо косвенного воздействия на нее хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к отрицательным изменениям окружающей среды, не является однозначным, носит оценочный характер. Оно может быть как связано, так и не связано с нарушением законодательства. На данную проблему применительно к экологическому аудиту указывается и в научной литературе [1, с. 56–57; 2, с. 140]. Представляется логичным вопрос о целесообразности проведения производственных наблюдений в отношении хозяйственной и иной деятельности, оказывающей минимальное воздействие на окружающую среду, так как для субъектов их проведение связано с дополнительными затратами. Однако, сам факт их отсутствия может рассматриваться как нарушение правовых требований. Действующее законодательство по сравнению с утратившим силу в полной мере не разрешает проблему, но является более вариативным и оптимальным с позиции экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности как непрерывного учета экологического фактора от замысла до прекращения такой деятельности.

В первоначальном варианте Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» производственный экологический контроль (ранее так именовались производственные наблюдения) осуществлялся только экологическими службами предприятий, а в последствии и должностными лицами, ответственными за его проведение. В настоящее время у юридического лица и индивидуального предпринимателя существует выбор, который может обуславливаться масштабом хозяйственной и иной деятельности и степенью ее вредного воздействия на окружающую среду: создать службу охраны окружающей среды, либо ввести в штат должность специалиста по охране окружающей среды, либо возложить соответствующие обязанности на работника, обладающего знаниями в области охраны окружающей среды и природопользования. Кроме того, индивидуальный предприниматель вправе осуществлять производственные наблюдения в случае, если он обладает знаниями в данной сфере. Такая правовая возможность позволяет найти компромисс между экономической целесообразностью и вероятностью нарушить экологическое законодательство.

Создание службы охраны окружающей среды – обязательный (безальтернативный) вариант, если хозяйственная и иная деятельность относится к экологически опасной. Критерий является однозначным, поскольку такая деятельность устанавливается Указом Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 349 «О критериях отнесения хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает вредное воздействие на окружающую среду, к экологически опасной деятельности». Норма вполне разумна, так как объекты, относящиеся к экологически опасным, обладают наибольшим потенциалом для оказания вредного воздействия на окружающую среду, а приро-

доохранные возможности указанной службы потенциально шире, чем одного лица. Исключается ситуация, когда проведение производственных наблюдений с целью экономии может поручаться работнику, на которого возложены обязанности по охране окружающей среды и осуществлению производственных наблюдений наряду с иными обязанностями.

В отличие от национального правового подхода, позволяющего максимально охватить различные виды хозяйственной и иной деятельности, в Экологическом кодексе Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 212-III закреплено такое условие проведения обязательного производственного экологического контроля как наличие объектов I (оказывающие значительное негативное воздействие на окружающую сред) и II (оказывающие умеренное негативное воздействие на окружающую среду) категории, а в Федеральном законе Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» – это объекты I, II и III категорий. Тем самым установлены четкие критерии для проведения обязательного производственного экологического контроля. Однако, отсутствует запрет на осуществление рассматриваемой природоохранной меры в добровольном порядке в отношении объектов, не отнесенным к указанным категориям и содержащим меньший потенциал вредного воздействия на окружающую среду. Такой подход способствует надлежащему правоприменению и является оптимальным.

Таким образом, производственные наблюдения имеют универсальный характер, так как объекты осуществляемых в их рамках мероприятий могут охватывать различные компоненты природной среды (природные объекты). Данный факт имеет значение для отнесения рассматриваемой природоохранной меры к элементам экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности. Правовое закрепление не находит перечень объектов (видов хозяйственной и иной деятельности), в отношении которых в обязательном порядке проводятся производственные наблюдения. Такой критерий отнесения хозяйственной и иной деятельности к их объектам как воздействие на окружающую среду не является однозначным. Установление в национальном законодательстве перечня объектов и (или) видов хозяйственной и иной деятельности и (или) критериев причисления к таковым будет способствовать надлежащему правоприменению и станет оптимальным с позиции экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности.

Список цитированных источников

1. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т. И. Макаровой. – Минск : БГУ, 2016. – 191 с.

2. Мороз, О. В. Правовые формы (виды) экологического аудита в Республике Беларусь / О. В. Мороз // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 11 (227). – С. 139–141.

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Пантелеева Наталья Викторовна
заведующий кафедрой юриспруденции учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кандидат юридических наук, доцент
panteleeva@msu.by

Правовое регулирование экономической деятельности и предпринимательства, в частности, не может оставаться статичным в силу существенной трансформации социально-экономических отношений, конъюнктуры рынка, цифровизации экономики и многих иных факторов. На этой основе, изменения и дополнения законодательства о предпринимательстве являются закономерным процессом, тем более, что единого нормативного правового акта, регулирующего предпринимательство как целостный автономный институт, не предусмотрено. Однако, Закон Республики Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности» (далее – Закон № 365-З) является комплексным нормативным правовым актом, частично, но существенно изменяющим сразу несколько законодательных актов в сфере предпринимательства, в том числе ГК.

1. Так, изменена статья 1 ГК:

– пункт первый излагается в новой редакции;

– исключено понятие ремесленной деятельности;

– перечень видов деятельности, не относящихся к предпринимательской деятельности, в том числе осуществляемых физическими лицами самостоятельно от своего имени, значительно сокращен (с 46 пунктов до 15), а ранее открытый перечень стал закрытым;

– круг действия гражданского законодательства в целом (часть первая п. 1 ст. 1 ГК) дополнен формулировкой: «отношениями, связанными с участием в юридических лицах или с управлением ими»;

– контекст понятия предпринимательской деятельности дополнен указанием в ч. 3 ст. 1 ГК: «за исключением деятельности, указанной в части третьей», которого ранее не было. При этом из перечня деятельности, которая не является предпринимательской исключены, в частности, такие виды деятельности как: ремесленная, деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, а также деятельность граждан, осуществляющих ведение личных подсобных хозяйств по производству, переработке и реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции. Поскольку данные виды деятельности более не относятся законодательством к непредпринимательским, означает ли это, что они переходят в категорию предпринимательской деятельности? Закон № 365-З представил новую ре-

дакцию ст. 22 ГК, согласно которой правовой режим данных видов деятельности, как и деятельности «самозанятых» лиц приравнивается к правовому режиму индивидуального предпринимательства. Однозначно признаки предпринимательства в рассматриваемых видах деятельности присутствуют, однако, здесь имеет значение цель, мотив, регулярность, форма, объем выполняемой деятельности и иные критерии, которые характерны именно для предпринимательства.

2. В законодательство вводится понятие «физическое лицо, осуществляющее индивидуальную предпринимательскую деятельность» (ст. 10 ГК). Следует отметить, что индивидуальное предпринимательство и ранее осуществляли физические лица, а значит формат субъекта в данном случае не изменен. То есть лицо, осуществляющее индивидуальное предпринимательство – это физическое, полностью право- и дееспособное лицо, прошедшее государственную регистрацию в соответствующих регистрирующих органах и имеющее право осуществлять предпринимательство индивидуально, либо с привлечением трех лиц. Представляется, что указание в Законе № 365-З на то, что данное лицо является именно физическим или именно гражданином представляется излишним, так как это вытекает из существа самого индивидуального предпринимательства. Для сравнения, юридическое лицо не может осуществлять индивидуальную предпринимательскую деятельность, так как, во-первых, обезличено, а во-вторых – предполагает помимо иных признаков, организационное единство, а значит организованный штат сотрудников, состав учредителей, число которых не ограничено.

3. В полном объеме в новой редакции изложена ст. 22 ГК, в которой изложены аспекты легитимности, осуществления деятельности индивидуального предпринимателя и самостоятельной профессиональной деятельности; порядка и условий ремесленной деятельности, а также оказания услуг в сфере агроэкотуризма. Так, с 1 октября 2024 г. государственная регистрация индивидуальных предпринимателей не осуществляется в случае указания в заявлении о государственной регистрации вида деятельности, не включенного в Перечень видов деятельности (ч. 2 ст. 12 Закона № 365-З).

Таким образом, Законом № 365-З к предпринимательской деятельности отнесены те виды деятельности, которые ранее таковыми не являлись. В частности, ремесленничество, агроэкотурим, самостоятельная профессиональная деятельность граждан направлены, прежде всего, на удовлетворение личных бытовых потребностей, что расходится с целью осуществления индивидуального предпринимательства. Более того, в своей основе, правовой статус индивидуального предпринимателя шире и сложнее статуса ремесленника или самозанятого, в следствие чего возникает противоречие между характером фактической деятельности последних и приобретенным ими в силу Закона № 365-З правовым статусом предпринимателя. другой стороны, Законом № 365-З отнесены к предпринимательству такие виды деятель-

ности, которые на данный момент можно определить как предшествующие предпринимательской, тем самым заложены (и расширены) предпосылки к развитию предпринимательства в будущем. Кроме того, Законом № 365-З кардинально изменен подход к предпринимательству и определению правоспособности индивидуальных предпринимателей – от возможности осуществления предпринимателем любых, не запрещенных видов деятельности, к осуществлению только разрешенных видов деятельности по перечню: принцип «разрешено все, что не запрещено», заменен на «запрещено все, что не разрешено».

4. Утверждено Положение о создании индивидуальным предпринимателем коммерческой организации, учреждаемой одним лицом (далее – Положение). Порядок образования юридических лиц, их реорганизации, ликвидации и др. урегулирован гл. 4 ГК. Однако, в ней не предусмотрен механизм реорганизации индивидуального предпринимателя. В этой связи, представляется, что Положение дает основание для формирования нового вида данного процесса: преобразование индивидуального предпринимателя в юридическое лицо. На первый взгляд возникает коллизия, суть которой в том, что физическое лицо, то есть личность не может быть подвергнута структурной трансформации, при ином подходе предприниматель как субъект хозяйствования может в порядке правопреемства передавать права, обязанности и пропорционально им имущество. Соответственно, когда речь о физическом лице, осуществляющем индивидуальное предпринимательство, подразумевается субъект хозяйствования и как участник хозяйственного оборота индивидуальный предприниматель осуществляет деятельность от своего имени, имеет в собственности обособленное имущество, выступает истцом и ответчиком в суде, несет самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам и иное. Более того, Положение определяет, что создание коммерческой организации индивидуальным предпринимателем обладает всеми признаками реорганизации (переход прав и обязанностей, соблюдение порядка уведомления кредиторов). Положение предусматривает практически автоматический переход всех прав, обязанностей, лицензий, разрешений создаваемому юридическому лицу. Однако, в ГК соответствующие изменения не вносятся. Не исключено в этой связи, что на практике могут возникнуть противоречия, для разрешения которых законодателю потребуется издание нового нормативного правового акта.

Таким образом, как нам представляется, система регулирования порядка осуществления предпринимательской деятельности физическими лицами, должна быть отражена в отдельном нормативном правовом акте, что в последующем позволило бы комплексно корректировать законодательство, учитывая, что речь идет об участниках хозяйственного оборота.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Пулоди Мавджуда Комил
судья Верховного Суда Республики Таджикистан,
соискатель Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинов при Академии наук Республики Таджикистан
pulodim@mail.ru

Компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных прав граждан в настоящее время широко используется судами. Однако правила определения размера морального вреда до сих пор не разработаны. Анализ судебной практики показывает неоднозначность подхода к определению размера компенсации морального вреда, что стало проблематичным.

Отсутствие четко сформулированных критериев и общего метода оценки размера компенсации морального вреда ставит судебные органы в затруднительное положение. Отсутствие точной постановки проблемы или каких-либо общих объяснений, связанных с этой проблемой, усугубляет проблему. Поэтому необходимо проанализировать критерии оценки размера компенсации морального вреда, установленные в Гражданском кодексе, и предложить их общий метод.

Проблема определения размера компенсации морального вреда активно обсуждается как учеными, так и практиками, но ее нельзя признать разрешенной [1, с. 168].

Таджикский ученый Ш. Менглиев определение размера возмещения морального вреда относит к числу самых сложных, но в то же время самых необходимых, без которого невозможно реализовать конституционное право на возмещение вреда, в том числе и морального [2. с. 75].

В настоящее время сложилась ситуация, когда законодатель усилил право на компенсацию морального вреда, поскольку не установил единого метода оценки физических и нравственных страданий, не установил ни нижний, ни верхний предел размера компенсация, оставил определение размера компенсации в компетенции суда [3, с. 68–70].

В ст. 16 Гражданского кодекса Республики Таджикистан указано что, если физическому лицу причинен моральный вред (физические и нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, либо посягающими на принадлежащие ему другие неимущественные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может обязать нарушителя компенсировать этот вред.

Моральный вред подлежит компенсации в денежной форме. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя в случаях, когда вина является основанием для компенсации. При определении размера компенсации вреда

должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. Моральный вред подлежит компенсации независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда [4].

Определение размера компенсации морального вреда без преувеличения является одной из центральных проблем института компенсации морального вреда. Большинство ученых и исследователей, занимавшихся этим вопросом, основное внимание уделили вопросу определения его размера и мер наказания.

В юридической литературе по вопросу о моральном вреде ведутся и продолжаются острые дискуссии. Позицию ученых в направлении установления измерения на компенсацию морального вреда можно разделить на две группы. Одна группа придерживается мнения, что на законодательном уровне должна быть предусмотрена фиксированная денежная сумма для компенсации морального вреда. Другая группа утверждает, что не может быть заранее определенной суммы и размер компенсации должен определяться исходя из конкретных обстоятельств дела.

Список цитированных источников

1. Клочков, А. В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03; РГБ. – М., 2005. – 168 с.

2. Менглиев, Ш. Возмещение морального вреда / Ш. Менглиев. – Душанбе, 1998. – 132 с.

3. Лукьянова, Н. А. Проблемные вопросы компенсации морального вреда // Актуальные вопросы юридических наук: материалы II Междунар. науч. конф., Челябинск, февр. 2015. – Челябинск: Два комсомольца, 2015. – С. 68–70.

4. Гражданский Кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г., № 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=143977. – Дата доступа: 10.07.2024.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЬ В ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Пунько Татьяна Николаевна
заместитель директора по учебной работе
учреждения образования «Институт переподготовки и повышения
квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент
tanya_punko@mail.ru

Современное развитие гражданского законодательства Республики Беларусь связано с последовательным внедрением в отечественную правовую систему принципов, нашедших закрепление и реализацию в международном праве и зарубежном законодательстве. Одним из таких принципов выступает «эстоппель», который сначала был воспринят российским законодателем, а потом закреплен в ГК в редакции Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов».

Принцип «эстоппель» (от англ. *estop* – лишать права выдвигать возражения) означает утрату права на возражение при недобросовестном или противоречивом поведении.

Принцип «эстоппель» характерен для правопорядков общей системы права. Так, он берет свое начало в английском праве, где стал применяться к частноправовым отношениям в 16–17 вв. Доктринальное развитие принцип получил в работах английского правоведа Эдварда Кока, который проанализировал ряд более ранних судебных решений и выделил несколько видов эстоппеля, таких как: запрет на обжалование письменных актов, запрет на оспаривание установленных судом фактов, запрет на совершение поступков, которые противоречат ранее наблюдаемому поведению. В дальнейшем данный принцип стал активно использоваться в международной арбитражной практике и был заимствован другими странами (например, § 144 Германского гражданского уложения, ст. 1180–1183 Гражданского кодекса Франции содержат положение об утрате права на оспаривание сделки лицом, которое имело право ее оспаривать).

Официальное закрепление принципа «эстоппель» в российском законодательстве связано со вступлением в силу Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». К таким нормам можно отнести п. 2, 5 ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Как в российском, так и в законодательстве Республики Беларусь легальное определение принципа «эстоппель» отсутствует. Данное понятие раскрывается в юридической науке такими словами как «утрата», «запрет».

Важно понимать, что эстоппель не блокирует непоследовательность как таковую во всех возможных вариациях, а распространяется лишь на те ситуации, когда противоречивое поведение одной стороны создает представление у второй стороны о намерении совершить или избежать совершения определенных действий [1, с. 53]. Целью данного принципа является создание предсказуемых правоотношений и исключение недобросовестного поведения, как, например, оспаривание или утверждение фактов, ранее подтверждавшихся или оспаривавшихся.

Таким образом, эстоппель можно считать одним из институтов концепции добросовестности поведения участников гражданских правоотношений.

В новой редакции ГК (вступит в силу с 19 ноября 2024 г.) можно выделить две категории норм, закрепляющих действие доктрины «эстоппель» в обязательствах. К первой будут относиться нормы, направленные на запрет недобросовестных действий при признании сделок недействительными (ч. 4 п. 3. ст. 167 и п. 4 ст. 167 ГК), а вторую составят нормы, направленные на сохранение договора, если из правоотношений между сторонами в определенный момент очевидно волеизъявление признания договора действительным (п. 2 ст. 401-1, п. 3 ст. 402, п. 3 ст. 420-1 ГК).

Эстоппель, закрепленный в ч. 4 п. 3 ст. 167 ГК, содержит запрет ссылаться на недействительность сделки, если сторона своим поведением создавала видимость того, что сделка в будущем оспорена не будет. Для применения указанной нормы необходимо, чтобы на момент, когда сторона заключала сделку, ей было известно о наличии обстоятельств, влияющих на возможность заключения соглашения. Также важно, что именно на эти известные ей ранее обстоятельства сторона указывала при оспаривании сделки.

Во втором случае, предусмотренном п. 4 ст. 167 ГК, смысл нормы заключается в том, что, если о недействительности (ничтожности) заявляет сторона, которая действует недобросовестно и которая своим поведением давала возможность полагаться на действительность сделки другим лицам, в констатации ничтожности суд может отказать. Таким образом, обе нормы направлены на предотвращение недобросовестного поведения сторон, связанного с отказом от исполнения обязательств по договору.

Вместе с тем в данных нормах имеются и отличия. В частности, ч. 4 п. 3 ст. 167 ГК применяется исключительно к оспоримым сделкам, в то время как п. 4 ст. 167 ГК может быть применен также и к ничтожным сделкам, то есть касается более серьезных нарушений законодательства.

Вторая группа норм, закрепляющих принцип «эстоппель» применительно к договорным отношениям, устанавливает запрет на признание договора недействительным, признание договора незаключенным, а также на отказ от договора в ситуациях, когда стороной ранее были совершены активные действия или высказано четкое волеизъявление, направленные на заключение и/или сохранение договора.

Эстоппель при оспаривании договора заключается в ограничении стороны, которая приняла от другой стороны исполнение по договору и при этом полностью или частично не исполнила свое обязательство, требовать признания договора недействительным и применения последствий его недействительности, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 174, 179 и 180 ГК, а также если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными действиями этой стороны. Данное правило применяется исключительно к предпринимательским договорам.

Аналогично правилу эстоппель, действующему при оспаривании договора, в п. 3 ст. 402 ГК закреплено, что сторона, которая приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору, связанному с осуществлением предпринимательской деятельности, не вправе требовать признания этого договора незаключенным.

В отношении отказа от договора правило «эстоппель» закреплено в п. 3 ст. 420-1 ГК. Так, в случаях, если при наличии оснований для отказа от договора сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается.

Как правило, действия стороны могут быть признаны противоречивыми в ситуациях, когда отказ от исполнения договора, требования о признании договора недействительным и незаключенным вызваны желанием стороны получить экономическую выгоду из своего недобросовестного поведения. Поэтому наличие негативных последствий для стороны ввиду ее недобросовестного (непоследовательного) поведения можно отнести к одному из условий (критериев) применения принципа «эстоппель» к договорным обязательствам.

Таким образом, правило «эстоппель» исходит из права справедливости, направлено на стимулирование сторон действовать последовательно и добросовестно, не нарушая закон. Эстоппель может рассматриваться как инструмент, который восполняет пробелы в правовом регулировании, дополняет реализацию принципа добросовестности в гражданско-правовых нормах и выступает одним из инструментов установления стабильности экономического оборота.

Список цитированных источников

1. Якушева, Е. Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е. Е. Якушева // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 8. – С. 52–66.

ПРАВО НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОХРАНУ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ

Солянкина Надежда Алексеевна
старший научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
na_solyankina@mail.ru

В законодательстве практически любого государства содержатся положения об охране окружающей среды, защите природных объектов, об экологическом воспитании, о праве на благоприятную окружающую среду, что свидетельствует о значимости охраны окружающей среды во внутреннейи внешней политике стран. Право на благоприятную окружающую среду представляет собой одно из основных и неотъемлемых прав человека, так как его обеспечение гарантирует человеку нормальные и комфортные условия жизнедеятельности. Данное право неоднозначно толкуется среди исследователей и в наиболее общем виде в его содержании можно выделить следующие элементы: всеобщее право на благоприятную окружающую среду, которому корреспондирует обязанность всех физических и юридических лиц принимать все возможные меры для сохранения окружающей среды, а для государства, помимо этого и обязанность обеспечить механизм его реализации и защиты, а также доступность информации о состоянии экологической обстановки [1, с. 23].

Экологическая безопасность на предприятии – это определенный комплекс мер, целью которых является деятельность в соответствии с природоохранными нормативами и повышение его рентабельности. Подразумевается, что организация, использующая ресурсосберегающие процессы, увеличивает свою эффективность, а кроме того снижает воздействие вредных веществ как на самих работников, так и на окружающую среду [2, с. 60]. Экологическую безопасность можно обеспечить, если достигается сбалансированное сосуществование хозяйственной деятельности человека и окружающей природной среды в ее натуральном виде.

Многие организации всерьез задумываются о трех основных критериях, по которым измеряется не только их экономическая, а также социальная и экологическая деятельность. Эти три критерия – прибыль, люди и планета. Если компания представляет убедительные свидетельства хороших условий труда для своих работников, она может выиграть в финансовом отношении. Здесь, без сомнения, важнейшая роль принадлежит охране и гигиене труда [3, с. 25].

Достойный труд – это безопасный труд, но мы все еще далеки от достижения этой цели. Согласно оценкам МОТ несчастные

случаи и заболевания, связанные с трудовой деятельностью, ежегодно уносят почти 3 млн жизней, что на 5 % процентов больше, чем в 2015 г. В результате несчастных случаев на работе каждый год гибнет 330 тыс. человек. Еще 2,6 млн смертей вызваны производственными заболеваниями, главным образом сердечно-сосудистыми и респираторными, а также злокачественными новообразованиями [4, с. 22].

Охрана труда, как элемент трудового правоотношения, представляет собой встречные, корреспондирующие друг другу права и обязанности работника и работодателя по соблюдению требований безопасности условий труда, безопасной эксплуатации техники и соблюдению в интересах безопасности труда, технологии производства.

Российский ученый А. Я. Петров полагает, что охрана труда является «институтом отрасли трудового права, ибо он обладает всеми необходимыми для него конститутивными признаками: регулирует определенные (однородные) общественные отношения, связанные с обеспечением жизни и здоровья работников; правовые нормы обладают устойчивостью и обособлены от других институтов отрасли трудового права» [5, с. 51]. В отношении института охраны труда в трех из пяти государств – членов ЕАЭС (Республике Беларусь, Кыргызской Республике и Российской Федерации) имеются отдельные законы об охране труда. В то же время институт охраны труда урегулирован в ТК Казахстана в отдельном разделе – разд. 4 «Безопасность и охрана труда», который включает 12 объемных статей, а в ТК Армении – в гл. 23 «Безопасность и здоровье работников», объединяющей 21 статью. Согласимся с мнением о том, что вариант, предусматривающий наряду с главой в ТК еще и отдельный закон «Об охране труда» (например, как в Республике Беларусь и Кыргызской Республике) для «закрепления комплексного, межотраслевого института охраны труда является более предпочтительным, поскольку позволяет защитить права и интересы работников и иных граждан, принимаемых на работу (например, по гражданско-правовым договорам), нормами не только трудового, но и административного права и права социального обеспечения» [6, с. 85].

Применительно к системе правовых мероприятий следует отметить, что все белорусское трудовое законодательство направлено на решение вопросов охраны труда: запрещение переводов на другую работу без согласия работника, регулирование рабочего времени и времени отдыха (например, ограничение сверхурочных работ) – все эти и другие положения законодательства охраняют трудовые права рабочих. Вместе с тем существуют нормы законодательства, направленные непосредственно на регулирование процесса труда в организации, устанавливающие право на здоровые и безопасные условия труда и ответственность за их нарушение.

Законодательство Республики Беларусь на современном этапе сформировало обширный массив нормативных правовых актов, направленных

на обеспечение безопасных условий и охраны труда, в том числе и государственных нормативных требований охраны труда, направленных на охрану труда работников; обеспечение реализации этих актов; государственный надзор и контроль за соблюдением работодателями требований охраны труда и его условий.

Основными тенденциями в развитии законодательства в области охраны труда в развитых странах являются уточнение и развитие положений о роли государства, прав работников, организации служб охраны труда, должного уровня социального страхования и обеспечения.

Условия труда в значительной степени влияют на производительность труда. При благоприятных условиях работающий не затрачивает сил на защиту организма от воздействия опасных и вредных факторов производственной среды и трудового процесса. Ряд исследований показывает, что рациональный комплекс мероприятий, направленных на улучшение условий труда, может обеспечить прирост производительности труда на 6–25 %. Солнечное освещение увеличивает производительность труда на 10 %, рациональное искусственное освещение на 6–13 %, при этом на некоторых производствах происходит сокращение брака, достигающее 25 %. Правильная организация рабочего места повышает производительность труда до 20 %, использование функциональной музыки – на 12–14 %, рациональная окраска помещений – на 25 %. В то же время производственный шум, превышающий допустимые пределы, может снизить производительность труда на 20 %. Установлено, что если работоспособность человека при 18–20˚С принять за 100 %, то при 30˚С она уже будет составлять всего 60 % [7, с. 13]. В условиях социально ориентированной рыночной экономики государственная политика направлена на совершенствование социально-трудовых отношений для достижения целей устойчивого развития.

Таким образом, экологическая безопасность и здоровье населения становится основным стратегическим ресурсом, определяющим фактором развития экономики и становления новых общественных отношений, формируются новые требования к уровню и качеству жизни. Безусловно улучшение условий и охраны труда требует значительных вложений, но именно улучшение условий и охраны труда может приводить к снижению огромных расходов, которые являются следствием их неудовлетворительного состояния. Правовая составляющая в системе мероприятий по охране труда должна занимать ведущее место, поскольку создаваемые полномочными органами правила поведения призваны сохранить жизнь и здоровье работников в процессе трудовой деятельности и направлены на достижение целей устойчивого развития.

Список цитированных источников

1. Палеева, Ю. С. Обеспечение экологической безопасности как одно из основных направлений сотрудничества государств на международной арене / Ю. С. Палеева // Вестн. Днепропетр. ун-та им. А. Нобеля. – 2013. – № 2 (5). – С. 23–27.

2. Ганюхина, О. Ю. Экологическая безопасность на предприятии, как гарант соблюдения экологических прав граждан / О. Ю. Ганюхина // Человек. Право. Экология: сб. науч. и научноприкл. тр. преподавателей, молодых ученых и студентов / под общ. ред. проф. Т. А. Григорьевой. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 60–63.

3. Охрана труда в цифрах и фактах. Направления совершенствования глобальной культуры охраны труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/safework. – Дата доступа: 01.09.2024.

4. МОТ представила новую статистику по несчастным случаям и профзаболеваниям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://getsiz.ru/mot-predstavila-novuiu-statistiku-po-n.html.– Дата доступа: 01.09.2024.

5. Петров, А. Я. Охрана труда – институт современного трудового права России и его совершенствование / А. Я. Петров // Законодательство и экономика. – 2008. – № 9. – С. 51–56.

6. Томашевский, К. Л. Национальные законы и иные законодательные акты о труде в государствах – членах ЕАЭС: общий обзор и проблема взаимной иерархии / К. Л. Томашевский // Государство и право. – 2017. – № 7. – С. 82–89.

7. Челноков, А. А. Охрана труда: учебник для вузов / А. А. Челноков, И. Н. Жмыхов, В. Н. Цап / под общ. ред. А. А. Челнокова. – Минск: Выш. шк., 2011. – 672 с.

О ВОЗМОЖНОЙ ВНУТРЕННЕЙ КОЛЛИЗИИ НОРМ ГК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ЧАСТИ ТИПОВЫХ УСТАВОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, ПОДЪЮРИСДИКЦИОННЫХ ПРАВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Функ Ян Иосифович
профессор кафедры судебной деятельности, Председатель Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор
funk25@mail.ru
Чигилейчик-Функ Арсений Янович
юрист
mr.arseniy0027@mail.ru

13 ноября 2023 г. был принят Закон Республики Беларусь № 312-З «Об изменении кодексов», в соответствии с которым было внесено 279 изменений (значительных и небольших) в ГК (новеллы, внесенные в ГК указанным Законом вступают в силу с 19 ноября 2024 г.).

Одно из указанных изменений касается введения в правовую систему Республики Беларусь типовых уставов юридических лиц, отраженных в п. 2 ст. 48 ГК.

В связи с приведенной новеллой, отмечаем определенное возможное «внутреннее противоречие» (коллизию) между положениями п. 1 ст. 48 ГК и нормами п. 2 все той же статьи ГК. Так, если рассматривать п. 1 ст. 48 ГК, то необходимо отметить, что:

– данный пункт предусматривает, что юридическое лицо действует на основании учредительного договора или устава;

– актами законодательства может быть предусмотрено утверждение положений, на основании которых действуют соответствующие юридические лица.

Таким образом, если исходить из норм п. 1 ст. 48 ГК, то любое юридическое лицо, подъюрисдикционное праву Республики Беларусь в обязательном порядке должно иметь свой (нам представляется – «собственный») учредительный документ. Иными словами, юридическое лицо характеризуется именно тем, что оно действует на основе определенного «индивидуального акта», каковым и является его учредительный документ, в связи с чем учредительный документ юридического лица, в определенных случаях, именуется в качестве «обязательного реквизита юридического лица».

Указанное сложилось исторически, когда юридическое лицо, не имея «физической оболочки» возникало по воле государства (государя) и в основе данного возникновения было «дарование сюзереном» «акта об учреждении», иначе учредительного документа, того, чего с точки зрения факта, «вроде бы, нет», а, исходя из позиции права, «вроде бы есть». При этом, то, что возникало [юридическое лицо] «нельзя было отлучить от церкви» (см. по этому поводу – энциклику Папы Римского Иннокентия XIII) [1, p. 15; 2, p. 655, 666, 670], но, при этом, указанное [юридическое лицо] осуществляло «самостоятельные действия» в рамках имущественного оборота.

Изложенный выше исторический подход и в настоящее время является господствующим в большинстве правовых систем мира в части того, что юридическое лицо будучи порождение правопорядка, действует не только на основе нормативных положений государства, но и исходя из собственного (личного, индивидуального) акта – соответствующего учредительного документа.

На основании же положений п. 2 ст. 48 ГК:

– юридическое лицо (за определенными исключениями) больше может не иметь «индивидуального устава», а осуществлять свою деятельность на основе «общего документа» – типового устава, утверждаемого Правительством Республики Беларусь;

– если же юридическое лицо в силу п. 2 ст. 48 ГК больше не будет иметь «индивидуального акта» – индивидуального устава, а будет действовать на основе типового устава, то, тем самым, оно будет действовать исключительно на основе правопорядка, как такового.

В силу того, что типовой устав – это опять же нормативный правовой акт, возникает вопрос: нужен ли типовой устав в принципе.

Отвечая на поставленный вопрос, подчеркнем то обстоятельство, что если типовой устав – это нормативный акт, то:

– велика вероятность, что его положения, если они необходимы, должны быть включены, например, применительно к обществам с ограниченной ответственностью (обществам с дополнительной ответственностью) в Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах»;

– а если такой необходимости нет, то можно просто обойтись уже имеющимися законодательными положениями. При этом все индивидуализирующие юридическое лицо данные можно просто включить в государственный реестр юридических лиц (в Республике Беларусь – Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей).

Тем самым, по нашему мнению, присутствует определенная правовая коллизия между п. 1 и 2 ст. 48 ГК, в рассматриваемой нами части:

– в п. 1 ст. 48 ГК – исходя из исторической традиции, по-прежнему, указывается на то, что любое юридическое лицо по праву Республики Беларусь все-таки должно иметь свой индивидуальный учредительный документ («индивидуальный реквизит», «характеризующий» именно это юридическое лицо);

– в п. 2 ст. 48 ГК, как отмечено выше, требование о наличии индивидуального учредительного документа исключается, и законодатель исходит из того, что норм законодательства (правопорядка, как такового) достаточно для функционирования соответствующего юридического лица.

Применительно к разрешению описываемой нами коллизии отмечаем, что данная коллизия является таковой лишь исходя из сути отношений. Применительно же к «нормативной составляющей», иными словами, если рассматривать «внешнее правовое проявление» анализируемых нами норм, то, получается, что раз законодатель именует соответствующий нормативный правовой акт как «типовой устав», то (формально), перед нами также «устав», а, следовательно, требование п. 1 ст. 48 ГК, вроде бы, соблюдается.

Таким образом, приведенная нами коллизия, являясь таковой по сути и не являясь таковой по форме, вроде бы не требует «ее внешнего разрешения» и тем самым, она не влияет на суть правоприменительных действий участников имущественного оборота.

Список цитированных источников

1. Henn, Harry G. Laws of Corporations and other Business Enterprises / Harry G Henn, John R. Alexander. – West Publishing Company, 1983. – 1371 p.

2. Dewey, J. The Historic Background of Corporate Legal Personality / J. Dewey // The Yale Law Journal. – 1926. – Vol. 35, No. 6. – P. 655, 666, 670.

СЕМЬЯ VS ДОМОХОЗЯЙСТВО

Халецкая Татьяна Михайловна
доцент кафедры гражданского и хозяйственного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
tania80@rambler.ru

Семья, являясь значимым общественным институтом, никогда не была обделена вниманием исследователей. Семьей интересовались философы, социологи, демографы, этнографы, историки, педагоги, изучавшие различные стороны функционирования и развития семьи. Несмотря на то, что научный интерес к проблемам семьи не ослабевает, отдельные аспекты этой комплексной проблемы либо получают недостаточное освещение, либо вовсе лишены внимания. В числе таких аспектов Л. П. Шахотько и Д. В. Шахотько называют, в первую очередь, исследование условий развития и функционирования домохозяйств, поскольку именно они оказывают непосредственное влияние «на все социально-демографические и экономические аспекты развития страны» [1, с. 3–4].

В Республике Беларусь интерес к изучению правовых аспектов деятельности домашних хозяйств только начал зарождаться. Возникновение этого интереса связано с разработкой в 2022 г. кафедрой хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета Типовой учебной программы по учебной дисциплине «Хозяйственное право» (рег. № №ТД–Е 915/тип.) [2], авторы которой, в числе субъектов хозяйственной деятельности назвали, в том числе, домашние хозяйства, посвятив изучению особенностей правового регулирования их деятельности отдельную тему.

В числе белорусских ученых, обращающихся в своих работах к тем или иным аспектам правового регулирования деятельности домашних хозяйств, можно назвать Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневича [3; 4; 5].

Следует констатировать, что домохозяйства рассматриваются и в литературе, и в отечественном законодательстве преимущественно как экономический институт. Домохозяйственная проблематика активно анализируется в экономической теории в связи с тем, что домохозяйство «опосредует многие социально-экономические отношения; выступает важнейшим фактором перераспределения доходов, а, следовательно, и формирования платежеспособного спроса; выступает в качестве базового потребителя на товарном рынке, а значит, и основной потребительской единицей; является фактическим монополистом на рынке труда, определяя его предложение; является важным источником накопления капитала …, а, следовательно, источником экономического прогресса» [6].

В экономической литературе зачастую домохозяйства рассматриваются вне контекста института семьи. Более того, утверждается, что понятие «домашнее хозяйство» и понятие «семья» не идентичны и приводятся признаки, позволяющие отграничить институт домашнего хозяйства от института семьи. В числе таких признаков чаще всего выделяют:

– структуру: домохозяйство – понятие более широкое, чем понятие «семья», поскольку в систему отношений, определяемых категорией «домашнее хозяйство», могут быть вовлечены как лица, имеющие родственные связи, так и не имеющие их. Например, к домашним хозяйствам могут быть отнесены несемейные пары без детей (совместно проживающие), друзья и коллеги, живущие вместе и др. Этот вывод подтверждается указанием, содержащимся в п. 4.150 Системы национальных счетов (Нью-Йорк, ООН, 2012 г.): «члены домашнего хозяйства не обязательно должны принадлежать к одной и той же семье, пока они делят ресурсы и потребление»;

– содержание: домашнее хозяйство – это субъект, участвующий в экономических отношениях, для которого значение имеют общность ведения домашнего хозяйства, общность ресурсов, использующихся для этого, общность целей и решаемых задач. Для семьи указанные признаки не являются обязательными. Члены одной семьи могут проживать в одном жилом помещении, имея при этом самостоятельные источники доходов; они могут не вести совместное хозяйство; имуществом, принадлежащим каждому из членов семьи, они распоряжаются самостоятельно и в своих интересах. Иными словами, в основе понятия «домашнее хозяйство» лежит экономическая составляющая, в то время как понятие «семья» рассматривается с точки зрения родственных, духовных, морально-этических, психологических отношений и т. д.

Полагаем, что подобный подход является ошибочным. Именно семья или семейно-подобные отношения составляют основу домохозяйств. Семья, по мнению В. А. Боброва, является ячейкой «процесса накопления общественного богатства, которая формирует стандарт не только материального, но и интеллектуального, чувственного и нравственного мира человека» [7, с. 164]. Семья, по мнению ряда исследователей, представляет собой «не только социальный и общественный институт, который с правовой точки зрения является образованием некоммерческого типа, но и хозяйствующий субъект, коммерческая и некоммерческая составляющие которого детерминированы и соотносятся в разных пропорциях» [8, с. 35].

Как отмечают Л. П. Шахотько и Д. В. Шахотько для Республики Беларусь, в целом, характерно отождествление понятий «семья» и «домохозяйство», поскольку большинство домохозяйств в Беларуси состоят из двух человек и более и представляют собой членов одной семьи [1, с. 15].

В целях дальнейшей разработки концептуальных подходов к анализу проблем развития и функционирования домохозяйств в Республике

Беларусь считаем возможным ввести в научный оборот термин, максимально отвечающий белорусским реалиям – «семейное домохозяйство».

Смещение вектора в сторону изучения семейных домохозяйств, в конечном счете, будет способствовать формированию семейной политики, обеспечивающей оптимизацию развития и функционирования семейных домохозяйств в контексте социально-экономического прогресса всей страны.

Список цитированных источников

1. Шахотько, Л. П. Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси / Л. П. Шахотько, Д. В. Шахотько ; Национальная академия наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 400 с.

2. Хозяйственное право: учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности: 1–24 01 02 Правоведение 1–24 01 03 Экономическое право. № УД–12352/уч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/310122. – Дата доступа: 12.07.2024.

3. Бондаренко, Н. Л. К вопросу об институционализации фискального права [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Е. Н. Гладкая // Байкальские компаративистские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 22–23 апр. 2022 г. / И. А. Минникес (отв. ред.) [и др.]. – Иркутск: Изд. дом БГУ, 2022. – С. 173–182. – Режим доступа: http://lib-catalog.bgu.ru. – Дата доступа: 06.01.2023.

4. Бондаренко, Н. Л. Методологический подход к пониманию предпринимательства
и предпринимательской деятельности и определению методики преподавания учебных дисциплин, формирующих знания о них / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Н. Л. Бондаренко (гл. ред.). – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. – С. 9–23.

5. Бондаренко, Н. Л. Фискальное регулирование и фискальное право: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – № 1. – С. 46–51.

6. Митрофанова, В. В. Поведение домохозяйств в рыночной и трансформируемой экономиках [Электронный ресурс] / В. В. Митрофанова. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/povedenie-domokhozyaistv-v-rynochnoi-i-transformiruemoi-ekonomikakh. – Дата доступа: 27.04.2024.

7. Человеческий капитал / В. А. Бобров [и др.]. – М. : Инфра–М, 2017. – 289 с.

8. Хайкин, М. М. Собственность как основа управления хозяйственной деятельностью домохозяйства / М. М. Хайкин // Управление. – 2016. – № 3 (13). – С. 74–79.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И НЕПРАВОМЕРНО ПОЛУЧАЮЩИХ НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ

Хашковский Никита Владимирович
преподаватель кафедры государственного управления
юридического факультета Белорусского государственного университета,
магистр права
khashkovsky.nv@gmail.com

В 2012 г. в качестве одной из мер государственной поддержки субъектов хозяйствования был принят Декрет Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности» (далее – Декрет № 6), в соответствии с которым субъекты хозяйствования зарегистрированные в Республике Беларусь на территории средних, малых городских поселений, сельской местности (далее – сельская местность) в течение 7 календарных лет со дня их государственной регистрации вправе не исчислять и не уплачивать налог на прибыль (коммерческие организации), подоходный налог с физических лиц (индивидуальные предприниматели) соответственно.

В ходе проведения контрольных мероприятий специализированными государственными органами систематически выявляется схема, используемая учредителями и (или) руководителями субъектов хозяйствования для необоснованного снижения собственной налоговой нагрузки и дальнейшего применения льготы, предусмотренной Декретом № 6 [1]. Так, учредитель (руководитель) субъекта хозяйствования, зарегистрированного в июле 2018 г., начавший в этом же году правомерно получать указанную налоговую льготу, утратит такое право 31 декабря 2024 г. в связи с истечением максимального 7-летнего периода с момента регистрации, и, желая продолжить получение льготы, произведет регистрацию в 2024 г. нового субъекта, тем самым пролонгирует период получения налоговой льготы на 6 лет. Новый субъект, обычно, регистрируется по тому же адресу (в той же местности), осуществляет аналогичный вид деятельности с использованием переданных на него (предоставленных в аренду) производственных мощностей и площадей (офисы, цеха). Кроме того, на нового субъекта полностью или частично переводится штат, поставщики, покупатели, а продукция выпускается под той же торговой маркой (брендом).

Таким образом, основная цель регистрации нового субъекта – создание формальных условий для получения льготы, предусмотренной Декретом № 6, что влечет необоснованную налоговую экономию и должно квалифицироваться по ст. 243 УК, как уклонение от уплаты налога на прибыль.

Для квалификации действий недобросовестных учредителей или руководителей субъектов хозяйствования по ст. 243 УК необходимо установить наличие следующих обязательных и факультативных признаков [2; 3]:

1) второй субъект хозяйствования является коммерческой организацией, а не обособленным подразделением (филиалом) основного субъекта;

2) субъект хозяйствования зарегистрирован на территории сельской местности. При определении места нахождения необходимо руководствоваться данными, содержащимися в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;

3) производственная деятельность осуществляется по месту государственной регистрации. При этом офисные помещения могут находиться и на иной территории;

4) субъект хозяйствования получил в Белорусской торгово-промышленной палате (ее подразделениях) (далее – БелТПП) сертификат продукции собственного производства, процедура выдачи которого регламентирована положениями, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 октября 2010 г. № 1520.

5) сумма неуплаченного в связи с применением льготы, предусмотренной Декретом № 6, налога на прибыль составила не менее 2 000 базовых величин.

6) фактическое руководство деятельностью нового субъекта хозяйствования осуществляется теми же лицами, совпадает адрес производства и вид деятельности, передано производственное оборудование, задействуются те же работники, производится аналогичный товар, сохранена торговая марка.

Кроме того, необходимо также учитывать следующие особенности.

1) 7-летний льготный период начинается 1 января года, в котором получена льгота (независимо от месяца ее получения) и заканчивается 31 декабря того же года. Так, если субъект зарегистрирован в июле 2019 г., первый календарный год истечет 31 декабря 2019 г., а период в 7 календарных лет – 31 декабря 2024 г. [4].

2) Копия сертификата собственного производства хранится в архиве БелТПП в течение 3-х лет. Данная норма указывает на то, что в ходе проверки не могут быть получены сведения о выдаче сертификата, если с момента окончания его срока действия прошло 3 и более года. В таких случаях источником, свидетельствующим о получении льготы, предусмотренной Декретом № 6, может выступать налоговая декларация по налогу на прибыль, а также экземпляр сертификата, предоставленный в налоговый орган.

3) Декрет № 6 предоставляет право коммерческим организациям, у которых истек 7-летний срок со дня их государственной регистрации, создать обособленное подразделение (филиал), ведущие раздельный учет выручки и затрат, на той же территории и не исчислять и не уплачивать налог на прибыль, в отношении прибыли, полученной обособленным под-

разделением от реализации товаров собственного производства. При этом отдельно не оговорено, что обособленное подразделение имеет право применять льготу только в случае, если данной льготой не воспользовался основной субъект хозяйствования, создавший такое обособленное подразделение. Таким образом, законодателем допущена легальная возможность увеличения 7-летнего периода применения льготы, которая приводит к уменьшению налоговой нагрузки основного субъекта хозяйствования на законных основаниях. Дополнительно следует отметить, что обособленное подразделение, решение о создании которого принято после 31 декабря 2018 г., не вправе воспользоваться льготами по налогу на прибыль, предусмотренной Декретом № 6. Так, в отношении обособленных подразделений, созданных в 2019 г. и позже налоговые льготы не применяются, а зарегистрированные в 2018 г. обособленные подразделения утратят право на применение льготы 31 декабря 2024 г.

Таким образом, налоговая льгота, предусмотренная Декретом № 6, в первую очередь направлена на экономическое развитие малых населенных пунктов и предоставление вновь созданным субъектам хозяйствования налоговых каникул по налогу на прибыль и налогу на недвижимость с целью направления сэкономленных денежных средств на расширение производственной деятельности. Вместе с тем, в настоящее время данная льгота стала одним из способов уклонения от уплаты налогов и увеличения собственного дохода, выводимого в последующем из хозяйственного оборота и направляемого на личные нужды фактического руководства субъектов хозяйствования, получивших государственную поддержку.

Список цитированных источников

1. Примеры типичных нарушений, допускаемых плательщиками [Электронный ресурс] // М-во по налогам и сборам Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://nalog.gov.by/actual/ adjustments/tax_base_adjustment/?ysclid=lyjxvvbfct937996609. – Дата доступа: 14.07.2024.

2. Якушева, И. Г. Льготы по Декрету № 6: условия применения [Электронный ресурс] / И. Г. Якушева // Налоги Беларуси. – 2021. – № 22. – Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEPBI/87895/?docSwitcherKey=2h8f&searchPosition =3# M100022. – Дата доступа: 14.07.2024.

3. Каредина, М. Ф. Отдельные вопросы применения положений Декрета № 6 [Электронный ресурс] / М. Ф. Каредина // Налоги Беларуси. – 2022. – № 37. – Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEPBI/94893/?docSwitcherKey=2h8f&searchPosition =2# M100027. – Дата доступа: 14.07.2024.

4. О применении норм Декрета № 6 [Электронный ресурс] : письмо М-ва по налогам и сборам Респ. Беларусь, 8 нояб. 2012 г., № 2-3-13/2265 // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

СТРАХОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ЛИЗИНГА: НА ПРИМЕРЕ ИЗ ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шимкович Марина Николаевна
заведующий кафедрой гражданского и хозяйственного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
shymkovich2003@gmail.com

При заключении договора лизинга достаточно часто осуществляется страхование предмета финансовой аренды (лизинга). Стороны, выступающие в качестве страхователя и выгодоприобретателя, а также период страхования предмета лизинга определяются договором лизинга.

Как правило, в договоре лизинга указывается, что по риску гибели лизингового имущества выгодоприобретателем является лизингодатель, а по риску повреждения выгодоприобретателем является лизингополучатель. Такое распределение рисков и выплат страховых возмещений объясняется тем, что лизингодатель является собственником лизингового имущества и считается, что именно ему должна причитаться стоимость предмета лизинга в случае его гибели (утраты), а лизингополучатель эксплуатирует лизинговое имущество, поэтому он заинтересован в быстром восстановлении данного имущества и соответственно именно он и получает страховое возмещение в случае повреждения лизингового имущества.

Система отношений, которая складывается между лизингодателем, лизингополучателем и страховщиком, имеет достаточно сложный характер, и поэтому межу участниками данной триады возникают споры. Один из таких споров стал предметом рассмотрения судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь.

Фабула дела состояла в следующем.

Страховщик принял на страхование предмет лизинга – легковой автомобиль, который был передан по договору лизинга лизингополучателю. Страхователем по договору страхования выступал лизингодатель. Страховая стоимость автомобиля составляла 30 000 долларов США.

В период действия договора страхования автомобиль был похищен. Страховщик признал событие страховым случаем и выплатил страховое возмещение в сумме 49 076,50 белорусских рублей. Сумма страхового возмещения определялась исходя из стоимости автомобиля на дату страхового случая (62 859 белорусских рублей) за вычетом 13 782,50 белорусских рублей – платежей, полученных лизингодателем от лизингополучателя по договору финансовой аренды (лизинга).

Лизингодатель не согласился с решением страховой компании и обратился в экономический суд города Минска с исковыми требования-

ми к страховщику о взыскании 13 782,50 белорусских рублей страхового возмещения. Экономический суд г. Минска, пришел к выводу, что страховщик обязан выплатить страхователю страховое возмещение в полном объеме и удовлетворил исковые требования лизингодателя. Постановлением апелляционной инстанции решение экономический суд г. Минска оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь решение экономического суда г. Минска и постановление апелляционной инстанции этого же суда оставила без изменения, а кассационную жалобу страховщика – без удовлетворения [1].

Выводы судебных инстанций при вынесении соответствующих решений основывались на положениях ст. 819 ГК, а также Правил добровольного страхования наземных транспортных средств юридических лиц.

В целом соглашаясь с решениями всех судебных инстанций, хотелось бы отметить некоторую недоказанность в судебных решениях. Возможно такие ощущения оставались и у страховой организации, поскольку ею были исчерпаны все средства судебной защиты своих прав при разрешении данного дела.

С одной стороны, судебными инстанциями абсолютно правильно не приняты во внимание возражения страховой организации о частичном возмещении лизингополучателем ущерба, причиненного истцу, поскольку данное обстоятельство не является основанием для освобождения страховщика от исполнения своих обязательств по договору страхования. Однако, с другой стороны, страховщик осведомлен о структуре отношений между лизингодателем и лизингополучателем и для него очевидно, что лизингодатель вследствие наступления страхового случая получился перекомпенсированным (получил не только страховую выплату в размере стоимости имущества, но и лизинговые платежи, которые были уплачены лизингополучателем до момента гибели имущества). На это можно возразить, что лизингодатель несет и другие убытки (например, лишается, причитающихся ему доходов вследствие гибели лизингового имущества), поэтому никакой перекомпенсации в данном случае нет. Несомненно, у лизингодателя есть и другие риски, и его убытки не ограничиваются только стоимостью лизингового имущества, но в данной ситуации застраховано только лизинговое имущество, а иные риски и убытки лизингодателя не могут компенсироваться ни за счет страховой выплаты по договору имущественного страхования, ни за счет лизингополучателя. В таком случае они должны компенсироваться делинквентом. Изложенные обстоятельства, по нашему мнению, и вызывают вопросы в отношении решения экономического суда по рассматриваемому делу.

Сложность ситуации, которая складывается по договору финансового лизинга с правом выкупа (применительно к рассматриваемому делу лизинг был выкупной), состоит в том, что на лизинговое имущество одно-

временно претендуют два лица – лизингодатель и лизингополучатель, а следовательно, интерес в сохранности этого имуществ есть у обоих.

Интерес лизингодателя очевиден, поскольку он собственник лизингового имущества. В то же время, собственность лизинговой компании является, как принято ее именовать в доктрине, «обеспечительной» [2, с. 30].

В свою очередь, интерес лизингополучателя складывается из нескольких фактов. Лизингополучатель не является собственником лизингового имущества и обладает лишь правомочиями временного владения и пользования (ст. 636 ГК). Однако, во-первых, при заключении договора финансового лизинга с правом выкупа лизингополучатель планирует стать собственником, уплачивая в составе лизинговых платежей платежи по возмещению стоимости лизингового имущества. Во-вторых, договор страхования лизингового имущества может заключать и лизингодатель, и лизингополучатель, но, даже если в качестве страхователя выступает лизинговая организация, страховые взносы компенсируются лизингополучателем в составе лизинговых платежей (пп. 11.3. п. 11 Правил осуществления лизинговой деятельности, утвержденных постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 18 августа 2014 г. № 526). В-третьих, если предположить, что лизингополучатель может предъявить требование к лизингодателю о возврате части лизинговых платежей, то лизингодатель правомерно может отказать, сославшись на положение договора лизинга, предусматривающее, что по риску гибели лизингового имущества в качестве выгодоприобретателя с согласия лизингополучателя определен лизингодатель. Блокируется это требование лизингополучателя и к делинквенту, поскольку к последнему с требованием в порядке суброгации обратится страховая компания. Изложенное позволяет заключить, что интерес в сохранении данного имущества и получении страховой выплаты у лизингополучателя тоже наличествует.

Таким образом, наличие интереса в сохранности лизингового имущества у обоих лиц означает лишь то, что в ситуации выкупного финансового лизинга осуществляется страхование одновременно интереса и лизингодателя, и лизингополучателя. При этом не интерес каждого по отдельности, а только их интерес в совокупности равен стоимости вещи.

Полагаем, что по договору страхования лизингового имущества, являющегося предметом договора финансового лизинга с правом выкупа по риску гибели лизингового имущества, лизингодатель и лизингополучатель должны выступать как долевые кредиторы – выгодоприобретатели. Именно такой подход в наибольшей мере отвечает природе данного страхования.

Список цитированных источников

1. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь, 22 февр. 2023 г., дело № 155ЭИП23291 [Электронный ресурс] : Банк судебных решений // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

2. Иванов, А. А. Договор финансовой аренды (лизинга) : учеб.-практ. пособие / А. А. Иванов – М.: Проспект, 2001. – 60 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ САМООБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДУКЦИЕЙ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

Шингель Наталия Адамовна
доцент кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
Singel.61@list.ru

Правовые основы получения и первичного использования продукции охоты и рыболовства в общем виде определены в утвержденных соответственно указами Президента Республики Беларусь «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства» от 21 марта 2018 г. (в редакции Указа от 16 сентября 2020 г. № 345) (далее – Указ № 345) и «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве» от 21 июля 2021 г. № 284 (далее – Указ № 284) Правилах охоты и Правилах любительского рыболовства. При этом указанные правоотношения имеют гораздо более сложный характер, чем только добыча диких животных, которые являются объектом охоты и рыболовства. Они непосредственно связаны с функционированием продовольственного рынка, обеспечиваемым комплексным правовым регулированием. Однако, для отношений по самообеспечению продукцией охоты и рыболовства (они не имеют, как правило, предпринимательского характера) в настоящее время характерна несистемность в правовом регулировании, поэтому эта сфера нуждается в повышении качества и уровня правового регулирования.

Главная особенность правового режима продукции охоты и рыболовства с учетом многообразия целей их использования выражается в том, что эти виды продукции являются результатом осуществления основных видов права пользования объектами животного мира – охоты и рыболовства (п. 1 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З «О животном мире»). Отметим, что в процессе дальнейшего экономического оборота из объекта преимущественно природоресурсных правоотношений она становится объектом отношений, связанных с продовольственным обеспечением (в том числе гражданских, хозяйственных, аграрных и иных). Но продукция охоты и рыболовства, хотя и не имеет преобладающего значения в удовлетворении продовольственных потребностей населения, позволяет расширить качество и разнообразие продовольственных ресурсов для достижения «высокого уровня физической и экономической доступности для населения безопасных и качественных пищевых продуктов в объемах и ассортименте, необходимых для активного и здорового образа жизни». Указанная цель поставлена Доктриной национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 962, и она охватывает в первую очередь необхо-

димый уровень обеспечения основными видами продовольствия, среди которых указаны мясо и рыба. Частично эти виды продовольственной продукции могут быть пополнены за счет продукции любительской охоты и рыболовства, которая имеет определенную специфику в природоресурсном и экономическом смысле.

Так, п. 2 Правил охоты дает следующее понятие продукции охоты: «добытые дикие животные, их части и (или) дериваты, а также погибшие дикие животные, их части и (или) дериваты, разделка, перемещение и (или) использование которых производятся в охотничьих угодьях, в иных местах обитания указанных животных, на дорогах». Ключевыми характеристиками продукции охоты, как нам представляется, следует считать два признака. Во-первых, к продукции охоты относятся добытые дикие животные (здесь следовало бы добавить – охотничьи животные, определенные как объекты охоты, названные в п. 2 Правил ведения охотничьего хозяйства, утвержденных Указом № 345), уже утратившие связь с окружающей средой и переставшие быть объектом природопользования. В правовом регулировании использования продукции охоты на данный момент является определяющим для изменения правового режима данной продукции, в том числе при ее использовании на условиях самообеспечения, для собственных нужд охотника, не связанных с предпринимательской деятельностью. Во-вторых, продукция охоты связана с использованием добытых животных (в том числе разделкой, перемещением) лишь в пределах охотничьих угодий и приравненных к ним мест, и лишь теми способами, которые названы в законодательстве. Дальнейшая «судьба» этой продукции выходит за рамки правового регулирования специального законодательства об охоте и ведении охотничьего хозяйства и требует отдельного исследования.

В отличие от законодательства об охоте в Указе № 284 не содержится общего понятия продукции рыболовства, хотя при характеристике отдельных видов рыболовства получение этой продукции рассматривается как содержательная сторона соответствующих видов природопользования. Например, п. 2 Правил любительского рыболовства характеризует любительское рыболовство таким образом: «рыболовство, осуществляемое рыболовами для удовлетворения потребности в активном отдыхе и (или) *получения продукции рыболовства* без цели извлечения дохода». Анализ норм Правил любительского рыболовства дает основание говорить, что в целом признаки продукции рыболовства соответствуют тем, которые были названы выше применительно к продукции охоты.

Сопоставление правового регулирования любительской охоты и любительского рыболовства – именно эти разновидности охоты и рыболовства позволяют природопользователям-гражданам самостоятельно обеспечить себя продукцией животного происхождения, полученной от диких животных, – дают возможность выявить некоторые различия в основаниях

и характере правовых требований, предъявляемых к получению и использованию продукции охоты и рыболовства. Мы отметим лишь наиболее существенные:

– в отличие от любительского рыболовства, правовое регулирование которого в настоящее время идет по пути максимально широкого обеспечения доступа граждан к рыбным ресурсам, любительская охота имеет характер исключительно разрешительного вида природопользования; более того, в последние годы наблюдается все более четкая дифференциация различных видов любительской охоты с уточнением предъявляемых к ней требований. Так, например, в соответствии с п. 6 Правил любительского рыболовства «любительское рыболовство осуществляется рыболовами бесплатно в рыболовных угодьях фонда запаса, а также в фонде рыболовных угодий, предоставленных в аренду или в безвозмездное пользование только для промыслового рыболовства», то есть преимущественной формой любительского рыболовства является рыболовство, соответствующее признакам общего природопользования в понимании Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII (в редакции Закона от 17 июля 2023 г. № 294-З) «Об охране окружающей среды» (ст. 16). Платное любительское рыболовство выступает факультативным источником получения продукции рыболовства (п. 7 Правил любительского рыболовства). И в том, и в другом случае нормируется количество вылова рыбы, хотя и разными способами: при любительском рыболовстве – законодательством, специальными нормами, имеющимися в Правилах любительского рыболовства; при платном любительском рыболовстве – решениями арендаторов, пользователей рыболовных угодий, организовавших платное любительское рыболовство (п. 11, 12 Правил любительского рыболовства). Что касается получения продукции любительской охоты, для этих правоотношений характерен абсолютный императив в правовом регулировании, что подтверждается гл. 2 Правил охоты, определяющей основания и порядок возникновения и прекращения права на охоту, и гл 4 этих же Правил, устанавливающих разрешительный механизм осуществления охоты. При этом последующее использование для собственных нужд, в том числе продовольственных, добытых диких охотничьих животных, не является единственной или даже основной целью любительской охоты, поскольку иные цели, связанные с охотой (спортивные, туристические, рекреационные и иные), реализуются в процессе данного вида природопользования и снижают самообеспечительную, условно говоря, роль любительской охоты;

– имеются различия в дальнейшем использовании добытых диких животных, выступающих объектами охоты и рыболовства, на уровне правового регулирования. Так, имеется однозначная норма (п. 98 Правил охоты), которая говорит о нахождении продукции охоты, добытой в установленном порядке, в «собственности охотника или охотников, если иное не указано в охотничьей путевке или охотничьей путевке к разрешению», а также отсы-

лочная норма о том, что «порядок использования такой продукции определяется самим охотником при соблюдении ветеринарно-санитарных правил». К сожалению, в Указе № 284 аналогичных норм нет, а качество рыбы, выловленной в рыболовных угодьях, обеспечивается выполнением иных требований к ведению рыболовного хозяйства. В связи с этим мы считаем недостаточным уровень правового регулирования использования продукции охоты и рыболовства для продовольственных целей, в том числе для собственного потребления охотника и рыболова.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Юн Лариса Владимировна
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент
yun.lara@yandex.ru

В современном стремительно меняющемся XXI в. вопрос изучения экологической культуры не теряет своей актуальности, а наоборот требует более углубленного исследования и анализа, в том числе как одного из компонентов при реализации экологических прав граждан. Модификация общественных отношений в независимости от сферы их регулирования позволяет остановить свое внимание на ряде ключевых проблем, связанных с возможностью охраны и защиты права на благоприятную окружающую среду и иных экологических прав, являющихся важными в обозначенной проблематике.

Одной из важных проблем при реализации экологических прав является отсутствие экологической культуры у граждан, в связи с чем происходят нарушения, которых можно было избежать в случае осмысления последствий, наступающих после совершенного экологического правонарушения, в том числе преступления.

Отсутствие экологической культуры влечет за собой негативные последствия не только для самих граждан, их жизни и здоровья, но и наносит порой невосполнимый урон окружающей среде и ее природным объектам, на восстановление которых впоследствии уходит десятилетия.

В рамках проводимого исследования нами было установлено, что чаще всего вопросами изучения экологической культуры занимаются исследователи сферы социологии.

Так, например, О. И. Марар отмечает, что «в становлении экологической культуры ключевая роль принадлежит социальным институтам, та-

ким как государство, семья, система экологического образования, просвещение, религиозно-нравственное воспитание, средства массовой информации...» [1, с. 13].

Отметим, что в отечественной науке учеными невысокий уровень экологической культуры рассматривается и через ее корреляцию с воспитанием и образованием, а также необходимостью разработки соответствующих нормативных правовых актов.

А. Я. Рыженков отмечает, что к причинам низкой эффективности применения норм экологического права в России можно отнести крайне слабое развитие у граждан эколого-правовой культуры, что в свою очередь во многом свидетельствует о недостатках развития системы экологического образования и воспитания [2, с. 11].

Важно юридически изучить и разработать нормативные правовые акты для формирования эколого-правовой культуры, которые в будущем составят базу с целью организации результативной системы эколого-правового сознания и воспитания [3, с. 4].

Основным нормативным правовым актом в Российской Федерации является Конституция. В июле 2020 г. Законом о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были внесены поправки, отражающие в том числе и развитие экологической культуры. Согласно ст. 114 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Правительство Российской Федерации наделили полномочием по созданию условий для развития экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым обозначить критерии, определяющие экологическую культуру как фактор реализации экологических прав: а) экологическая культура помогает снизить негативный компонент, который определяется в науке конституционного и экологического права как экологический нигилизм; б) с помощью экологической культуры возможна минимизация экологических правонарушений, в том числе преступлений; в) экологическая культура тесно взаимодействует с экологическим сознанием, помогая в повышении экологического воспитания настоящего и будущих поколений.

Повышение уровня экологической культуры возможно, в частности и через применение вышеобозначенных критериев, которые в системном единстве будут направлены на защиту, охрану, обеспечение и восстановление конституционных экологических прав граждан. Высокий уровень экологической культуры не одного индивида или группы граждан, а всего общества поможет улучшить условия для проживания в благоприятной окружающей среде, в том числе и для всего мира.

Список цитированных источников

1. Марар, О. И. Экологическая культура в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра. соц. наук : 22.00.06 / О. И. Марар ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – М., 2012. – 41 с.

2. Рыженков, А. Я. Правовые проблемы реализации принципа развития системы экологического образования и формирования экологической культуры / А. Я. Рыженков // Право и образование. – 2017. – № 4. – С. 11–20.

3. Аббасов, П. Р. Актуальные проблемы правового регулирования экологического образования / П. Р. Аббасов // Управление в современных системах. – 2020. – № 4 (28). – С. 3–10.

РАЗДЕЛ 3

РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Бабич Наталия Ивановна
старший преподаватель кафедры судебной деятельности
учреждения образования «Институт переподготовки и повышения
квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
магистр управления
stasnata@rambler.ru

В современном обществе все более важным становится обеспечение равных прав и возможностей для людей с инвалидностью. Одна из областей, где это особенно значимо, – судебная система. Культура общения с людьми с инвалидностью в судебной системе играет жизненно важную роль в обеспечении их прав и доступа к правосудию.

Конвенция о правах инвалидов, принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. и закрепляющая основные права и свободы личности по отношению к людям с инвалидностью, – первый всеобъемлющий договор в области прав человека XXI столетия. Данная Конвенция знаменует собой «смену парадигмы» в том, что касается отношения к инвалидам. Одной из самых уязвимых групп населения являются лица с ограниченными возможностями и их семьи. Общение с людьми с инвалидностью в судебной системе должно учитывать их специфические потребности. Это включает не только физическую доступность зданий и информации, но и культурные аспекты [1].

Многие привычные термины и выражения, которые обычно считаются нейтральными, на самом деле могут быть ярлыками и оскорбительными стереотипами, способствующими дискриминации и предвзятости. Часто в нашем обществе звучат такие неприемлемые слова и сравнения как «больной/здоровый», «нормальный/ненормальный», «умственно отсталый», «обычный / неполноценный», «даун», «калека» и т. п.

Современному обществу следует приложить серьезные усилия к изменению ситуации, выработке культуры инклюзии, привитию этически выдержанной и грамотной терминологии. Для этого необходима не только специальная просветительская работа в указанном направлении, но и изменение культуры общественных взаимоотношений. Корректный

язык помогает формировать позитивный образ человека. Как и другие социальные меньшинства, права которых в той или иной мере ущемляются большинством, инвалиды чувствительны к словам, которые усугубляют их положение. Для того, чтобы изменить его, люди с инвалидностью в странах, где движение инвалидов активно и влиятельно, пропагандируют собственные определения и понятия, которые не вызывают жалости и других негативных ассоциаций [3].

«Слепой», «глухой», «с нарушением слуха», «с нарушением в развитии», «с психическим расстройством» – такие словосочетания привычны для людей с инвалидностью. Но для остального населения эти термины способствуют формированию взгляда на человека с инвалидностью как на лицо с медицинскими проблемами.

В связи с этим при общении с указанными людьми или в публикациях о них желательно руководствоваться следующими правилами [2]:

ИСПОЛЬЗУЙТЕ	**ИЗБЕГАЙТЕ**
слова и понятия, не создающие стереотипы:	**слова и понятия, создающие стереотипы:**
Человек с инвалидностью	Человек с ограниченными возможностями, больной, искалеченный, покалеченный, неполноценный, калека, с дефектом здоровья, с недостатком
при сравнении людей с инвалидностью и без инвалидности:	
Не инвалид, человек без инвалидности; нормальный / здоровый; человек, использующий инвалидную коляску; человек на коляске; человек с парализованными ногами	Нормальный / здоровый; прикованный к инвалидной коляске, паралитик, парализованный
«Колясочник» – приемлемо в среде общения людей с инвалидностью	
Врожденная инвалидность, инвалид с детства	Врожденный дефект / увечье /несчастье
Имеет ДЦП (детский церебральный паралич), человек (ребенок, дети) с ДЦП	Страдает ДЦП, болеет ДЦП, «дэцэпэшник»
Человек, перенесший полиомиелит /имеет инвалидность в результате…; человек, который перенес болезнь / стал инвалидом в результате...	Страдает от полиомиелита / от последствий полиомиелита, жертва болезни
С особенностями в развитии, человек с ментальной инвалидностью, с особенностями ментального развития	С задержкой / отставанием в развитии, с интеллектуальной недостаточностью, с умственной отсталостью, имбецил, дебил
Дети с инвалидностью	Дети-инвалиды
Школьники с инвалидностью	Школьники-инвалиды
Человек с синдромом Дауна, ребенок (дети) с синдромом Дауна	С болезнью Дауна, «даун», «монголоид», «даунята» (о детях с синдро-

	мом Дауна)
Человек с эпилепсией	Эпилептик, припадочный, страдающий эпилептическими припадками
Незрячий, слабовидящий человек, с инвалидностью по зрению	Слепой, совершенно слепой
Человек с особенностями психического развития, человек с особенностями душевного или эмоционального развития	Псих, сумасшедший, люди с психиатрическими проблемами, душевнобольные люди, люди с душевным или эмоциональным расстройством
Не слышащий / глухой, слабослышащий человек, с инвалидностью по слуху, пользующийся жестовой речью	Глухой как пень, человек с нарушением слуха, человек (ребенок) с остатками слуха, глухонемой

Общение с людьми с инвалидностью в судебной системе требует учета их индивидуальных потребностей. Это включает не только физическую доступность зданий и информации, но и использование адаптированных средств общения. Например: 1) брайлевская письменность – важный инструмент для людей с нарушениями зрения, позволяющий им получать информацию в доступной форме; 2) жестовый язык – необходим для общения с людьми, имеющими нарушения слуха, обеспечивая их понимание происходящего в суде; 3) аудиозаписи – могут быть полезны как для людей с нарушениями слуха, так и для людей с нарушениями зрения, предоставляя информацию в удобном формате; 4) тексты на упрощенном языке – важны для людей с когнитивными нарушениями, позволяя им лучше понимать судебные процессы и свои права.

Кроме того, необходимо учитывать следующие характеристики различных групп людей с инвалидностью:

– люди с аутизмом могут сталкиваться с трудностями в социальном взаимодействии и восприятии информации. Также индивидуализированные подходы, как использование визуальных подсказок или структурированных инструкций, могут помочь им лучше ориентироваться в судебном процессе;

– люди с синдромом Дауна могут иметь когнитивные ограничения и нуждаются в адаптированных материалах, которые помогут им понять свои права и обязанности;

– люди с нарушениями мобильности требуют доступных зданий и оборудования (пандусы и специальные места для сидения), чтобы обеспечить их участие в судебных заседаниях.

Чтобы обеспечить равный доступ к правосудию, необходимо гарантировать доступность информации для всех участников судебных процессов. С этой целью следует обеспечить:

– активное слушание: важно не только слышать, но и понимать потребности и переживания человека.

– использование ясного и понятного языка – надо избегать юридических терминов и сложных конструкций, которые могут быть непонятны.

– поддержку в принятии решений – предоставление информации о возможностях и последствиях, чтобы человек мог принимать осознанные решения.

Общение с людьми с инвалидностью в судебной системе требует внимательного подхода, учитывающего их индивидуальные потребности и культурные особенности. Создание инклюзивной среды и поддерживающей атмосферы поможет обеспечить их равный доступ к правосудию. Необходимо уделить особое внимание культурным, психологическим и информационным аспектам общения с людьми с инвалидностью, чтобы обеспечить им равные возможности участия в судебных процессах.

Список цитированных источников

1. Богданович, Л. Н. О государственной политике Республики Беларусь в отношении инвалидов / Л. Н. Богданович, В. Б. Смычек, А. И. Богданович // Здравоохранение. – 2015. – № 12. – С. 12–18.

2. Основные правила общения с инвалидами [Электронный ресурс] : материал для сотрудников библиотек. – Режим доступа: http://emankniga.ru/?p=9216. – Дата доступа: 15.07.2024.

3. Этика общения с людьми, имеющими инвалидность: памятка-рекомендация / сост. Н. А. Назарько. – Таганрог: ЦГПБ ЦЕМ, 2023. – 31 с.

СУДЫ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Василевич Григорий Алексеевич
заведующий кафедрой конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
gregory5581@yandex.by

Конституционный контроль необходим, прежде всего, для обеспечения реального верховенства Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция). Ее положения реализуются как непосредственно в правоприменительной деятельности, так и посредством развития отраслевого законодательства, то есть его конституционализации. Обязанность обеспечивать верховенство Конституции несут все органы государственной власти и должностные лица. Они осуществляют его в формах и пределах, установленных Конституцией и принятыми в соответствии с ней законодательными актами. Судебный конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Судом Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) и судами общей юрисдикции, является разновидностью конституционного контроля.

Анализ национального законодательства позволяет сделать обоснованный вывод о смешанной системе судебного конституционного контроля [1, с. 205–206]. Его отличие от американской и кельзенианской (европейской) модели заключается в осуществлении не только специализированным органом (Конституционным Судом), но и в наделении соответствующими полномочиями по разрешению конституционных споров также судов общей юрисдикции. Смешанная система судебного конституционного контроля является, на наш взгляд, более эффективной и рациональной, если она функционирует. То, что именно такая модель закреплена в нашей Конституции, очевидно из анализа ст. 7, 60, 112, 116, 116 (1), 122 Основного Закона, рассматривая их во взаимосвязи.

Изменения, которые произошли в Конституции в результате республиканского референдума 27 февраля 2022 г., внесли, с одной стороны, некоторую определенность, а с другой – дали повод для различной интерпретации ч. 2 ст. 112 Конституции. Так, предусмотрено, что суд общей юрисдикции обращается в Конституционный Суд, если у него возникли сомнения в конституционности подлежащего применению нормативного правового акта, до вынесения судебного постановления. Ранее можно было вынести судебное постановление, а затем обращаться в Конституционный Суд. До референдума 2022 г. в Конституции было указано о том, что, если суд общей юрисдикции пришел к выводу о несоответствии нормативного правового акта Конституции, то он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании его неконституционным. Новая редакция ст. 112 Конституции не переформатировала модель судебного конституционного контроля, а наоборот, даже ее усилила. Ведь в ее новой редакции говорится о «возникновении сомнений» у суда в конституционности нормативного правового акта. А если нет «сомнений», то суд общей юрисдикции должен отдавать предпочтение акту, обладающему более высокой юридической силой, вплоть до Конституции. Пожалуй, определенный плюс в новой редакции ст. 112 заключается в том, что он снял ранее существовавшие вопросы по поводу возможности приостановить или отложить рассмотрение дела до разрешения спора в Конституционном Суде. Хотя и без уточнения конституционного текста эти вопросы можно было решить в процессуальном законодательстве.

До республиканского референдума 1996 г., Конституционный Суд был отнесен к группе органов, осуществляющих государственный контроль и надзор (разд. 6 Конституции). В Конституции была отдельная статья о судебной системе, где Конституционный Суд не упоминался. В настоящей редакции Основного Закона Конституционный Суд находится в гл. 6 «Суд». Если ранее действовал самостоятельный Закон «О Конституционном Суде Республики Беларусь» 1994 г., что подчеркивало его особую правовую регламентацию, то сейчас его место определено в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г.

Более того, в ст. 4 и 5 этого Кодекса закрепляется единство судебной системы, статуса судей, а также включение Конституционного Суда в судебную систему. Вышеуказанное дает основание по-новому взглянуть на содержание ст. 60 Конституции, согласно которой каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. Тем более, что ч. 1 данной статьи дополнена нормой следующего содержания: решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющие права и свободы, могут быть обжалованы в суд. Если рассматривать положения этой статьи во взаимосвязи с ч. 1 ст. 116, то право граждан на обращение в Конституционный Суд явно расширено. Другое дело, будет ли это воспринято на практике.

Когда затрагивается вопрос об обращениях в Конституционный Суд, в том числе судов, то главное не в том, чтобы «загрузить» Конституционный Суд, дать ему работу, а в том, чтобы реально обеспечить действие конституционных принципов и норм, сближение текущего законодательства и Основного Закона. Только на этой основе можно создать эффективно работающую национальную правовую систему. Ведь если уже Глава государства обращает внимание на проблемы в законодательстве, его несбалансированность, противоречивость, необходимость его «разгрузки», то над предупреждением этих недостатков должны были давно работать правоприменительные органы. Кроме того, нормотворческая деятельность всегда должна подкрепляться необходимой подготовкой общественного мнения, если в ней затрагиваются интересы широких слоев населения.

Неправильно воспринимать конституционный текст только как документ, который ограничивает действие государственных органов, особенно в экстремальных условиях. На этот счет в Конституции имеются соответствующие нормы, позволяющие действовать нетипично. Также это касается и правового статуса человека и гражданина: недопустимо гипертрофировать права и свободы в ущерб надлежащему выполнению обязанностей. Все должно быть сбалансировано. Формировать соответствующую практику и восприятие конституционных положений обязаны суды, причем не только, когда это касается отношений в связи совершением уголовно наказуемых деликтов.

В ст. 116[1] Конституции в настоящее время закреплены институт конституционной жалобы и право на запросы в Конституционный Суд от судов общей юрисдикции. Последнее положение является конкретизацией закрепленного еще 15 марта 1994 г. в ст. 112 Конституции права судов на обращение в Конституционный Суд, которым они практически не пользовались. Сейчас суды, без каких-либо «фильтров» в лице вышестоящих инстанций, вправе обращаться непосредственно в Конституционный Суд. Как будет на практике, время покажет.

Конституционная жалоба, на наш взгляд, может стать стимулом для обращения судов в Конституционный Суд. Ведь выигранное гражда-

нином дело в Конституционном Суде может повлечь увеличение возмещаемых ему расходов (издержек), в том числе за счет государства.

Предметом конституционной жалобы, как указано в Конституции, может быть закон. Однако, полагаем, что неправильное применение судом общей юрисдикции положений Основного Закона, когда он «не сомневается» в конституционности подлежащего применению акта, также дает, на наш взгляд, основание для обращения гражданина в Конституционный Суд. Это могут быть случаи неправильной интерпретации норм Конституции, неправильного определения их соотношения и др. Однако такое понимание, конечно, не бесспорно. Кроме того, следует иметь в виду, что подзаконные акты всегда базируются на Конституции и законах. Даже если суд общей юрисдикции их не упомянул в своем постановлении, наличие такого закона подразумевается и конституционная жалоба может быть подана в связи с таким «применением» закона, то есть уклонением от его упоминания в судебном акте. Пока это только мнение. Практика выявит, в каких направлениях будет развиваться деятельность Конституционного Суда.

Полагаем, что новая правовая реальность должна привести к усилению ведомственного контроля за деятельностью судов, правильностью выносимых постановлений. Единство судебной практики можно обеспечить признанием судебного прецедента в качестве источника права. Ошибочным является мнение, что это разбалансирует судебную систему. Наоборот, укрепит ее. В условиях цифровизации многих сегментов деятельности судов – это давно назревшая и посильная задача. Конечно, судебные прецеденты с учетом нашей правовой системы имеют подзаконный характер.

Спорным моментом является, на первый взгляд, сужение предмета конституционной жалобы до такого вида актов как законы. Конечно, для данного этапа это приемлемый шаг. Однако надо иметь в виду ч. 4 ст. 122 Конституции, согласно которой решения местных Советов депутатов (их около 1 300), исполнительных и распорядительных органов (также около 1 300), ограничивающие или нарушающие права, свободы и законные интересы граждан, а также в иных предусмотренных законодательством случаях могут быть обжалованы в судебном порядке. Если идет речь о нормативных правовых актах указанных органов, то жалобы должны рассматриваться Конституционным Судом, чем он активно пользовался в 1997–2008 гг., воплотив в своих решениях ряд правовых принципов.

Больше возможностей для проверки конституционности актов имеется у судов общей юрисдикции: они вправе поставить вопрос перед Конституционным Судом не только в отношении законов, но и иных нормативных правовых актов.

Многое будет зависеть от действий прокурорских работников, участвующих в деле или осуществляющих надзор, наличия ходатайств адвокатов. Показателем стремления обеспечить верховенство Конституции может быть принятие постановления Пленума Верховного Суда Республики

Беларусь о применении судами норм Конституции и международных договоров, а также ведение статистических данных об обращениях судей в Конституционный Суд.

Список цитированных источников

1. Василевич, Г. А. Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь / Г.А. Василевич // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования. Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь, Минск, 27–28 июня 2014 г. / Конституционный Суд Республики Беларусь ; редкол.: О. Г. Сергеева [и др.]. – Минск: Белорус. Дом печати, 2014. – 256 с.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Денисенко Светлана Васильевна
доцент кафедры теории и истории права и государства
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Южно-Российский институт управления – филиал,
кандидат юридических наук, доцент
s.v.denisenko@bk.ru

Анализ современной действительности показывает, что конфликты возникают в различных сферах человеческой жизни и на разных уровнях. Любая конфликтная ситуация влечет за собой последствия, в той или иной степени меняющие отношения между людьми. Зачастую эти изменения приводят к краху или ухудшению деловых и межличностных отношений. В этой связи является необходимым поиск оптимально возможного решения для урегулирования подобных ситуаций.

Судебный процесс долгое время оставался основным способом урегулирования различных конфликтов в разных областях человеческой жизни. Однако, судебное решение не может удовлетворить все потребности конфликтующих сторон, поскольку результатом судебного разбирательства становится победа одного из двух участников конфликта. Этот недостаток долгое время оказывал негативное влияние на отношения сторон. Но глобальный мир требует более гибкого подхода к процессу урегулирования споров. Как отмечает Л. М. Карнизова, в XX в. во всем мире стали набирать популярность практики разрешения конфликтов, которые основываются на поиске консенсуса и выступают противовесом традиционной конфронтации сторон. Причем модели разрешения конфликтных ситуаций посредством различных процедур урегулирования споров стали проникать в различные сферы юридических конфликтов [1, с. 10].

Перечень способов урегулирования споров достаточно разнообразен, начиная от переговоров и посредничества и заканчивая третейскими суда-

ми. Такое разнообразие является следствием попыток поиска наиболее оптимального способа разрешения спорных ситуаций, влекущего для сторон минимальные потери как материального, так и морального характера.

Как указывает Ю. В. Гущева, классифицировать примирительные процедуры можно по разным основаниям. С точки зрения характера правовых последствий можно выделить правопорождающие, правопрекращающие, правоизменяющие, правопрепятствующие и правовосстанавливающие процедуры. С точки зрения результативности выделяют процедуры, повлекшие полное разрешение конфликта, угасание конфликта, обострение конфликта и никак не повлиявшие на конфликт.

Примирительные процедуры можно классифицировать в зависимости от применяемых норм, на примирительные процедуры, в которых оперируют нормами права, примирительные процедуры, в ходе которых применяют нормы морали, процедуры, основанные на религиозных нормах и т. д. [2, с. 76].

Из всего многообразия способов отдельного внимания заслуживает процедура медиации. Как отмечает профессор В. В. Денисенко, в настоящее время медиация, по мнению большинства специалистов, является как социальным, так и правовым институтом. Во многих зарубежных странах процедуре медиации уделено достаточно много внимания [3, с. 177]. Она успешно применятся для урегулирования как семейных, так и корпоративных правоотношений. В Российской Федерации медиация как способ урегулирования споров стала применяться с 2010 г., когда был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). Основная идея данного закона состояла в том, чтобы разработать и внедрить способ досудебного разрешения конфликтов, позволяющий сторонам примириться, подобрать наилучшее решение спорного вопроса, избегая таким образом судебного вмешательства. Во всем мире насчитывается больше двадцати различных способов проведения медиативных процедур. Однако в законе Российской Федерции зафиксирован лишь способ создания оптимальных условий для поиска компромисса путем привлечения посредника (медиатора) [4, с. 8].

Следует отметить, что медиация способна выступать регулятором во многих общественных сферах жизни. Медиация способна урегулировать различные конфликты, как возникающие на почве деловых отношений, так и в семейных вопросах, как например, определение порядка участия родителей в воспитании и содержании детей в случае развода. При возникновении спора в отношениях внешней торговли также возможно обойтись без судебного разбирательства, применив процедуру медиации. Данный способ разрешения споров способен разгрузить судебные инстанции и упростить жизнь самим участникам конфликта. Таким образом, процедуру медиации можно назвать универсальной и подходящей практически под все разновидности межличностных конфликтов.

С нашей точки зрения, медиацию стоит начинать тогда, когда стороны проявляют непосредственную заинтересованность в том, чтобы закончить спор или придать переговорам результативный характер. Она возможна тогда, когда:

судебные издержки могут оказаться непропорционально высокими по отношению к стоимости спора;

стороны зашли в тупик в переговорах о разрешении конфликта;

сложности в законодательстве, запутанность фактов или отношений могут затянуть судебный процесс;

имеются различные иски, затрагивающие обе стороны;

дело имеет комплексный и многосубъектный характер;

затрагиваемые вопросы требуют раскрытия деликатной информации;

стороны не желают какой бы то ни было публичности [5, с. 51].

Немаловажным фактором эффективности данной процедуры является наличие квалифицированных кадров в этой области. Профессиональный медиатор должен обладать определенным набором качеств и навыков, позволяющих ему оценить степень глубины конфликта, настрой участников и варианты разрешения спора, отвечающие всем требованиям сторон. Как отмечает Ю. Е. Пальцев, подход к обучению медиаторов не является совершенным. В настоящее время обучение навыкам медиатора осуществляется в системе дополнительного образования, в то время как для эффективности внедрения процедуры медиации в России, обучение данным навыкам должно проходить в высших учебных заведениях параллельно с другими базовыми дисциплинами. Обособляя процедуру медиации от базового юридического образования, мы отдаляем ее от специалистов в области юриспруденции, и открываем для лиц иных неюридических профессий. Таким образом, мы переводим юридическую процедуру в категорию квазиправовых [6, с. 87].

Список цитированных источников

1. Карнозова, Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) / Л. М. Карнозова. – М.: Проспект, 2016. – 262 с.

2. Гущева, Ю. В. Примирительная процедура в праве (доктрина, практика, техника) / Ю. В. Гущева. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013. – 289 с.

3. Денисенко, В. В. Легитимность права теоретико-правовое исследование / В. В. Денисенко. – М.: Проспект, 2022. – 239 с.

4. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). – М.: РИОР: ИНФРА–М., 2011. – 80 с.

5. Денисенко, С. В. Общеправовые проблемы медиации / С. В. Денисенко. – М.: Вузовская книга, 2010. – 160 с.

6. Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 295 с.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ В ОРБИТЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА

Зайнутдинов Динар Рафаилович
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова
доктор юридических наук, доцент
knight_1988@mail.ru

Обсуждение советской модели административной юстиции возможно лишь с большой долей условности по двум причинам: во-первых, большинство советских юристов прямо отрицало существование в СССР данного института в его буржуазном понимании; во-вторых, существовавший в советское время порядок рассмотрения публично-правовых споров неоднократно пересматривался, что не придавало стабильности его развитию. В целом же квазисудебный административный порядок, который можно было бы назвать административной юстицией, терялся на фоне громоздкой бюрократической системы.

С начала становления советской власти развитие административной юстиции было связано с широкой системой государственного и общественного контроля. После октября 1917 г. большевики, ликвидировав все буржуазные институты государства и права, пытались оформить собственную уникальную систему государственного управления. Но подобная практика уже в течение двух-трех месяцев показала свою несостоятельность. Это подтверждается последовательным восстановлением институтов, ранее существовавших в Российской империи: парламента (ВЦИК, ЦИК), системы министерств (народных комиссариатов), классического правосудия, государственного контроля, прокуратуры и др. В тоже время правоведы и юристы, вставшие на сторону советской власти, продвигали и идею учреждения административной юстиции.

Современные исследователи по-разному описывают путь развития административной юстиции в советском государстве. Например, Э. Б. Аблаева, А. Р. Енсебаева и М. А. Утанов, отталкиваясь от концепции Д. М. Чечота, пишут, что «извилистый и тернистый путь, который прошла в своем развитии и совершенствовании советская административная юстиция, в теории условно разделен на четыре этапа: 1) 1918–1924 гг.; 2) 1924–1937 гг.; 3) 1937–1961 гг.; 4) 1961–1993 гг.

Если исходить из периодизации, предложенной Д. М. Чечотом, то рассматриваемый институт достиг наиболее высокого развития на четвертом этапе советского периода, когда право на судебное обжалование, в сравнении с предыдущими этапами, было предоставлено широкому кругу лиц» [1, с. 69].

В свою очередь, И. В. Панова указывает, что «в первые годы советской власти институт судебной жалобы отсутствовал, де факто существовал только институт жалобы административной» [2, с. 45]. Тем самым, она вообще отрицает существование административной юстиции в советском государстве на первом этапе его развития. Ю. Н. Старилов также придерживается подобной точки зрения, отмечая, что «сразу после Октябрьской революции 1917 г. институт административной юстиции не получил практически никакого развития ни в теории права, ни в практике государственно-правового строительства». С другой стороны, рассматривая фактическое содержание законодательства первых лет советской власти в области административной юстиции, ученый обращает внимание на существование в нем «так называемого административного иска» [3, с. 21].

Таким образом, можно констатировать, что среди современных юристов нет единой точки зрения о том, когда появилась и была ли вообще советская модель административной юстиции. Те, кто положительно отвечает на данный вопрос, не могут прийти к согласию о том, сколько этапов в своем развитии прошла советская административная юстиция.

Признавая возможность существования различных точек зрения, предлагаем иную периодизацию, поставив ее в зависимость от эволюции социалистического режима. Так, развитие административной юстиции в советском государстве можно условно разделить на три этапа:

– 1918–1930 гг., когда предпринимались попытки выработать собственную модель административно-судебного рассмотрения жалоб граждан на действия органов управления и их должностных лиц, но советская квазисудебная система так и не была изменена;

– 1930–1960 гг., когда от выработки советской модели административной юстиции фактически отказались, а граждане-жалобщики нередко подвергались преследованию, в итоге в стране установилось доминирование ведомственного контроля;

– 1960–1991 гг., когда возросло количество предложений о необходимости совершенствования существующей системы рассмотрения жалоб и заявлений граждан, что привело к постепенной передаче значительной части публично-правовых споров суду.

Анализ трех этапов развития условной советской модели административной юстиции показывает, что ее эволюция осуществлялась без какого-либо представления о будущем данного института в СССР. К идеям об административной юстиции в советском государстве относились либо терпимо, либо ее отрицали, либо стремились выработать некий свой уникальный порядок рассмотрения публично-правовых споров.

Советские ученые-юристы в начале становления советской государственности настаивали на необходимости интеграции института административной юстиции в систему органов власти, но их рекомендации не были учтены в условиях революционной эпохи.

К началу укрепления тоталитарного режима в стране уже сложилась квазисудебная система рассмотрения споров граждан с органами управления и их должностными лицами, а идеи об административном судопроизводстве вовсе исчезли из научных дискуссий. Кажется, что принимаемые в период сталинизма нормативные правовые акты были наполнены решимостью советской власти улучшить работу с жалобами граждан, гарантировать защиту их прав и интересов от незаконных действий органов управления, но это была лишь видимость. История показала, что намерения советской власти ограничиться лишь административным порядком рассмотрения жалоб граждан на действия органов управления и их должностных лиц были обречены на провал.

Как известно, в общую нормативную правовую базу входило большое количество актов, регламентировавших функционирование советской модели административной юстиции. Это приводило к тому, что данный институт в СССР понимался чрезвычайно широко, придавая черты некой архаичности существующей системе административного порядка рассмотрения жалоб. Данную проблему отмечали и советские ученые в 1970–1980-х гг. Например, Д. Н. Бахрах и А. Т. Боннер указывали, что термином «административная юстиция» «обычно обозначается разрешение административно-правовых споров в специальной процессуальной форме юрисдикционными органами, не зависимыми от органов государственного управления («активной администрации»). Именно в таком смысле в последнее время трактуется в литературе СССР и других социалистических стран понятие «административная юстиция». В то же время этот термин используется порой неправильно, чрезмерно расширительно» [4, с. 14].

Административная юстиция на протяжении всего советского периода развивалась внутри государственного контроля. Предпринимаемые в разное время попытки увеличения роли граждан и их объединений в контрольно-надзорных мероприятиях еще больше размывали административно-юрисдикционную ориентированность данного института. Отчасти, это стало причиной того, что советская юриспруденция не могла отличить административно-ведомственный процесс от производства по делам об административных правонарушениях, а также от административного судопроизводства. Поэтому советские юристы писали: «В настоящее время советские суды рассматривают две категории административных дел: о законности действий органов управления и об административных проступках граждан. В первом случае мы имеем дело с административной юстицией, а во втором – с качественно иным явлением, названия которому пока нет» [4, с. 15].

Таким образом, в советской теории прочно укоренилось мнение о том, что советская модель административной юстиции должна быть особенной. В частности, об этом писал Д. М. Чечот [5, с. 63]. Его позиция находила поддержку у Д. Н. Бахраха и А. Т. Боннера [4, с. 19]. Однако

все попытки советской власти и ученых сформировать некую альтернативу буржуазным моделям административной юстиции зашли в тупик.

Список цитированных источников

1. Аблаева, Э. Б. Административная юстиция в советский период (анализ теории, законодательства и практики первой половины XX в.) / Э. Б. Аблаева, А. Р. Енсебаева, М. А. Утанов // Lex Russica. – 2021. – Т. 74. – № 1. – С. 67–81.

2. Панова, И. В. Административная юстиции: монография / И. В. Панова. – М.: Норма: Инфра–М, 2016. – 464 с.

3. Старилов, Ю. Н. Административная юстиция в России / Ю. Н. Старилов // Lex Russica. – 2016. – № 1 (110). – С. 21–33.

4. Бахрах, Д. Н. Административная юстиция: развитие и проблема совершенствования / Д. Н. Бахрах, А. Т. Боннер // Сов. государство и право. – 1975. – № 8. – С. 13–21.

5. Чечот, Д. М. Административная юстиция: Теоретические проблемы. / Д. М. Чечот. – Л.: Изд–во Ленингр. ун–та, 1973. – 134 с.

ПЕРЕГОВОРЫ ПРИ СОДЕЙСТВИИ АДВОКАТОВ КАК НОВАЯ ФОРМА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН ПО ГРАЖДАНСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ

Здрок Оксана Николаевна
директор учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»,
доктор юридических наук, профессор
zdrok@bsu.by

Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (далее – КГС) предусматривает дальнейшее развитие одного из актуальных направлений современного цивилистического процесса, связанного с содействием сторонам по гражданскому или экономическому делу в самостоятельном урегулировании их спора без вынесения судебного решения. Наряду с такими уже известными отечественному судопроизводству формами примирения, как переговоры сторон по выработке условий мирового соглашения, примирительная процедура при участии должностного лица экономического суда (гл. 17 ХПК), процедура медиации, осуществляемая в порядке, предусмотренном Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «О медиации», КГС закрепляет возможность организации при рассмотрении судами гражданских и экономических дел также переговоров сторон при содействии их адвокатов.

Для адвокатской практики участие адвокатов в организации и проведении между сторонами переговоров по выработке условий мирового соглашения не является чем-то новым. Вместе с тем, в КГС такие перего-

воры впервые в отечественной истории судопроизводства получают легальное закрепление в процессуальном законодательстве в качестве самостоятельной примирительной процедуры с соответствующим правовым регулированием основных правил ее проведения.

В основе указанной правовой новации лежит рецепция норм законодательства зарубежных стран, регулирующих так называемую партисипативную процедуру – модель переговоров, разработанную во Франции, а также сходную с ней процедуру совместной выработки условий урегулирования споров при прекращении брака (*collaborative law*), предусмотренную Законом о кооперации США (далее – процедура коллаборации) [1; 2, с. 32–33; 3, с. 41].

Суть партисипативной процедуры и процедуры коллаборации состоит в проведении между спорящими сторонами непрямых переговоров через адвокатов или переговоров с обязательным участием адвокатов. При этом процедура коллаборации характеризуется следующими специфическими признаками: адвокаты сторон подписывают соглашение об отказе от представительства своих клиентов в суде в случае неудавшейся попытки примирения – т. е. процедура предусмотрена как досудебная (внесудебная); адвокаты имеют навыки медиаторов (прошли соответствующее обучение); адвокаты совместно со сторонами при необходимости привлекают к участию в переговорах специалистов (семейных и финансовых консультантов, экспертов-оценщиков). Таким образом, процедура коллаборации представляет собой урегулирование спора сторон целой командой профессионалов под руководством адвокатов, имеющих навыки медиатора. В то же время, в отличие от процедуры групповой медиации (ко-медиации) адвокаты, ведущие переговоры в процедуре коллаборации, не являются нейтральными лицами, а продолжают отстаивать интересы своего доверителя на основе принципа профессиональной пристрастности.

Процедура переговоров сторон при содействии их адвокатов, предусмотренная КГС, в отличие от процедуры коллаборации, как своего зарубежного аналога, не требует соблюдения перечисленных выше условий, в том числе обязательного наличия у адвокатов сторон специальной подготовки в сфере медиации. Однако нельзя не отметить, что указанная новелла КГС имеет цель, схожую с той, которая ставилась при разработке национального законодательства о медиации, а именно вывести традиционные для цивилистического процесса переговоры сторон по выработке условий мирового соглашения на новый уровень – профессиональных переговоров – в данном случае за счет использования адвокатами своих специальных профессиональных компетенций и, в первую очередь, правовых знаний.

Урегулирование спора сторон при содействии их адвокатов предусмотрено КГС в качестве судебной примирительной процедуры в том смысле, что она осуществляется после возбуждения дела в суде. Вместе с тем, определяя порядок организации переговоров сторон при со-

действии их адвокатов, КГС акцентирует внимание на том, что данная примирительная процедура проводится «без участия суда».

Указанная примирительная процедура проводится исключительно по делам искового производства, в отличие от прямых переговоров сторон, возможность организации которых предусмотрена КГС также для дел, возникающих из административных и иных публичных отношений.

Проведение переговоров сторон при содействии их адвокатов возможно на любой стадии процесса, в том числе на стадии исполнения судебного постановления, в отличие от медиации и примирительной процедуры при участии должностного лица экономического суда, сфера применения которых ограничена производством в суде первой инстанции и апелляционным производством.

По делам, связанным с созданием, правовой охраной и использованием объектов интеллектуальной собственности, содействие сторонам в проведении переговоров по урегулированию спора в порядке, предусмотренном КГС для переговоров сторон с участием адвокатов, могут оказывать также патентные поверенные.

Правовое регулирование переговоров сторон по выработке условий мирового соглашения при участии адвокатов (патентных поверенных) в КГС является достаточно рамочным, базируясь на общем для сферы АРС принципе их минимального правового регулирования с целью обеспечения учета потребностей сторон в урегулировании их спора в условиях экономичной, конфиденциальной и, как правило, неформальной процедуры. Предусмотренная КГС модель правового регулирования переговоров сторон по выработке условий мирового соглашения при участии адвокатов (патентных поверенных) характеризуется следующими чертами:

основанием для проведения данной примирительной процедуры является ходатайство сторон;

срок проведения переговоров определяется судом с учетом мнения лиц, участвующих в деле;

на срок проведения переговоров суд вправе приостановить производство по делу;

по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов (патентных поверенных) заключается соглашение, которое подписывается сторонами и их представителями;

к условиям, форме и содержанию, а также порядку заключения, утверждения, обжалования и исполнения соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов (патентных поверенных) применяются правила, предусмотренные КГС для мирового соглашения, признания иска либо отказа от иска;

соглашение, заключенное по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов (патентных поверенных), подлежит утверждению судом.

Определяя социальную значимость норм КГС, предусматривающих возможность организации и проведения при рассмотрении судами гражданских и экономических дел переговоров сторон при участии их адвокатов (патентных поверенных), следует отметить, что указанная новелла расширяет видовое разнообразие примирительных процедур в цивилистическом процессе, предоставляя сторонам возможность проведения профессиональных переговоров и выводя их таким образом на новый уровень. С учетом возлагаемой КГС на адвокатуру новой миссии по оказанию сторонам профессиональной помощи в проведении переговоров по выработке условий мирового соглашения необходимо отметить актуальность вопросов организации обучения адвокатов с целью повышения их квалификации в сфере так называемых *soft-skills* (мягких компетенций), включая навыки ассертивного (уверенного) поведения в условиях конфликтного взаимодействия, организации и ведения переговоров, построения эффективной коммуникации.

Список цитированных источников

1. Зверева, Н. С. Партисипативная процедура – новый альтернативный способ урегулирования споров во Франции / Н. С. Зверева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 4. – С. 49–53.

2. Здрок, О. Н. Медиация: пособие / О. Н. Здрок. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 540 с.

3. Здрок, О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе / О. Н. Здрок. – Минск: БГУ, 2018. – 283 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСТОЧНИКИ СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Князькин Сергей Игоревич
доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
knyazkin-sergei@mail.ru

Под справедливостью следует понимать принцип гражданского, арбитражного (хозяйственного, экономического) и административного (публичного) процесса, который находит свое продолжение в требованиях как к судебному разбирательству, так и к его результатам, объективированным в судебном решении.

Справедливость как принцип судопроизводства и фундаментальное требование к судебным актам в данный период времени в различных правовых актах получил разную степень формализации. Например, в России справедливость нашла позитивацию в уголовном судопроизводстве и производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений,

в отличие от своих родственных соседей в лице гражданского и арбитражного процессов. В значительной степени это объясняется присутствием в обоих случаях субъекта, наделенного государственными властными полномочиями, а также остротой социальных последствий, которые наступают в результате вынесения судом приговора по уголовному делу. Однако, меньшая острота проблем, поднимаемых в ходе разрешения общегражданских и экономических споров, не означает меньшей востребованности их справедливого разрешения.

Принцип справедливости, как и остальные правовые принципы, включая принцип законности, не могут быть заранее установлены нормами права, а подлежат применению судами в отношении уникальных обстоятельств каждого конкретного дела.

Разная степень закрепленности справедливости не отрицает того факта, что она является правовой категорией в том смысле, что в силу конституционно закрепленной высшей ценности прав и свобод человека призвана использоваться судами при разрешении споров и распределении между их участниками прав и обязанностей. Именно такое понимание справедливости соответствует правам и свободам человека как наивысшей конституционной ценности (ч. 1 ст. 2 Конституции Российской Федерации, ст. 2 Конституции Республики Беларусь).

Разграничение роли процессуальных правил разрешения споров и материально-правового аспекта в обеспечении справедливости рационально проводить, используя категории предпосылок и источников справедливого судебного решения.

Под предпосылкой понимается предварительное условие чего-нибудь [1]. Предварительным условием справедливого разрешения спора является соблюдение процессуальных правил судопроизводства, которые содержат совокупность процессуальных гарантий. Они несут в себе потенциал принятия справедливого решения, инструментарий, которым суд обязан воспользоваться применительно к индивидуальным обстоятельствам каждого конкретного спора.

В современный период преобладает подход о процессуальном воплощении справедливости, сформированный Европейским Судом по правам человека и нашедший свое развитие в позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Речь идет о соблюдении внешних признаков надлежащего разбирательства дела, отраженных в известных судоустройственных и судопроизводственных принципах цивилистического процесса [2, с. 271–273].

Такой подход отчасти является обоснованным по той причине, что названные судебные органы способны лишь обозначить контуры справедливого судебного разбирательства и справедливого разрешения спора, отдавая привнесение конкретики в спорные правоотношения первичным судам.

Соблюдение принципов состязательности, равноправия, формирование субъектного состава спора в полном объеме с надлежащим извещением всех его участников являются важными, но именно предпосылками принятия правомерного, то есть справедливого судебного акта.

Потенции, которые заложены в нормах процессуального права, не могут иметь самостоятельное, абстрактное значение вне связи с фактическими обстоятельствами каждого конкретного дела. За исключением таких незыблемых правил, как отправление правосудия только судом (с оговорками), формирование полного состава лиц, участвующих в деле, путем их привлечения к разрешению спора и их надлежащему уведомлению о предстоящем разбирательстве дела.

Все остальные процессуальные обстоятельства, наличие которых проверяет каждая проверочная судебная инстанция, подлежат переоценке на предмет отказа от их безусловного значения вне прямой причинно-следственной связи с материально-правовым компонентом спора.

С точки зрения содержания решение суда является справедливым, если оно адекватно, соразмерно, пропорционально нарушенному субъективному праву, последствиям его нарушения для участников спора, вкладу сторон конфликта в его возникновение и последующее разрешение судом.

Критериями пропорциональности и адекватности судебного решения являются те меры, которые использовал суд при определении статуса участников конфликта, степени вины каждого из них, а также при распределении между ними комплекса прав, обязанностей и ответственности.

Под правостью любого явления понимается истинность, правдивость, справедливость, а правомерность раскрывается через пропорциональность и соразмерность [3, с. 624–626]. На данном этапе ставится вопрос об источнике этих мер, которые должны быть правомерными, правыми.

В юридической доктрине понимание правомерности ограничивается соответствием результатов жизнедеятельности дозволениям норм права [4, с. 416–417].

Представляется, что такой подход жизнеспособен только при условии, если меры, заложенные законодателем в регулятор правоотношений, полностью совпадают с искомыми мерами на предмет их соразмерности и адекватности фактическим обстоятельствам дела. Только в этом случае источником правости судебного решения в понимании его справедливости является закон или подзаконный акт. Однако, обширная практика демонстрирует обратно пропорциональную зависимость между степенью конкретности применимой судом нормы права и ее способностью пропорционально возложить на стороны права и обязанности. Природа любого регулятора общественных отношений, даже в романо-германской правовой семье, тяготеет к универсальному характеру.

В остальных случаях источником справедливости судебного решения является та мера распределения судом прав, обязанностей и ответственности, которая следует из полноты фактических обстоятельств дела и на их основе самостоятельно определяется судом. В качестве инструментов поиска и выработки индивидуальной меры суд призван использовать общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы права.

Главная роль фактического компонента спора в определении природы спорного правоотношения и искомых мер его урегулирования, подтверждается практикой Конституционного Суда Российской Федерации, который, часто отказывая в признании нормы противоречащей Конституции Российской Федерации, призывает суды оценивать фактуру спора [5].

Список цитированных источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23400. – Дата доступа: 15.06.2024.

2. Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности: монография / И. Н. Спицин; под ред. В. М. Жуйкова, С. С. Завриева. – М.: Норма, 2024. – 416 с.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранное. – М., 2005. – 905 с.

4. Юридический словарь / Авт.-сост. А. Ф. Никитин. – М.: Олма-Пресс Образование, 2005. – 638 с.

5. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7, части 5 статьи 4.4, части 1 статьи 15.25, пункта 2 статьи 31.7, статьи 31.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 260 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Воплощение» и общества с ограниченной ответственностью «СИБТЕК» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апр. 2024 г. № 14-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Колядко Иван Николаевич
профессор кафедры судебной деятельности учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент

Система принципов характеризует новеллы реформ гражданского судопроизводства. В этой связи важно отметить изменения в теоретических подходах к совокупности принципов гражданского судопроизводства и их влияние на нормативное закрепление. Несмотря

на близость принципов гражданского и хозяйственного судопроизводства, их система не совпадала и это сказалось при унификации норм гражданского и хозяйственного судопроизводства в принятом в текущем году Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС).

В ГПК выявился подход к концентрации регулирования принципов судопроизводства в отдельной главе кодекса (впервые на постсоветском пространстве). Эту тенденцию подхватил законодатель при модернизации ХПК в 2004 г.

Нужно учитывать, что содержание ГПК позволяло выделять и другие принципы, не обозначенные в гл. 2 (например, принципы, реализуемые в судебном заседании: непосредственности, непрерывности и устности).

Унификация гражданского и хозяйственного судопроизводства потребовала гармонизации в регулировании, в первую очередь, отраслевых принципов: диспозитивности, состязательности, установления фактических обстоятельств.

КГС комплексно регулирует принципы гражданского судопроизводства, однако не в самостоятельной главе, а вместе с вопросами о целях и задачах гражданского судопроизводства (гл. 2). Следует отметить закрепление применения без прямого регламента конституционных и судоустройственных принципов (ч. 2 ст. 9 КГС) и развитие в КГС отраслевых принципов. Обозначенное нововведение соответствует доктринальной классификации принципов и будет обеспечивать их реализацию с момента вступления в силу соответствующих нормативных правовых актов.

В отношении принципа законности нельзя не отметить, что на его эффективное функционирование направлены все остальные принципы. При этом в механизме обеспечения правильного применения норм права основным инновационным положением является ч. 2 ст. 14 КГС, гарантирующая право судьи ставить вопрос о конституционности нормативного правового акта в Конституционном Суде Республики Беларусь, а также положение Конституции о праве граждан на конституционную жалобу. Последнее положение подлежит применению в отношении норм, примененных судами с 1 октября 2023 г.

Основные новеллы затронули содержание принципов диспозитивности и состязательности.

Нормативное закрепление в ст. 15 КГС не отличается от ст. 18 ГПК и ст. 23 ХПК. Тем не менее, положения принципа диспозитивности нашли значительное расширение в применении к делам публично-правового характера, а также на всех стадиях процесса в вышестоящих судах в связи с наличием апелляционного, кассационного и надзорного производства. Развитие диспозитивных норм затронуло все виды производства, так как в большинстве из них, кроме особого, закреплено наличие сторон, что позволяет применять метод диспозитивных соглашений сторон.

Тем не менее следует констатировать неполное соответствие нормативного регулирования с концептуальным подходом о направлении действия принципа диспозитивности в отношении процессуальных прав, определяющих движение гражданского процесса. Такой теоретический подход характерен для взглядов А. Т. Боннера [1, с. 434–435] и других советских и российских авторов. Из таких же позиций исходит В. П. Скобелев при анализе принципа диспозитивности (распорядительности) по ст. 15 КГС [2, с. 76]. Однако данный в целом правильный подход автора в отношении распорядительных действий лиц, участвующих в деле, не охватывает инновационных норм диспозитивного характера в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, и в отношении дел иных неисковых видов производства.

В полном объеме инновационное развитие диспозитивных начал в КГС по делам публично-правового характера реализовано с учетом отсылочных норм о возможности применения процессуального статуса сторон искового производства и по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (ч. 1 ст. 356 КГС).

Принципиальным является комплексное регулирование на основании соглашений сторон различных форм примирения. Были восприняты и расширены для применения формы, известные ХПК, о мировом соглашении, порядке его заключения на различных стадиях процесса, о судебном примирении, а также учтены как теоретические предложения белорусских авторов [3], так и зарубежная нормативная практика о расширении форм судебного примирения. Так, в гл. 20 предусмотрена возможность примирения посредством переговоров с участием адвокатов и иные формы примирения.

Вместе с тем не согласован вопрос о порядке утверждения мирового соглашения в случаях, когда исполнение осуществляется без возбуждения исполнительного производства (например, путем удержания из заработной платы), так как ч. 9 ст. 167 КГС допускает утверждение судом мирового соглашения только в исполнительном производстве. Частичным выходом в таком случае может быть применение медиативных процедур, не связанных со стадиями гражданского процесса, которые в целом легализованы с определением правовых последствий их применения в уже возбужденных производствах.

В результате широкого использования гражданской процессуальной формы по делам, возникающим из публичных правоотношений, и наделением спорящих статусом сторон, появилась возможность на основании их соглашения применять примирительные процедуры.

Воспринята практика проверочных инстанций в ХПК и ГПК о пределах пересмотра судебных постановлений с использованием диспозитивного начала о проверке их в пределах жалобы и возражений на жалобу за-

интересованных лиц. Как исключение, допускается полная проверка законности и обоснованности судебного постановления или только его законности. Следует отметить, как положительный момент развития диспозитивного начала, закрепление права на подачу кассационных и надзорных жалоб в соответствующий суд [4, с. 50]. Тем не менее сохраняется право должностных лиц суда и прокуратуры инициировать пересмотр дел в кассационном и надзорном порядке.

Существенной новеллой является возможность применения исковой формы производства по делам, возникающим из публичных правоотношений. Предпосылкой этого явилось применение гражданской процессуальной формы в полном объеме к таким делам, в которых признан статус сторон за заявителем и заинтересованным лицом и их право по взаимному соглашению на примирительные процедуры, возможность заинтересованного лица заявлять встречные требования, использовать в этом производстве наряду с общими правилами исковых дел (ст. 179 КГС) специальные правила об обязанности государственного органа (должностного лица) доказать законность и обоснованность своих действий [4, с. 51].

Проблемным с точки зрения теории является отнесение прав по определению движения процесса прокурорами, органами государственного управления к принципу диспозитивности с учетом наличия теоретического обоснования принципа содействия суда, прокурора, должностных лиц органов государственного управления в защите прав и интересов граждан и юридических лиц.

В такой же степени спорным является включение или невключение в положения о состязательности правомочий суда по содействию сторонам и иным лицам, участвующим в деле, в установлении фактических обстоятельств по делу. Содержание ст. 14 КГС о состязательности является примером комплексного регулирования состязательности сторон с целью установления их правовых позиций, обязанностей по доказыванию и функций суда в обеспечении состязательных начал этими субъектами и содействия в реализации их прав.

Степень сочетания активности сторон и участия суда в установлении обстоятельств дела было проблемой в переходный период от советской модели к современной. Необходимость содействия суда в установлении сторонами обстоятельств дела в рамках анализа действия состязательности обоснована Т. С. Тарановой [5]. Отрадно, что эти нормы сохранены и развиты в КГС.

Фактически содержание ст. 14 КГС охватывает положение о состязательности сторон и иных лиц в узком смысле (ч. 1–4) и ранее закрепленный в ст. 20 ГПК принцип выяснения судом действительных обстоятельств дела с помощью содействия суда в истребовании доказательств, непредставленных по объективным причинам сторонами. Новым элементом регулирования является распространение правил распределения обязанностей по доказыва-

нию и исключений из них не только на исковые, но и, прежде всего, на дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений (ч. 4 ст. 368, ч. 3 ст. 399, ч. 3 ст. 403 КГС), а также закрепление активности суда в установлении фактических обстоятельств по делам публично-правового характера посредством истребования доказательств по таким делам. На наш взгляд, наименование ст. 14 КГС «Состязательность» не соответствует содержанию, так как в ней регулируются и вопросы, которые в доктрине именуются принципом руководства процессом и государственного содействия в защите права (ч. 5–6). При этом закрепленные положения касаются дел всех видов производства и учитывают активность суда в доказательственной деятельности по делам публично-правового характера и ряду дел особого производства.

Неслучайно ч. 6 ст. 14 КГС была скорректирована на этапе обсуждения и в ней закреплено, что суд освобождается от собирания доказательств по собственной инициативе, за исключением случаев, установленных КГС.

В ч. 2 ст. 179 КГС в качестве общего правила распределения обязанностей по доказыванию использовано классическое для гражданского процесса положение о том, что истец (заявитель) доказывает основание требований, а другая сторона – основание возражений, дополненные исключением, «если иное не установлено законом». Это расширило применение общего правила распределения обязанностей по доказыванию не только на исковые дела, но и на споры публично-правового характера, а в ряде случаев и на дела иных видов производства. Существенно важным является возможность в каждом производстве иметь также специальные правила распределения обязанностей по доказыванию.

В целом это усиливает необходимость реализации сторонами обязанностей по доказыванию, а с учетом требований о правовом обосновании обращений в суд – и обязанности обосновать правовую позицию. Как следствие, расширяется объективная необходимость обязательного участия адвокатов для оказания правовой помощи сторонам.

Важным является закрепление обязанности сторон о раскрытии доказательств: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах установленного судом срока, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» (ч. 5 ст. 179 КГС). Эта новелла позволит реализовать основные этапы представления доказательств на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и обеспечит возможность ознакомления с доказательствами каждой из сторон до судебного разбирательства.

Полагаем правильным урегулирование в ст. 186 КГС возможности заключения сторонами соглашения о доказательствах, о признании фактов, имеющих юридическое значение, в том числе о последствиях признания

фактов в случаях, если они стороной «прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существа заявленных требований». Указанные новеллы обеспечат расширение состязательных начал в доказывании, устанавливают четкие правовые последствия в случаях неполного выявления правовой позиции в отношении фактов, имеющих правовое значение, исходя из закрепленных правил распределения обязанностей по доказыванию.

При этом усиливается значимость свободной оценки доказательств судом посредством признания таких правил (ст. 24 КГС) принципом судопроизводства, а не доказательственной деятельности.

Правила раскрытия доказательств применены без определения правовых последствий их невыполнения, что говорит об использовании как элементов либеральной, так и социальной модели цивилистического процесса [6, с. 28–29].

Такое регулирование доказывания и ряда других институтов позволяет утверждать о значительном расширении элементов либеральной модели цивилистического процесса, которая не доведена до классических форм и носит незавершенный характер.

Основные новеллы в регулировании принципов диспозитивности, состязательности и объективной истины заключаются в развитии диспозитивных начал по определению движения дела как лицами, участвующими в деле, имеющими непосредственный интерес, так и прокурорами, государственными органами, общественными объединениями, а в вышестоящих судах – и должностными лицами, осуществляющими судебный и прокурорский надзор.

Развитие состязательных начал касается всех гражданских дел (в том числе, публично-правового характера) и сочетается с активностью суда по руководству процессом и содействию лицам, участвующим в деле, в доказательственной деятельности.

Список цитированных источников

1. Боннер, А. Т. Избранные труды по гражданскому процессу / А. Т. Боннер. – СПб. : Изд–во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 992 с.

2. Скобелев, В. П. Проблемы реализации принципа правовой определенности как конституционной основы правотворчества в сфере исполнительного производства / В. П. Скобелев // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов: сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Ч. 1. – Гродно, 2017. – С. 188–192.

3. Здрок, О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе / О. Н. Здрок. – Минск: БГУ, 2018. – 283 с.

4. Колядко, И. Н. Кодекс гражданского судопроизводства как итог и этап судебной реформы / И. Н. Колядко // Современные тенденции развития цивилистического процессуального права : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. кругл. стола, приуроч. к 70-летию проф. кафедры гражд. процесса и труд. права юрид. ф-та Белорус. гос. ун-та И.Н. Колядко, 15 апр. 2022 г., Минск / БГУ ; под ред. О. Н. Романовой,

И. Н. Колядко. – Минск, 2022. – С. 49–57.
5. Таранова, Т. Принцип состязательности гражданского процесса / Т. Таранова // Судовы веснік. – 1999. – № 3. – С. 54–56.
6. Каллистратова, Р. Ф. О единстве цивилистического процесса / Р. Ф. Каллистратова, А. В. Аргунов // Рос. правосудие. – 2016. – № 5. – С. 24–30.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Коновалов Руфат Рафаилович
старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», судья Арбитражного суда Республики Татарстан в отставке
igt757arbitr1@gmail.com

Исследование проблем злоупотребления процессуальными правами имеет большое практическое значение в целях исключения недобросовестных действий участников арбитражного процесса.

В ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации закреплен важнейший правовой принцип: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Данный конституционный принцип находит свое дальнейшее развитие, как в материальном, так и в процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Согласно ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Принцип недопустимости злоупотребления правом, установленный в ст. 10 ГК РФ, определяет общие границы осуществления гражданских прав и обязанностей.

Этот принцип продолжает свое развитие и в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

При этом легальное понятие злоупотребления стороной процессуальными правами в законе не установлено. В науке и судебной практике под злоупотреблением процессуальными правами понимается использование принадлежащих лицу процессуальных прав с противоправной целью, в результате чего наносится ущерб другим участникам процесса.

Говоря о предупреждении совершения злоупотреблений, необходимо в первую очередь отметить важность руководящей роли суда в арбитражном процессе, а также в обеспечении состязательности сторон.

Единого критерия определения наличия злоупотребления процессуальным правом не существует. В каждом конкретном случае, учитывая фактические обстоятельства дела, суд самостоятельно по своему усмотрению оценивает действия стороны, определяя, допустила ли она нарушение установленных границ при осуществлении своего права.

Учитывая, что злоупотребление правом внешне напоминает правомерную реализацию субъективного права, выявить недобросовестное действие удается только при совокупной оценке всех обстоятельств в их взаимосвязи.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения.

При этом важно, чтобы суд, убедившись, что одна из сторон реализует предоставленные ей субъективные процессуальные права не в соответствии с их назначением, немедленно воспрепятствовал этому и пресек злоупотребления.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» значительное внимание уделено вопросам пресечения злоупотреблений процессуальными правами, в частности приведены конкретные примеры недобросовестного поведения сторон и даны рекомендации по их пресечению:

если сторона отказывается от участия в состязательном процессе, не представляет или несвоевременно предоставляет отзыв, уклоняется от участия в экспертизе, не является в заседание, сообщает суду и участнику ложные сведения, то на злоупотребляющую сторону могут быть отнесены судебные расходы, дело может быть рассмотрено по имеющимся доказательствам, иск может быть оставлен без рассмотрения, у другой стороны может возникнуть право на пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам (абз. 4 п. 2 постановления);

если в ходе рассмотрения дела суд установит, что истцом искусственно изменена подсудность (например, путем отказа от иска к одному из ответчиков), то дело должно быть передано по подсудности (абз. 2 п. 17 постановления);

если суд установит, что встречный иск не был подан своевременно вследствие злоупотребления процессуальным правом и его подача направлена на воспрепятствование рассмотрению дела, на затягивание судебного разбирательства, то суд вправе вынести определение о возвращении встречного иска (абз. 3 п. 32 постановления).

В силу ч. 2 ст. 41 АПК РФ злоупотребление процессуальными правами влечет неблагоприятные последствия. Согласно ст. 111 АПК РФ суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. Кроме того, суд вправе наложить судебный штраф (ч. 9 ст. 66, ч. 3 ст. 225.12 АПК РФ) или отказать в совершении действий, о которых заявлено ходатайство или подано заявление (ч. 5 ст. 159 АПК РФ).

В настоящее время вопросы, связанные с выявлением, предупреждением и пресечением злоупотреблений процессуальными правами в арбитражном процессе, являются очень актуальными. Недобросовестные участники процесса должны четко понимать неблагоприятные правовые последствия своей недобросовестности и избегать совершения действий, направленных на обход закона.

Список цитированных источников

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ) // Рос. газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

4. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Крипиневич Светлана Сергеевна
заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
s.kripinevich@yandex.ru

Особое место в системе правовых средств защиты прав и свобод человека и гражданина занимает судебная власть. В Конституции Российской Федерации регулируются наиболее существенные аспекты судебной компетенции, реализуемой в сфере уголовного судопроизводства и условия ее осуществления: равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); применение наиболее строгих правоограничений по судебному решению (ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25); право на судебную защиту, включая обжалование действий и решений государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц в суд (ст. 46) и т. д.

Осуществление судебной власти в уголовном судопроизводстве в современных условиях требует особого внимания к вопросам отраслевого правового регулирования. Учеными высказываются различные точки зрения в этом отношении. Например, Л. А. Воскобитова пишет о необходимости «объемного понимания уголовно-процессуального права, обязывающего правоприменителя самостоятельно формировать содержание отдельной правовой нормы…», что должно находить отражение «в мотивировке любого процессуального решения, для того чтобы оно не оказалось голословным и субъективно-пристрастным» [1, с. 15].

Выделяются два основных признака пробела в правовом регулировании – наличие спорной ситуации в общественных отношениях, подлежащих регулированию, и невозможность ее разрешения при помощи действующих правовых норм [2, с. 53]. Исследователи указывают на правовые дефекты, определяя их как «недостаток правового регулирования, который оказывает существенное влияние на его эффективность. Пробелы как отсутствие правовой регламентации общественных отношений, которые в ней нуждаются, приводят к ситуации правовой неопределенности, которая влечет неограниченное усмотрение правоприменителя» [3, с. 84].

Отмечая формирование противоречивой динамики в правоприменении, в том числе судебном, И. В. Чурсина указывает на ее причины (абстрактные и относительно определенные нормы уголовно-процессуального закона, коллизии и пробелы) и возможные пути их устранения: «… при рассмотрении уголовного дела правоприменительные органы обязаны опираться на принципы уголовного судопроизводства...» [4, с. 29].

В ситуации, когда правовая неопределенность становится постоянным спутником уголовно-процессуальной деятельности суда, в наибольшей степени проявляется потребность в выработке объективных, научно обоснованных рекомендаций по ее (неопределенности) преодолению. Следует обратить внимание на наличие уже сформированных подходов к решению проблемы правовой неопределенности, предлагаемых в цивилистической науке. Например: «Правовое регулирование невозможно представить без индивидуальных правил …» [5, с. 95].

Идея признания индивидуальных правил в гражданском процессе приводит к мысли о возможности распространения имеющихся научных подходов к устранению пробелов и коллизий правового регулирования в уголовном судопроизводстве путем применения индивидуального судебного регулирования. В современной науке наиболее полно и последовательно положения теории индивидуального судебного регулирования изложены в работах В. В. Ершова [6; 7; 8].

А. Б. Степин отмечает, что правовые позиции судов выступают формой индивидуального судебного регулирования вследствие сочетания общих и специальных норм, особенностей нормативного и индивидуального правового регулирования конкретных общественных отношений. При этом указывает на возможность применения индивидуального судебного регулирования в сферах гражданского и административного судопроизводства [9, с. 194].

Представляется, что применение индивидуального судебного регулирования возможно и в уголовном судопроизводстве. По нашему мнению, его можно определить как правоприменительную деятельность суда, состоящую в принятии процессуального решения на основании истолкования смысла общей процессуальной нормы и ее адаптации к конкретным правовым условиям и обстоятельствам, установленным в ходе судебного рассмотрения уголовного дела либо при разрешении иных правовых вопросов, связанных с уголовным судопроизводством, в том числе в его досудебных стадиях.

Список цитированных источников

1. Воскобитова, Л. А. Объемное понимание уголовно-процессуального права / Л. А. Воскобитова // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 2. – С. 10–16.

2. Уранский, Ф. Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ф. Р. Уранский ; Моск. гос. ун-т. – М.: МГУ, 2005. – 192 л.

3. Кожокарь, И. П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права / И. П. Кожокарь // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 5. – С. 82–87.

4. Чурсина, И. В. Принципы уголовного судопроизводства / И. В. Чурсина // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 4. – С. 26–30.

5. Родионова, О. М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права: монография / О. М. Родионова. – М: Статут, 2013. – 336 с.

6. Ершов, В. В. Индивидуальное судебное регулирование / В. В. Ершов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1986. – № 6. – С. 9–17.

7. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории / В. В. Ершов // Рос. правосудие. – 2013. – № 4 (84). – С. 4–23.

8. Ершов, В. В. Правоотношения: возникновение и регулирование / В. В. Ершов // Правосудие. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 8–27.

9. Степин, А. Б. Формы индивидуального судебного регулирования / А. Б. Степин // Рос. журнал правовых исследований. – 2018. – Том. 5. – № 1. – С. 193–198.

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ СПОРА

Лусегенова Зинаида Сергеевна
заведующий кафедрой гражданского процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
zinalus@gmail.com

Согласно толковому словарю, термин «квалифицировать» означает оценивать, определить [1]. Без правильно определенной правовой квалификации спор не может быть разрешен. На ком лежит обязанность дать правовую квалификацию – на суде или сторонах; может ли суд изменить правовую квалификацию самостоятельно, без согласия лица, обратившегося за судебной защитой; является ли правовая квалификация элементом предмета или основания иска, как она связана со способом защиты; является ли квалификация самостоятельной стадией судебного правоприменения? Такие вопросы неизбежно возникают при рассмотрении такого процессуального явления как правовая квалификация спора.

Исключительно на суде лежит обязанность правильного рассмотрения спора для отдельно взятого случая [2]. Деятельность суда по рассмотрению и разрешению споров, как государственно-властная деятельность компетентного органа, является правоприменительной деятельностью. С. С. Алексеев, рассматривая общие вопросы применения социалистического права, указывал, что в решении юридического дела как бы сливаются два информационных потока, идущие от права и от фактических обстоятельств. Основаниями решения юридического дела являются: 1) юридические нормы, восполняемые в случае необходимости аналогией закона и аналогией права (юридическое основание); 2) обстоятельства дела (фактическое основание). Поскольку решение является интеллектуально-волевым логическим действием, оно опирается на идеологическое основание, которым в советский период выступало социалистическое правосознание. Правоприменительная деятель-

ность включает правоприменительные действия, имеющие подготовительный характер – установление фактического состава правоотношения, его юридическую квалификацию (выбор и анализ юридических норм), и итоговую стадию – решение дела [3, с. 658].

Юридическая оценка всей совокупности фактических обстоятельств дела путем отнесения данного случая к определенным юридическим нормам является правовой квалификацией. С. С. Алексеев выделяет в правоприменении два вида правовой квалификации: 1) предварительную, в результате которой определяется круг обстоятельств (предмет доказывания) и нужная норма; 2) окончательную, которая происходит в результате решения юридического дела и составляет конститутивный момент решения [3, с. 633]. Если для правоприменения в советский период решающее значение имел социально-политический аспект, то для постсоветского периода в правоприменении решающее значение имеет судебная практика Конституционного Суда и Верховного Суда РФ, содержащая интерпретацию норм, подлежащих применению. Истолкование судом норм закона без учета правовой позиции высших судебных органов, квалифицируется как неправильное применение норм права. Такой подход основан на позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой принцип юридического равенства применительно к реализации права на судебную защиту предполагает соблюдение требования, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом. Различия допустимы, если объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционные цели, а для достижения этих целей используют соразмерные правовые средства (постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2023 г. № 34-П).

Юридический анализ дела проводят стороны и их профессиональные представители. Решающее значение для юридического анализа дела профессиональным представителем стороны имеет исследование ситуации клиента с точки зрения права (с позиции правовых норм, судебной практики) и с позиции интересов клиента, определяющих форму его поведения. Цель юридического анализа дела– выработка юридической позиции по делу, выбор оптимального пути реализации интереса клиента в рамках правовых норм, соотнесенных с фактами дела и перспективами достижения определенного результата.

Отношения «суд–стороны» – вертикальные властно-правовые, основанные на императивном методе осуществления правосудия и горизонтальные, основанные на диспозитивном методе. Конституционный Суд РФ часто в своих постановлениях ссылается на право граждан и юридических лиц по своему усмотрению осуществлять принадлежащие им права, соответственно они свободны в выборе способа их защиты (одного или нескольких), однако порядок защиты прав и свобод определяется на основе Конституции РФ и федеральных законов. Процедура выбора применимых норм права отно-

сится исключительно к прерогативе суда, к самому существу судопроизводства, ключевая цель которого – защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов (постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П; от 6 декабря 2017 г. № 37-П).

Обязанность сторон указывать юридическую квалификацию спорных правоотношений закреплена законодательно исходя из типов (моделей) современного процесса: профессиональный процесс (либеральная модель) и непрофессиональный, основанный на следственном начале процесс (социальная модель). Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) (п. 3. ч. 5 ст. 131) возлагает на стороны нормативное обоснование заявленных требований и возражений ответчика. Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) (ч. 2 ст. 131) и Кодекс административного судопроизводяста РФ (далее – КАС РФ) (ч. 2 ст. 125) такой обязанности сторон не предусматривают.

Дискуссионным остается вопрос о праве (обязанности) суда переквалифицировать спорные правоотношения. Е. С. Смагина отмечает, что системное толкование процессуальных норм ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ позволяет сделать вывод о наличии у суда таких полномочий; судебная практика опирается на положение, согласно которому нормы права не относятся ни к предмету иска, ни к основанию исковых требований, поскольку определяют правовое регулирование установленных судом правоотношений. Связана ли переквалификация спорного правоотношения с изменением способа защиты права, как на то указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», предусматривающего, что суд даже при неверно избранном способе защиты права и его правовом обосновании ставит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения. Вопрос о степени вмешательства суда в юридическую квалификацию спора связан с соблюдением принципов состязательности и независимости судей. Е. С. Смагина делает вывод, что в отношении субъектов, обладающих большими возможностями в материальных правоотношениях, суд не должен иметь возможности переквалифицировать правоотношение, изменить способ защиты. В отношении иных лиц в спорах с участием государства, следует признать обоснованным наделение суда полномочиями определять нормы права, подлежащие применению, с обязательным учетом мнения сторон [4]. Однако, неправильная квалификация спора повлечет за собой принятие незаконного и необоснованного решения, что противоречит смыслу правосудия.

Судебная практика свидетельствует о том, что высшие судебные инстанции придерживаются позиции о выводе способа защиты за рамки предмета спора и о признании обязанности суда производить переквалификацию иска, даже при несогласии истца. Должен суд первой инстанции объявлять

сторонам, какую квалификацию он выбрал для рассматриваемого спора? Теоретически, а тем более практически реализовать такой порядок в процессе невозможно, так как, в силу п. 7 ст. 21 АПК РФ судье запрещено делать публичные заявления или давать оценку по существу рассматриваемого дела.

Вопрос о полномочиях суда по переквалификации спорного правоотношения имеет свое продолжение при пересмотре судебного акта в кассационном порядке, поскольку без указанных полномочий кассационная инстанция, осуществляя проверку, соответствуют ли выводы судов первой и апелляционной инстанции о применении норм права установленным этими инстанциями обстоятельствам по делу, не сможет выполнить свою функцию проверочной инстанции и проверить применен ли к отношениям сторон закон, подлежащий применению [5]. Многочисленная судебная практика свидетельствует, что неверно избранный способ защиты права является основанием как для отказа в удовлетворении исковых требований, так и для отмены судебных актов первой и апелляционной инстанции (определения Верховного Суда РФ от 30 июня 2023 г. по делу № А 43-33608/2020; от 27 мая 2024 г. по делу № 305-ЭС23-28344).

Список цитированных источников

1. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – 3-е изд., стер. – М. : АЗЪ, 1996. – 908 с.

2. Серков, П. П. Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: [в 3 ч.] / П. П. Серков. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2018–2022. – Т. 1. – 2018. – 512 с.

3. Алексеев, С. С. Собрание сочинений: В 10 т. [Справочный том]. Том 3. Проблемы теории права: Курс лекций. – М: Статут, 2010. – 781 с.

4. Смагина, Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография / Е. С. Смагина. – Статут, 2021. – 268 с.

5. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Под ред А. Г. Карапетова. – М.: Логос, 2020. – 1469 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Мезяк Вадим Юрьевич
преподаватель кафедры информационного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
vadimmeziak@gmail.com

Стратегическое значение перестроения процесса правоприменения на «цифровые рельсы» признается на общегосударственном уровне путем разработки и обеспечения планомерной реализации мероприятий по совершенствованию соответствующих механизмов как части широкомасштабной деятельности по реформированию государственного управления, повышения качества жизни граждан, снижения административных барьеров и финансовых издержек бюджета и частных лиц [1, с. 13].

В Республике Беларусь перспективы развития цифровизации государственного управления и правоохранительной системы, в частности, закреплены на законодательном уроне. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 (в редакции постановлений Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2022 г. № 110, от 18 марта 2022 г. № 143) утверждена Программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы». В ней предусматривается выполнение мероприятий по созданию (развитию) современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению цифровых инноваций в отраслях экономики и технологий «умных городов», а также обеспечению информационной безопасности таких решений. Результаты выполнения данных мероприятий будут непосредственно способствовать достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития на период до 2030 г., содержащихся в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Программой предписано создание новых и модернизация действующих программных комплексов всех правоохранительных органов и предусмотрено финансирование для этих целей.

На сегодняшний день темпы развития информационных технологий обуславливают необходимость не просто использовать новшества, а в целом пересмотреть сформировавшуюся практику обмена, представления и получения значимой информации между правоохранительными органами. Так перспективным направлением для всех правоохранительных органов является создание общей закрытой (зашифрованной) сети передачи данных, которая позволит гарантировать высокоскоростную передачу, обработку и хранение информации в больших объемах, работу безопасных

линий связи и центров обработки данных, разработки и внедрение специализированного программного обеспечения.

Среди наиболее актуальных направлений совершенствования информационных технологий в правоохранительной деятельности на современном этапе можно также выделить внедрение технологии «Big data». Информационная методика «Big data» заключается в обработке гигантских и постоянно нарастающих массивов данных и получении воспринимаемых человеком результатов (например, GPS-сигналы от автомобилей, информация о транзакциях банков и др.), что открывает большие возможности для ее применения в разных областях правоохранительной деятельности. Для решения некоторых затруднений можно рассмотреть уже имеющие свободно распространяемые решения. В этом контексте применение передовых методов машинного обучения, включая инновационную библиотеку машинного обучения – CatBoost (*Categorical Boosting*), выходит на передний план как инструмент, способный значительно улучшить аналитические возможности в служебной деятельности [2, с. 127–128].

Следует отметить, что одним из направлений является введения штатной должности аналитика для осуществление информационно-аналитического обеспечения деятельности. Задача такого сотрудника будет заключаться в работе с разрозненными сведениями и отборе нужной информации. Даже сейчас, когда появились автоматизированные компьютерные системы, способные сводить воедино разрозненные клочки информации, ими, по-прежнему, крайне сложно обрабатывать различные типы данных.

Эту весьма трудоемкую задачу по обработке огромных информационных массивов с плохо сопоставимыми данными можно существенно облегчить, используя специальные программные комплексы. Данное программное обеспечение способно быстро, в режиме параллельной обработки осуществлять поиск по всем доступным ему базам и банкам данных и выявлять там связанные друг с другом фрагменты информации. После чего программа собирает все найденное в едином отчете, сгенерированном в виде, удобном для дальнейшей его обработки человеком-аналитиком.

Как уже говорилось выше, основная проблема в информационно-аналитической работе, как отечественных, так и зарубежных спецслужб и правоохранительных органов состоит в том, что они имеют самые разные базы данных, единый глобальный поиск по которым невозможен, как из-за гигантских объемов накопленных данных, так и разных форматов их представления.

Спасение тут только одно – специализированное программное обеспечение, которое может комбинировать содержимое различных баз, выделять связанные фрагменты и генерировать из них обобщенные отчеты, позволяющие как «пазл» из этих разрозненных атомарных фактов сложить общую картину.

В работе МВД Российской Федерации примеры таких АРМ уже введены в действие. Так, например, в последние годы сотрудниками ФГКУ «ВНИИ МВД России» разработаны АРМ, функционирующие в режиме автономного рабочего места «АРМ-158» (по информационно-аналитическому обеспечению борьбы с кражами чужого имущества), «Розыскник» (версия 1), а также АРМ сетевого варианта с системой удаленного доступа «Розыскник» (версия 2) [3, с. 68–73].

Резюмируя все вышеизложенное, стоит отметить, что не представляется возможным эффективно внедрять новые технологии в правоохранительную деятельность без должного научного исследования. Важно решить ряд проблем относительно аналитики, информационной безопасности и должного уровня взаимодействия для совместной работы всех правоохранительных органов.

Однако, сложно оценить перспективы использования таких технологий, т. к. реализация данного проекта потребует серьезных финансовых затрат и организационных ресурсов. Тем не менее, возможно предусмотреть решение ряда проблем за счет системы государственно-частного партнерства, по аналогии со сферой социального развития.

Список цитированных источников

1. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская [и др.]; отв. ред. Д. А. Пашенцев. – М. : Инфотропик Медиа, 2022. – 140 с.

2. Мезяк, В. Ю. О возможности использования метода машинного обучения CatBoost в служебной деятельности: положительные и отрицательные стороны / В. Ю. Мезяк // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 апр. 2024 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2024. – С. 127–128.

3. Омелин, В. Н. Информационные технологии в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В. Н. Омелин, А. В. Квитко // Науч. портал МВД России. – 2011. – № 4 (16). – С. 68–73.

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Певцова Ирина Евгеньевна
доцент кафедры гражданского права Дальневосточного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент
pevtsovairina@mail.ru

Гражданское право как самостоятельная отрасль права выполняет ряд значимых для государства и общества функций, среди которых важное место занимает защитная функция. В рамках этой функции обеспечивается

свобода и равенство субъектов гражданских правоотношений, устанавливаются оптимальные пределы использования прав, а также гарантируется защита гражданских прав. «Защита субъективного права может осуществляться только в определенных юридических рамках, посредством законодательно закрепленных механизмов защиты. Механизм правовой защиты прав граждан должен содержать в себе определенные правовые средства защиты – систему правовых инструментов, закрепленных в официальных источниках права, позволяющих устранить последствия нарушения и восстановить нарушенное право, в том числе путем активных самостоятельных действий правообладателя. Конкретные способы защиты прав обозначены в нормах текущего отраслевого законодательства» [1, с. 34]. Реализация лицом своего субъективного права на защиту влечет использование определенных правовых средств, которые можно подразделить на меры защиты (их относят к первичным правовым средствам защиты, они обусловлены характером нарушения прав) и меры ответственности (они вторичны и применяются при исчерпании мер защиты). Очевидно, что применение этих средств предполагает вмешательство третьей стороны, уполномоченной защищать нарушенное субъективное право лица. Именно поэтому любое демократическое государство на законодательном уровне устанавливает определенный порядок реализации прав, создает условия их реализации, устанавливает ряд важнейших гарантий по их защите. Такие гарантии определены на конституционном уровне и детализированы в текущем законодательстве.

Для эффективной защиты своих нарушенных прав субъектам гражданских правоотношений необходимы целесообразные гражданско-правовые средства. Российское гражданское законодательство призвано не только оптимально регулировать общественные отношения, но и охранять права и законные интересы участников гражданского оборота, прежде всего, предписывая субъектам тех или иных правоотношений определенные правила поведения.

Доктринальный интерес к исследованию способов защиты гражданских прав зародился фактически вместе с гражданско-правовыми отношениями, поскольку при отсутствии урегулированного гражданско-правового отношения отсутствует и необходимость его защиты (нет права – нет защиты). Как верно отмечал В. П. Грибанов, «право на защиту – это комплекс возможностей, находящихся в распоряжении управомоченного лица и включающих в себя требование, обращенное к обязанному лицу, либо требование, обращенное к компетентному органу власти с целью защиты права» [2, с. 9]. Таким образом, право на защиту имманентно включается в состав субъективного права, являясь при этом самостоятельным элементом. Однако следует учитывать, что «право на защиту отличается объемом правовых возможностей, обеспечивающих защиту нарушенного права» [3, с. 51]. Как верно замечается в научной литературе «защита

гражданских прав … не обязательно должна сопровождаться применением государственного принуждения. Форма защиты зависит от выбора потерпевшего лица, защита прав может реализовываться через судебные органы, административные и иные, прямо не поименованные в законе, органы (например, профсоюзные организации), а также путем совершения управомоченным лицом действий по самозащите его права» [4, с. 19].

Защита гражданских прав имеет длительную историю становления и развития. Если трактовать понятие «защита» широко, то ее можно определить как любую деятельность, направленную на пресечение правонарушений и восстановление нарушенного права. В гражданском праве при выборе установленной формы защиты происходит реализация способа защиты, практическое обеспечение реализации гражданских прав посредством правомерной деятельности как самого субъекта, так и органов, призванных защищать нарушенное право.

По общему правилу, способы защиты отражают те принудительные меры воздействия, которые могут быть применены к нарушителю. При обращении в суд способы защиты находят выражение через предмет иска.

Законодатель не счел нужным раскрыть такие понятия как «защита гражданских прав», «формы защиты», способы защиты», но этот пробел восполняется наукой и судебной практикой. При буквальном толковании положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), можно прийти к выводу о том, что российское гражданское законодательство выделяет две формы защиты гражданских прав – судебную и административную, делая акцент на возможности оспорить в суде решение, принятое в административном порядке, а также 12 легально закрепленных способов защиты. «Закон допускает возможность защиты гражданского права посредством применения любой из существующих форм. Выбор надлежащей формы защиты гражданских прав должен быть обусловлен установлением конкретной цели, ради которой защита собственно применяется» [6, с. 75].

В науке не утихают споры по поводу соотношения понятий «форма» и «способ» защиты нарушенного права. Наиболее распространенной является точка зрения, высказанная А. П. Сергеевым, о делении защиты на две формы: юрисдикционную и неюрисдикционную [5, с. 268–270]. Указанный подход в наибольшей степени соответствует современным реалиям применения гражданского законодательства.

Наука предлагает множество различных классификаций способов защиты гражданских прав в зависимости от выбранного критерия. Наиболее часто встречающимися как в научной, так и учебной литературе являются классификации способов защиты на вещные и обязательственные, абсолютные и относительные, на общие и специальные.

Сформулированный в ст. 12 ГК РФ перечень способов защиты не является закрытым. Иные способы защиты содержатся в нормах, кото-

рые регулируют отдельные виды отношений, например, в ст. 301–304, 474, 723, 1250–1252, 1254, 1301, 1406.1, 1515 и ряде других статей ГК РФ. Лицу, чье право нарушено, как правило, предоставляется право выбора способа защиты.

Зачастую при обращении за судебной защитой нарушенного права субъект ошибочно выбирает несоответствующий способ защиты, и суд, установив обстоятельства по делу, отказывает в удовлетворении заявленных требований, поскольку истцом был выбран ненадлежащий способ защиты. Несмотря на многообразие способов защиты, некоторые отношения, возникающие в рамках гражданского оборота, с учетом их специфики подлежат защите только одним из способов, указанных в законе.

Следует учитывать и тот факт, что само по себе вынесенное судебное решение не восстанавливает нарушенное право, для восстановления требуется его конкретное исполнение. Исполнимость судебных актов – одна из проблем российского правового пространства. Так, в 2023 г. «эффективность взыскания … по исполнительным производствам имущественного характера в зависимости от количества исполнительных производств составила 35,0 %, в частности, эффективность взыскания ущерба от преступлений – 3,9 %, эффективность взыскания задолженности по заработной плате – 75,1 %, эффективность взыскания алиментных платежей – 36,3 %» [7].

В современном обществе гражданские права тесно связаны с различными аспектами жизни человека и сферами общественной жизни. Соответственно государство, обеспечивая с помощью правовых норм стабильность гражданского оборота, устанавливает и видовое разнообразие способов защиты гражданских прав, которые по своей сути являются достаточно эффективными гражданско-правовыми инструментами, позволяющими обеспечить реализацию и защиту прав.

Список цитированных источников

1. Певцова, И. Е. Самозащита как один из способов защиты права по нормам гражданского и трудового законодательства / И. Е. Певцова // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Хабаровск, 18 апреля 2019 г. / Под ред. Н. В. Корниловой. – Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2019. – С. 34–36.

2. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – М.: Рос. право, 1992. – 204 с.

3. Никольский, С. В. Гражданско-правовая защита имущественных прав : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – 194 с.

4. Лиман, А. А. Субъективные гражданские права, их охрана и защита / А. А. Лиман // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. ст. / редколл.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы, 2023. – С. 207–210.

5. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Теис, 1996. – С. 268–270.

6. Латыпов, Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации : дисс. ... доктора юрид. наук : 5.1.3. / Д. Н. Латыпов ; Ульянов. гос. ун-т. – Пермь, 2022. – 482 с.

7. Мониторинг достижения ключевых показателей эффективности деятельности ФССП России, установленных на 2023 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Министерства юстиции России от 29 дек. 2022 г. №1850–р). – Режим доступа: https://fssp.gov.ru/. – Дата доступа: 17.08.2024.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДЕЛОВ КОМПЕТЕНЦИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: О НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ

Скобелев Владимир Петрович
заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
Skobelev@bsu.by

С 1 января 2026 г. действующие ГПК и ХПК будут заменены единым Кодексом гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС). В этой связи нужно обратить внимание на то, какие изменения претерпит правовое регулирование в КГС пределов компетенции должностных лиц органов прокуратуры.

В п. 21 ст. 1 КГС закреплена дефиниция используемого в данном Кодексе термина «прокурор» – это «действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, их заместители, помощники по особым поручениям, старшие помощники и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры по особым поручениям, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры». Сходная дефиниция термина «прокурор» в настоящее время присутствует в п. 14 ст. 1 ГПК, абз. 13 ст. 1 ХПК, абз. 3 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон № 220-З).

Как видно, перечень соответствующих должностных лиц органов прокуратуры в п. 21 ст. 1 КГС предваряет важное уточнение – «действующие в пределах своей компетенции». Идентичное уточнение содержится и в п. 14 ст. 1 ГПК, абз. 13 ст. 1 ХПК, абз. 3 ст. 3 Закона № 220-З. Однако проблема заключается в том, что пределы компетенции данных должностных лиц в КГС, равно как в ГПК, ХПК и Законе № 220-З, практически не урегулированы. Это порождает множество вопросов, большая часть из которых (и пути их решения) уже анализировалась нами в контексте положений ГПК (очевидно, что соответствующие наработки в полной мере сохраняют свою актуальность и для КГС) [1, с. 273–274; 2, с. 290–293; 3, с. 349–355]. К такого рода проблемным вопросам относятся следующие:

какие должностные лица из числа проходящих службу в конкретном органе прокуратуры вправе обращаться в суд первой инстанции с заявлением о возбуждении гражданского дела? Поскольку в ч. 1–3 ст. 71, ст. 72 КГС (подобно ч. 1 ст. 81, ст. 82 ГПК) используется термин «прокурор» (термин «прокурор» употребляется и в тех процессуальных нормах, которые посвящены возбуждению производства по делу – ч. 5 ст. 238, п. 8 ч. 1 ст. 244 КГС), то, с формальной точки зрения, подобное право должно признаваться за любым из указанных в п. 21 ст. 21 КГС должностных лиц органа прокуратуры, что, однако, было бы во всех отношениях не совсем верно. Единственное исключение в этом плане предусмотрено ч. 4 ст. 71 КГС для случаев защиты чести и достоинства Президента Республики Беларусь и Президента Республики Беларусь, прекратившего исполнение своих полномочий по определенным основаниям, – соответствующее исковое заявление может быть подано в суд только Генеральным прокурором Республики Беларусь, его заместителями, прокурорами областей, города Минска (тем самым здесь в несколько модифицированном виде воспроизведена норма ч. 3 ст. 81 ГПК);

может ли должностное лицо органа прокуратуры подавать заявление о возбуждении дела в суд первой инстанции не «своего» уровня, например, прокурор района – в областной суд, а прокурор области – в районный суд? Предписания на данный счет в КГС отсутствуют, кроме уже упомянутой нормы ч. 4 ст. 71 КГС, которая позволяет некоторым должностным лицам вышестоящих прокуратур подавать исковое заявление в нижестоящий суд (исходя из норм §1 главы 6 КГС дела о защите чести и достоинства Президента Республики Беларусь и Президента Республики Беларусь, прекратившего исполнение своих полномочий, подсудны районным (городским) судам). При этом стоит заметить, что КГС не воспринял положения ч. 3 ст. 66 ХПК, которая исчерпывающим образом определяет, какие должностные лица и органа прокуратуры какого уровня могут подавать иски (заявления) в суды каждого из уровней судебной системы – в Верховный Суд Республики Беларусь и экономические суды областей, города Минска;

вправе ли должностные лица органа прокуратуры подавать заявление о возбуждении дела в «чужой» (в территориальном плане) суд «своего» уровня, т. е. в суд, юрисдикция которого распространяется на другую (в сравнении с пространственными пределами компетенции органа прокуратуры) административно-территориальную или территориальную единицу? Например, прокурор Центрального района г. Минска – в суд Оршанского района и г. Орши, и наоборот, прокурор Оршанского района – в суд Центрального района г. Минска. Данный вопрос в КГС не урегулирован, в ч. 1–3 ст. 71, ч. 1 ст. 72 КГС говорится просто о подаче заявления «в суд», что позволяет сделать вывод об отсутствии корреляции между территориальными границами юрисдикции органа прокуратуры и соответствующего суда;

могут ли должностными лицами органа прокуратуры подаваться заявления о возбуждении дел в интересах физических лиц и организаций, соответственно проживающих и находящихся на территории административно-территориальной единицы или территориальной единицы, которая подконтрольна (поднадзорна) другому органу прокуратуры? Из буквального содержания ч. 1–3 ст. 71, ч. 1 ст. 72 КГС напрашивается вывод, что заявления допустимо подавать в суды независимо от места проживания или нахождения соответствующих субъектов. Однако, наверное, было бы вряд ли правильно, если бы, например, каждая районная прокуратура могла заниматься защитой прав и законных интересов граждан и юридических лиц, проживающих и находящихся в пределах области (или даже страны) в целом – это не только дезориентировало бы физических лиц и организации в вопросе о том, какой орган прокуратуры должен заниматься защитой их прав и интересов, но и внесло бы определенный хаос в работу органов прокуратуры;

какие должностные лица органов прокуратуры вправе участвовать в рассмотрении гражданского дела с целью поддержания заявленных прокурором требований или же для изложения мнения по делу, которое было возбуждено по инициативе другого, нежели прокурор, субъекта? Соответствующие нормы §3 главы 8 КГС (ч. 5 ст. 71, ст. 73, ст. 74) используют в таких случаях термин «прокурор». Термином «прокурор» оперируют и правила гл. 26 «Судебное разбирательство» КГС (ч. 5, 6 ст. 259, ч. 1 ст. 266, ч. 10 ст. 269, ч. 1 ст. 273, ч. 3, 4 ст. 278). С учетом содержания п. 21 ст. 1 КГС это позволяет заключить, что, во-первых, поддерживать исковые требования в судебном заседании может иной прокурорский работник (в том числе из другого органа прокуратуры), чем тот, который их предъявил; во-вторых, участвовать в рассмотрении дела может прокурорский работник, занимающий любую из должностей, перечисленных в п. 21 ст. 1 КГС; в-третьих, не исключена возможность участия должностного лица прокуратуры в судебном заседании в суде не «своего» (т. е. более высокого или более низкого) уровня, а также в «чужом» (в территориальном плане) суде «своего» уровня.

Все приведенные выше вопросы относительно соблюдения пределов компетенции в равной степени актуальны и для случаев участия должностных лиц органов прокуратуры в предусмотренных КГС процедурах проверки судебных постановлений – апелляционном (гл. 55), кассационном (гл. 56), надзорном (гл. 57) производствах и производстве по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 58). Так, например, ч. 5 ст. 555 КГС (подобно ч. 3 ст. 399 ГПК) хоть и называет те должности работников прокуратуры, которые дают право на апелляционное опротестование решений, однако ни слова не говорит о том, о какой именно прокуратуре (с точки зрения иерархии органов прокуратуры и их территориального деления) идет речь. Поэтому с формаль-

ной точки зрения, не исключено, что на решение районного суда может быть принесен апелляционный протест должностным лицом областной и даже Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, равно как и на решение областного суда – апелляционный протест прокурора района (в частности, если областным судом был рассмотрен предъявленный данным прокурором иск). Положения ч. 5 ст. 555 КГС (ч. 3 ст. 399 ГПК) также вполне допускают принесение апелляционного протеста на решение районного суда должностным лицом прокуратуры совсем другого района (по той же самой причине – суд разрешил иск этого должностного лица). Далее, нормы КГС, ограничивая определенным образом круг должностных лиц прокуратуры, имеющих право инициировать пересмотр судебных постановлений в апелляционном (ч. 5 ст. 555), кассационном (ч. 1 ст. 599, ст. 601) и надзорном (ст. 622) порядках, в то же время почему-то не устанавливают никаких ограничений применительно к участию прокурорских работников в каждом из данных видов пересмотра, оперируя термином «прокурор» (см. ч. 4, 7 ст. 576, ч. 5 ст. 605, ч. 5 ст. 624).

Полагаем, что отмеченные вопросы должны быть решены на уровне нормативных правовых актов – или путем внесения изменений и дополнений в КГС, или же путем разработки Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь специального постановления, посвященного участию прокурора в гражданском судопроизводстве, подобно тому, как это в свое время сделал Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, приняв постановление от 28 октября 2005 г. № 22 «Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве».

Список цитированных источников

1. Скобелев, В. П. О некоторых вопросах обращения прокурора в суд в порядке гражданского судопроизводства / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, Т. 2: спец. юбилейн. изд. – С. 269–275.

2. Скобелев, В. П. О совершенствовании правового статуса должностных лиц прокуратуры в судопроизводстве по гражданским делам / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 290–297.

3. Скобелев, В. П. Апелляционное производство в гражданском процессе и некоторые вопросы регулирования компетенции должностных лиц органов прокуратуры / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2022. – Вып. 15. – С. 348–358.

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТАХ

Трифонов Сергей Геннадиевич
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры теории государства и права РЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент
sergey3fonov@yandex.ru

Учреждение института уполномоченного по правам человека во всех субъектах Российской Федерации обусловлено тем, что значительное количество прав и свобод граждан реализуется или во взаимоотношениях с региональными органами власти, или его муниципальными образованиями. Следовательно, нарушения прав человека происходят чаще всего на территории конкретного субъекта РФ.

Глава 1 Конституции РФ об основах конституционного строя объявила высшей ценностью – человека, его права и свободы и обязала государство осуществлять их защиту (ст.2). Статья 72 Конституции РФ предусматривает, что защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении РФ и ее субъектов. Следовательно, субъекты Российской Федерации имеют право создавать специальные органы, обеспечивающие защиту прав и свобод человека и гражданина в пределах соответствующего региона. Такими государственными органами, как на федеральном уровне, так и на региональном выступают омбудсмены.

Характерной особенностью деятельности данного института является то, что, будучи органом государства, омбудсмены имеют специфичные полномочия, которые не позволяют отнести их в чистом виде к существующей модели разделения властей, состоящей из трех ветвей.

Исходя из Конституции Российской Федерации, каждый ее субъект Российской Федерации вправе самостоятельно принимать решение об учреждении государственного органа регионального уровня, приняв закон об уполномоченном по правам человека. В системе таких органов нет ни федеральной, ни региональной властной иерархии.

Нормативное формирование регионального института уполномоченного по правам человека завершилось принятием Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 48-ФЗ). В результате была создана система правозащитных органов, с одной стороны, – государственных, а с другой, – выступающих как элемент гражданского общества.

Таким образом, начальный этап, в рамках которого осуществлялась легитимация института уполномоченных и его регулирование, в основном

был представлен законами субъектов РФ, существенно отличающимися друг от друга. С накоплением опыта омбудсменской детальности в регионах и внесением изменений в 2023 г. в Федеральный закон № 48-ФЗ юридическая основа функционирования уполномоченных по правам человека в субъектах РФ была приведена к единообразию.

Федеральным законом № 48-ФЗ установлены единые принципы организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, а также правовые основы взаимодействия уполномоченных с органами государственной власти и институтами гражданского общества.

Существующее нормативное регулирование правового статуса омбудсменов в субъектах РФ позволяет утверждать, что им предоставлены значительные и эффективные полномочия. В частности, возможность обращения в органы государственной власти и местного самоуправления с требованием привлечения к дисциплинарной или даже уголовной ответственности должностных лиц, нарушивших права человека.

Специфика работы омбудсмена с обращениями граждан многогранна и индивидуальна, а ограничение его деятельности данным федеральным законом не всегда позволяет подойти к сложной ситуации с тех позиций, которые соответствуют истинному предназначению данного института государственной правозащиты. Ведь порой в практике уполномоченного встречаются ситуации, когда для помощи человеку необходимо действовать неформально и ориентироваться на результат.

За годы работы институт уполномоченного подтвердил свою востребованность и целесообразность. Количество обращений в адрес уполномоченного ежегодно увеличивается, как и процент положительно разрешенных вопросов. Региональный омбудсмен не обладает властными полномочиями, но имеет возможность напомнить власти о фундаментальных обязанностях государства. Критерием оценки деятельности уполномоченного является его реагирование на нарушения прав человека, а также достигнутые при этом результаты. Последние отражаются в ежегодных (или специальных) докладах о его деятельности, к которым уполномоченный стремится обеспечить широкий доступ органов власти.

С одной стороны, институт уполномоченных по правам человека на региональном уровне не имеет легального закрепления в Конституции РФ, с другой стороны, определение их прав и обязанностей на уровне федерального законодательства гарантировало уполномоченным субъектов РФ реальную независимость и иные важные для их деятельности возможности. В силу двойственности юридической природы омбудсмена ему как воздух необходимы такие способы и методы работы, посредством которых он может заставить власти субъекта РФ принимать решения на основе норм права. А это вряд ли возможно, если круг его прав и обязанностей будет указан только в региональном законодательстве [1, с. 155].

По мнению бывшего Президента Международного института омбудсменов Мартина Остинга следует «…выделять три аспекта независимости омбудсменов: институциональная независимость (омбудсмен не должен быть частью или структурным подразделением другого государственного органа, его должность должна быть отнесена к высшим государственным должностям), функциональная независимость (омбудсмен должен осуществлять свою деятельность свободно, без давления и вмешательства, его полномочия должны быть закреплены в законе; омбудсмен должен иметь надлежащую финансовую обеспеченность), персональная ответственность (закрепленные в законе процедуры назначения на должность и прекращения полномочий)» [2, p. 19].

Таким образом, сегодня все три аспекта независимости региональных уполномоченных по правам человека в субъектах РФ получили закрепление на законодательном уровне. На федеральном уровне закреплен принцип неподотчетности и независимости уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, а также определены требования, ограничения и запреты, связанные с замещением должности уполномоченного по правам человека в субъекте РФ» [3, с. 5].

Список цитированных источников

1. Руденко, В. В. Институт уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: проблемы становления и перспективы развития / В. В. Руденко // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. – 2021. – № 4. – С. 155–159.

2. Osting, M. Protecting the integrity and independence of the Ombudsman Institution: the Global Perspective / M. Osting // The International Ombudsman Yearbook. – 2001. – Vol. 5. – P. 19–20.

3. Москалькова, Т. Н. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации / Т. Н. Москалькова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 5–6.

УСТАНОВЛЕНИЕ В СУДЕ ФАКТА ПОЛУЧЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Улога Мария Александровна
судья суда Заводского района г.Минска
mari-v14@mail.ru

Провозглашение Республики Беларусь социальным государством неразрывно связано с правом граждан на судебную защиту в области пенсионных прав, в том числе и путем восстановления в судебном порядке документов, подтверждающих размер заработной платы, для расчета индивидуального коэффициента заработка при назначении пенсии.

Граждане, которые не имеют возможности получить от нанимателя либо его правопреемника необходимые документы о заработной плате за время трудового стажа, принятого для исчисления пенсии, вправе обратиться в суд с заявлением об установлении факта получения заработной платы.

Правильное и своевременное рассмотрение в судебном порядке гражданских дел об установлении факта получения заработной платы имеет особое значение с точки зрения обеспечения защиты пенсионных прав граждан.

Особенностью данной категории дел является отсутствие сроков для обращения в суд с заявлением об установлении факта получения заработной платы.

Заявление об установлении факта получения заработной платы подается в суд по месту регистрации заявителя и должно соответствовать требованиям, предусмотренным ст. 109, 366 ГПК.

К заявлению, как правило, прилагаются копии трудовой книжки, справки из архива по месту регистрации организации об отсутствии документов, содержащих сведения о заработной плате, выписки из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, справки Фонда социальной защиты Республики Беларусь о размере и периоде уплаты страховых взносов.

При подготовке дела к судебному разбирательству в целях обеспечения своевременного и правильного разрешения дела судья производит действия, направленные на истребование дополнительных доказательств, привлечение к участию в деле заинтересованных лиц.

Дело об установлении факта получения заработной платы рассматривается судом по существу при соблюдении заявителем следующего порядка: предварительное обращение к нанимателю (его правопреемнику), а в случае ликвидации организации – в архив или орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в зависимости от того, где находятся на хранении документы бухгалтерского учета, бухгалтерской (финансовой) отчетности (ч. 9 ст. 57 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-XII «О пенсионном обеспечении»).

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 165 ГПК суд оставляет заявление без рассмотрения, если заинтересованным лицом, обратившимся в суд, не соблюден установленный актами законодательства для данной категории дел порядок предварительного внесудебного разрешения дела. В этой связи необходимо отметить, что непредставление документов, подтверждающих соблюденный заявителем порядок, основанием для оставления заявления без рассмотрения не является, поскольку при подготовке дела к судебному разбирательству суд в соответствии со ст. 179 ГПК имеет возможность оказать содействие заявителю в истребовании необходимых документов.

Существенным препятствием для рассмотрения гражданского дела об установлении факта получения заработной платы является нарушение порядка ведения трудовых книжек, в части некорректных (неверных) внесений записей о приеме и увольнении, что влияет на включение периода работы заявителя в трудовой стаж при назначении пенсии. При этом некорректность внесенных данных в трудовую книжку может выражаться в незаверенных исправлениях, отсутствии указаний на основание приема и увольнения (приказов о приеме и увольнении), использование печатей с названием «БССР», «отдел кадров» и прочее.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 363 ГПК при несоблюдении указанных условий суд должен отказать в принятии заявления на основании п. 2 ст. 246 ГПК.

Однако, суды указанные обстоятельства устанавливают в судебных заседаниях, поскольку это отвечает принципу гражданского судопроизводства – обеспечение права на судебную защиту (ст. 6 ГПК) и требует оценки доказательств.

Несмотря на то, что с 1 января 2003 г. вступил в силу на всей территории Республики Беларусь Закон Республики Беларусь от 6 января 1999 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования» суды возбуждают и рассматривают требования заявителей об установлении факта получения заработной платы, в том числе за периоды работы после 1 января 2003 г. Данная практика была отмечена Верховным Судом Республики Беларусь как правильная, способствующая реализации прав граждан на судебную защиту [1, с. 21].

В предмет доказывания по указанной категории дел входит также уплата нанимателями обязательных страховых взносов в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Так, управления (отделы) социальной защиты применительно к законодательству Республики Беларусь исходят из позиции, что неуплата страховых взносов на пенсионное обеспечение является основанием для не включения периода работы пенсионера в трудовой стаж для исчисления пенсии. Такие же правовые позиции содержатся и в законодательстве Российской Федерации.

Суды в Республике Беларусь руководствуются разъяснениями, содержащимися в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 1994 г. № 1 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение», которые предписывают, что при разрешении требований заявителя об установлении факта получения заработной платы в отношении периодов после 1 июля 1998 г., необходимо истребовать данные о внесении обязательных страховых взносов в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Однако, из сложившейся судебной практики в Республике Беларусь, данный вопрос подлежит изучению судом независимо от периода установления факта получения заработной платы ввиду следующего.

При определении конкретного размера заработной платы суды вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные гл. 22 ГПК, поскольку законодательство не содержит каких-либо ограничений в способах доказывания факта получения заработной платы за конкретный период в определенном размере.

Данные, представленные районными отделами Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, являются средством доказывания по делу, поскольку из отчетов нанимателя возможно получить объективную и достоверную информацию относительно осуществления юридическим лицом хозяйственной деятельности, определить наличие либо отсутствие в организации фонда оплаты труда для выплаты заработной платы работникам за период работы заявителя.

Также при определении размера заработка суды принимают во внимание представленные заявителем вкладыши к трудовой книжке об уплате страховых взносов, справки, сохранившиеся лицевые счета и ведомости на выдачу заработной платы, заверенные в установленном порядке и соответствующие требованиям ст. 192, 193 ГПК.

Подводя итоги, необходимо отметить значимость данной категории дел в восстановлении нарушенных прав граждан в области пенсионного обеспечения, поскольку величина заработка за стаж работы влияет на материальное благосостояние пенсионера в будущем.

Список цитированных источников

1. Практика рассмотрения судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2013. – № 3. – С. 20–29.

СУДЕБНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ (УРЕГУЛИРОВАНИЯ) ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ СПОРОВ

Унукович Елена Анатольевна
старший преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета
unukovich@bsu.by

Расширение системы альтернативных способов разрешения (урегулирования) цивилистических споров (далее – АРС), а также сферы их применения является безусловным фактором, оказывающим влияние на судебную компетенцию. Судебная форма защиты ориентирована, преж-

де всего, на разрешение спора о материальном праве заинтересованных лиц. Вместе с тем, законодатель закрепляет возможность рассмотрения и разрешения споров о праве в системе негосударственных юрисдикционных органов, в частности, третейских судов, международных арбитражных (третейских) судов. Споры о праве могут быть урегулированы сторонами в ходе переговоров как самостоятельно, так и с участием посредников (медиатора, примирителя). Указанные формы рассчитаны, прежде всего, на добросовестное поведение сторон спора, заключивших арбитражное, третейское соглашение, соглашение о применении медиации. Возможность защиты нарушенного права при недобросовестном поведении какой-либо стороны конфликта может быть обеспечена посредством реализации системы мер, предусмотренных гражданским процессуальным и хозяйственным процессуальным законодательством. В рассматриваемом контексте стоит позитивно оценивать закрепление в ГПК и ХПК не только порядка принудительного исполнения решений третейских судов, международных арбитражных (третейских) судов, медиативных соглашений, в том числе международных медиативных соглашений, но и возможности применения мер обеспечения иска и иных обеспечительных мер. Возможность сочетания альтернативного разрешения (урегулирования) спора с элементами государственного правосудия в виде применения мер принудительного характера повышает эффективность защиты нарушенного права в системе АРС и способствует расширению сферы их применения, что в свою очередь приводит к снижению судебной нагрузки по разрешению материально-правовых споров.

В цивилистическом процессе достаточно четко определена судебная компетенция в рамках осуществления контроля за неюрисдикционной формой урегулирования спора сторонами. При этом сохраняются традиционные формы урегулирования спора в рамках гражданского судопроизводства, судопроизводства по экономическим делам – мировое соглашение, которое может стать, в том числе и результатом проведенной процедуры внесудебной медиации (ст. 285-1 ГПК).

Процедуру примирения (согласительную процедуру) обычно противопоставляют судебной процедуре: первая имеет целью способствовать урегулированию спора путем обеспечения коммуникации между сторонами, сближению их позиций (лицо, ее осуществляющее, не вправе выносить обязательное для сторон решение), а вторая характеризуются тем, что спор властно оканчивается путем вынесения судьей, третейским судьей или арбитром обязательного для сторон решения, которое может быть принудительно исполнено [1, с. 111]. Полагаем, что перспективным направлением следует рассматривать не противопоставление указанных форм, а их сочетание с учетом преимуществ избираемой формы разрешения (урегулирования) правового конфликта. Интегрирование примирительных процедур в судебную деятельность вносит изменения

в содержание данной деятельности, смещая акцент на выполнение судом контрольной функции за ходом реализации примирительной процедуры и ее результатом.

Примирение сторон гражданского, экономического спора играет важную роль в процессе оптимизации судебной нагрузки, и именно на суд возлагается функция содействия сторонам спора в таком примирении. Вместе с тем реализация указанной функции неправомерно ограничивается пределами рассматриваемых судами гражданских и экономических споров посредством разъяснения преимуществ, порядка и последствий применения примирительных процедур (п. 3 постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2016 г. № 3 «О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров»). Полагаем, что содействие суда в примирении сторон может проявляться и в рамках реализации полномочий по осуществлению судебного контроля за результатами неюрисдикционного урегулирования спора самими сторонами данного спора.

Рассматривая реализацию примирительных процедур в цивилистическом процессе и их перспективы в рамках предстоящей унификации процессуального законодательства, следует остановиться на отдельных изменениях в правовом регулировании. В соответствии с п. 4. ст. 165 Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС) допускается урегулирование споров в полном объеме взаимных требований либо в их части путем проведения переговоров сторон по выработке условий мирового соглашения, переговоров сторон при содействии их адвокатов, примирительной процедуры в судопроизводстве, медиации. По результатам переговоров могут быть заключены мировое соглашение, соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов, а по результатам примирительной процедуры – соглашение о примирении.

Вместе с тем указанное многообразие не является объективным показателем реального расширения возможностей сторон по выбору имеющихся форм примирения, поскольку не содержит принципиальных сущностных отличий в выборе заключаемых сторонами соглашений. Действительное расширение такой возможности стало бы реальным в рамках проводимой унификации процесуального законодательства за счет возможности реализации тех форм примирения, которые могли быть реализованы исключительно в рамках судопроизводства по экономическим делам. С момента включения в процессуальные кодексы (ГПК и ХПК) норм о примирении в правовом регулировании имелись существенные отличия в возможных формах реализации примирительных процедур по гражданским и экономическим спорам. Наиболее существенное отличие касалось возможности реализации сторонами экономического спора примирительной процедуры (гл. 17 ХПК). Вместе с тем КГС сохранил возможность ре-

ализации примирительной процедуры исключительно в отношении экономических споров (ст. 171 КГС). Ограничение сферы применения примирительной процедуры только спорами, вытекающими из предпринимательской деятельности, вряд ли оправдано. Нет никаких разумных оснований для того, чтобы запрещать использование примирительной процедуры и в отношении споров, которые к хозяйственной деятельности отношения не имеют. Тем более что цель разработки КГС – это достижение как можно большей унификации процессуальных правил рассмотрения любых (т. е. независимо от их связи с предпринимательской деятельностью) цивилистических дел, и примирительная процедура в судопроизводстве относится к числу тех процессуальных институтов (правил), где указанная цель может быть реализована в полном объеме и в отсутствие каких-либо негативных последствий [2, с. 40]

Примирительная процедура, регулируемая в настоящее время гл. 17 ХПК, является более доступной для сторон спора как с точки зрения самой процедуры ее реализации (назначения примирителя судом, контроля со стороны суда за ее окончанием и др.), так и оперативности в разрешении спора, и утверждения его результата (соглашения о примирении) экономическим судом. Безусловно, что оперативность в разрешении (урегулировании) спора имеет определяющее значение в рамках осуществляемой субъектами хозяйствования деятельности. Однако это не означает, что стороны правового конфликта по гражданским делам не имеют подобного рода заинтересованности. Устранение существующих различий в урегулировании гражданских и экономических споров позволит утверждать о завершенности процесса унификации законодательства в указаной сфере.

Список цитированных источников

1. Рожкова, М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М. А. Рожкова. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 416 с.

2. Скобелев, В. П. О некоторых особенностях применения примирительной процедуры по проекту Кодекса гражданского судопроизводства / В. П. Скобелев // Медиация как альтернативный способ безопасности в интернете : сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф., Минск, 19 мая 2023 г. / Учебно-практическое учреждение «Центр Медиация и право», ОО «Белорусский республиканский союз юристов», фак-т права Белорус. гос. экон. ун-т; редколл.: О. В. Бодакова, Л. Р. Миронович, Е. В. Олехник; под общ. ред. А. Н. Шкляревского. – Минск : БГЭУ, 2023. – С. 40–41.

РАЗДЕЛ 4

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аземша Иван Сергеевич
аспирант кафедры уголовного права
юридического факультета Белорусского государственного университета
is_azemsha@mail.ru

В п. 5 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция), отмечается, что продвижение цифровых технологий, биотехнологий и искусственного интеллекта формирует предпосылки для изменения структуры экономики, трансформации традиционных направлений внедрения производительных сил и финансовых потоков. Также обращается внимание на активизацию использования новейших цифровых знаков (токенов, в том числе криптовалюты).

К числу основных угроз национальной безопасности отнесен рост количества преступлений и иных правонарушений, особенно связанных с посягательствами на жизнь и здоровье граждан, собственность, порядок осуществления экономической деятельности, проявлениями коррупции, использованием информационно-коммуникационных технологий, трансграничной организованной преступностью, деятельностью транснациональных либо зарубежных преступных групп и организаций (п. 29 Концепции).

На сегодняшний день возможности информационно-коммуникационных технологий широко используются в противоправных целях организованными группами, позволяя им действовать трансгранично.

Согласно сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь, при общем уменьшении количества зарегистрированных преступлений (с 88 555 в 2022 г. до 85 374 в 2023 г.) имеется рост количества зарегистрированных мошенничеств с 4 744 в 2021 г. до 11 715 в 2023 г. [1], количества потерпевших от них – с 5 753 в 2022 г. до 15 437 в 2023 г. [2].

При этом совершение операций, связанных с переводом похищенных денежных средств и последующим перечислением криптовалют в распоряжение организаторов (руководителей) организованных групп, яв-

ляется наиболее характерным способом «вывода» денежных средств, полученных в ходе противоправной деятельности. Аналогичный способ получения дохода от противоправной деятельности характерен и для преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

В обеспечении указанной преступной деятельности важное значение имеют «теневые» криптообменники, а также так называемые «дропы», то есть лица, распространяющие реквизиты банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам.

Наиболее типичным в функционировании организованных групп, осуществляющих преступную деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, мошенничеств, является: 1) обеспечение минимизации взаимодействий между участниками организованных групп и их анонимизации посредством использования мессенджеров; 2) использование криптовалют для получения дохода (финансирования) преступной деятельности; 3) усложнение структуры взаимодействия, осуществляемого при получении преступного дохода, посредством включения в нее «дропов».

Следует отметить, что только в течение последних двух лет пресечена преступная деятельность 4 крупных «теневых» операторов обмена криптовалют, а также по результатам проведения с мая по июнь 2023 г. операций по противодействию незаконному обороту средств платежа пресечена деятельность 4 нелегальных группировок под руководством четырех крупных «дроповодов» [3].

При этом необходимость выработки эффективных и системных механизмов по пресечению деятельности, связанной с «выводом» средств, полученных преступным путем, обуславливается высокими рисками использования криптовалют в деятельности, направленной на дезорганизацию системы государственного управления и общества: в финансировании террористической и экстремистской деятельности, а также деятельности незаконных вооруженных формирований.

Вместе с тем в настоящее время имеется ряд проблем в правовом регулировании оборота криптовалют в Республике Беларусь, обусловленных прежде всего отсутствием закрепления их гражданско-правового статуса, а также в правовой регламентации противодействия их использованию в противоправных целях.

Изложенное свидетельствует о необходимости определения следующих направлений уголовной политики в сфере противодействия преступлениям, связанным с использованием криптовалют:

1) определение правового статуса криптовалют, пределов реализации запретных мер в отношении их оборота;

2) выработки единообразной практики привлечения к администра-

тивной и уголовной ответственности лиц, осуществляющих незаконную деятельности, связанную с обеспечением финансирования противоправной деятельности и «вывода» дохода, полученного преступным путем;

3) определение порядка применения непроцессуальных мер, направленных на пресечение незаконных финансовых операций, совершаемых, в том числе с криптовалютами.

В целях решения поставленных вопросов, по нашему мнению, следует:

1. Рассмотреть вопрос о необходимости выработки единого понятийного аппарата нормативных правовых актов, так или иначе затрагивающих вопросы оборота криптовалют. Например, в УПК используется термин «криптовалюта» (ст. 132 УПК). При этом ГК и Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» используется как термин «цифровые знаки (токены)», так и понятие «криптовалюты».

Учитывая широкий характер использования криптовалют, которые представляют собой необеспеченный актив, что также создает угрозу для финансово-экономической системы государства, предлагаем рассмотреть возможность установления дополнительных ограничений на использование криптовалют в гражданских правоотношениях, а также выделения в отдельную категорию «токенов» как обеспеченных активов, созданных на основе технологии блокчейн, в целях их использования в гражданском обороте.

2. Предусмотреть уголовную ответственность за предоставление аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к криптокошелькам, а также рассмотреть вопрос о закреплении в УК в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, совершение преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий (в том числе и технологий, с помощью которых осуществляется оборот криптовалют).

3. Рассмотреть вопрос о предоставлении контрольным (надзорным) и правоохранительным органам полномочий по принятию решений об ограничении доступа к Интернет-ресурсам, информационным ресурсам, предоставляющим услуги, связанные с незаконным осуществлением операций по приобретению (отчуждению) криптовалют, которые не являются резидентами Парка высоких технологий.

Список цитированных источников

1. Число зарегистрированных преступлений / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190785. – Дата доступа: 08.08.2024.

2. Численность лиц, пострадавших от совершенных преступлений / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190799. – Дата доступа: 08.08.2024.

3. «Раньше были биты, а сейчас смартфоны и компьютеры». Следователь об инструментах мошенников // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belta.by/interview/view/ranshe-byli-bity-a-sejchas-smartfony-i-kompjjutery-sledovatel-ob-instrumentah-moshennikov-9314/. – Дата доступа: 08.08.2024.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КОЛЛЕКТИВНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Апарина Наталья Андреевна
научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
кандидат юридических наук
89166346194@mail.ru

Российская экономика и финансовый рынок в настоящее время столкнулись с изменением экономической ситуации, вызванной применением санкционного давления. Одной из задач экономики страны является ее трансформация, возможность развития, в том числе за счет внутренних источников финансирования, чем обусловлен интерес государства к рынку коллективных инвестиций.

При этом уровень криминологических угроз рынку коллективных инвестиций повышается, что безусловно, снижает инвестиционную привлекательность [1], вместе с тем коллективное инвестирование в последние годы становится наиболее популярным способом вложения денежных средств с целью их сохранения и преумножения.

Законодатель не относит договор участия в долевом строительстве к инвестиционным, но называет формой «привлечения денежных средств». Вместе с тем, анализ взаимоотношений между застройщиком и участниками долевого строительства позволяет в широком смысле определить участие в долевом строительстве как деятельность по коллективному инвестированию.

Вопросам защиты прав граждан – участников долевого строительства – уделяется большое внимание со стороны государства и органов прокуратуры. В этих целях Генеральной прокуратурой Российской Федерации организовано взаимодействие с публично-правовой компанией «Фонд развития территорий» (далее – Фонд), одной из задач которой является восстановление прав обманутых граждан – участников строительства. По состоянию на 1 января 2023 г. в единый реестр проблемных объектов включено 1 206 объектов в 64 субъектах Российской Федерации, жилая площадь проблемных объектов составляет 7,6 млн. кв. м. В восстановлении прав нуждаются 70 тыс. дольщиков [2].

Анализ статистических данных показывает, что в 2023 г. наблюдается рост количества преступлений, связанных с долевым участием граждан в строительстве многоквартирных домов.

Как видно из приведенных статистических показателей темпы роста преступлений в 2023 г. составили 54,5 % по сравнению с показателями прошлого года, а в 2024 г., только за 5 месяцев, зарегистрировано 528 преступлений указанной категории. Таким образом, несмотря на принимаемые государством меры по защите прав дольщиков, в том числе путем внесения изменений в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 214-ФЗ) не удалось полностью обеспечить безопасность участников долевого строительства и обеспечить прозрачность деятельности застройщиков.

О состоянии преступности и результатах расследования преступлений, связанных с долевым участием граждан в строительстве многоквартирных домов (по данным формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений»).

	2020	2021	2022	2023
Количество преступлений, зарегистрированных в отчетный период	1194	688	398	615
Количество предварительно расследованных преступлений в отчетный период	652	1047	401	476
Количество преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением	639	1015	371	455

Низкая правовая и финансовая грамотность населения является одной из проблем на пути обеспечения безопасности коллективного инвестирования. Широкое распространение получают факты незаконного заключения застройщиками с гражданами вместо договоров участия в долевом строительстве, подлежащих обязательной регистрации в органах государственной регистрации прав на недвижимое имущество, предварительных договоров купли-продажи квартир, договоров участия в товариществе, инвестирования, займа, предусматривающих привлечение денежных средств в нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве.

Одной из сомнительных схем, связанных с продажами квартир, является схема, когда застройщик продает квартиру аффилированному лицу по сильно заниженной стоимости, сумма поступает на счет эскроу, далее осуществляется переуступка прав по договору долевого участия,

но уже по рыночной стоимости, а на эскроу счете находится символическая сумма. Данная схема набирает обороты и может в последствии нести существенный вред, особенно в случае дефолта застройщика, так как конечный покупатель получит компенсацию в размере суммы, поступившей на счет эскроу, потеряв все остальные средства.

В последнее время подмосковные застройщики активно применяют схемы продажи квартир в новостройках с использованием закрытых паевых инвестиционных фондов недвижимости (ЗПИФов). Схема в данном случае практически аналогичная предыдущей.

Расчеты с использованием счета эскроу привели к тому, что основным источником финансирования строительных проектов для застройщиков становится банковский кредит, в связи с чем застройщики используют подобные схемы, которые в большинстве случаев не являются изначально мошенническими, их возникновение связано с оптимизацией налогообложения, получением «живых» денег, снижения девелоперских рисков, а также наличием спроса, как со стороны инвесторов, так и со стороны конечных покупателей.

Однако, использование данных схем привлечения денежных средств создает угрозу криминологической безопасности в сфере долевого строительства, поскольку деятельность государства в первую очередь направлена на защиту граждан, вступивших в отношения с застройщиком и заключивших договор долевого участия в строительстве, с целью удовлетворения своих потребностей, связанных с жильем, поскольку в условиях банкротства застройщиков приоритет в защите и восстановлении нарушенных прав остается на стороне граждан. При этом, граждане-инвесторы, вступившие в правоотношения с застройщиком и преследующие цель извлечения прибыли от такой деятельности, в условиях банкротства должника не могут получить удовлетворение в одной очереди удовлетворения с «обычными» гражданами (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2022 г.№ 305-ЭС22-7163 по делу № А41-34210/2020).

Таким образом, развитие рынка коллективного инвестирования напрямую связано с возникающими криминологическими рисками, причиняя финансовый вред, преступления в этой сфере подрывают доверие к инвестиционной деятельности, и как следствие – экономике страны в целом, в то время как основной задачей развития российского финансового рынка в условиях беспрецедентных санкций становится усиление его роли в финансировании ускоренной трансформации российской экономики с опорой, в первую очередь, на внутренние источники финансирования инвестиций (Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4355).

Список цитированных источников

1. Сухаренко, А. Н. Влияние преступности и коррупции на инвестиционную привлекательность субъектов Дальневосточного федерального округа / А. Н. Сухаренко // Региональные проблемы. – 2015. – № 1. – С. 52–58.

2. Стратегия развития публично-правовой компании «Фонд развития территорий» до 2030 года [Электронный ресурс] / Фонд развития территорий. – Режим доступа: https://фрт.рф. – Дата доступа: 13.07.2024.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА И КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Барков Александр Владимирович
профессор кафедры судебной деятельности учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, профессор
ukrb99@yandex.by

В процессе применения норм Особенной части УК может возникнуть необходимость сопоставления уголовно-правового запрета с предписаниями норм Особенной части КоАП. Это позволяет наиболее полно уяснить смысл и пределы применения как уголовно-правовых, так и административно-деликтных норм.

Прежде всего, соприкосновение названных норм проявляется в случаях использования законодателем механизма административной преюдиции, закрепленного в ст. 32 УК: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение».

При разработке проекта ныне действующего УК предполагалось, что этот прием позволит сужать сферу применения уголовного запрета, постепенно «опуская» деяния на уровень административного правонарушения. Так было, например, с нормой об уголовной ответственности за спекуляцию (ст. 256, исключенная из УК Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-З). К сожалению, в последние годы наметилась противоположная тенденция, когда посредством административной преюдиции «поднимают» на уровень преступления типичные административные правонарушения. Примером тому ст. 317-2 УК «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления».

Предусматривая взаимодействие норм УК и КоАП в рамках административной преюдиции, важно, чтобы объективные и субъективные признаки деяний совпадали. При несовпадении приоритет должен быть за уголовно-правовой нормой. Так, ч. 1 ст. 317-2 гласит: «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, если это деяние совершено неоднократно». В ч. 1 ст. 18.14 КоАП сказано: «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, а равно передача управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления». Очевидно, что передача управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления, даже многократная, не может лежать в основе уголовной ответственности.

Существенное значение имеет правильное сопоставление однородных норм УК и КоАП. Примером может быть ст. 11.1 КоАП «Мелкое хищение». Признаки форм хищения, перечисленных в этой статье, можно найти только в УК (ст. 205, 209, 210, 211, 212). В УК в соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З название ст. 212 и диспозиция ч. 1 изменены. Сказано: «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации». В КоАП это проявление правонарушения изначально названо: хищение путем использования компьютерной техники.

Любопытно и то, что ст. 11.1 предусматривала эту форму хищения в качестве мелкого с момента введения КоАП в действие с 1 марта 2021 г., а в УК эта форма хищения как признак мелкого хищения была включена позднее Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З, и вступила в силу с 19 июня 2021 г. Три с половиной месяца трактовка мелкого хищения в ст. 11.1 КоАП (широкая) и в ч. 4 примечаний к главе 24 УК (узкая) различалась. По нашему глубокому убеждению, при такой коллизии предпочтение должно отдаваться более мягкому закону.

Наличие в КоАП составов правонарушений, «конкурирующих» с уголовно-правовым запретом, может влиять на толкование уголовно-правовых норм. Примером тому служит эволюция ст. 435 УК. В первоначальной редакции УК по ч. 1 этой статьи наказывалось «уклонение от призыва на военную службу, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение». В КоАП норме УК корреспондировала ч. 3 ст. 25.1. «Неявка в военный комиссариат (обособленное подразделение военного комиссариата) или на мероприятия по призыву».

Административную ответственность влекла «Неявка без уважительных причин на мероприятия по призыву на воинскую службу по повестке или направлению военного комиссариата (обособленного подразделения военного комиссариата) (в том числе неявка гражданина, отказавшегося от получения таких повестки или направления) или в сроки, установлен-

ные законодательством, если данная неявка не воспрепятствовала принятию и (или) реализации решения призывной комиссии (военного комиссара) об исполнении гражданином воинской обязанности».

Между диспозицией ст. 435 УК и признаками ч. 3 ст. 25.1 КоАП существовала рассогласованность. В целях преодоления этой дисгармонии Законом Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 40-З название ст. 435 и диспозиция ч. 1 были определены одинаково: «Уклонение от мероприятий призыва на воинскую службу». Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 131-З в названии, абзаце первом ч. 1 и абзаце первом ч. 2 ст. 435 слово «призыва» заменено словами «по призыву».

На момент выполнения данного исследования признаки преступления, предусмотренного ст. 435 УК определены как «уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу». При буквальном толковании для констатации преступления достаточно с прямым умыслом не явиться на любое из мероприятий по призыву. Требование административной преюдиции отсутствует. Но такому простому решению препятствует редакция ст. 26.1 КоАП «Неявка на мероприятия по призыву»: «Неявка без уважительных причин на мероприятия по призыву на воинскую службу по повестке или направлению военного комиссариата (обособленного подразделения военного комиссариата), органа государственной безопасности (в том числе неявка гражданина, отказавшегося от получения таких повестки или направления) или в сроки, установленные законодательством, а в период мобилизации и (или) в военное время – в том числе при оповещении посредством СМС-сообщения, если такая неявка не воспрепятствовала принятию и (или) реализации решения призывной комиссии (военного комиссара), начальника органа государственной безопасности об исполнении гражданином воинской обязанности».

Из нормы КоАП следует, что не будет состава преступления, если «неявка не воспрепятствовала принятию и (или) реализации решения призывной комиссии (военного комиссара), начальника органа государственной безопасности об исполнении гражданином воинской обязанности».

Возникает вопрос: в какой мере это обстоятельство зависит от воли призывника. Если практически не зависит или имеет вероятный характер, то может ли оно быть критерием криминализации? Следует иметь в виду, что круг таких мероприятий широк и значимость их различна. Это: явка на медицинское освидетельствование, медицинское обследование, явка на заседание призывной комиссии, явка для отправки в воинские части для прохождения военной службы, это нахождение на призывном пункте, пункте сбора до отправки к месту военной службы. Очевидно, что уклонение от медицинского освидетельствования и уклонение от отправки в воинские части для прохождения военной службы имеют разную степень общественной опасности и различные цели.

Из этого следует важный вывод: административно-деликтное законодательство охраняет общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок проведения мероприятий по призыву органами, осуществляющими воинский учет, а уголовный закон в ст. 435 охраняет общественные отношения, обеспечивающие порядок комплектования Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований.

При таком выводе уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу в контексте ст. 435 УК следует понимать как способ воспрепятствования принятию и (или) реализации решения призывной комиссии об исполнении гражданином воинской обязанности. Следовательно, виновный преследует цель уклониться от мероприятия по призыву, имея общую цель уклониться от призыва.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ САНКЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ С УЧЕТОМ ОПЫТА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Бородулькина Екатерина Сергеевна
ведущий научный сотрудник отдела исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
Borodulkina@center.gov.by

Для Республики Беларусь одним из приоритетных направлений международного сотрудничества является взаимодействие на многосторонней основе в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Наряду с экономическими и политическими выгодами, активные интеграционные процессы создают новые вызовы для национальной безопасности каждого из государств – членов ЕАЭС.

Сравнительно-правовой анализ различных аспектов уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотики) по законодательству государств – членов ЕАЭС в целом, и санкционного обеспечения составов, связанных с незаконным оборотом наркотиков в частности, создает предпосылки для обеспечения целей устойчивого развития межгосударственных институтов, равных условий для уголовной ответственности [1, с. 91], а также реализации таких важнейших ее принципов, как равенство, справедливость и гуманизм.

Все государства – члены ЕАЭС относятся к странам с умеренной моделью уголовной политики, предполагающей в качестве одного из ключевых признаков длительные сроки лишения свободы за деяния, связанные с незаконным сбытом наркотиков. При этом, согласно положениям уголовных кодексов Российской Федерации, Республики Казахстан, незаконный оборот наркотиков при условии цели сбыта может влечь пожизненное лишение свободы.

Позиции ученых по вопросу оценки адекватности установленных видов и размеров наказаний степени общественной опасности деяний, связанных с наркотиками, разнятся. От признания, что «для предотвращения и уничтожения наркоторговли, государство должно разработать достаточно жесткие меры, ведь перед ним стоит особенная задача – уничтожение такого явления, которое разрушает наше общество» [2, с. 95] до прямого указания на проблему чрезмерно жестких санкций за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, поскольку они не позволяют в полной мере реализовывать принцип индивидуализации наказания [3, с. 85].

Обратимся к ст. 328 УК. Важным положительным моментом конструкции санкций указанной статьи является четкая последовательность в увеличении нижних и верхних порогов наказания в виде лишения свободы с введением в конструкцию статьи квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 328 УК предусматривает срок лишения свободы от 2 до 5 лет, ч. 2 – от 3 до 8, ч. 3 – от 6 до 15, ч. 4 – от 10 до 20, ч. 5 – от 12 до 25).

Одновременно вызывает вопросы диапазон нижних и верхних границ наказаний. Так, например, санкция ч. 3 ст. 328 УК за незаконный оборот наркотиков с целью сбыта в крупном размере, либо в отношении особо опасных наркотических средств и др. предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет. Аналогичные сроки лишения свободы предусмотрены за убийство (ч. 1 ст. 139 УК) – наиболее тяжкое преступление против личности, посягающее на самое ценное благо человека, и причиненный вред, от которого не имеет сопоставимого эквивалента.

Полагаем считать несоразмерно завышенными по отношению к совершаемому деянию наказания, предусмотренные за совершение преступлений со сложной формой вины (о превышении строгости наказаний в случае составных преступлений писал, например, Н. А. Бабий [4, с. 546]), что можно проследить на примере ч. 5 ст. 328 УК. Если причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 144 УК) в качестве наказания предусматривает лишение свободы на срок до 3 лет, незаконный оборот наркотиков с целью их сбыта, повлекший по неосторожности смерть человека, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 25 лет.

Перед уголовной политикой Республики Беларусь уже многие годы стоит задача по сокращению применения наказания в виде лишения свободы за счет более широкого применения иных видов наказаний, в том чис-

ле, не связанных с изоляций от общества. Вместе с тем санкции статей, связанных с наркотиками, до настоящего времени имеют в своем распоряжении незначительный арсенал наказаний, что не всегда обусловлено лишь тяжестью совершенного преступления.

Например, незаконные без цели сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотиков (ч. 1 ст. 328 УК) предусматривают наказание в виде ограничения свободы на срок до 5 лет или лишения свободы на срок от 2 до 5 лет. Для сравнения в УК Российской Федерации (ч. 1 ст. 228) за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозку без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере установлен достаточно широкий перечень наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы (ч. 1 ст. 228 УК Российской Федерации). Схожий подход в УК Республики Казахстан: санкция ч. 2 ст. 296, предусматривающая ответственность за незаконные изготовление, переработку, приобретение, хранение и перевозку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, содержит наказание в виде штрафа, исправительных работ, общественных работ и ареста.

При этом судебная статистика свидетельствует о значительном потенциале для расширения перечня наказаний, в том числе, не связанных с изоляцией от общества. В 2023 г. по ч. 1 ст. 328 УК были осуждены 1 283 лица, при этом подавляющее число к наказанию в виде ограничения свободы. Примерно в 14 % случаев суды по ч. 1 ст. 328 УК применяли отсрочку и условное неприменение наказания (ст. 77–78), в отдельных случаях назначали наказание ниже низшего предела [5].

Полагаем, что включение в ч. 1 ст. 328 УК альтернативных наказаний (например, штрафа, ареста) будет способствовать большей реализации принципов справедливости и гуманизма, а также позволит снизить социальную напряженность в отношении оценки чрезмерной «суровости» санкции норм ст. 328 УК, о чем свидетельствуют жалобы осужденных, а также родных и близких лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Бахур, О. И. Гармонизация норм уголовного законодательства стран Евразийского экономического союза об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов / О. И. Бахур // Вестн. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 91–97.

2. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ: теория и практика применения уголовного законодательства в Российской Федерации / под ред. В. Е. Степенко. – Хабаровск : Тихоокеан. гос. ун-т, 2016. – 261 с.

3. Новикова, Е. В. Общая характеристика преступлений против здоровья населения / Е. В. Новикова // Борьба с преступностью : теория и практика: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 2–3 апреля 2018 г. / Могилев. ин-т Мин-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Могилев, 2018. – С. 83–86.

4. Бабий, Н. А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии: монография / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 720 с.

5. Статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

Бохан Андрей Петрович
доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
boxan@mail.ru

В сообщении будет дан краткий анализ международным и российским нормам, которые предусматривают ответственность за совершение киберпреступлений.

Киберпреступность на протяжении последних десятилетий является самой трансформируемой категорией преступлений, поскольку с изменением мировых экономических процессов, развитием информационно-телекоммуникационных технологий трансформируется и вектор интересов злоумышленников. Вместе с ними меняются способы и методы совершения преступлений.

Выделяют три стадии эволюционирования киберпреступлений в России, которые связаны: с появлением электронных почтовых сообщений в 80-х гг. прошлого века, с развитием веб-браузеров в 90-х гг. прошлого столетия и активным использованием социальных сетей в самом начале нынешнего тысячелетия. Все три стадии связаны между собой увеличением количества пользователей компьютерных устройств посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». При этом нами отмечается еще одна четвертая и, как представляется, основная стадия развития киберпреступности как в России, так и во всем мире. Она связана с использованием мессенджеров на мобильных устройствах, которые являются наиболее уязвимым средством коммуникации, с которого осуществляется доступ к персональным данным пользователей и, главное, к их платежным сервисам. Четвертая стадия киберпреступности активно развивается в стране с 2019 г. по настоящее время и является наиболее масштабной и распространенной [1, с. 72].

Особо отметим, что Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы приоритетным направлением внутренней политики страны определяет формирование единого информационного пространства, соответствующей ее инфраструктуры и развитие информационно-телекоммуникационных технологий.

В настоящее время уголовное законодательство Российской Федерации к киберпреступлениям относит составы уголовно-наказуемых деяний, содержащиеся в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. 272–274.2), где объект преступления – совокупность общественных отношений, связанных с обеспечением информационной безопасности пользователей информационно-телекоммуникационного пространства, а также нерушимая целостность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [2, с. 39]. Иными словами, это уголовно-наказуемые деяния, связанные исключительно с информационно-телекоммуникационными-технологиями.

Основным актом международно-правового реагирования в сфере противодействия киберпреступности является Будапештская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, которая устанавливает ограниченные направления компьютерных преступлений: против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и сетей, компьютерных данных; против злоупотребления данными системами, сетями и данными; связанные с нарушением авторских и смежных прав и оборотом детской порнографии. Разработка и принятие данного документа сводится к началу 2000-х годов, когда киберпреступления не были так развиты и разнообразны, как в настоящее время. В Конвенции не предусмотрены такие актуальные проявления киберпреступности как: мошенничества с использованием IP-телефонии, фейковых «интернет-сайтов», фишинга, использование искусственного интеллекта, криптовалютных финансовых пирамид.

Национальное законодательство о киберпреступлениях в зарубежных странах было разработано еще в 70–80-х гг. прошлого столетия. Первооткрывателями в данном направлении выступили США, которые в 1977 г. разработали законопроект, устанавливающий уголовную ответственность за компьютерные преступления, на основе которого в 1984 г. был принят Закон «О мошенничестве и злоупотреблении с использованием компьютеров». Положения данного Закона включены в ныне действующий Титул 18 Свода законов США. Его нормы предусматривают уголовную ответственность за компьютерный шпионаж, несанкционированный доступ или превышение санкционированного доступа к информации из правительственного ведомства США, неравномерное воздействие на компьютер, находящийся в исключительном пользовании правительственного ведомства США, мошенничество с использованием компьютера и т. д. [3, с. 45].

Следует отметить, что именно представители США сделали основной прорыв в области шифрования (двойного шифрования) данных, которые передаются посредством информационно-телекоммуникационных каналов связи. Более того, в ФБР существует специальное программное обеспечение (система наблюдения) «*Carnivore*», позволяющее перехватить любые звонки или электронные сообщения на территории страны, что является действенной мерой по выявлению, пресечению и раскрытию киберпреступлений.

Принятый в 1990 г. Парламентом Соединенного королевства Закон «О неправомерном использовании компьютеров» остается титульным законом страны в области противодействия компьютерным преступлениям, и явился прообразом для создания собственного законодательства Канады и Северной Ирландии [4, с. 98].

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что внутреннее законодательство России в области противодействия киберпреступности в настоящее время, по нашему мнению, является передовыми и современными по сравнению с международным и законодательством большинства развитых стран. Однако, существуют определенные недоработки, связанные с формированием единого понятийного аппарата о киберпреступлениях, определение статуса и регулирования оборота криптовалюты в стране, а также в техническом обеспечении и формировании специальных знаний правоохранительных органов.

Список цитированных источников

1. Простосердов, М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. А. Простосердов. – М., 2016. – 232 с.

2. Бохан, А. П. Правовое регулирование компьютерной информации как объекта уголовно-правовой охраны / А. П. Бохан, Т. И. Лиманцева // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 3 (70). – С. 37–40.

3. Волеводз, А. Г. Уголовное законодательство об ответственности за компьютерные преступления: опыт разных стран / А. Г. Волеводз, Д. А. Волеводз // Правовые вопросы связи. – 2004. – № 1. – С. 43–49.

4. Кириленко, В. П. Гармонизация Российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Европы / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Всеросс. криминологический журнал. – 2020. – № 6. – С. 97–107.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Бурганов Рамис Салихутдинович
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент
burganov.ramis@mail.ru

Преступность сотрудников правоохранительных и судебных органов представляет собой серьезную проблему для российского общества, ведь преступления в данном случае совершают те, кто призван с ними бороться. Факт совершения преступлений такими лицами представляет, как правило, большой резонанс и наносит ущерб не только конкретным общественным отношениям, являющимся объектом этого преступления, но и авторитету конкретного правоохранительного или судебного органа, системе таких органов и государственной власти в целом.

Поэтому так важно предупреждение данного вида преступности. Меры по ее предупреждению должны носить комплексный и последовательный характер, нельзя ограничиваться единичными реакциями на произошедшие чрезвычайные происшествия, поскольку совершение преступления сотрудником правоохранительного или судебного органа уже само по себе является чрезвычайным происшествием. Важна планомерная и безостановочная работа в этом направлении как непосредственных руководителей и надзорных органов, так и общества в целом, которое своим постоянным контролем не позволит свершиться преступлению.

Говоря о мерах предупреждения преступлений сотрудников правоохранительных и судебных органов, можно сказать, что это достаточно широкий комплекс мер, как общего характера, так и и сугубо криминологических. Здесь мы, конечно же, не сможем охарактеризовать все разнообразие таких мер, но коснемся наиболее важных из них.

Одним из наиболее ценных, на наш взгляд, является деление на меры внутренней и внешней превенции. Первая осуществляется непосредственным руководством сотрудников правоохранительных и судебных органов, а также подразделениями, предназначенными для борьбы с преступлениями, совершаемыми сотрудниками. Сюда относятся подразделения собственной безопасности, государственной службы и борьбы с коррупцией, психологическая служба и др.

Внутренняя профилактика имеет особое значение, поскольку позволяет на ранних этапах предупредить многие негативные криминогенные явления, оказать положительное влияние на отдельных сотрудников и коллектив в целом. По словам Л. И. Мирновой «Комплекс мероприятий внутренней профилактики должен предусматривать оптимизацию экономического стимулирования служебной деятельности сотрудников, совершен-

ствование ее нормативно-правового регулирования, улучшение организационно- управленческих и социально-психологических основ функционирования системы органов внутренних дел, расширение форм и методов ведомственного контроля за состоянием законности» [1, с. 22].

Внешнее предупреждение преступлений сотрудников правоохранительных органов включает в себя:

– профилактические меры со стороны других государственных и муниципальных органов. К ним следует отнести прокурорский надзор, судебный контроль, а также контроль со стороны законодательных и исполнительных органов, а также органов местного самоуправления;

– контроль общества в целом (общественных объединений, в том числе различных наблюдательных комиссий, средств массовой информации и др.), а также отдельных граждан.

Другая важная классификация мер предупреждения преступности сотрудников правоохранительных и судебных органов основана на таком критерии как направленность мер предупреждения. В зависимости от этого выделяются:

1. Организационные меры предупреждения – состоят в создании организационных условий, направленных на борьбу с преступностью в том или ином правоохранительном и судебном органе. Например, создание регламентов по исполнению сотрудниками их должностных обязанностей, исключающих злоупотребление полномочиями, установление системы контроля за служебной деятельностью сотрудников и т. д.

В этой связи нельзя не упомянуть необходимость постоянного усовершенствования кадровой работы как «на входе», то есть установление и отсев кандидатов с корыстной, антисоциальной и преступной направленностью, аномалиями в психике и т.п., так и в ходе прохождения службы (меры по адаптации «новичков», привлечение к дисциплинарной ответственности, поощрения, прекращение служебных отношений с сотрудниками, уже исполняющими обязанности). Кадровая работа должна включать в себя меры по раннему предупреждению противоправного поведения сотрудников. А. Н. Варыгин не без оснований указывает, что «совершенствование кадровой работы, по нашему мнению, должно начинаться с улучшения порядка отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел. Туда не должны попадать лица, изначально желающие использовать служебное положение лишь для своего обогащения, лица, забывающие о главном предназначении сотрудника милиции – борьбе с преступностью, защите прав и интересов граждан. Для этого необходимо внести изменения в ведомственные нормативные акты, регулирующие подобную деятельность» [2, с. 43].

2. Нормативные меры по предупреждению преступлений сотрудников правоохранительных и судебных органов – создание отвечающей современным реалиям, непротиворечивой, совершенной системы норматив-

ных актов, регулирующих деятельность правоохранительных и судебных органов. Важное значение здесь имеет ведомственное правотворчество, которое позволяет детализировать многие законодательные положения и дать сотрудникам ответы на если не все, то многие из возникающих на службе вопросы. Кроме того, должна проводиться и антикоррупционная экспертиза всех нормативных правовых актов, касающихся деятельности правоохранительных и судебных органов.

3. Меры предупреждения психологического характера. Создание в подразделениях правоохранительных органов благоприятного психологического климата, оказание психологической помощи сотрудникам, испытывающим проблемы, позволяют предупредить совершение сотрудниками преступлений. В средствах массовой информации мы зачастую можем прочитать о «срывах» на работе, конфликтах в различных коллективах, которые заканчиваются насилием. Поэтому так важны меры психологической профилактики.

4. Виктимологическая профилактика – данные меры направлены на предупреждение преступлений путем работы с жертвами или потенциальными жертвами преступлений. Нельзя забывать и о том, что жертвами преступлений сотрудников правоохранительных и судебных органов могут быть и другие сотрудники этих же органов.

Таким образом, предупреждение преступлений сотрудников правоохранительных и судебных органов представляет сложную многоаспектную систему мер самого разного характера, которая призвана предупредить данные преступления с помощью профилактического воздействия как внутри (в отдельном подразделении или системе правоохранительных органов), так и извне (осуществляемого контролирующими и надзорными органами и обществом).

Список цитированных источников

1. Мирнова, Л. И. Превенция делинквентного поведения сотрудников органов внутренних дел: теоретико-прикладные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. И. Мирнова. – Нижний Новгород, 2007. – 33 с.

2. Варыгин, А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. Н. Варыгин; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2003. – 48 с.

СООТНОШЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Винокуров Сергей Иванович
ведущий научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент
vsi1944@yandex.ru

Углубленный анализ заявленной темы следует начать с определения понятия «уголовная ответственность». В этой связи важно указать, что, являясь одним из базовых в уголовно-правовой теории и законодательстве, оно, тем не менее, однозначно не определено и является оценочным, что вызывает различные толкования среди специалистов [1, с. 21; 2, с. 69; 3, с. 89].

С учетом изложенного, оспаривая высказанные в литературе точки зрения, обоснуем свою позицию в отношении рассматриваемого понятия. В этой связи полагаем, что уголовную ответственность целесообразно рассматривать в двух значениях: широком и узком.

В широком смысле уголовную ответственность следует понимать в контексте уголовной политики в качестве ключевого ее инструмента, отражающего реакцию государства на общественно опасное поведение отдельных индивидов (групп лиц), угрожающее причинением существенного вреда охраняемым уголовным законом объектам (ценностям).

Данная реакция выражается в организации и приведении в действие комплексной системы правовых институтов, средств и мер, направленных на обеспечение общественного порядка (правопорядка) в стране; предупреждение общественно опасных деяний (преступлений); уголовное преследование лиц, их совершивших, в целях установления сущности криминального события и роли в нем его участников; назначение наказания виновным и его исполнение; применение к правонарушителям иных принудительных мер уголовно-правового характера.

При этом мы рассматриваем вредоносное поведение (деяния) как сплав поведенческих реакций (телодвижений) конкретного лица (лиц) и совокупности разнообразных криминогенных факторов, образующий в своем генезисе общественно опасное деяние (преступление, преступность).

В узком значении уголовную ответственность составляют более конкретные, прикладные правовые решения и процедуры: криминализация общественно опасного деяния; уголовное преследование нарушителя в целях установления сущности произошедшего криминального события и определения в нем роли его участников; назначение наказания виновному и его исполнение осужденным; применение иных мер уголовно-правового характера к лицу, совершившему общественно опасное деяние.

Причем, среди названных процедур особый интерес представляет «криминализация» общественно опасных деяний, поскольку в уголовном законе данное понятие не определено, а в теории уголовного права однозначного мнения в отношении него не имеется. Поэтому целесообразно высказать нашу оценку указанного понятия. Криминализация есть признание законодателем реальной угрозы причинения вредоносным деянием существенного вреда охраняемым уголовным законом объектам (ценностям) общественно опасной, а деяния общественно опасным, подлежащим запрету под угрозой наказания за нарушение запрета.

Таким образом, уголовная ответственность порождается процедурой криминализации, предусматривающей признание экстремально вредоносного деяния общественно опасным, запрещенным, обеспеченным угрозой наказания (санкцией) за возможное нарушение установленного запрета.

Анализируя соотношение уголовной ответственности и предупреждения преступности принципиально важно обратить внимание на противоречивый характер их взаимосвязи и взаимодействия. Он обусловлен в первую очередь сущностным различием объективных и субъективных оценок, решений и процессов, характеризующих уголовную ответственность, с одной стороны, и предупреждение преступности, с другой.

Так, главным постулатом уголовной ответственности является ее недопущение за невиновное причинение вреда (ч. 2 ст. 5 УК РФ). Другими словами, речь идет о ее исключительно субъективном вменении.

В отличие от этого предупредительная деятельность, наоборот, базируется на объективных, материальных оценках и принципах. Для нее приоритетными являются предметно существующие материальные риски, угрозы, вредоносные последствия, к сдерживанию, недопущению или минимизации которых она стремится.

Отмеченное различие неслучайно. Оно в значительной мере обусловлено неодинаковой оценкой роли категории «общественно опасный вред» применительно к уголовной ответственности и предупреждению преступности. В частности, для уголовной ответственности имеет значение только виновное причинение указанного вреда.

Что касается предупреждения, то для него значимы не только реально причиненный «общественно опасный вред», но и любая реальная угроза его причинения. Поэтому стремление купировать реальную угрозу причинения существенного вреда, не допустить, сдержать, минимизировать его причинение является главным смыслом предупредительной деятельности.

Указанные выше различия между уголовной ответственностью и предупреждением преступности наглядно проявляются и в практической деятельности по предупреждению преступности. В частности, следует отметить существенные расхождения в определении стадий совершения преступлений применительно к уголовной ответственности и предупредительной деятельности.

Так, в УК РФ обозначены три стадии совершения умышленных преступлений: приготовление к преступлению, покушение на преступление, окончание преступления (ст. 29, 30). Что касается предупреждения преступлений (преступности), то представляется вполне обоснованным выделить здесь еще одну дополнительную – «криминогенную стадию» преступности. Она характеризуется наличием существенных деструктивных факторов, способствующих совершению преступления, что для уголовной ответственности не является значимым.

Серьезные разночтения возникают и с оценкой наличия и границ предупредительной деятельности в контексте реализации уголовной ответственности. Речь идет о стадиях приготовления к преступлению и покушения на преступление. Здесь возникает противоречие, обусловленное рассогласованностью целевых установок уголовной ответственности, с одной стороны, и предупреждения, с другой.

Так, приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, а равно покушение на преступление влечет за собой применение мер уголовной ответственности в форме уголовного преследования. Это дает основание некоторым авторам исключать «предотвращение» и «пресечение» преступлений из содержания предупредительной деятельности [4, с. 9].

Нам данная позиция представляется неприемлемой, поскольку здесь следует принимать во внимание, что целевые установки уголовной ответственности и предупредительной деятельности существенно расходятся. Для уголовной ответственности необходима обоснованная реакция на нарушение установленного уголовным законом запрета.

Что касается предупреждения преступлений (преступности), то для него целевой задачей является сдерживание, недопущение, минимизация причинения общественно опасного вреда. Причем, реализации данной задачи является, как представляется, приоритетным направлением противодействия преступности в Российской Федерации.

Список цитированных источников

1. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М.: Юрид. лит. 1974. – 231 с.

2. Самощенко, И. С. Ответственность по советскому законодательству / И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин. – М.: Юрид. лит. 1971. – 240 с.

3. Иногамова-Хегай, Л. В. Российское уголовное право. В 2-х т. Т. 1. Общая часть: учебник / Л. В. Иногамова-Хегай, В. С. Комиссаров, А. И. Рарог. – М.: Проспект, 2009. – 528 с.

4. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М.: Проспект, 2016. – 656 с.

ВРЕМЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Гарбатович Денис Александрович
заместитель директора по научной работе,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Уральского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
garbatovich@mail.ru

Время совершения преступления имеет важное практическое значение для правильной квалификации преступления, исчисления сроков давности уголовного преследования. Рассмотрим некоторые проблемы, нюансы в судебной практике, складывающиеся в процессе применения уголовного закона в зависимости от времени совершения преступления.

Время совершения преступления и особенности исчисления сроков давности. В соответствии со ст. 78 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли установленные законом сроки давности. Обычно на практике не возникает проблем с исчислением сроков давности, когда установлен день совершения преступления. Привычно исчисляются сроки с момента фактического окончания у длящихся преступлений [1].

Тем не менее, в судебной практике в отношении отдельных преступлений существуют особенности исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности, в частности, в отношении преступлений с так называемым «альтернативным составом» («альтернативными действиями»). Диспозиция указанных преступлений сконструирована законодателем посредством описания различных действий, как правило, отделенных между собой пунктуационным знаком «запятая». Преступления с «альтернативным составом» относятся к единичным сложным преступлениям, поэтому совершение двух, трех и более действий, предусмотренных одной диспозицией, не образует совокупность преступлений, а квалифицируется как одно единое преступление. Если деяние, состоящее из совершения ряда различных действий, является единым, то логично предположить, что у него имеется один момент окончания, и, соответственно, срок давности нужно исчислять с момента совершения последнего действия. Представленный подход иногда используется в практике судов первой инстанции. Но, в дальнейшем их решения отменяются судами высших инстанций, которые сроки давности исчисляют по иному правилу, в частности, срок давности в отношении преступления с «альтернативным составом» исчисляется отдельно в отношении каждого совершенного действия, как будто указанные преступления в итоге имеют не один, а несколько моментов окончания. Например, если лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 222 УК РФ, а именно, незаконно приобрело огне-

стрельное оружие и хранило его, то сроки давности будут исчисляться отдельно в отношении действия в виде приобретения, и отдельно в отношении хранения (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2021 г. по делу № 224-УД21-28-А6).

Если лицо создало устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организаций и руководило такой бандой, т. е. совершило одно преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 209 УК РФ, то сроки давности будут исчисляться отдельно в отношении действия в виде организации банды, отдельно в отношении руководства бандой (апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2020 г. по делу № 67-АПУ20-1).

По-иному могут исчисляться сроки давности в отношении вымогательства (ст. 163 УК РФ). Объективная сторона вымогательства выражается в требовании передать имущество, права на имущество или совершение действий имущественного характера под определенной уголовным законом угрозой. Вымогательство относится к преступлениям с формальным составом и считается оконченным с момента выдвижения требования. Факт получения требуемого для признания вымогательства оконченным юридического значения не имеет, так как это законодателем в объективную сторону вымогательства не включено. Тем не менее, факт получения вымогателем требуемого или неполучение его имеет значение для правильного исчисления сроков давности. Если виновное лицо, совершив вымогательство, не получило требуемого, то срок давности исчисляется с момента выдвижения соответствующего требования, сопряженного с определенной угрозой. Если виновное лицо в вымогательстве, получило требуемое, то факт получения требуемого (например, получение денежных средств от потерпевшего) считается фактическим моментом окончания преступления и срок давности будет исчисляться с момента последней выплаты потерпевшим денежных средств, если указанных фактов выплаты было несколько (определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Спиридонова Дениса Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктами 7, 8 и 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 28 марта 2024 г.).

Время совершения преступления и момент окончания преступления. Иногда на практике совершаются ошибки, когда оконченное преступление не верно квалифицируется как неоконченное. Причина данных ошибок заключается в том, что момент окончания преступления жестко связывают со временем его совершения. Действительно, иногда подобная связь имеет

место быть. Например, лицо совершило продолжаемую кражу, состоящую из пяти тождественных действий, объединенных единым умыслом. Все деяния, составляющие одно продолжаемое преступление, были завершены, умысел виновного был полностью реализован. Временем совершения продолжаемого преступления и моментом его фактического окончания является время совершения последнего тождественного деяния [1]. В представленном примере время совершения преступления и юридический момент окончания преступления совпадают.

Но, совсем иная ситуация, если лицо совершает продолжаемое хищение посредством незаконного использования похищенной (найденной) чужой банковской картой. Например, лицо четыре раза воспользовалось банковской картой, каждый раз осуществляя покупку на сумму четыреста рублей, а пятая попытка совершить покупку была неудачной, например, по причине блокирования владельцем банковской карты. В данном случае, деяние юридически является оконченным преступлением с момента первой успешной оплаты товаров и квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как хищение денежных средств с банковского счета, а временем совершения преступления, с которого исчисляются сроки давности уголовного преследования, является время неудачной попытки покупки товаров, то есть время пятого деяния. В представленном примере время совершения преступления и юридический момент окончания преступления не совпадают.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления является время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления общественно опасных последствий. Несоблюдение указанного правила является причиной неправильного применения уголовного закона, вынесения небесспорных судебных решений.

Например, К. А. А. была признана виновной в причинении смерти по неосторожности, то есть за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ (приговор Металлургического районного суда г. Челябинска от 10 июля 2023 г. по делу № 1-455/2023). По делу было установлено, что беременная К. А. А. употребила спиртное и синтетическое наркотическое вещество. В результате опьянения К. А. А. заснула, у нее произошли преждевременные роды, ребенок родился живым, в течение небольшого промежутка времени он умер. Согласно заключению эксперта, у младенца отсутствовали: 1) врожденные пороки развития, несовместимые с жизнью; 2) какие-либо механические повреждения или грубые анатомические пороки, – которые могли бы обусловить наступление смерти или способствовать ее наступлению. Эксперт пришел к выводу, что смерть младенца наступила от комбинированного отравления синтетическим наркотическим веществом и этиловым спиртом, следовательно, ребенок, а точнее плод был отравлен внутриутробно. Согласно уголовному закону, временем совершения деяния (отравления плода) должно считаться

время употребления К. А. А. этилового спирта и синтетического наркотического вещества. Но в это время ребенок и его право на жизнь как объект уголовно-правовой охраны отсутствовали, так как в это время плод являлся частью здоровья женщины. Состав преступления отсутствует.

Список цитированных источников

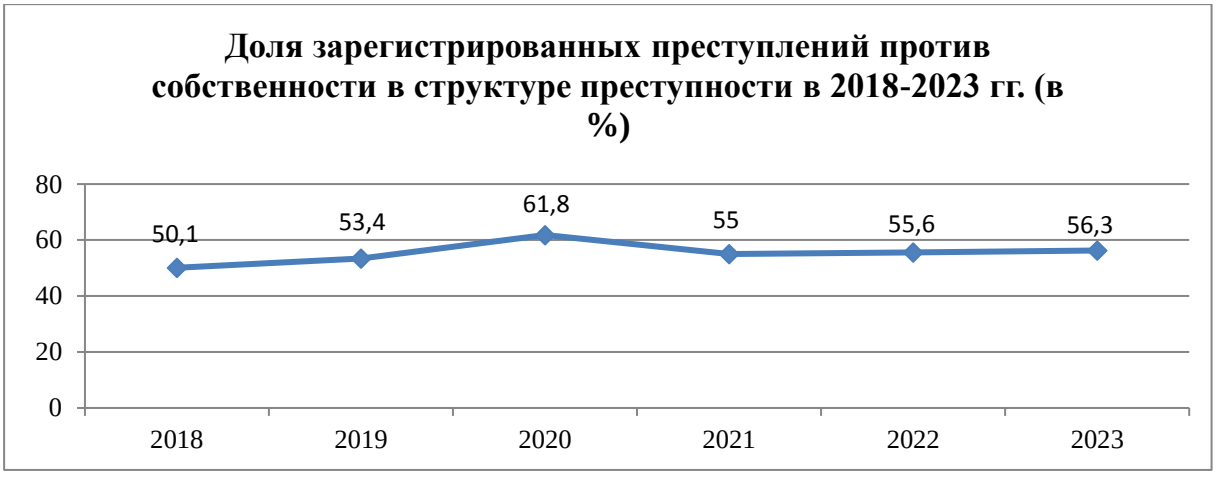
1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 12 декабря 2023 г. № 43. / Режим доступа: https://rg.ru/documents/2023/12/22/ document-postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-rf-ot-12-dekabrya-2023-n43.html. – Дата доступа: 30.08.2024.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Герасимова Светлана Ивановна
главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
oki_npc@prokuratura.gov.by

Преступления против собственности – это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на чужие имущественные интересы, совершаемые путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, вымогательства и др. Основная роль в борьбе с ними отводится правоохранительным органам. Эффективность этой борьбы во многом зависит от знания состояния, основных тенденций и причин этих преступлений, а также учета их особенностей.

Доля преступлений против собственности в структуре преступности Республики Беларусь традиционно составляла и составляет в настоящее время значительную часть, определяя ее количественную сторону.



На протяжении периода 2018–2023 гг. удельный вес таких преступлений с тенденцией к росту колебался от 50,1 % в 2018 г. до 61,8 % в 2020 г. Скачок в 2020 г. произошел за счет увеличения зарегистрированных числа и доли хищений путем модификации компьютерной информации (+192,1 %).

В 2023 г. доля преступлений против собственности незначительно увеличилась по сравнению с 2022 г. и составила 56,3 % (в основном за счет увеличения числа мошенничеств).

При этом следует не забывать, что значительная часть преступных посягательств на собственность остается незарегистрированной. По мнению С. М. Иншакова кража, мошенничество, вымогательство являются «высоколатентными» преступлениями [1, с. 43].

Анализ статистических данных демонстрирует изменения в исследуемом периоде как количества, так и удельного веса преступлений гл. 24 УК. Так, удельный вес отдельных преступлений относительно всех зарегистрированных деяний против собственности к 2023 г. распределился следующим образом: кражи составили 43,1 %, хищения имущества путем модификации компьютерной информации – 25,3 %, мошенничества – 24,4 %, оставшиеся преступления, посягающие на собственность, составили 7,2 %.

Кражи являются наиболее распространенными в Республике Беларусь преступлениями. В 2018 г. их удельный вес в совокупном количестве всех зарегистрированных преступлений против собственности составлял 71,2 %. Динамика удельного веса краж последних лет в структуре преступлений против собственности свидетельствует о их сокращении, что говорит о негативном изменении структуры корыстной преступности, поскольку сокращение краж сопровождается увеличением других опасных преступлений, в настоящее время это мошенничества, вымогательства, хищения имущества путем модификации компьютерной информации. В 2023 г. количество зафиксированных краж уменьшилось, и их доля снизилась до 43,1 %.

Анализ данных показал, что большинство краж совершаются в населенных пунктах, где выше плотность населения. Распространенными местами совершения краж являются места с большим скоплением людей, что облегчает преступнику совершение кражи. В совокупности так называемые «общественные места» находятся на первом месте по количеству совершаемых краж.

Разбои и грабежи, как наиболее опасные преступления среди рассматриваемого вида преступлений, посягающие не только на собственность, но и на здоровье граждан, с некоторыми динамическими колебаниями демонстрируют тенденцию к снижению в последние годы. Удельный вес этих преступлений в 2023 г. в совокупности составил 2,2 %, в 2018 г. – 3,8 % относительно всех преступлений против собственности.

В количественном выражении незначительно число вымогательств по отношению ко всем преступлениям против собственности, но следует отметить тенденцию постепенного увеличения как абсолютного количества, так и удельного веса этих преступлений (0,26 % в 2018 г., 1 % в 2023 г.).

Среди преступлений против собственности в последние годы наблюдается значительный рост мошенничества. Статистические данные указывают, что число указанных преступлений год за годом растет, сравнительный анализ за последние шесть лет свидетельствуют, что в 2023 г. количество зарегистрированных преступлений данного вида увеличилось более чем в 2,7 раза. В 2023 г. по сравнению с 2022 г. по этим преступлениям отмечается увеличение на 58,7 %. Широкое распространение настоящее деяние получило в том числе ввиду внедрения во многие сферы жизнедеятельности общества информационно-коммуникационных технологий.

По информации Министерства внутренних дел в 2022 г. для Беларуси был характерен такой вид мошенничества, как «алло, мама». Негативную динамику относительно такого способа совершения мошенничества удалось преодолеть. В 2023 г. были характерны такие виды мошенничества как купля-продажа на торговых площадках либо в социальных сетях, обман граждан под предлогом вложения средств в криптовалюту либо сделок с ней на несуществующих биржах. По-прежнему актуальными остаются звонки под видом сотрудников правоохранительных органов либо банков [2].

Как уже отмечалась, в 2020 г. был зафиксирован статистический рост хищений имущества путем модификации компьютерной информации, их количество приблизилось к количеству зарегистрированных краж, удельный вес составил 40 % от всех преступлений против собственности (доля краж в 2020 г. равнялась 46 %). В 2018 г. удельный вес хищений имущества путем модификации компьютерной информации составлял 8,6 %, в 2023 г. на их долю пришлось 25,3 %.

Как видно из представленных сведений в последние годы криминальная ситуация, связанная с отношениями собственности, трансформировалась. Развитие технологий обусловило появление новых видов и способов совершения преступлений. Кражи, мошенничества и другие имущественные преступления не исчезли, но теперь при их совершении зачастую используются телекоммуникационные средства. Как отмечает В. В. Хилюта преступные посягательства направлены уже не только на телесные (материальные) блага, но и на нетелесные (нематериальные). Присущее для классического хищения перемещение вещи в пространстве стало не характерным элементом для современных имущественных посягательств. Преступники могут не обособлять чужое имущество и не приобщать его к своему, а просто использовать его в своих целях [3].

Таким образом, проникновение новых технологий во все сферы жизнедеятельности изменило структуру и содержание общественно опасных

посягательств на собственность, им присущ корыстный характер, значительная распространенность, разнообразие применяемых приемов и способов, использование информационно-коммуникационных технологий при их совершении.

Изложенные обстоятельства должны находить своевременное и адекватное отражение при осуществлении профилактической деятельности.

Список цитированных источников

1. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006 / С. М. Иншаков [и др.]; под ред. С. М. Иншакова. – М., 2007. – 351 с.

2. Купля-продажа в интернете, криптобиржи и звонки из банков. МВД назвало актуальные виды мошенничества [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – Режим доступа: https://www.belta.by/society/view/kuplja-prodazha-v-internete-kriptobirzhi-i-zvonki-iz-bankov-mvd-nazvalo-aktualnye-vidy-moshennichestva-612996-2024/. – Дата доступа: 28.06.2024.

3. Хилюта, В. В. Способ действия при хищении (часть 1) [Электронный ресурс] / В. В. Хилюта // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ МАЙНИНГА ТОКЕНОВ

Головенчик Марина Геннадьевна
аспирант кафедры уголовного права
юридического факультета Белорусского государственного университета
goloventchikmg@bsu.by

В связи с принятием Декрета Республике Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) была легализована деятельность по операциям с токенами. Функционирует организованный рынок токенов (криптовалют), под которым понимается совокупность отношений, связанных с совершением сделок с виртуальными активами через профессиональных участников рынка токенов, функционирующих в Парке высоких технологий [1].

Как отмечает О. Н. Толочко, криптовалюта «добывается» «майнерами» в виде награды за выполнение компьютерами сложных математических задач, при этом задачи генерируются специальной программой, и с течением времени эти задачи усложняются, т. е. «добыча» криптовалюты все время затрудняется и в какой-то момент, как заявлено, прекратится [2, с. 31]. В рамках майнинга токены получаются как вознаграждение за верификацию совершения операций в реестре блоков транзакций (блокчейне). По своей сути майнинг обеспечивает функционирование блокчейна посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях.

Для осуществления майнинга необходимо использование достаточно серьезных вычислительных мощностей, что требует существенных энергозатрат. Такая криптовалюта, как биткоин, является, по некоторым оценкам, «беспрецедентным загрязнителем» окружающей среды, так как он потребляет энергию в масштабах всей экономики (за год добыча биткоина по энергозатратам сравнима с энергопотреблением Австрии), кроме того, его использование влечет появление значительного количества отходов [3]. При этом наиболее негативно на экологию влияет именно PoW-майнинг (англ. *Proof-Of-Work*, в переводе на рус. – «доказательство работы»), представляющий собой специальный алгоритм майнинга для проверки и подтверждения транзакций. Согласно утверждению специалистов, данный вид майнинга является наиболее энергозатратным процессом, используемым преимущественно при майнинге биткоина [4]. Следует учитывать, что «майнинг криптовалют несет ряд серьезных угроз для экологии планеты (использование редкоземельных металлов для производства оборудования, образование электронных отходов в конце жизненного цикла оборудования и пр.)», кроме того, при майнинге в большинстве случаев используются невозобновляемые источники энергии, что приводит к истощению природных ресурсов и изменению климата [5, с. 105–106].

В силу влияния майнинга на экологию в Китае в 2021 г. был полностью запрещен майнинг криптовалют. В Казахстане и Узбекистане в настоящее время майнингом могут заниматься только компании, получившие специальную лицензию, но только при условии, что такая деятельность не влияет на энергетическую систему государств.

В Казахстане, например, незаконный майнинг привел к возникновению ситуаций, представляющих угрозу экономической безопасности страны, в частности, начали возрастать риски сбоев поставки и дефицита электроэнергии простым потребителям и предпринимателям, что повлекло проведение проверок майнинговых ферм уполномоченными государственными органами. В результате в 2022 г. было возбуждено 25 уголовных дел, а 55 майнинговых ферм добровольно прекратили свою деятельность [6]. Вместе с тем, в уголовном законе Республики Казахстан отсутствуют нормы, устанавливающие запрет на осуществление майнинга, хотя проекты соответствующих законов обсуждались.

В Узбекистане Положением о порядке выдачи разрешения для осуществления деятельности по майнингу, утвержденным приказом директора Национального агентства перспективных проектов Республики Узбекистан от 20 сентября 2023 г. № 68, установлено, что майнинг может осуществляться только юридическими лицами с использованием электроэнергии, произведенной солнечной фотоэлектрической станцией. Только в некоторых случаях майнеры также могут подключаться к единой энергетической системе, оплачивая электроэнергию по двойному тарифу и с надбавками для пиковых периодов. Вместе с тем, на территории страны

запрещается: осуществление скрытого майнинга; майнинг анонимных крипто-активов; осуществление майнинга по адресу, не соответствующему адресу, указанному при регистрации; осуществление майнинга без разрешения. Тем не менее, с начала 2023 г. в Узбекистане выявлено более 26 нелегальных майнинговых ферм [7]. Как следствие, в 2024 г. Уголовный кодекс и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности были дополнены статьями, установившими ответственность за совершение отдельных действий, связанных с цифровыми активами. Так, в Уголовный кодекс Республики Узбекистан были включены ст. 278-8 «Нарушение законодательства в сфере оборота крипто-активов» (незаконные операции с криптоактивами без получения лицензии в установленном порядке либо осуществление операций с анонимными крипто-активами, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия), ст. 278-9 «Незаконное осуществление деятельности по майнингу» (занятие майнингом анонимных крипто-активов или осуществление майнинга с нарушением установленного порядка, совершенной после применения административного взыскания за такие же действия; осуществление скрытого майнинга).

В Республике Беларусь деятельность, связанная с майнингом, является легальной, в Декрете № 8 майнинг определен как отличная от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. Как указывают исследователи, в нашем государстве имеются несколько перспективных источников получения электроэнергии в целях проведения майнинга: гидроэнергетика, энергия солнца и ветра, Белорусская АЭС [8, с. 36].

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствуют сведения о наличии проблем в энергосистеме, нанесении ущерба окружающей среде, обусловленные майнингом. Вместе с тем, по нашему мнению, следует учитывать опыт иностранных государств, где соответствующие угрозы уже возникли. Предлагается рассмотреть возможность установления уголовной ответственности за незаконный майнинг, а также майнинг, который приводит к возникновению угроз окружающей среде. Кроме того, требуется проведение дальнейших исследований относительно того, насколько действующие нормы уголовного закона, устанавливающие ответственность за совершение преступлений против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования, достаточны для реагирования на угрозы, вызываемые майнингом.

Список цитированных источников

1. Чайчиц, В. И. О «серых» криптообменниках в Республике Беларусь и ответственности их организаторов (по состоянию на 30 сентября 2023 г.) [Электронный ресурс] / В. И. Чайчиц, А. П. Шевченко // ЭТАЛОН-ONLINE. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02302244. – Дата доступа: 15.06.2024.

2. Толочко, О. Н. Законодательство Республики Беларусь об обороте токенов (криптовалют) в свете обеспечения экономической безопасности / О. Н. Толочко // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 4. – С. 30–32.

3. Bindseil, U. Bitcoin's last stand [Electronic resource] / U. Bindseil, J. Schaaf // European Central Bank. – 2022. – Mode of access: https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2022/html/ecb.blog221130~5301eecd19.en.html. – Date of access: 15.06.2024.

4. Россия вышла на второе место в мире по майнингу криптовалют [Электронный ресурс] // Forbes. – Режим доступа: https://www.forbes.ru/finansy/487282-rossia-vysla-na-vtoroe-mesto-v-mire-po-majningu-kriptovalut. – Дата доступа: 15.06.2024.

5. Гранкин, М. В. Майнинг криптовалют: вопросы антропогенного воздействия на экологию / М. В. Гранкин, Н. А. Звягинцева // Система управления экологической безопасностью: сб. тр. XVI междунар научн.-практич. конф., Екатеринбург, 19–20 мая 2022 г. – Екатеринбург : УрФУ, 2022. – С. 105–111.

6. По пресечению незаконной майнинговой деятельности [Электронный ресурс] // Агентство Республики Казахстан по финансовому мониторингу. Официальный сайт. – 2022. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/press/news/details/340913?lang=ru. – Дата доступа: 15.06.2024.

7. С начала года в Узбекистане выявлено 26 незаконных майнинг-ферм [Электронный ресурс] // Электронное СМИ «Газета.uz». – Режим доступа: https://www.gazeta.uz/ru/2023/12/06/energy/. – Дата доступа: 15.06.2024.

8. Большакова, И. В. Энергозатраты и правовое регулирование майнинга криптовалют в Республике Беларусь / И. В. Большакова, К. А. Шунько // Беларусь–2030: государство, бизнес, наука, образование : материалы. V Междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию образования экон. фак-та Белорус. гос. ун-та, Минск, 14 дек. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : Право и экономика, 2018. – С. 34–37.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Городецкая Марина Александровна
заместитель директора по научно-методической работе учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент
GorodetskayaMA@bsu.by

Неизбежным атрибутом цифровизации всех сфер жизнедеятельности становится возрастающая уязвимость человека в информационном пространстве. Новая цифровая реальность позволяет оперативно найти необходимую информацию, получить широкий круг услуг посредством использования онлайн сервисов и приложений, приобрести товары и др. В этой связи беспрецедентные масштабы обработки персональных данных

создают значительные риски для нарушения приватности – права граждан на неприкосновенность их личных данных и частной жизни.

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 122-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» УК был дополнен двумя новыми статьями, установившими уголовную ответственность за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст. 203-1 УК) и несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных (ст. 203-2 УК). Одной из предпосылок для появления указанных нововведений стало принятие Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99 «О защите персональных данных».

Вопросам уголовной ответственности за нарушение национального законодательства о персональных данных посвящены работы В. В. Вабищевича, К. С. Захилько, В. В. Лосева, Д. Г. Полещука, Н. А. Савановича, Н. А. Швед и др.

Специалистами справедливо подчеркивается, что «принятие Закона от 26 мая 2021 г. № 112-З, установившего уголовную ответственность за незаконные действия с персональными данными, стало важным эволюционным этапом развития законодательства о персональных данных и необходимым условием для обеспечения действия Закона о персональных данных», а предусмотренные им дополнения УК следует рассматривать как один из необходимых элементов обеспечения реализации конституционного права, закрепленного ст. 28 Конституции [1]. Оценивая указанные корректировки с позиции совершенствования уголовного закона Д. Г. Полещук обращает внимание, что ранее нормы УК были направлены только на усеченную защиту информации о частной жизни в целом (ст. 179 УК) и отдельных ее элементов (ст. 177, 178 и 203 УК), не обеспечивая отдельную уголовно-правовую защиту персональных данных и допуская лишь возможность дискуссионного расширительного толкования состава преступления, предусмотренного ст. 179 «Незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни» УК» [2, с. 89]. Как правильно подчеркивается в работах ученого, установление уголовной ответственности за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных в одной статье позволяет устранить возможную совокупность преступлений, когда в рамках одного деяния, по сути, будут совершаться действия как с персональными данными, так и с информацией о частной жизни. В этой связи неоправданными видятся предложения, высказываемые в отечественной научной литературе о «разграничении преступных деяний в отношении информации о частной жизни гражданина и его персональных данных ввиду существующих отличий в предмете уголовно-правовой охраны» [3, с. 10, 13]. На практике разграничение указанных категорий вызывает серьезные затруднения. И не случайно.

Законодательное определение термина персональные данные приводится в ст. 1 Закона.

Отметим, что вопрос о соотношении понятий «персональные данные» и «информация о частной жизни» в настоящее время является одним из наиболее дискуссионных в юридической литературе [4]. Не вдаваясь в существующую полемику по указанному вопросу, обратим внимание, что персональные данные – это тоже информация, в том числе относящаяся к частной жизни гражданина.

При уяснении противоправного характера деяний, предусмотренных ст. 203-1 УК нужно учитывать, что рассматриваемая статья УК применяется независимо от того, распространяется ли действие Закона на соответствующую обработку персональных данных или нет (например, в случае обработки персональных данных физическими лицами в процессе в том числе личного, семейного, домашнего или иного подобного их использования, не связанного с профессиональной или предпринимательской деятельностью).

При этом под обработкой персональных данных на основании абз. 6 ст. 1 Закона следует понимать любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных.

Обязательным признаком объективной стороны ч. 1 ч. 2 ст. 203-1 УК является отсутствие согласия субъекта персональных данных, которое, учитывая бланкетный характер обозначенных норм, следует толковать с учетом требования п. 3 ст. 4 Закона и положений Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон № 455-З).

Так, в соответствии с п. 3 ст. 4 Закона обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных ст. 6 и 8 Закона и иными законодательными актами. Другими словами, для любой обработки персональных данных необходимо надлежащее правовое основание, которым наряду с иными может выступать согласие.

В то же время, при квалификации незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных в случаях, когда на соответствующие общественные отношения не распространяется сфера действия Закона, следует учитывать следующее.

В соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 17 Закона № 455-З информация о частной жизни физического лица и персональные данные относятся к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. При этом согласно ч. 2 ст. 18 Закона № 455-З сбор, обработка, хранение, предоставление, распространение информации о частной жизни физического лица, а также пользование ею и обработка персональных данных

осуществляются с согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами.

В ст. 203-2 УК установлена ответственность за несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных лицом, осуществляющим обработку персональных данных, повлекшее по неосторожности их распространение и причинение тяжких последствий. При этом перечень обязательных мер по обеспечению защиты персональных данных (правовых, организационных и технических) определен в п. 3 ст. 17 Закона, а также Указом Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных». Состав является материальным, преступление будет считаться оконченным с момента наступления указанных в статье последствий.

Анализ правоприменительной практики и данных уголовной статистики позволяет заключить о наличии определенных сложностей, связанных с правильным пониманием признаков состава преступления, предусмотренного ст. 203-2 УК. Комплексно вопрос о мерах по обеспечению защиты персональных данных раскрыт в постатейном комментарии к Закону, размещенном на официальном сайте Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь (cpd.by).

Список цитированных источников

1. Саванович, Н. А. Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными [Электронный ресурс] / Н. А. Саванович. – Режим доступа: https://slavgorod.gov.by/aktualno/item/5114-ugolovnaya-otvetstvennost-za-nezakonnye-dejstviya-s-personalnymi-dannymi?ysclid=lotssao6at261609107. – Дата доступа: 01.04.2024.

2. Полещук, Д. Г. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: актуальные проблемы теории и практики / Д. Г. Полещук ; под науч. ред. Д. В. Шаблинской ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, 2022. – 239 с.

3. Вабищевич, В. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных: автореф. дис. … канд. юрид. наук; 12.00.08 / В. В. Вабищевич; БГУ. – 26 с.

4. Саванович, Н. А. Дефиниция персональных данных в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» и проблемы ее применения / Н. А. Саванович // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 6. – С. 41–44.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Григорович Василий Леонидович
доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
gvlmail@mail.ru
Ходасевич Анна Вячеславовна
старший следователь Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь
koval_law@mail.ru

Одним из приоритетных направлений в сфере решения задач по противодействию преступности является использование различных мер профилактического характера. Такие меры представляют собой деятельность, направленную на выявление и устранение причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению. Результаты профилактической работы при ее правильной организации оказывают положительное влияние на уровень и структуру преступности, обеспечивают снижение количества совершенных преступлений и имеют важное криминалистическое значение [1, с. 105–106].

В. Б. Вехов выделяет три основные группы мер по предупреждению хищений имущества путем модификации компьютерной информации, составляющих в своей совокупности целостную систему борьбы с данным видом преступлений: правовые; организационные; технические [1, с. 107].

К правовым мерам предупреждения хищений имущества путем модификации компьютерной информации в первую очередь относятся нормы законодательства, устанавливающие ответственность за совершение вышеуказанного преступления.

Важнейшим законодательным актом, устанавливающим ответственность за совершение преступления – хищение имущества путем модификации компьютерной информации, является УК.

Прогрессивным шагом по предупреждению хищений имущества путем модификации компьютерной информации является принятие Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. «Об информации, информатизации и защите информации». Указанный нормативный правовой акт позволяет регулировать отношения в сфере информационного обмена и обработки информации, в т. ч. с использованием средств новых информационных технологий.

Методологическую основу для совершенствования деятельности по укреплению информационной безопасности создает Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1,

которая является основанием для формирования государственной политики, выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности, конструктивного взаимодействия, консолидации усилий и повышения эффективности защиты национальных интересов в информационной сфере.

Отметим, что использование только лишь правовых мер предупреждения хищений имущества путем модификации компьютерной информации не позволит достичь желаемого результата. В связи с этим следующим этапом предупреждения является использование мер организационного характера для защиты компьютерной информации от противоправного посягательства.

Организационные меры предупреждения хищений имущества путем модификации компьютерной информации включают в себя совокупность мероприятий по разработке плана восстановления информационных объектов после выхода их из строя; организации программно-технического обслуживания средств компьютерной техники (персонального компьютера, ноутбука, планшета, смартфона и т. д.); возложению дисциплинарной ответственности на лиц по обеспечению безопасности конкретных средств компьютерной техники; осуществлению режима секретности при функционировании компьютерных систем; обеспечению режима физической охраны объектов и т. д.

При организации работы персонала в организации или на предприятии, которое непосредственно использует информацию, необходимо применять следующие организационные меры предупреждения хищений имущества путем модификации компьютерной информации:

фиксировать в трудовых и гражданско-правовых договорах обязанности персонала по соблюдению конфиденциальности, в том числе лиц, работающих по совместительству;

повышать квалификацию сотрудников, знакомить их с новейшими методами обеспечения информационной безопасности;

создать базу данных для фиксирования попыток несанкционированного доступа к конфиденциальной информации;

проводить служебные расследования в каждом случае нарушения политики безопасности [2, с. 119–120].

Помимо правовых и организационных мер существенную роль в предупреждении хищений имущества путем модификации компьютерной информации оказывают технические меры.

Технические меры предупреждения хищений имущества путем модификации компьютерной информации включают в себя разработку и использование программно-аппаратных методов и средств защиты информации. Программно-аппаратные методы включают в себя технические устройства для защиты средств компьютерной техники и сетевых средств связи от нежелательных воздействий, а также для перекрытия каналов

утечки информации. К ним относятся электронные ключи, электронные замки, средства для предотвращения незаконного подключения к линиям проводной связи и т. д. [3, с. 185].

Очевидно, что для предупреждения хищений имущества путем модификации компьютерной информации, в силу транснационального характера данного вида преступления, международное сотрудничество является ключевым моментом. Здесь необходимо вырабатывать новые механизмы противодействия такого вида преступности и механизмы успешного расследования данной группы преступлений [4].

На основании изложенного можно сделать вывод, что эффективным способом борьбы с преступностью является ее предупреждение – комплекс мер экономического, социального, правового и культурного характера, направленных на выявление и устранение причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению. Для того, чтобы быть эффективными, меры по предупреждению хищений имущества путем модификации компьютерной информации должны носить комплексный системный характер, а применяемые на практике мероприятия по обеспечению информационной безопасности должны быть тесно связаны друг с другом.

Список цитированных источников

1. Вехов, В. Б. Компьютерные преступления / В. Б. Вехов. – М. : Право и закон, 1996. – 179 с.

2. Никишин, Д. Л. Краткий аналитический анализ уголовно-правовой борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации / Д. Л. Никишин, Д. О. Орешкова // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. – 2021. – № 2. – С. 116–121.

3. Григорьева, Н. В. Предупреждение и профилактика преступлений в сфере компьютерной информации / Н. В. Григорьева // Вестн. студен. науч. о-ва ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2018. – Т. 4. – № 10-1. – С. 184–189.

4. Григорович, В. Л. Международно-правовая помощь при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации [Электронный ресурс] / В. Л. Григорович, А. В. Ходасевич // Теоретические и прикладные вопросы использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе : Респ. науч.-практ. заоч. конф. (с междунар. участием), Минск, 2 июня 2023 г. : тез. докл. : науч. электрон. изд. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А. Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – Режим доступа: https://elib.amia.by/bitstream/docs/10784/1/ORD_v_UP_2023-39.pdf. – Дата доступа: 10.06.2024.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Гультяева Надежда Николаевна
главный специалист отдела государственного учреждения
«Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
магистр юридических наук

Информационное общество предполагает возникновение глобального информационного пространства (цифрового пространства, киберпространства). Вместе с тем сопутствующим признаком информационного общества является и киберпреступность. Киберпреступления совершаются в информационном пространстве путем использования доступных преступникам информационных технологий. Общественная опасность киберпреступлений определяется не только национальным законодательством, но и в рамках деятельности международных организаций.

Киберриски становятся все более значимыми в деятельности финансовых организаций и потенциально могут иметь последствия для финансовой и не только финансовой стабильности целых государств, если мишенью кибератак становятся системно значимые банки, объекты государственной, финансовой инфраструктуры, включая платежные системы [1].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 24 апреля 2024 г. № 5, одними из основных национальных интересов в информационной сфере указаны дальнейшее развитие безопасной информационной среды и информационного общества, надежное и устойчивое функционирование национальных информационных систем и инфраструктуры, ресурсов субъектов информационных отношений, а также развитие международного информационного сотрудничества на основе национальных интересов Республики Беларусь, обеспечение сохранности государственных секретов и иной информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Принимая во внимание изложенное, предлагается определить наиболее важные социальные детерминанты кибепрпреступности с учетом особенностей социально-экономической ситуации, а также специфики киберпреступлений в целом: пробелы в обеспечении информационной безопасности, отсутствие эффективной защиты информационных систем; введение односторонних санкций в отношении Республики Беларусь; необходимость уточнения правового статуса криптовалют в Республике Беларусь; трансграничность киберпреступлений (невозможность установления юрисдикции, в которой находится лицо, совершившее преступление); латентность киберпреступлений (не все факты совершения противоправ-

ных действий в сети Интернет становятся известны правоохранительным органам); анонимность (невозможность установления конкретного лица (группы лиц), совершивших киберпреступления); атрибуция (перенаправление данных на другое устройство в целях сокрытия личности преступника); доступность использования новых технологий для совершения киберпреступлений; отсутствие необходимых компетенций при расследовании киберпреступлений; идеологическая составляющая; финансовые мотивы (корысть).

Рассмотрим некоторые из них.

1. Одна из основных детерминант киберпреступности – пробелы в обеспечении информационной безопасности, отсутствие эффективной защиты информационных систем, которые могут создавать уязвимости и использоваться преступниками.

В настоящее время в Республике Беларусь на законодательном уровне выстраивается надежный механизм киберзащиты. В первую очередь это связано с принятием в 2023 г. ряда нормативных правовых актов в сфере информационной безопасности: Указы Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» и от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2023 г. № 120 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40»; приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 25 июля 2023 г. № 130 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40».

Отметим также Указ Президента Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям», благодаря которому удалось изменить ситуацию с хищениями со счетов граждан. Так, по итогам первых четырех месяцев 2023 г. было зарегистрировано 5 тыс. краж со счетов граждан, а за аналогичный период 2024 г. таких преступлений зафиксировано чуть больше 2 тыс. [2].

2. Введение односторонних санкций в сфере финансовых технологий.

В настоящее время пробелы в обеспечении информационной безопасности, отсутствие эффективной защиты информационных систем связаны в том числе с введением односторонних санкций странами ЕС и США в отношении Республики Беларусь в финансовом секторе, в том числе в секторе финансовых технологий (*FinTech*) [3]. Финтех генерирует и множественные киберриски, связанные с кибератаками, использованием небанковских участников в так называемых «серых схемах» отмывания денег, мошеннических переводах, а также финансировании деструктивной деятельности, включая терроризм [4].

Самыми болезненными потерями практики называют операционные решения в сфере мониторинга, фильтрации и блокировки атак на веб-

приложения. В Российской Федерации, да и в Республике Беларусь, все системы информационной защиты построены на иностранном ядре Linux, которое никто заново не перепишет. Тот же Linux писался мировым сообществом, – отмечают специалисты. Можно заменить иностранные ветки репозитивов (уязвимостей), чтобы через обновления нельзя было скачать закладки хакеров, но все заменить невозможно. Можно использовать только компенсационные меры. Многие организации, в том числе финансовые, начали замещать всю кибербезопасность с начала 2020 г. [5].

Новыми точками роста для белорусского финтеха в условиях международных санкций может стать разработка альтернативных инструментов для международных переводов со странами – участниками ЕАЭС, Китаем, Индией, ОАЭ, Латинской Америкой, Африкой.

3. Необходимость уточнения правового статуса криптовалют в Республике Беларусь.

Криптовалюты, такие как биткойн, обладают анонимностью и псевдоанонимностью, что делает их привлекательным средством для совершения преступлений в сети. За счет сложности отслеживания операций с криптовалютой, злоумышленники могут оставаться в тени, усложняя задачу правоохранительным органам. Появление ресурсов по обмену криптовалютой без гарантии стимулирует киберпреступность, создавая новые возможности для криминальной деятельности в цифровой среде.

Республика Беларусь одной из первых стран в мире признала законной работу с криптовалютами. Согласно положениям Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» физические лица на территории Республики Беларусь вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных национальным законодательством, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены.

Правовой статус криптовалют в Республике Беларусь определяется рядом нормативных правовых актов. Это прежде всего Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)».

Для регулирования оборота криптовалют, как на внутреннем рынке Республики Беларусь, так и на внешнем, недостаточно понятийного аппарата, предусмотренного в приложении 1 к Декрету № 8.

Так, определение термина «размещение цифровых знаков (токенов)», которое предполагает совершение гражданско-правовых сделок либо иных юридически значимых действий, направленных на передачу цифровых знаков (токенов) их первым владельцам на условиях, определенных лицом, со-

здавшим через резидента Парка высоких технологий такие цифровые знаки (токены), в том числе в целях привлечения от первых владельцев белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег, цифровых знаков (токенов) другого вида, не охватывает в полной мере все сделки, совершаемые с критовалютами на внутреннем и внешнем рынке цифровых знаков.

По мнению автора, стоит провести сравнительную характеристику Закона № 226-З с нормативными правовыми актами, регулирующими вопросы обращения криптовалют, и рассмотреть возможность введения в законодательство Республики Беларусь таких правовых терминов и их определений как «криптовалютные операции» или «операции с токенами», «крипто-обменные операции», «криптовалютный договор», «внутренний криптовалютный рынок», «иностранный оператор криптовалютной платформы», «иностранный оператор обмена криптовалют».

Список цитированных источников

1. Федорова, И. А. Киберпреступность в сфере финансовых технологий [Электронный ресурс]: [по состоянию на 25.05.2024 г.] / И. А. Федорова, А. И. Яговкина // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

2. «В тренде уже не хищение денег». В МВД рассказали об изменении структуры киберпреступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/maj/77745/ – Дата доступа: 25.05.2024.

3. Санкции в отношении Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belarus.ahk.de/ru/infoteka/sankcii-v-otnoshenii-belarusi. – Дата доступа: 01.03.2024.

4. Дорошенко, И. А. Развитие финтех-индустрии в Российской Федерации в условиях международных санкций [Электронный ресурс] / И. А. Дорошенко // Финансы. Налогообложение. Кредит. – 2022. – С. 35–41. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-finteh-industrii-v-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-mezhdunarodnyh-sanktsiy/viewer. – Дата доступа: 05.06.2024.

5. Герасимов, А. Как финтех оценивает киберриски в условиях санкций [Электронный ресурс] / А. Герасимов // Securitylab.ru. – 2022. – Режим доступа: https://www.securitylab.ru/blog/company/awillix/352283.php. – Дата доступа: 24.05.2024.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ УМЫШЛЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПУТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Дрозд Александра Николаевна
доцент кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук
drozd-amvd@yandex.by

Выступая на совещании с руководящим составом государственных органов системы обеспечения национальной безопасности в феврале нынешнего года, Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич

Лукашенко назвал противодействие беспилотным летательным аппаратам (далее – БЛА) наиважнейшим вопросом и подчеркнул необходимость в дальнейшем совершенствоваться в этом направлении [1]. На наш взгляд, эффективное противодействие опасности, присущей незаконному использованию БЛА, должно включать наряду с техническими и организационными, также и правовые меры реагирования. И уголовный закон не может и не должен оставаться в стороне.

В настоящее время, как известно, УК не оперирует понятием БЛА и их использование при совершении преступления никак не отражается ни на квалификации деяния, ни, по сути, на индивидуализации наказания. В то же время уже сейчас в мировой практике встречаются факты совершения с применением БЛА различных умышленных преступлений: от нарушения неприкосновенности частной жизни, сбыта наркотических средств, пересылки оружия, контрабанды, уничтожения имущества, хищения собственности и хулиганств до причинения телесных повреждений, убийств и диверсий. Возможности БЛА, используемые в ходе совершения преступления, связаны, как правило, со сбором и передачей информации, перемещением и сбросом предметов, распылением веществ и др. Также БЛА используются в ходе приготовления к преступлению, в частности, для подыскания предметов хищения, составления плана действий и т. п. [2] Наиболее вопиющим актом, связанным с использованием БЛА при совершении преступления на территории нашей страны, стала попытка 26 февраля 2023 г. подорвать российский самолет гражданином Украины, что было квалифицировано по ч. 3 ст. 289 УК (акт терроризма, совершенный организованной группой) [3].

Системный анализ законодательства и научных источников, позволяет выдвинуть четыре направления, по которым может развиваться законодательство в контексте влияния на уголовную ответственность использования БЛА в качестве орудия или средства совершения преступления: 1) сохранение имеющегося положения; 2) введение отдельной нормы, устанавливающей ответственность за использование БЛА при совершении умышленного преступления; 3) введение аналогичного признака в квалифицированные составы отдельных преступлений; 4) учет использования БЛА в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность.

Правовое игнорирование использования БЛА при совершении умышленных преступлений нам представляется неверным: БЛА является источником повышенной опасности, повышает уязвимость потерпевших и делает возможным причинение большего вреда. Кроме того, облегчает совершение преступления за счет дистанционности, усложняет процесс установления виновных лиц и пр. Все это, по нашему мнению, повышает степень общественной опасности преступления при использовании БЛА.

Второй вариант, как было указано, связан с установлением специального состава преступления. Так, И. В. Савельев предлагает осуществить

конструирование самостоятельных составов преступного использования робототехники и искусственного интеллекта (к которым могут быть, наш взгляд, в полной мере отнесены и БЛА) при совершении преступлений [4, с. 484]. Нам представляется такая криминализация излишней, так как, во-первых, в ней присутствует подмена основного объекта посягательства, а, во-вторых, такой путь ведет к излишней (двойной) криминализации. Не случайно, отсутствует в уголовном законе норма, отдельно криминализующая использование оружия или взрывных устройств при совершении преступлений.

Сказанное, однако, не относится к тем случаям, когда БЛА являются не средством, а предметом преступления, выражающегося в незаконных действиях в отношении БЛА, посягающих на общественную безопасность. Уголовная ответственность за незаконные действия с ними предусмотрена в Великобритании, Индии, Италии, Китае, Таиланде, Чехии, Японии и других странах [5, с. 70]. Опыт Узбекистана по установлению с учетом административной преюдиции уголовной ответственности за незаконный ввоз, сбыт, приобретение, хранение или использование БЛА (ст. 244-4 Уголовного кодекса Республики Узбекистан) может быть воспринят и национальным законодательством. В случае установления ответственности за незаконный оборот БЛА при наличии соответствующих признаков совершение преступления с их использованием будет образовывать идеальную совокупность преступлений.

Стоит отметить, что для неумышленных преступлений конструирование специального материального состава по причинению вреда при использовании БЛА кажется более чем приемлемым и обоснованным [6; 7]. Например, уже сейчас, Уголовный кодекс РФ содержит норму, запрещающую нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации, повлекшее причинение тяжких телесных повреждений или смерть.

Третье сформулированное направление, связанное с введением квалифицирующего признака в виде использования БЛА при совершении отдельных преступлений, при более внимательном анализе представляется чрезмерным, так как в некоторых случаях охватывается признаком, связанным с общеопасным способом, в других – проявляется в перемещении взрывных устройств, что само по себе образует квалифицированный состав, а в иных случаях влияние на степень общественной опасности не приводит к изменению категории преступления (например, при использовании в процессе хищения).

Так, отрицательно высказываясь по вопросу о необходимости введения квалифицирующего признака «с использованием беспилотников» С. М. Кочои отмечает, что более правильным решением следует признать конструирование дополнительного обстоятельства, отягчающего ответственность, и предоставление суду права решать, при совершении какого

именно преступления считать использование БЛА таковым [8]. Именно такое мнение является на сегодняшний день превалирующем в научной среде [9; 10] и, соответственно, заслуживающим внимания.

Таким образом, эффективное противодействие потенциальной опасности, которую представляют БЛА требует разработки и принятия уголовно-правовых мер различного характера: введения уголовной ответственности за незаконный оборот БЛА, а также дополнения перечня обстоятельств, отягчающих ответственность, признаком «с использованием БЛА».

Список цитированных источников

1. Лукашенко потребовал наверстать упущенное в отношении беспилотной авиации [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – Режим доступа: https://www.belta.by/president/view/lukashenko-potreboval-naverstat-upuschennoe-v-otnoshenii-bespilotnoj-aviatsii-616492-2024/. – Дата доступа: 23.06.2024.

2. В Великобритании преступники используют беспилотники для краж скота и техники у фермеров [Электронный ресурс] // AgriGeek. – Режим доступа: https://clck.ru/3BVB3y. – Дата доступа: 23.06.2024.

3. В Задержан агент СБУ Николай Швец – исполнитель атаки на самолет А-50 [Электронный ресурс] // Tvr.by. – Режим доступа: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/zaderzhan_agent_sbu_nikolay_shvets_ispolnitel_ataki_na_samolet_a_50_/. – Дата доступа: 23.06.2024.

4. Савельев, И. В. Преступление, осложненное искусственным интеллектом: перспективы ближайших уголовно-правовых преобразований / И. В. Савельев // Вопр. рос. юстиции. – 2020. – № 7. – С. 475–488.

5. Маслакова, Е. А. Уголовно-правовая регламентация неправомерного использования беспилотных летательных аппаратов (беспилотных воздушных судов) как потенциальной угрозы транспортной безопасности в национальном и зарубежном законодательстве / Е. А. Маслакова, Н. Ю. Приходько // Рос. следователь. – 2020. – № 6. – С. 67–71.

6. Каух, П. В. Проблемы правового регулирования использования беспилотных транспортных средств в уголовном праве России / П. В. Каух, Н. Д. Шишкин, Е. В. Дидковский // Colloquium-Journal. – 2019. – № 13. – С. 8–10.

7. Фокин, М. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств / М. С. Фокин, Н. С. Рязанов // Актуальные проблемы рос. права. – 2018. – № 1. – С. 103–110.

8. Кочои, С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств / С. М. Кочои // Актуальные проблемы рос. права. – 2021. – № 7. – С. 125–135.

9. Букалерова, Л. А. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве / Л. А. Букалерова, Т. Н. Уторова, Д. О. Сизов // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 70–75.

10. Мариус, Й. М. Уголовно-правовые меры противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов для доставки опасных предметов / Й. М. Мариус, Л. А. Букалерова // Закон и право. – 2023. – № 12. – С. 232–239.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Игнатенко Евгений Александрович
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
iea13@mail.ru

На сегодняшний день очевиден процесс изменения отечественного уголовно-правого подхода к оценке преступности и наказуемости деяний в сфере обеспечения внутренней и внешней безопасности Российской Федерации. Сформированный в 2022 г. институт преступлений диверсионной направленности является наиболее ярким тому подтверждением. В силу новизны отдельных положений данный институт нуждается не только в разностороннем исследовании качества и полноты содержания с точки зрения внутреннего национального законодательства, но и объективно требует соотношения со схожими нормами, закрепленными в уголовных законах иных государств.

Предлагаем детализировать подходы отдельных иностранных законодателей, в частности стран, входящих в СНГ, к юридической оценке диверсии, а также сопряженных с ней преступлений диверсионной направленности.

Сразу подчеркнем, что между ними есть много общего. Например, во всех данных УК родовой и видовой объекты, поставленные под охрану от совершения диверсии, совпадают. Так, диверсия позиционируется в качестве преступления против государственной власти (государства), что выступает родовым объектом данного преступления. Видовым объектом являются общественные отношения в области защиты основ конституционного строя и безопасности государства. Во многом тождественно и законодательное описание общественно опасных деяний, посредствам которых может совершаться диверсия.

Вместе с тем сопоставительный анализ УК стран СНГ позволил нам выделить несколько оснований, для классификации подходов, используемых законодателями при конструировании иных базисных признаков составов преступлений диверсионной направленности.

Одно из оснований для классификации включает особенности конструирования общественно опасных последствий, которые предусматриваются в качестве преступных, в нормах о диверсии. Согласно этому основанию выделим два законодательных подхода.

Первый подход государств – участников СНГ отражает направленность уголовного закона на обеспечение защиты от диверсии исключительно *объектов материального мира, которым может быть причинен ущерб* и не подразумевает защиту жизни и здоровья людей.

Здесь выделим Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (далее – МУК СНГ). Ответственность за диверсию установлена в ст. 297 МУК СНГ и дословно совпадает с изначальной редакцией ст. 281 УК РФ образца 1996 г. Подход подобный МУК СНГ к установлению ответственности за диверсию сохранили лишь УК Кыргызской Республики (ст. 325) и УК Республики Таджикистан (ст. 309). Диверсия, согласно этим нормам, понимается как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения. Такое установление признаков состава диверсии вплоть до 2023 г. использовалось и в российском уголовном законодательстве. Нельзя сказать, что такая формулировка полностью отвечает современным угрозам диверсионной деятельности. На это обращают внимание исследователи киргизского и таджикского уголовно-правовых подходов и предлагают расширение признаков ст. 325 УК Кыргызской Республики [1, с. 105] и ст. 309 УК Таджикистана [2, с. 205], в т. ч. в части расширения общественно опасных последствий данной преступной деятельности.

Второй подход государств – участников СНГ предполагает равнозначную уголовно-правовую охрану от диверсии объектов материального мира, а также жизни и здоровья людей. Соответствующие постулаты закреплены в ст. 282 УК Азербайджанской Республики («совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на … массовое отравление или распространение среди людей … инфекционных заболеваний»); ст. 303 УК Армении («совершение взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью …»); ст. 360 УК («совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений …»); ст. 184 УК Республики Казахстан («совершение … поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью»); ст. 182 УК Туркменистана («… совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью …»); ст. 161 УК Республики Узбекистан («диверсия, то есть действия, направленные на уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью …»).

Указанный подход превалирует в большинстве из проанализированных УК стран – участниц СНГ, а также был воспринят в 2023 г. российским законодателем и лег в основу реформирования диспозиции ст. 281 УК РФ, согласно которой «нанесение вреда здоровью людей» отныне расценивается в качестве последствий диверсии в рамках основного состава данной статьи, а причинение смерти человеку – особо квалифицированного состава.

При этом, в некоторых УК стран СНГ в рамках основных составов диверсий установлены и более опасные последствия ее совершения: распространение эпидемий и эпизоотий (УК Азербайджанской Республики, УК Армении, УК Республики Казахстан, УК Туркменистана, УК Республики Молдова).

Предпосылки к распространению эпидемий и эпизоотий в результате диверсий объективно существуют. Здесь мы можем вести речь об умышленно созданной биологической угрозе, посредствам применения так называемого биологического оружия [3, с. 42], что допустимо относить к «иным действиям» в рамках состава диверсии. Заметим, что в рассмотренных статьях УК стран СНГ, как правило, закреплен открытый перечень действий, которые могут образовывать состав диверсии. В этой связи отдельные ученые справедливо настаивают на возможности реализации так называемых «биодиверсий» [4, с. 210], законодательные основы уголовно-правового противодействия которым уже заложены в указанных выше странах.

Подчеркнем, что в ст. 281 УК РФ распространение эпидемий и эпизоотий не является признаком диверсии. Однако в связи с распространением коронавирусной инфекции, был принят отдельный Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». Согласно п. 11 ст. 8 указанного Федерального закона, «совершение диверсий с использованием патогенов» расценивается в качестве одной из основных биологических угроз (опасностей).

Подчеркнем, что рассмотренные УК государств – участников СНГ предусматривают ответственность исключительно за диверсию и не охватывают иные действия диверсионной направленности, подобно УК РФ. Лишь отдельные из них содержат в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность за диверсию, указание на возможность ее совершения в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (ст. 282.2 УК Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 360 УК Республики Беларусь, п. «b» ч. 2 ст. 182 УК Туркменистана).

Список цитированных источников

1. Жунушова, Г. Б. Уголовная ответственность за совершение диверсии по законодательству Кыргызской Республики / Г. Б. Жунушова // Вестн. КРСУ. – 2022. – Т. 22. – № 11. – С. 104–108.

2. Кудратов, Н. А. Уголовная ответственность за диверсию по уголовным законодательствам Таджикистана и Украины: компаративистский анализ / Н. А. Кудратов // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 203–206.

3. Карцхия, А. А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий / А. А. Карцхия // ИС. Промышленная собственность. – 2020. – № 8. – С. 33–46.

4. Пухов, А. А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» / А. А. Пухов // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства: сб. ст.; материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 28 сентября 2017 г. / Под общ. ред. Е. Н. Салыгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой. – М. : Юриспруденция, 2018. – С. 207–214.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПЕРИОД СССР

Карабанов Вадим Александрович
адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
polkovnikmvdrb@mail.ru

Развитие законодательства и государственной системы тесно связано с эволюцией общества и его ценностей. С течением времени и развитием общества стало понятно, что возраст человека может влиять на его способность осознавать последствия своих действий, а также на возможность реабилитации. В зависимости от психологических особенностей несовершеннолетних выстраивается и система профилактики правонарушений с их стороны.

До 1917 г. в Российской империи существовала определенная система профилактики правонарушений несовершеннолетних, которая включала в себя участие государственных органов, общественных учреждений, Церкви и частных лиц. Однако специализированные структуры в полицейском ведомстве, направленные на профилактику правонарушений несовершеннолетних, не создавались.

После Первой мировой войны и последующих революционных событий 1917 г., Россия столкнулась с серьезной проблемой безнадзорных детей. Многие дети оказались без опеки и поддержки со стороны взрослых. Количество беспризорных детей, потерявших родителей, превышало 5 млн.

В борьбе с детской беспризорностью декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) от 14 января 1918 г. были учреждены комиссии по делам несовершеннолетних. Комиссии занимались рассмотрением дел несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, совершивших общественно опасные деяния. К данной категории детей применяли медико-педагогические меры. Количество членов комиссии не могло быть менее трех [1]. Применяемые меры были направлены на реабилитацию и социальную адаптацию несовершеннолетних правонарушителей, а не на их наказание. Решения комиссий основывались на принципах медицинской психологии и педагогики, а не на применении уголовной ответственности. В состав комиссий входили обследователи, которые проводили изъятие с улиц подростков, совершивших правонарушения, а также социально-психологическое обследование, чтобы определить дальнейшую судьбу несовершеннолетнего. Работа таких комиссий была ориентирована на индивидуальный подход к каждому случаю для верного принятия решения в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего.

После революции и гражданской войны в России был предпринят ряд мер по борьбе с детской беспризорностью, преступностью и безнадзорностью. Создание специальной детской милиции был одним из таких шагов. Идея создания детской милиции была предложена на Первом Всероссийском съезде по охране детства в 1919 г. А. И. Елизаровой. Основная задача такой милиции заключалась не только в выявлении детей, совершивших правонарушения, но и в осуществлении профилактической работы для предотвращения преступного поведения среди детей [2]. Образование Комиссии по улучшению жизни детей 27 января 1927 г. по постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был очередным шагом в этом направлении. Данная комиссия занималась разработкой и реализацией программ и мероприятий, направленных на улучшение условий жизни детей, обеспечение им образования, здравоохранения и социальной защиты. Создание специализированных комиссий и вовлечение милиции, включая женщин-милиционеров, для борьбы с детской преступностью, свидетельствовало о стремлении государства обеспечить защиту прав и благополучия несовершеннолетних.

Сложившаяся ситуация в 30-е гг. требовала радикальных мер, в результате чего милиция стала основным субъектом в борьбе с правонарушениями несовершеннолетних. Основными задачами комиссий в эти годы стали охрана прав и защита законных интересов несовершеннолетних, оказание медико-педагогической помощи, борьба с безнадзорностью и правонарушениями среди подростков. Тем самым отмечается снижение роли комиссий по делам несовершеннолетних в предупреждении подростковой преступности [3].

Переломным моментом в развитии системы профилактики и борьбы с детской преступностью стало создание специализированных подразделений по делам несовершеннолетних. 31 мая 1935 г. Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Были созданы детские комнаты милиции. Началась история подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Данные подразделения милиции позволили улучшить со стороны государства контроль за детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, и предотвратить их попадание на криминальный путь.

В период Великой Отечественной войны был принят ряд постановлений и приказов, направленных на борьбу с детской безнадзорностью. В условиях военного времени государственная политика была направлена на ужесточение ответственности, что привело к росту числа осужденных лиц в возрасте до 18 лет. В то же время, для помощи розыска потерявшихся детей были созданы детские адресные столы в органах милиции. Детей, оставшихся без родителей и опекунов, устраивали в школы, фабрично-заводского ученичества и детские дома. В постановлении СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родите-

лей» определены действия государственных органов по обеспечению защиты и устройства детей, оставшихся без попечения родителей в условиях Великой Отечественной войны.

В последующем с 50-х до начала 90-х гг. предупреждение правонарушений развивалось под влиянием политических событий в стране, которые непосредственно влияли на состояние уровня профилактики правонарушений, защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Полномочия органов внутренних дел по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних неоднократно менялись и перераспределялись между различными службами милиции и другими органами государственного управления, что зачастую негативно сказывалось на эффективности их работы.

Принятием Указа Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 27 мая 1967 г. «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» начинается современная история комиссий по делам несовершеннолетних. Данные комиссии действуют до настоящего времени и продолжают координировать работу субъектов профилактики по предупреждению безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних.

Социально-экономические изменения начала 90-х гг. привели к серьезным потрясениям во многих областях жизни, которые дезорганизовали сложившуюся в стране систему профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Исходя из изложенного, следует, что на законодательном уровне деятельность субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советское время не закреплялась, система профилактики правонарушений несовершеннолетних подвергалась неоднократным изменениям, принимаемые постановления, декреты и указы органов государственного управления не имели силу закона и после распада СССР лишь в 2003 г. был принят Закон Республики Беларусь № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

В наше время многие страны признают, что профилактика детской преступности и безнадзорности требует комплексного подхода. Это включает в себя не только правоохранительные меры, но и социальные программы, образовательные и воспитательные инициативы, а также сотрудничество с различными общественными организациями, что позволяет развивать более эффективные подходы к предотвращению преступности среди несовершеннолетних.

Таким образом, вопрос профилактики правонарушений несовершеннолетних становится комплексной задачей, требующей сотрудничества различных государственных и общественных структур.

Список цитированных источников

1. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 1: 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 640 с.

2. Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства, 2–8 февраля 1919 г. в Москве: стеногр. отчет. – М.: 3-я гос. тип., 1920. – 74 с.

3. Прозументов, Л. М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних / Л. М. Прозументов. – Томск: ТГПУ, 1999. – 201 с.

О СИСТЕМЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Карабельникова Анна Сергеевна
начальник управления Министерства юстиции Республики Беларусь,
исследователь в области юридических наук
karabelnikava.hanna@gmail.com

Стратегия борьбы с коррупцией в Республике Беларусь, утвержденная решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией 23 декабря 2022 г., в качестве одного из направлений борьбы с коррупцией предусматривает совершенствование ответственности за коррупционные правонарушения, в том числе путем оптимизации норм об ответственности физических и юридических лиц за коррупционные правонарушения, а также практики их применения.

Коррупционные правонарушения определены в ч. 1 ст. 37 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией), однако названный Закон не устанавливает и не дифференцирует ответственность за их совершение, не позволяет четко определить составы дисциплинарных проступков. Данное обстоятельство затрудняет выполнение возложенной абз. 3 ч. 1 ст. 43 Закона о борьбе с коррупцией на руководителей государственных органов и иных организаций обязанности по привлечению лиц, совершивших коррупционные правонарушения, к дисциплинарной ответственности.

Действующий перечень коррупционных преступлений утвержден постановлением Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности и Следственного комитета от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274. При этом перечень коррупционных преступлений, предусмотренный п. 1 примечания к ст. 90 УК, отличается от перечня, утвержденного названным постановлением. Кроме того, анализ коррупционных правонарушений, предусмотренных Законом о борьбе с коррупцией, показывает, что среди них есть уголовно-наказуемые правонарушения,

которые не вошли в перечень коррупционных преступлений: принятие государственным гражданским служащим, который не является должностным лицом по УК, при этом по Закону о борьбе с коррупцией относится к государственным должностным лицам, незаконного вознаграждения и предоставление ему такого вознаграждения (ст. 433 УК, абз. 3 и 4 ч. 1 ст. 37 Закона о борьбе с коррупцией). Одновременно коррупционным преступлением является легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, однако в соответствии с абз. 6 ч. 1 ст. 37 Закона о борьбе с коррупцией к коррупционным правонарушениям относится только легализация средств, полученных в результате совершения некоторых коррупционных правонарушений.

Статья 37 Закона о борьбе с коррупцией относит к коррупционным правонарушениям некоторые виды активного и пассивного подкупа, которые главой III Конвенции ООН против коррупции рекомендовано криминализовать в национальном законодательстве: принятие обещания и предложения взятки, предложение взятки, получение и дача выгоды нематериального характера в качестве взятки, получение и дача взятки в случае, когда бенефициаром является любое третье лицо. Уголовная ответственность за названные разновидности взяточничества не предусмотрена в УК Беларуси. Полагаем, что с учетом специфики названных правонарушений их совершение часто остается безнаказанным, что противоречит принципу неотвратимости ответственности, предусмотренному абз. 7 ст. 4 Закона о борьбе с коррупцией.

Вопрос об административной ответственности за коррупцию является дискуссионным. Некоторые страны СНГ, устанавливая административную ответственность за правонарушения коррупционного характера, как правило, относят к ним нарушения законодательства о борьбе с коррупцией, а не такие правонарушения, за которые Конвенция ООН против коррупции либо международные соглашения в рамках СНГ рекомендуют установить уголовную ответственность [1, с. 300–301].

В Беларуси административная ответственность предусмотрена за такое коррупционное правонарушение, как мелкое хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 11.1 КоАП). Коррупционным административным правонарушением является также незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица (ст. 24.59 КоАП). При этом юридическое лицо не названо в числе субъектов коррупционных правонарушений в ст. 3 и 37 Закона о борьбе с коррупцией. Фактически в законодательстве о борьбе с коррупцией ответственность юридических лиц была введена Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 232-З «Об изменении законов по вопросам борьбы с коррупцией» (ст. 38 Закона о борьбе с коррупцией), до этого возможность ответственности юридических лиц за коррупцию была предусмотрена в только в понятии коррупции, закрепленном в абз. 2 ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией.

При отсутствии оснований для привлечения к уголовной и административной ответственности за коррупционные правонарушения, лица, их совершившие, подлежат привлечению к дисциплинарной ответственности, однако дисциплинарными проступками являются не только некоторые коррупционные либо создающие условия для коррупции правонарушения, но и нарушения иных норм законодательства о борьбе с коррупцией [1, с. 261–262, 268]. В частности, дисциплинарная ответственность предусмотрена в ч. 4 ст. 16, ч. 6 ст. 21, ст. 23 Закона о борьбе с коррупцией и др. Кроме того основанием для прекращения трудового договора, согласно п. 5-1 ч. 1 ст. 47 ТК, является нарушение предусмотренного законодательством о борьбе с коррупцией письменного обязательства.

Полагаем, что отсутствие нормативно закрепленной системы коррупционных дисциплинарных проступков может приводить к недостаточному реагированию со стороны руководителей организаций на факты совершения коррупционных правонарушений, которые не являются преступлениями и административными правонарушениями и противоправный характер которых не всегда очевиден.

Примером классификации коррупционных правонарушений, в качестве основы для систематизации правонарушений в Беларуси, является ст. 8 модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-15. В данной статье содержатся исчерпывающие перечни коррупционных преступлений и коррупционных административных правонарушений, а также рекомендовано установить в законодательстве перечень дисциплинарных проступков.

На основании изложенного можно сделать вывод о необходимости совершенствования перечня коррупционных правонарушений, в том числе в целях согласованности его с УК. Полагаем, что реализации принципа неотвратимости ответственности, а также однозначному пониманию оснований привлечения к дисциплинарной ответственности будет способствовать нормативно закрепленная система коррупционных правонарушений с дифференцированной ответственностью.

Список цитированных источников

1. Карабельникова, А. С. О некоторых аспектах дифференциации ответственности за коррупционные правонарушения / А. С. Карабельникова // Правовая политика, наука, практика – 2023 : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 5 окт. 2023 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Е. В. Семашко [и др.]. – Минск : Колорград, 2023. – С. 299–303.

2. Противодействие коррупции : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – 392 с.

ЗАРАЖЕНИЕ ИНФЕКЦИОННЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ: ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

Козелецкая Наталья Ивановна
доцент кафедры уголовного права учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент
retneva76@mail.ru

Правовая регламентация ответственности за заражение вирусом иммунодефицита человека и венерическими заболеваниями менялась по мере того, как общество узнавало больше о заболеваниях, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан. Известно, что сегодня половым путем могут передаваться более 30 различных бактерий, вирусов и паразитов.

По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) каждый день в мире происходит более миллиона случаев заражения инфекциями, передаваемыми половым путем (далее – ИППП), большинство из которых протекают бессимптомно. Эти заболевания напрямую сказываются на сексуальном и репродуктивном здоровье, приводят к стигматизации, бесплодию, онкологическим заболеваниям и осложнениям в период беременности. Одним из серьезных факторов, препятствующих сокращению бремени инфекционных заболеваний в мире, является лекарственная устойчивость этих инфекций [1]. Особо опасные инфекции, составляя основу биологического оружия, способны в короткое время поразить огромное количество людей.

В действующем УК содержатся две статьи, устанавливающие ответственность за заражение отдельными видами таких заболеваний. Эти инфекционные заболевания относятся к группе преступлений против здоровья как особой разновидности преступных деяний против человека.

Ответственность за заражение вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) дифференцируется в зависимости от степени опасности деяния: ч. 1 ст. 157 УК устанавливает ответственность за заведомое поставление другого лица в опасность заражения указанным заболеванием, а ч. 2 – за заражение ВИЧ другого лица по легкомыслию или с косвенным умыслом лицом, знавшим о наличии у него этого заболевания. В ч. 3 рассматриваемой статьи предусмотрен квалифицированный состав преступления, включающий заражение ВИЧ двух или более лиц либо заведомо несовершеннолетнего, либо заражение с прямым умыслом.

Продолжая традиции УК БССР 1960 г., отечественный законодатель принял решение оставить в действующем уголовном законе норму, предусматривающую ответственность за заражение венерическим заболеванием (ст. 158 УК).

В связи с обсуждением вопроса о целесообразности сохранения ст. 157 и 158 УК видится необходимым исследование основания установления уголовно-правового запрета на заражения инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Представители государственных органов, международных структур и общественных объединений считают, что указанные статьи давно потеряли актуальность и не соответствуют современным реалиям. По мнению экспертов, криминализация ВИЧ и венерических заболеваний серьезно подрывает значительные усилия системы здравоохранения по сдерживанию заболеваний, вызванных вирусом иммунодефицита человека, и обеспечению прав инфицированных людей, живущих в Республике Беларусь, затрудняет доступ к тестированию и профилактике для лиц, подверженных риску ВИЧ. В тоже время исключение уголовной ответственности за указанные деяния полностью соответствует проводимой политике страны по гарантированию недискриминационного подхода и уважению прав каждого пациента вне зависимости от наличия у него какого-либо заболевания [2].

Несмотря на то, что указанные обстоятельства представляются убедительными для обсуждения вопроса о декриминализации заражения инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, считаем преждевременно вести речь об исключении из УК составов заражения вирусом иммунодефицита человека и венерическими заболеваниями даже при стабильно невысоком уровне применения в последние годы ст. 157, 158 УК. Отметим, что далеко не во всех случаях неприменение нормы на практике влечет за собой ее отмену.

Заражение инфекционными заболеваниями – проблема в значительной степени социальная и для предупреждения их распространения должен быть определен действенный и эффективный уголовно-правовой механизм охраны жизни и здоровья человека. Несмотря на достижения в лечении ВИЧ за последние десятилетия, эта болезнь по-прежнему остается неизлечимой. Хотя антиретровирусная терапия позволяет контролировать вирусную нагрузку и продлевать жизнь инфицированных людей, полностью избавиться от вируса пока невозможно.

Высокая степень латентности заражения инфекционными заболеваниями, его тесная связь с половыми преступлениями, преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов и некоторыми другими общественно опасными деяниями не позволяет отказаться от уголовной ответственности за подобного рода деяния.

Особо стоит обратить внимание на проблему заражения инфекционными заболеваниями среди несовершеннолетних. Остроту эта проблема приобретает в связи со значительным ростом посягательств на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые могут стать жертвами различных рода преступлений сексуального

характера, оказаться вовлеченными в сексуальную эксплуатацию. Вследствие зависимости ребенка от взрослых, особенно если речь идет о членах семьи, вероятность выявления сексуального посягательства является минимальной, поэтому такие преступные деяния характеризуются повышенным уровнем латентности, а последствия носят разрушительный характер для здоровья несовершеннолетнего. Главная проблема зараженных инфекционными заболеваниями состоит в развитии на фоне перенесенных заболеваний серьезных осложнений. Согласно данным ВОЗ такие заболевания как герпес, гонорея и сифилис, могут повышать риск заражения ВИЧ. Каждый год в результате инфицирования вирусом папилломы человека происходит более 311 000 случаев смерти от рака шейки матки. Такие инфекционные заболевания как гонорея и хламидиоз являются ведущими причинами воспалительных заболеваний органов малого таза и бесплодия у женщин.

Неслучайно, заражение ВИЧ в некоторых составах преступлений прямо предусмотрено законодателем в качестве квалифицирующего признака, а заражение венерическим или другим как излечимым, так и неизлечимым заболеванием отнесено к иным тяжким последствиям (ч. 3 ст. 166, ч. 3 ст. 167, ч. 3 ст. 181 УК).

Говоря о венерических заболеваниях, стоит отметить, что ни УК, ни УИК, не уточняют, какие конкретные виды заболеваний к ним относятся, а это приводит к тому, что их круг либо необоснованно сужают, либо расширяют, а повсеместная замена не используемого в международной классификации болезней термина «венерические заболевания» на «инфекции, передающиеся половым путем» создает ситуацию правовой неопределенности, размывает границы уголовно-правового запрета и значительно снижает правоприменительной потенциал ст. 158 УК. В этой связи видится актуальным внесение дополнений в действующие нормативные правовые акты, где следует детально разъяснить вопросы, вызывающие трудности при применении и толковании норм о преступном заражении заболеванием, представляющим опасность для окружающих.

По мнению А. А. Пухова, если законодатель хочет сохранить формулировку «венерическое заболевание», активно используемую в уголовном праве, то на нормативном уровне (в примечании к ст. 158 УК либо в постановлении Совета Министров или Министерства здравоохранения) следует четко перечислить соответствующие нозологические единицы [3, с. 432].

Решение же вопроса об исключении из уголовного закона составов заражения вирусом иммунодефицита человека и венерическими заболеваниями должно быть взвешенным и обоснованным. Порой стоимость ошибки в процессе декриминализации конкретного деяния может быть очень велика. Поэтому аргументация о необходимости декриминализации данных преступлений должна быть более сильной, чем обоснование уголовной ответственности. Необходимо исследовать все возможные негативные

последствия осуществления этого процесса. В противном случае, как отмечает Г. А. Злобин, декриминализация может быть воспринята общественным мнением не как изменение формы социального контроля, а как абсолютное разрешение ранее порицаемых действий [4, с. 213–214].

Список цитированных источников

1. Инфекции, передаваемые половым путем (ИППП) [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets. – Дата доступа: 27.06.2024.

2. Беларусь нуждается в декриминализации передачи ВИЧ [Электронный ресурс] / Белорусский государственный медицинский институт. – Режим доступа: https://www.bsmu.by. – Дата доступа: 17.06.2024.

3. Курс уголовного права: в 5 т. Особенная часть. Т. 3 / А. В. Барков [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – 840 с.

4. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П. С. Дагель [и др.] ; под ред.: В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ «МЕДИЦИНСКАЯ ПРАКТИКА»)

Коротич Елена Алексеевна
начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент
eakorotich@mail.ru
Василевский Андрей Витальевич
главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
VasileuskiAV@gmail.com

Одним из факторов правового характера, снижающих эффективность мер противодействия (в том числе предупреждения) коррупции, являются недостатки правового регулирования в данной сфере. Особенно остро данный недостаток ощущается, когда речь идет об антикоррупционных ограничениях и запретах. Несмотря на общее понимание необходимости обеспечения единообразия, четкости и недвусмысленности правового регулирования в данной сфере, определенные недостатки, связанные с корректностью используемых юридических конструкций и терминологических обозначений, по-прежнему имеют место в действующем законодательстве. Достаточно иллюстративным примером в этом смысле является закрепление в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе

с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) понятия «медицинская практика» при определении одного из исключений из антикоррупционного ограничения, предусмотренного ч. 2 ст. 17 указанного Закона.

Следует отметить, что словосочетание «медицинская практика», помимо названного Закона, широко используется в иных актах законодательства Республики Беларусь (прежде всего в сфере здравоохранения, а также в трудовом законодательстве), однако его дефиниция в настоящее время не предусмотрена. В этой связи уяснение содержания указанного понятия возможно исключительно в контексте системного толкования норм права, в которых оно используется. Вместе с тем данный подход также не позволяет однозначно заключить о содержании понятия «медицинская практика», особенно для целей единообразного применения ч. 2 ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией.

Учитывая положения Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) (в частности, абз. 6 ч. 3 ст. 8, ст. 55), ТК (например, ч. 1 ст. 255), содержание понятия «медицинская практика» может быть определено в качестве практического приложения полученных медицинским работником навыков и знаний в профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, иных медицинских услуг. Следовательно, общий контекст использования понятия «медицинская практика» в указанных актах сближает его с сочетанием «медицинская деятельность», что отчасти находит подтверждение и на законодательном уровне. В частности, в абз. 6 пп. 2.7 п. 2 ст. 336 Налогового кодекса (Особенная часть) медицинская практика признается видом деятельности, на что непосредственно указывает формулировка нормы (использование наряду с понятием «медицинская практика» слов «прочая деятельность по охране здоровья»). В соответствии с постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 «Об утверждении, введении в действие общегосударственного классификатора Республики Беларусь» медицинская, в том числе стоматологическая, практика классифицируется по коду 862 в перечне видов экономической деятельности, и в данном качестве определяется ее содержание. Однако следует обратить внимание, что указанные и иные направления деятельности сформулированы в классификаторе для целей формирования официальных статистических данных по видам экономической деятельности, что, в свою очередь, не позволяет в полной мере экстраполировать содержательную характеристику медицинской практики в указанном классификаторе на ее трактовку для целей уяснения содержания исключения, предусмотренного ч. 2 ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией.

Характерно, что именно в качестве вида деятельности понятие «медицинская практика» ранее использовалось в актах законодательства о лицензировании (например, постановление Кабинета Министров Республ-

лики Беларусь от 21 августа 1995 г. № 456 «О перечне видов деятельности, на осуществление которых требуется специальное разрешение (лицензия), и органов, выдающих эти разрешения (лицензии)», приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 20 мая 1998 г. № 150 «О совершенствовании работы по лицензированию медицинской практики в Республике Беларусь» и др.). Понятие «медицинская деятельность» в настоящее время определено на законодательном уровне. Согласно ст. 1 Закона о здравоохранении медицинской деятельностью признается деятельность по организации и оказанию медицинской помощи, обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, проведению медицинской экспертизы, осуществляемая юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в порядке, установленном законодательством.

В контексте представленного определения медицинской деятельности полагаем, что отождествление понятий «медицинская практика» и «медицинская деятельность» для целей толкования ч. 2 ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией является недопустимым. Исходя из положений Закона о здравоохранении, понятие «медицинская деятельность» может быть использовано для обозначения не только оказания медицинской помощи, но и организации такой помощи, что, в свою очередь, допускает осуществление организационно-распорядительных (прежде всего управленческих) функций. В этой связи попытки определения сущности медицинской практики через призму понятия медицинской деятельности могут привести к необоснованному расширению видов иной оплачиваемой работы, занятие которой разрешено государственным должностным лицам, т. е. к расширительному толкованию ч. 2 ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией, а также формированию внутренней коллизии в системе установленных в указанной статье ограничений.

В контексте отмеченного обращает на себя внимание тот факт, что законодательство в сфере борьбы с коррупцией ряда зарубежных государств, в том числе государств, с которыми Республика Беларусь участвует в интеграционных отношениях, запрещая государственным должностным лицам осуществлять иную оплачиваемую деятельность, предусматривает в качестве исключения из данного правила занятие лишь педагогической, научной и иной творческой деятельностью (например, п. 1 ст. 13 Закона Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции»; п. 3 ч. 3 ст. 12.1 Федерального закона России от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и др.). Не используется понятие «медицинская практика» и в ряде актов модельного законодательства СНГ (например, постановление Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации от 7 декабря 1998 г. № 7-10 «О модельном законе «О борьбе с коррупцией» (п. 1 ст. 10)).

Наряду с понятием «медицинская деятельность», в Законе

о здравоохранении широко используется понятие «медицинская помощь». Согласно ст. 1 указанного Закона медицинской помощью признается комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента, включающий медицинскую профилактику, диагностику, лечение, медицинскую абилитацию, медицинскую реабилитацию и протезирование, осуществляемых медицинскими работниками. Как представляется, в контексте предписаний части второй ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией содержание медицинской практики более обосновано определять через призму понятия медицинской помощи. Однако данный вывод имеет исключительно характер доктринального (неофициального) толкования норм права и не может быть положен в основу формирования правоприменительной практики.

Таким образом, результаты изучения практики использования понятия «медицинская практика», а также толкование его содержания в контексте системы ограничений, установленных в ст. 17 Закона о борьбе с коррупцией, позволяют заключить:

в силу того, что действующее законодательство не содержит дефиницию понятия «медицинская практика», его использование в трудовом законодательстве, законодательстве о борьбе с коррупцией и т. д. порождает правовую неопределенность, может способствовать расширительному толкованию норм права, а также злоупотреблению правом;

для исключения проблем в правоприменении, в том числе в сфере соблюдения антикоррупционных ограничений и запретов, полагаем необходимым либо разъяснение понятия «медицинская практика» на нормативном уровне, либо исключение данного понятия из действующего законодательства.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лабоцкая Анастасия Андреевна
научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
магистр юридических наук
nastena_labockaya@mail.ru

Коррупция является глобальной проблемой современности. Сегодня в той или иной степени она существует во всех странах мира. Не является исключением и Республика Беларусь.

С момента обретения республикой независимости руководством страны коррупция рассматривается как прямая угроза национальной без-

опасности, реализации белорусской экономической модели развития государства, поддержанию стабильности и согласия в стране. Последствия коррупции выражаются в том, что она размывает такие важнейшие конституционные принципы консолидации нашего общества, как принцип социальной справедливости и равенства всех перед законом. Также подрывает доверие народа к власти, порождает оправдательную философию «мздоимства», дискредитирует рыночные механизмы конкуренции и борьбы с монополизмом в экономике, способствует лоббированию законодательных и нормативных актов, потворствующих масштабным злоупотреблениям и преступности [1].

Центральным звеном внутренней политики Республики Беларусь является бескомпромиссная и решительная борьба с коррупцией. Антикоррупционная деятельность в Республике Беларусь организуется на основе Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией».

Большой вклад в дело борьбы с коррупцией и укрепления правопорядка в стране вносила Межведомственная комиссия по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией при Совете Безопасности Республики Беларусь, которая была упразднена Указом Президента Республики Беларусь от 15 июня 2009 г. № 312.

В соответствии с Положением о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 644, координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией (далее – координационное совещание) является постоянно действующим межведомственным органом по координации правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, и деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией.

В Республике Беларусь действуют: республиканское координационное совещание; координационные совещания в областях и г. Минске; координационные совещания в районах, районах в городах, городах; координационные совещания в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях, государственных органах, в которых предусмотрена военная служба, и на транспорте.

Комплексный план по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы, утвержденный решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 23 декабря 2022 г. № 25 [2], содержит мероприятия по борьбе с преступностью, в том числе и коррупцией.

На 25-м заседании республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией впервые в нашей стране утверждена Стратегия борьбы с коррупцией [3] (далее – Стратегия).

При ее подготовке во взаимодействии с Научно-практическим центром укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь всесторонне изучались международный и зарубежный опыт, состояние и тенденции коррупционной преступности, причины, создающие условия для нее. Были определены наиболее успешные средства предупреждения коррупции в сферах с высоким и средним уровнями коррупционных рисков.

Стратегия – программный документ, в котором определены и раскрыты стратегические направления правоохранительной и иной деятельности: общие механизмы профилактики и борьбы с коррупцией, устранения ее причин и условий; формирование ценностных основ деятельности общества и государства в области борьбы с коррупцией; предупреждение коррупции в публичном и частном секторах; совершенствование ответственности за коррупционные и создающие условия для коррупции правонарушения; осуществление правового антикоррупционного мониторинга; укрепление международного сотрудничества.

Особое внимание в Стратегии уделено повышению правовой культуры и активности граждан, организаций, в том числе общественных объединений, в борьбе с коррупцией, а также осуществлению на постоянной основе общественного контроля в данной сфере.

Весомую роль в борьбе с коррупционными проявлениями играют также государственные СМИ, работа с обращениями граждан, «горячие линии», «телефоны доверия», «телефоны обратной связи», проведение единых дней информирования, деятельность информационно-пропагандистских групп, встречи руководителей с трудовыми коллективами, прием граждан по месту жительства, реализация заявительного принципа «одно окно».

Согласно данным Института социологии Национальной академии наук Беларуси, среди коррупционных преступлений наиболее высокими темпами за последние 15 лет растет число случаев взяточничества и хищений путем злоупотребления служебными полномочиями. В общей структуре преступности должностные правонарушения составляют около 2 %, из них удельный вес взяточничества – 40 %, а злоупотребление властью или служебными полномочиями – 12 % [1].

Вопросы обеспечения безопасности, правопорядка и борьбы с коррупцией постоянно находятся в поле повышенного внимания Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Необходимо акцентировать внимание на антикоррупционной политике организаций. Меры борьбы с коррупцией реализуются в организациях посредством создания и деятельности комиссий по противодействию коррупции (далее – комиссия) в порядке, определенном Типовым положением о комиссии по противодействию коррупции, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2011 г. № 1732.

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь во исполнение пп. 10.1 п. 10 Решения восемнадцатого республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 22 декабря 2018 г. разработаны Методические рекомендации по организации антикоррупционной работы в государственных органах и организациях [4], на основании которой организации разрабатывают свои методические рекомендации в данной сфере.

Таким образом, в республике создана прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительно-профилактические мероприятия и механизмы борьбы с коррупцией, устранение последствий коррупционных правонарушений, а также предусматривающая жесточайшую уголовную ответственность за коррупционные преступления.

Список цитированных источников

1. Борьба с коррупцией в Беларуси [Электронный ресурс] / Витебский городской исполнительный комитет. – Режим доступа: https://vitebsk.gov.by/ru/profekomom/view/borba-s-korruptsiej-v-belarusi-26368/. – Дата доступа: 15.07.2024.

2. Комплексный план по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы, утвержденный решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 23 декабря 2022 № 25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rechitsa-edu.gov.by/wp-content/uploads/2023/05/Комплексный-план-по-борьбе-с-преступностью-на-2023-2025-годы.pdf. – Дата доступа: 15.07.2024.

3. Стратегия борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа: https://prokuratura.gov.by/Стратегия.pdf. – Дата доступа: 15.07.2024.

4. Методические рекомендации по организации антикоррупционной работы в государственных органах и организациях [Электронный ресурс] / Администрация Партизанского района г. Минска 2012–2023. – Режим доступа: https://part.gov.by/protivodejstvie-korruptsii/4999-metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-antikorruptsionnoj-raboty-v-gosudarstvennykh-organakh-i-organizatsiyakh. – Дата доступа: 15.07.2024.

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ В КОНТЕКСТЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Лапцевич Ирина Игоревна
начальник отдела исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук
1372786@gmail.com

Принцип равенства всех перед законом является общеправовым и закреплен в ст. 22 Конституции Республики Беларусь: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Современное понимание принципа равенства предполагает не фактическое равенство, а равенство возможностей, т. е. отсутствие в законе необоснованных льгот и привилегий, а также любых форм дискриминации [1, с. 9]. Особое значение данный принцип имеет для уголовного закона, поскольку именно уголовная ответственность связана с серьезными ограничениями самых важных прав личности [2, с. 163]. В соответствии с ч. 3 ст. 3 УК, лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Традиционно в уголовном праве принцип равенства перед законом ассоциируется с привлечением виновного в совершении преступления к уголовной ответственности. Тем не менее сфера его применения гораздо шире. Так, анализируя действие рассматриваемого принципа, В. В. Мальцев отмечает: «Все участники уголовно-правовых отношений находятся в сфере влияния принципа равенства... Лицам, совершившим преступление (и этим отчасти, конечно, нарушившим принцип равенства), скорее свойственно право требовать от законодателя и правоприменителей равного к себе, как и к другим лицам, отношения, чем обязанности блюсти принцип равенства. В целом не столько обязанностью следовать принципу равенства, а правом на его соблюдение государством и другими лицами характеризуется юридический статус потерпевших и иных граждан, соприкасающихся с уголовным правом» [3, с. 153]. Важнейшей предпосылкой равенства перед уголовным законом являются единые, одинаковые основания уголовной ответственности [3, с. 145]. Одновременно Ю. Л. Шевцов подчеркивает, что «принцип равноправия указывает

на недопустимость дискриминации и предъявляет требование к закону, в котором не должны содержаться нормы, необоснованно ограничивающие право одних лиц по сравнению с правами других» [4, с. 79].

Принцип равенства всех перед законом должен реализовываться и при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с передачей под присмотр родителей или лиц, их заменяющих (ст. 118 УК), посредством равного отношения к любому совершившему преступление подростку.

При применении ст. 118 УК гарантией выполнения родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего является внесение ими залога. Законодатель дифференцированно подошел к установлению суммы залога, акцентируя внимание на двух обстоятельствах: 1) материальном положении родителей или лиц, их заменяющих; 2) категориях совершенных несовершеннолетним преступлений: при совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, сумма залога составляет от десяти- до двадцатикратного размера базовой величины, менее тяжкого преступления – от двадцати- до пятидесятикратного размера базовой величины.

В отечественной юридической литературе установление минимального размера залога подвергается критике. Так, Н. А. Бабий указывает, что это противоречит принципу равенства всех перед законом независимо от материального положения (ч. 3 ст. 3 УК). Ученый поясняет, что в данном случае речь идет не о материальной ответственности, а о реализации права на освобождение от ответственности, которое изначально не должно зависеть от наличия или отсутствия требуемой суммы денег. Более того, добавляет исследователь, освобождение от уголовной ответственности зависит не от материального положения несовершеннолетнего, а его родителей или лиц, их заменяющих. Подход законодателя видится автору «коррозией социального равенства», поскольку преимущество при освобождении от уголовной ответственности получают те несовершеннолетние, которые имеют состоятельных родителей, а те подростки, которые не являются выходцами из состоятельных слоев, фактически лишены возможности быть освобожденными от уголовной ответственности [5, с. 615].

Указанное замечание исследователем было сделано еще в 2013 г., когда залог был достаточно высок и предусматривался в пределах от десяти- до пятидесятикратного размера базовой величины за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и в пределах от пятидесяти- до стократного размера базовой величины за менее тяжкие преступления. Последующими изменениями, внесенными в 2021 г., законодатель в некоторой части скорректировал размер залога, который составил: в пределах от десяти- до двадцатикратного размера базовой величины за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и в пределах от двадцати- до пятидесятикратного размера базовой величи-

ны за менее тяжкие преступления. Суммы залога стали более реальными для уплаты семьями с различным материальным положением. Однако проблема не была решена окончательно.

Вопрос о нарушении принципа равенства в связи с неравным материальным положением лиц, совершивших преступления, поднимался в российской уголовно-правовой литературе. Так, Н. А. Лопашенко писала, что «законодательно заложено некоторое неравенство лиц, совершивших преступления, имущественно состоятельных и не являющихся таковыми. Что касается уровня правоприменения, то здесь принцип равенства граждан в зависимости от их имущественного положения просто не «работает». В гораздо лучших условиях находятся те совершившие преступления, влекущие альтернативно наказание в виде штрафа или более строгих наказаний – принудительных работ, ареста или лишения свободы, граждане, у которых есть возможность заплатить штраф» [6, с. 459]. А. И. Бойко нарушение принципа равенства всех перед законом, основанное на имущественном положении лица, выразил следующим образом: «К многочисленным искушениям российского суда добавилось еще одно: за одно и то же преступление состоятельным лицам можно адресовать штраф, неимущим и обездоленным остается жертвовать личной свободой» [7, с. 460].

Таким образом, в контексте освобождения от уголовной ответственности принцип равенства представляет собой единство для всех лиц оснований и условий освобождения от уголовной ответственности. В таком случае любой несовершеннолетний при наличии основания и условий, предусмотренных ст. 118 УК, должен иметь право на освобождение от уголовной ответственности. Определение же величины залога выступает индивидуализирующим фактором, учитывающим материальное положение его родителей или лиц, их заменяющих. В свете обозначенной проблемы, реализация принципа равенства всех перед законом и более широкая индивидуализация применения ст. 118 УК видится, например, в установлении только верхних пределов сумм вносимого залога. Это гарантирует при наличии на то основания равную возможность всем несовершеннолетним на освобождение от уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Семенова, И. С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. С. Семенова ; Саратов. юрид. ин-т МВД России. – Саратов, 2004. – 26 с.

2. Дядюн, К. В. Принципы равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: понятие и сущность в уголовном праве / К. В. Дядюн // Ленингр. юрид. журнал. – 2015. – № 2. – С. 156–168.

3. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности : монография / В. В. Мальцев. – СПб. ; Юрид. центр Пресс, 2004. – 694 с.

4. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 863 с.

5. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общя часть: учебник / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.

6. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. II. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 656 с.

7. Уголовное право. Общая часть : учебник / В. Г. Беляев [и др.] ; под ред. В. Н. Петрашева. – М. : Приор, 1999. – 542 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Локтевич Ольга Игоревна
доцент кафедры организации предварительного расследования учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь»
oll.k@mail.ru

Стабильно высокий рост числа преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, отмечаемый за последние годы, свидетельствует не только о развращении сферы половых взаимоотношений в обществе, но и о том, что правовые регуляторы, заложенные в действующих нормах УК, на сегодняшний день эффективно не работают.

Общественная опасность отдельных деяний, подпадающих под признаки половых преступлений, вызывает обоснованные сомнения. В то же время единый подход к квалификации внешне схожих деяний не позволяет дифференцировать их в зависимости от степени общественной опасности. Как итог – в числе обвиняемых нередко оказываются подростки, получающие первый сексуальный опыт, а в числе потерпевших – лица, ведущие беспорядочную половую жизнь, выступающие инициаторами половых отношений.

Анализ судебно-следственной практики, а также мнений ученых по отдельным проблемам квалификации позволил выявить ряд проблемных вопросов правоприменения. Обозначим некоторые из них.

Недостижение потерпевшим 12-летнего возраста, как констатация его беспомощного состояния.

Логика законодателя в данной части очевидна – защитить ребенка, обеспечить его безопасность в сексуальной сфере. Вместе с тем, с учетом того, что в половые отношения нередко дети вступают друг с другом, встает вопрос о соотношении степени общественной опасности ряда аналогичных деяний.

Например, ситуация, когда действия сексуального характера совершаются 14-летним подростком в отношении своей 11-летней «подруги», с которой он около года состоит «в отношениях», не тождественны по степени общественной опасности ситуации, когда аналогичные деяния совершает 50-летний отчим в отношении своей падчерицы. Вместе с тем, и в первой, и во второй ситуации действия квалифицируются по ч. 3 ст. 167 УК и наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Развивая описанную нами ситуацию с участием 14-летнего подростка, возможно предположить, что если о его деяниях никто не узнает, и девушке исполнится 12 лет, то начиная со следующего дня после ее дня рождения действия подростка перестают быть уголовно наказуемыми. Фактически, им совершается преступление, предусмотренное ст. 168 УК, однако он не является его субъектом, поскольку не достиг 18-летнего возраста.

Соответственно, первой проблемой является отсутствие разграничения степени общественной опасности аналогичных деяний в зависимости от характеристики субъекта. Второй – необходимость законодательного устранения «преступности» действий несовершеннолетнего при подобных обстоятельствах.

Отсутствие в законодательстве конкретных признаков действий сексуального характера позволяет относить к таковому широкому спектру деяний виновных лиц.

Имеют место сложности при установлении или опровержении самого факта совершения иных действий сексуального характера, как противоправного деяния, совершенного насильственно (ст. 167 УК) или добровольно (ст. 168 УК).

Затруднения вызывают определение признаков преступления при совершении иных действий сексуального характера, когда такие деяния, в частности, не связаны с проникновением в естественные полости тела человека. Как в подобных случаях квалифицировать, например, действия 18-летнего А., который делает массаж спины и гладит оголенные ягодицы своей девушки, 15-летней Б.? Являются ли данные действия иными действиями сексуального характера? Обладают ли они общественной опасностью? А если такие же действия совершает 50-летний учитель в отношении своих учениц? В последнем случае наличие в действиях лица общественной опасности не вызывает сомнений, хотя с позиции правовой оценки действия производятся аналогичные.

Различные формулировки законодателя при описании насильственного способа совершения преступлений, предусмотренных ст. 167 УК по сравнению со ст. 166 УК, вызывают обоснованные сомнения.

Способ совершения преступлений, предусмотренных ст. 167 УК, не предусматривает применения насилия либо его угрозы в отношении близких потерпевшего (потерпевшей).

Так, если виновный совершает с потерпевшей половой акт под угрозой применения насилия в отношении ее близких, действия будут квалифицированы по ст. 166 УК. В случае, если в аналогичной ситуации виновным будут совершены иные, кроме полового акта, деяния (например, анальный секс), то действия уже не могут быть квалифицированы по ст. 167 УК, так как отсутствовал факт применения насилия или угрозы его применения к самой потерпевшей. Фактически содеянное должно быть квалифицировано по ст. 168 УК, так как отсутствует один из признаков ст. 167 УК – противоправный способ. Если же расценивать такие действия виновного, как использование беспомощного состояния, в которое он привел потерпевшую, становится непонятным, зачем тогда указанный признак способа (насилие либо угроза в отношении близких) вообще введен законодателем в ст. 166 УК? В данной части видится рациональным одинаково описывать противоправные способы совершения насильственных действий, предусмотренных ст. 166 и 167 УК.

Существуют различные подходы при квалификации насильственных половых преступлений, совершенных группой лиц, связанные с участием в деянии женщины.

Например, если в совершении изнасилования участвуют мужчина и женщина, женщина может не только применять насилие, но и непосредственно совершать активные действия, связанные с проникновением в тело потерпевшей (в том числе, используя для этого как специальные приспособления, так и иные подручные средства). Несмотря на это, женщина – всегда пособник, а действия мужчины будут квалифицированы по ч. 1 ст. 166 УК (без признака группы лиц). Аналогичные действия, но совершенные этими же участниками в отношении мужчины были бы квалифицированы по ч. 2 ст. 167 УК, где санкция выше. Фактически – степень общественной опасности преступления, совершенного группой лиц, гораздо выше, соответственно, рационально квалифицировать по ч. 2 ст. 166 УК действия обоих.

Разделение в уголовном законе ст. 166 УК и 167 УК не видится обоснованным. Развращение сферы сексуальных отношений расширяет варианты действий виновных лиц. Излишняя детализация при описании в законе деяния может порождать сложности при квалификации. Кроме того, существование двух «похожих» статей порождает ситуации излишнего вменения отдельных деяний, а также сложности при составлении обвинений в части описания последовательности событий.

Так, например, если в процессе одного события совершаются как естественный половой акт, так и иные действия сексуального характера, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 УК. Причем одно из них – по ч. 2 соответствующей статьи, как совершенное лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное ст. 166 или 167 УК (в зависимости от последовательно-

сти). Если же в процессе одного события совершаются несколько естественных половых актов (или иных действий сексуального характера), содеянное квалифицируется как продолжаемое преступление, совершенное с единым умыслом. При таких вариантах квалификации искусственно завышается степень общественной опасности, хотя, фактически, действия совершаются аналогичные.

Уголовным законом не учтено влияние разницы в возрасте лица, совершившего деяние, предусмотренное ст. 168 УК, и пострадавшего ребенка на степень общественной опасности.

Так, половой акт пары подростков 18 и 15 лет очевидно отличается по степени общественной опасности от полового акта 15-летней падчерицы и ее 60-летнего отчима. В этой связи закономерно возникает вопрос, сравним ли вред, причиненный 15-летней Б., которая добровольно вступила в половую связь с 18-летним А., с тем вредом, который будет причинен А. в связи с привлечением его к уголовной ответственности за такого рода преступление?

Разрешение обозначенных нами и ряда иных проблем требует дальнейшего научного исследования в целях подготовки предложений по корректировке действующего законодательства.

О СООТВЕТСТВИИ КОНСТИТУЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ДЕЯНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕГОСЯ ПРИЗНАКОМ НЕЗАКОННОСТИ

Лукашов Алексей Ильич
доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
a_lukashov@tut.by

Признание деяния преступлением путем обозначения его незаконности – традиционный и широко применяемый в законодательной практике прием криминализации деяния. Этот же прием активно используется и в практике признания деяния административным правонарушением.

В УК изначально 47 статей его Особенной части содержали признак незаконности, для обозначения которого деяние сопровождалось прилагательным «незаконное(ые)». По состоянию на 8 января 2024 г. в Особенной части УК насчитывалось 59 статей, в которых преступное деяние описывалось с использованием признака «незаконное». Лишь в неко-

торых из этих статей понятие «незаконные» действия получило законодательное определение (см., например, ст. 226, ч. 1 примечаний к ст. 228, ч. 1 ст. 335 УК).

Гораздо реже при описании признаков преступного деяния законодатель использует признак «противоправное» (см., например, примечание к ст. 208 УК, в котором модификация компьютерной информации как способ совершения преступлений, определен через понятие «противоправное изменение компьютерной информации»).

Полагаем, что понятия «незаконное» и «противоправное» не совпадают по объему: всякое незаконное деяние является противоправным, но не всякое противоправное деяние является незаконным.

Незаконность как признак преступления может присутствовать и в деяниях, которые обозначаются законодателем путем указания на то, что эти деяния являются нарушением определенных правил. На начало 2024 г. в Особенной части УК содержалась 41 статья, в которой деяние, выражающееся в нарушении (несоблюдении) правил, признавалось преступным.

Например, ст. 223 УК, признавая преступлением сделки с драгоценными металлами и (или) камнями, совершенные в нарушение установленных правил, не содержит указание на их незаконность или противоправность ни в названии статьи, ни в ее диспозиции.

Если в уголовном законе деяние описывается как нарушение правил, то отклонение от этих правил признается преступлением. При этом уголовный закон не определяет субъекта, уполномоченного устанавливать правила, нарушение которых признается преступлением. Отсутствие такого указания позволяет не обращать внимания на данное обстоятельство и принимать как должное сам факт установления правил вне зависимости от того, каково содержание этих правил, кем они утверждены, соответствует ли предоставленное субъекту полномочие на утверждение правил конституционным нормам, определяющим правила ограничения прав и свобод личности.

Показательным в этом отношении является решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 16 февраля 2006 г. № П-180/2006 «О законодательстве, устанавливающем запрет на совершение сделок с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, не имеющими государственного пробирного клейма Республики Беларусь или пробирных клейм государственных инспекций пробирного надзора бывшего СССР».

Рассматривая обращение Республиканской коллегии адвокатов, содержащее просьбу признать неконституционными положения абз. 1 п. 1 и пп. 2.3 п. 2 Правил совершения сделок с драгоценными металлами и камнями, утвержденных постановлением Правительства от 25 ноября 1999 г. № 1838 (далее – Правила), устанавливающие запрет на совершение

сделок между физическими лицами с ювелирными и бытовыми изделиями из драгоценных металлов, на которых отсутствуют государственное пробирное клеймо Республики Беларусь или пробирные клейма государственных инспекций пробирного надзора бывшего СССР, Конституционный Суд установил, что Правительство, установившее такой запрет, было уполномочено Парламентом на установление порядка совершения таких сделок. Анализ законодательства привел Конституционный Суд к обоснованному выводу, что указанный запрет не противоречит ст. 44 Конституции, а также ст. 210 ГК.

Однако вне поля зрения Конституционного Суда оказался вопрос о соответствии Правил в указанной части положениям ст. 23 и 58 Конституции.

Статья 23 Конституции определяет, что ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом. Понуждение к исполнению обязанностей, не предусмотренных Конституцией и законами, не допускается ст. 58 Конституции.

Очевидно, что установление указанного и иных запретов на совершение сделок с драгоценными металлами или драгоценными камнями не законом, а Правилами не соответствовало предписаниям ст. 23 и 58 Конституции. Закон Республики Беларусь от 21 июля 2002 г. № 110-З «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (далее – Закон № 110-З) в указанной части не соответствовал Конституции. Как следствие, и ст. 223 УК не соответствовала ст. 23 и 58 Конституции, ибо введение уголовно-правового запрета за нарушение правил, ограничивающих права личности и устанавливающих обязанности, допускается только при условии, что такие правила предусмотрены законом.

Лишь в 2013 г. Закон № 110-З был изложен в новой редакции, согласно которой Правительство лишено права устанавливать порядок совершения сделок с драгоценными металлами и драгоценными камнями, правила совершения таких сделок установлены этим Законом, в том числе и запрет на совершение определенных сделок.

С 20 июня 2014 г. – дня вступления в силу Закона от 12 декабря 2013 г. № 93-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и признания утратившими силу Правил, ст. 223 УК стала соответствовать Конституции и могла применяться для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершавших сделки с драгоценными металлами или драгоценными камнями в нарушение правил установленных Законом № 110-З после указанной даты.

С 2000 г. по 2013 г. по ст. 223 УК в стране осуждено 1 107 человек, приговоры в отношении которых в силу приведенных выше обстоятельств не могут быть признаны законными ввиду нарушения принципа законности (ч. 2 ст. 3 УК) и требования соответствия уголовного закона Конституции (ч. 3 ст. 1 УК).

Схожие проблемы были и остаются с другими статьями УК, предусматривающими уголовную ответственность за те или иные незаконные действия (ст. 229, 254, 258 и др.).

Проблема криминализации тех или иных деяний по признаку их незаконности сохраняется и в настоящее время. Например, Законом от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 222 УК была изложена в новой редакции, что привело к установлению уголовной ответственности за совершенное из корыстных побуждений незаконное распространение реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам.

Обращение к Закону от 19 апреля 2022 г. № 164-З «О платежных системах и платежных услугах» (далее – Закон № 164-З) показывает, что в нем не содержится норм, вводящих запрет на распространение реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам. Не предусмотрен такой запрет и в Банковском кодексе или иных законах. Коль скоро так, то при отсутствии запрета, установленного законом, применение ст. 222 УК является противоречащим предписаниям ст. 23 и 58 Конституции.

Практика применения ст. 222 УК пошла по пути игнорирования предписаний конституционных норм (в 2022 г. по ст. 222 УК осуждено 15 человек, в 2023 г. – 116 человек). В нарушение ст. 23 и 58 Конституции и предписаний п. 1 ч. 2 ст. 43 УПК, гарантирующего обвиняемому право знать, в чем он обвиняется, в приговорах судов при формулировании обвинения в совершении преступления, предусмотренного ст. 222 УК, делается ссылка на Закон № 164-З, но без указания на соответствующую статью этого закона, и (или) на подзаконные нормативные правовые акты, в которых также не сформулирован указанный запрет.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что проблема определения признака «незаконный (ые)» как признака преступления является актуальной. От ее решения зависит судьба не одного десятка лиц, в отношении которых выдвигаются обвинения в совершении преступления. И решаться она должна либо путем законодательного определения в УК понятия соответствующего незаконного деяния, либо путем сопряжения не уголовного закона, в котором устанавливается запрет на совершение того или иного деяния, и уголовного закона, которым криминализируется нарушение такого запрета с использованием признака «незаконный(ые)».

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТЬИ 253 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Макеева Мария Геннадьевна
старший преподаватель кафедры уголовного права
юридического факультета Белорусского государственного университета
tumelevichMG@bsu.by

За период действия УК ст. 253 претерпела 3 редакции, меняясь в процессе развития и популяризации спорта в Республике Беларусь.

В УК ред. 1999 г. основной состав ст. 253 представлял собой следующую уголовно-правовую норму:

«Статья 253. Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов

1. Получение денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера спортсменом, спортивным судьей, тренером, руководителем команды или организатором спортивных соревнований, организатором или членом жюри зрелищного коммерческого конкурса за оказание влияния на результаты соревнования или конкурса либо предоставление такого вознаграждения».

Непосредственным объектом ст. 253 УК А. И. Лукашов называет экономические интересы и репутацию спортивной команды или деловую репутацию субъекта экономической деятельности, а также интересы потребителя (зрителя) [1].

Н. А. Бабий полагает, что объектом ст. 253 УК в ред. 1999 г. выступает порядок проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов [2, с. 545]. Вместе с тем, указанная позиция представляется спорной, поскольку порядок проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных конкурсов – это вопрос процедуры их проведения, тогда как деяния, предусмотренные ст. 253 УК в ред. 1999 г., оказывают влияние на результат указанных мероприятий и могут не затрагивать процедуру их проведения.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 253 УК в редакции 1999 г. выражалась в двух альтернативных формах:

1) получение незаконного вознаграждения за оказание влияния на результаты профессионального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса;

2) предоставление незаконного вознаграждения за оказание такого влияния.

По смыслу ст. 253 УК в редакции 1999 г. к уголовно-наказуемому относится подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов.

Легального определения профессионального спортивного соревнования не было, однако в Законе Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2445-XII «О физической культуре и спорте» (далее – Закон о физической культуре и спорте 1993 г.) имелось определение профессионального спорта. Согласно ст. 32 Закона о физической культуре и спорте 1993 г. профессиональный спорт – это предпринимательская, трудовая и иная не запрещенная законодательством деятельность, направленная на достижение высоких спортивных результатов и получение доходов (вознаграждений) от организации спортивных мероприятий и (или) участия в них. То есть формула спорт плюс получение дохода.

Субъект преступления в форме пассивного подкупа специальный – это спортсмен, спортивный судья, тренер, руководитель команды или организатор профессионального спортивного соревнования, организатор или член жюри зрелищного коммерческого конкурса.

Субъектом активного подкупа является лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Преступление, предусмотренное ст. 253 УК в редакции 1999 г., является преступлением с прямым умыслом, присутствует корыстная цель, так как лицо, получая незаконное вознаграждение, стремится извлечь выгоду имущественного характера. Лицо, предоставляющее незаконное вознаграждение, преследует цель оказать влияние на результаты соревнований или конкурса посредством совершения спортсменом, спортивным судьей, тренером, руководителем команды, организатором спортивного соревнования, организатором или членом жюри зрелищного коммерческого конкурса действия (бездействия), заведомо противоречащих правилам и условиям их проведения [3, с. 674].

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» в диспозицию ч. 1 ст. 253 УК были внесены значительные корректировки.

В первую очередь обращает на себя внимание измененное название ст. 253 УК. Теперь наказуем подкуп участников и организаторов не только профессиональных спортивных соревнований, но и других спортивных соревнований, признающихся таковыми по Закону Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте».

Существенно расширен субъектный состав лиц, принимающих подкуп. Пассивный подкуп может быть совершен также медицинским работником, участвующими в спортивной подготовке спортсмена (команды спортсменов), спортивным агентом, иным лицом, включенным в состав участников спортивного соревнования.

Законом Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 349-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» уточнена цель подкупа. В прежней редакции – «оказание влияния на результаты соревнования»; в новой – «оказание влияния на спортивные результаты в спортивном соревновании».

Теперь под действие УК подпадают любые спортивные соревнования, которые могут не отвечать признакам профессионального спорта.

По нашему мнению, такое решение нельзя считать удачным. С одной стороны, на наш взгляд, обоснованно узко трактуется подкуп члена жюри зрелищного коммерческого конкурса за оказание влияния на результаты именно коммерческого конкурса, с другой, в рамках одного и того же преступления чрезмерно широко понимается круг спортивных соревнований.

Профессионализация спорта подразумевает коммерческую составляющую всего процесса организации соревнований, что влечет за собой четкое следование не только спортивным нормативам, но и соблюдение определенных бизнес-схем. В последней редакции влияние подкупа на экономические результаты спортивного соревнования оказалось за рамками уголовной ответственности. Именно этого избегал законодатель в 1999 г., именно здесь наибольший вред причиняет фальсификация спортивных результатов (и экономических, в частности). Представляется, что подкуп при проведении иных соревнований может влечь административную ответственность или санкции в отношении спортсменов (дисквалификация) [4, с. 68].

Список цитированных источников

1. Лукашов, А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VIII. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Глава 25. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности (статьи 221–261-1) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 31.08.2015 г.] / А. И. Лукашов // ilex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка, Н. А. Бабий, А. В. Барков и др.; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск. : Тесей, 2003. – 1200 с.

4. Макеева, М. Г. Основания, критерии и пределы криминализации подкупа: de lege ferenda / М. Г. Макеева // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 4. – С. 66–70.

АНАЛИЗ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ И СВЯЗАННЫХ С НЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Малевич Ольга Александровна
главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
malolga4@gmail.com

Из анализа статистических данных усматривается, что имеется устойчивая тенденция к снижению противоправных деяний, связанных с торговлей людьми. Однако преступления данной категории характеризуются высокой степенью латентности, в связи с чем в правоприменительной практике имеются определенные сложности с их выявлением и пресечением, ввиду приспособления преступников к мерам, предпринимаемым по противодействию торговли людьми, адаптации к требованиям теневой экономики, развитию новых форм эксплуатации и применения новых методов вербовки. Так, к примеру, у девушек, занимающихся проституцией, уже не отнимают паспорт и не удерживают насильно, их вербовка проходит в мессенджерах, в связи с чем возникают проблемы с выявлением и доказательной базой таких преступлений.

В этой связи важно понимать факторы и причины, способствующие торговле людьми.

К основным факторам, способствующих распространению торговли людьми, можно отнести: нужду, притягательность лучших условий жизни в другом месте, отсутствие возможностей для трудоустройства, организованную преступность, насилие над женщинами и детьми, дискриминацию женщин, коррупционные факторы, политическую нестабильность, вооруженные конфликты, спрос на услуги в сфере секс-индустрии (включая детскую порнографию и секс-туризм), а также на дешевую нелегальную рабочую силу.

Также среди основных причин распространения торговли людьми – тяжелое экономическое положение граждан и безработица, недостаточная информированность о возможностях трудоустройства за рубежом, незнание миграционного законодательства, ложное представление о жизни за рубежом, спрос на дешевую рабочую силу в странах назначения, насилие в семье.

Падение производства и экономический кризис переживала большая часть стран постсоветского пространства. Огромное количество людей остались не только без работы по специальности, но и без возможности какого-либо другого заработка. Спустя десятилетия ситуация изменилась кардинально.

По данным Национального статистического комитета уровень официально зарегистрированной безработицы (в процентах к численности ра-

бочей силы) в 2023 г. составил 0,1 % [1] снизился по сравнению с предыдущим годом (2022 г. – 0,2 %). Численность безработных, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, на конец декабря 2023 г. составила 3,3 тыс. человек, что на 28,7 % меньше, чем на конец декабря предыдущего года. Уровень безработицы по данным выборочного обследования домашних хозяйств в 2023 г. составил 3,5 % от численности рабочей силы [2]. За последние годы фактическая безработица сокращалась: 2017 г. – 5,6 %, 2018 г. – 4,7 %, 2019 г. – 4,2 %, 2020 г. – 4,1 %, 2021 г. – 4 %, 2022 г. – 3,6 %.

Зачастую экономические трудности заставляют искать работу за пределами мест своего проживания. Сегодня в миграционный трудовой обмен вовлечены практически все страны. На протяжении 2020-2021 гг. принятие государствами ограничительных мер по въезду и пребыванию иностранцев в Республике Беларусь повлияли на интенсивность миграционных потоков (перемещений). По данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел в 2023 г. количество иностранцев, зарегистрировавшихся в территориальных органах внутренних дел Республики Беларусь, по сравнению с предыдущим годом уменьшилось на 10 % (и составило чуть более 67 тыс. человек). В 2023 г. в Беларусь осуществлено более 1,6 млн. въездов иностранцев. Наиболее часто государственную границу Республики Беларусь пересекали граждане России (763 тыс.), Литвы (331 тыс.), Польши (145 тыс.), Латвии (105 тыс.), Украины (77 тыс.), Польши (64) и Казахстана (32) [3].

Часть трудовых мигрантов успешно трудоустраиваются, а заработанные деньги переводят на родину. Однако такие факты никоим образом не приуменьшают актуальности проблемы торговли людьми. Учитывая крайне ограниченные возможности легального трудоустройства в развитых странах, международная трудовая миграция носит преимущественно нелегальный характер. Часто трудовые мигранты либо незаконно попадают в страну, либо работают без официального разрешения. Таким образом, они становятся «группой риска» для торговли людьми. Кроме того, нарушение миграционного или трудового законодательства влечет за собой ответственность и наказание, в частности депортацию. Нелегальные трудовые мигранты, каким бы видом деятельности они не занимались, фактически лишены большинства прав и легко могут стать объектами эксплуатации. Нелегальная миграция, в том числе трудовая, может привести к торговле людьми.

Организованная преступность представляет собой постоянно меняющееся явление. По своей сущности и конкретным видам специализированной противоправной деятельности организованная преступность весьма разнообразна. Организованные преступные группы действуют согласованно с общей целью получения финансовой и иной выгоды. Учитывая, что торговля людьми является одной из наиболее прибыльных форм преступной

деятельности с малыми рисками по сравнению с торговлей оружием и наркотиками, то к одной из причин торговли людьми, несомненно, можно отнести и развитие транснациональной организованной преступности. Государственные границы не являются преградой для организованной преступности, занимающейся торговлей людьми, а наоборот преступные группировки умело пользуются развитием информационных технологий, а различием правовых систем, разным уровнем экономического развития и доходов населения.

Вооруженные конфликты также являются мощным катализатором торговли людьми. Они стремительно девальвируют не только незыблемость общепризнанных прав и свобод человека, но и само значение человеческой жизни. В вооруженных конфликтах наиболее распространено осуществление торговли людьми в форме принудительного труда и сексуальной эксплуатации. В результате таких издержек военных конфликтов происходит вынужденная миграция населения в соседние страны, где переселенцы формируют массив лиц, подверженных риску стать жертвой торговли людьми.

Принимаемые в Республике Беларусь меры, в том числе в рамках профилактических мероприятий, позволили существенно снизить масштабы торговли людьми и связанных с ней преступлений, а также количество жертв. Однако несмотря на общую тенденцию к снижению количества преступлений, связанных с торговлей людьми, важно понимать, что для эффективного противодействия «современному рабству» необходимо вовлечение в борьбу с ним всего общества. В этой связи важным будет являться предотвращение (предупреждение) торговли людьми, которое включает систему мер социально-экономического, информационно-просветительского, образовательного характера, предпринимаемых государственными органами, гражданским обществом и иными заинтересованными лицами, направленных на снижение спроса, который лежит в основе всех форм эксплуатации, связанной с торговлей людьми, а также на повышение осведомленности и снижение у населения риска стать жертвами торговли людьми.

Список цитированных источников

1. Рынок труда. Занятость населения [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.mintrud.gov.by. – Дата доступа: 24.04.2024.

2. Труд [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www. belstat.gov.by. – Дата доступа: 25.04.2024.

3. О миграционной ситуации в Республике Беларусь за 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел. – Режим доступа: https://www.mvd.gov.by. – Дата доступа: 24.04.2023.

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРИГОВОРОВ

Марчук Василий Васильевич
профессор кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор
v.marchuk.61@list.ru

1. Назначать наказание по правилам, предусмотренным ст. 73 УК, суд должен в случае, если любое новое преступление было совершено до момента полного отбытия наказания, назначенного обвинительным приговором за предыдущее преступление, либо до момента полного отбытия более строгого наказания, назначенного постановлением суда по факту злостного уклонения от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества, в порядке применения ч. 6 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 6 ст. 51, ч. 7 ст. 52, ч. 8 ст. 55.

Кроме того, в соответствии с уголовным законом правила назначения наказания по совокупности приговоров суд обязан применять и в случаях, предусмотренных ч. 8 ст. 77, ч. 8 ст. 78, п. 2 ч. 6 ст. 90, ч. 6 ст. 91, ч. 5 ст. 93, ч. 3 ст. 95, ч. 3 ст. 96, п. 2 ч. 5 ст. 119 УК.

2. Нормы действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь не дают оснований для однозначного вывода о том, что начальный момент времени, с которого возможно применение правил назначения наказания по совокупности приговоров, является универсальным для всех ситуаций. В ч. 1 ст. 73 УК нет прямого указания на то, что «провозглашенный приговор» должен вступить в законную силу. Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 45 УК лицо признается имеющим судимость «со дня вступления в законную силу приговора суда». В ст. 180 УИК применительно к осуждению с отсрочкой исполнения наказания и условном неприменении наказания указано, что срок отсрочки и испытательной срок исчисляются со дня вступления в законную силу приговора суда. Часть 8 ст. 77 и ч. 8 ст. 78 УК предписывают, что правила, предусмотренные ст. 73 УК, применяются в случае, если соответствующее преступление было совершено «в период отсрочки» либо «в течение испытательного срока». Если исходить из того, что при наличии обвинительного приговора, по которому лицо было осуждено с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК) либо с условным неприменением наказания (ст. 78 УК), правила назначения наказания по совокупности приговоров следует применять только тогда, когда новое преступление было совершено после вступления предыдущего приговора в законную силу, то тогда закономерно возникает вопрос о том, какими правилами назначения наказания должен руководствоваться суд, если новое преступление совершено

после оглашения резолютивной части обвинительного приговора, но до вступления его в законную силу? Правила, предусмотренные ч. 1–3 ст. 72 УК, в такой ситуации применены быть не могут, поскольку согласно ч. 1 ст. 42 УК понятие совокупности преступлений исключается, если лицо было осуждено за одно из преступлений. Согласно ч. 1 ст. 44 УК вынесение обвинительного приговора выражается в первую очередь в осуждении. Не могут быть применены и положения ч. 5 ст. 72 УК, так как в ней идет речь о преступлениях, совершенных «до вынесения приговора».

3. Вышеуказанные положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства порождают вопросы не только с пониманием временного периода применения положений, предусмотренных ст. 73 УК, но и, как показывает судебная практика, – понимания начального момента судимости, что в некоторых случаях влияет на квалификацию нового преступления.

Показательным в затронутом контексте является следующее дело. По приговору районного суда Ш. был признан виновным в систематическом нанесении побоев, не повлекшем последствий, предусмотренных ст. 147 и 149 УК, совершенном лицом, ранее судимым за истязание, и на основании ч. 2 ст. 154 УК ему было назначено наказание в виде ограничения свободы на срок 2 года без направления в исправительное учреждение открытого типа со штрафом в размере 50 базовых величин в сумме 1 850 рублей. Юридически оконченным данное преступление было в момент, когда еще не истек испытательный срок по приговору об осуждении Ш. за истязание по ч. 1 ст. 154 УК к наказанию в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев со штрафом в размере 50 базовых величин в сумме 1477 рублей 87 копеек с условным неприменением наказания в виде лишения свободы сроком на 1 год. В соответствии с ч. 1, 6 ст. 73 УК по совокупности приговоров к назначенному наказанию путем частичного присоединения неотбытой части основного наказания в виде лишения свободы и полного присоединения неотбытой части дополнительного наказания в виде штрафа, назначенного по предыдущему приговору Ш. было окончательно назначено наказание в виде лишения свободы на срок 2 года с отбыванием наказания в исправительной колонии в условиях общего режима и штрафа в сумме 3 327 рублей 87 копеек.

В апелляционном протесте прокурор указал, что при постановлении приговора судом не было учтено, что один из фактов истязания имел место до вступления в силу предыдущего приговора, а два других не являются достаточными для квалификации действий Ш. по ч. 2 ст. 154 УК по квалифицирующему признаку «совершенном лицом, ранее судимым за истязание».

Соглашаясь с доводами апелляционного протеста и изменяя приговор, Судебная коллегия Витебского областного суда исходила из следующего. Уголовная ответственность по ст. 154 УК наступает в том числе за систематическое нанесение побоев, не повлекших последствий,

предусмотренных ст. 147 и 149 УК. Систематический характер таких противоправных действий должен выражаться в многократном нанесении ударов по телу потерпевшего. Из понятия систематичности, закрепленного в ч. 15 ст. 4 УК, следует, что истязание образует нанесение с разрывом во времени не менее трех побоев. При квалификации содеянного Ш. по ч. 2 ст. 154 УК по признаку «совершенном лицом, ранее судимым за истязание» судом не принято во внимание то, что по предыдущему, постановленному и вступившему в законную силу приговору, обвиняемый осужден по ч. 1 ст. 154 УК. Согласно ч. 2 ст. 45 УК лицо считается судимым со дня вступления в законную силу приговора суда вплоть до погашения или снятия судимости, если приговор не был отменен в установленном законом порядке. Таким образом, для квалификации совершенного Ш. деяния по ч. 2 ст. 154 УК необходимо установить факт систематического, но не менее трех, нанесения побоев. Поскольку вмененный в вину Ш. период систематического нанесения побоев потерпевшей О. включает эпизод, которой имел место до вступления в силу приговора суда, то содеянное обвиняемым следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 154 УК. При таких обстоятельствах Судебная коллегия Витебского областного суда определила приговор районного суда в отношении Ш. изменить. Переквалифицировать действия Ш. с ч. 2 ст. 154 УК на ч. 1 ст. 154 УК как систематическое нанесение побоев, не повлекшее последствий, предусмотренных ст. 147 и 149 УК (истязание), по которой назначить наказание в виде ограничения свободы на срок 1 год 6 месяцев без направления в исправительное учреждение открытого типа со штрафом в размере 50 базовых величин на сумму 1 850 рублей. В соответствии с ч. 1, 6 ст. 73 УК по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по настоящему приговору, частично присоединить неотбытую часть основного наказания и полностью дополнительное наказание, окончательно назначить Ш. наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 10 месяцев с отбыванием в исправительной колонии в условиях общего режима и штрафа в сумме 3 327 рублей 87 копеек [1].

4. Неопределенность уголовно-правового регулирования в части применения соответствующих правил назначения наказания в указанных случаях будет существовать до тех пор, пока в уголовном законодательстве не будет четко определено понятие совокупности приговоров, раскрывающее природу и правовые последствия данного постпенального варианта множественности назначенных наказаний.

Список цитированных источников

1. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда от 19 мая 2023 г. [Электронный ресурс]// ilex: информ. правовая система. – Режим доступа: https: //ilex-private.ilex.by/backlinks/BELAW/205451/111?docSwitcherKey=y9yn. – Дата доступа: 29.06.2024.

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ДАВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Новикова Екатерина Викторовна
заведующий кафедрой судебной деятельности учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент
mypostadress@mail.ru

Согласно ч. 1 ст. 84 УК лицо освобождается от основного и дополнительного наказаний, если обвинительный приговор не был приведен в исполнение в указанные в данной статье сроки, считая со дня вступления его в законную силу. Применение давности требует точного исчисления ее сроков. Сроки давности исполнения обвинительного приговора дифференцированы и установлены законом в зависимости от назначенного судом вида и срока наказания.

Исторически нормы, регламентирующие давность исполнения приговора, появились в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. Статья 10 Основных начал гласила, что обвинительный приговор не приводится в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение десяти лет со дня его вынесения. Эта норма была в последующем перенесена в УК БССР и просуществовала без изменений до принятия Основ уголовного законодательства 1958 г. Как видим, тут отсутствовала какая-либо дифференциация сроков давности. Все осужденные, независимо от тяжести совершенного преступления были поставлены в одинаковые условия. Ничего не говорилось и об уклонении от отбывания наказания или совершении осужденным нового преступления. Указанное несомненно являлось недостатками уголовного законодательства тех лет. В дальнейшем давностные сроки были дифференцированы, уточнен начальный момент их течения. В ст. 47 УК БССР 1960 г. было закреплено, что обвинительный приговора не приводится в исполнение, если он не был приведен в исполнение в следующие сроки, считая со дня вступления приговора в законную силу: один год – при осуждении к наказанию, не более строгому, чем исправительные работы или направление в дисциплинарный батальон; три года – при осуждении к лишению свободы на срок не свыше двух лет, к ссылке или высылке; пять лет – при осуждении к лишению свободы на срок не свыше пяти лет; десять лет – при осуждении к более строгому наказанию, чем лишение свободы сроком на пять лет.

Идея дифференциации сроков давности является, без сомнения, нужной и правильной. В уголовном законе Республики Беларусь она воплощена весьма удачно в отличие, например, от УК России, где указанные сроки дифференцированы в зависимости от категории совершенного преступления.

Российские авторы отмечают этот изъян, приводя в подтверждение ситуацию, когда лицо совершило, например, десять преступлений средней тяжести, за которые оно было осуждено к лишению свободы сроком на десять лет. Если в отношении этого осужденного по каким-либо причинам приговор не был приведен в исполнение, то по истечении шести лет такого осужденного следует освободить от отбывания наказания, так как он был осужден хоть и по совокупности преступлений, но все же за преступления средней тяжести. В то время как осужденный, которому назначено аналогичное наказание за аналогичные преступления, все еще будет отбывать наказание. Приводится и обратная ситуация, при которой, например, лицо осуждено за совершение особо тяжкого преступления к двадцати годам лишения свободы. При неприведении приговора в исполнение (по разным причинам: небрежная работа канцелярии суда или работников органов, ведающих отбыванием наказания либо осуществляющих доставку осужденных в уголовно-исполнительные учреждения, стихийное бедствие, болезнь и т. п.) такого осужденного необходимо через пятнадцать лет освободить от наказания [1, с. 627–628].

Заметим, что еще советские ученые, которыми большое внимание уделялось институту давности в уголовном праве, поднимали этот вопрос [2; 3; 4; 5]. В частности, Ю. М. Ткачевский предлагал относительно срочных видов наказаний установить правило, согласно которому давность исполнения обвинительного приговора не должна быть меньше срока назначенного наказания [6, с. 199]. Более того, звучали предложения установить сроки на несколько лет более (два или три года) срока назначенного наказания [7, с. 130–133]. Встречалась позиция, согласно которой продолжительность срока давности должна быть не меньше суммарного срока наказания за преступление и срока погашения судимости за него [8, с. 8].

Белорусский законодатель учел выказанные в доктрине предложения. Размер сроков давности в ст. 84 УК поставлен в зависимость от назначенного за данное преступление судом в обвинительном приговоре наказание, а не от категории совершенного преступления. При этом давностный срок не превышает срок назначенного судом наказания в виде лишения свободы. Для наказаний, не носящих срочный характер, установлен конкретный срок в числовом выражении (один год).

В белорусской научной литературе встречается мнение о том, что в законе должны устанавливаться такие сроки давности обвинительного приговора, которые были бы выше сроков наказания, назначенного приговором суда. При этом предлагается перенять весьма спорный, на наш взгляд, опыт российского законодателя: «…п. 5 ч. 1 ст. 84 УК предусматривает срок давности обвинительного приговора продолжительностью пятнадцать лет при осуждении к более строгому наказанию, чем лишение свободы сроком на десять лет. В то же время ст. 57 УК устанавливает максимальный срок лишения свободы двадцать пять лет.

Значит, если суд назначил данный срок лишения свободы и приговор не был приведен в исполнение, то спустя пятнадцать лет лицо может быть освобождено от отбывания наказания. хотя предельный давностный срок меньше максимальных сроков самого наказания… С одной стороны, такое противоречие недопустимо и целесообразно ввести в законодательство новый давностный срок, который должен быть продолжительнее двадцати пяти лет, чтобы соблюсти единообразие в подходах к определению давностных сроков, а с другой наличие такого продолжительного срока давности для данной категории осужденных подрывает саму гуманную идею существования давности в уголовном праве. Как уже отмечалось, радикальным является установление в УК давностных сроков исходя из тяжести совершенного преступления» [9, с. 280]. Представляется, что высказанная автором позиция основывается на получившей распространение в доктрине уголовного права точки зрения об отпадении общественной опасности личности осужденного как основании его освобождения от наказания при истечении сроков давности его исполнения.

Между тем, полагаем, что институт давности исполнения обвинительного приговора направлен на то, чтобы, прежде всего, дисциплинировать ответственных за приведение приговора в исполнение лиц, обязать их профессионально и своевременно выполнять возложенные на них задачи, не допускать ошибок. Именно это и следует считать его основанием. Временными границами, в течение которых могут течь давностные сроки исполнения обвинительного приговора, охватывается период с момента вступления приговора в законную силу и до полного отбытия назначенного судом наказания. Сроки давности текут лишь то время, пока приговор по независящим от осужденного причинам не исполняется. Препятствие для исполнения приговора может возникнуть в любой момент в рамках обозначенного выше периода времени и послужить началом течения давностного срока. Сроки давности текут как в отношении неисполненного в полном объеме приговора, так и в отношении неисполненной части приговора.

Течение давностного срока зависит от поведения осужденного, который не должен в установленный законом период уклоняться от отбывания назначенного судом наказания и совершить новое умышленное преступление.

Если осужденный уклоняется от отбывания наказания, то течение сроков давности приостанавливается (ч. 2 ст. 84 УК). Приостановление сроков давности означает, что то время, на протяжении которого лицо уклоняется от отбывания наказания, в указанный законодателем срок не засчитывается. Как известно, в 2021 г. произошла декриминализация ст. 415–419 УК. Что это означает в контексте правильного понимания и применения ст. 84 УК? До указанных изменений уголовного закона злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, образовывало преступление. А значит, согласно ч. 3 ст. 84 УК давностные сроки прерывались. Действующее законодательство преду-

сматривает в случаях такого уклонения замену назначенного судом наказания более строгим. Решение о замене в форме постановления принимает суд на основе представления органа, на который возложено исполнение приговора. Предположим, что лицо злостно уклоняется от отбывания наказания в виде общественных работ. Ранее такое поведение образовывало преступление, прерывающее течение давности. Сроки давности начинали течь заново с момента совершения нового преступления. Согласно действующему законодательству злостное уклонение от отбытия общественных работ преступлением не признается. Уклонение от отбытия наказания, не являясь преступлением, должно приостанавливать сроки давности. Учитывая предусмотренную УК возможность замены наказания на более строгое (например, общественных работ на арест) возникают проблемы определения временных границ давностного срока, а также его продолжительности. Так, при назначении наказания в виде общественных работ давностный срок составляет 1 год, при аресте – 2 года. Сроки давности начинают течь с момента вступления приговора в законную силу. Замена производится не на основе приговора суда, а на основании его постановления. Дать какое-либо научное обоснование сложившейся ситуации не представляется возможным. По нашему мнению, прекратить нарастающий в практике вал проблематики механической замены наказания на более строгое можно только путем криминализации фактов злостного уклонения от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества.

Список цитированных источников

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 10. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. – Издание проф. Малинина. – СПб ГКА, СПб, 2008. – 820 с.

2. Смольников, В. Е. Давность в уголовном праве / В. Е. Смольников. – М.: Юрид. лит., 1973. – 142 с.

3. Дурманов, Н. Д. Освобождение от наказания по советскому праву / Н. Д. Дурманов. – М.: Государств. изд-во юрид. литературы, 1957. – 80 с.

4. Ткачевский, Ю. М. Давность в советском уголовном праве / Ю. М. Ткачевский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 128 с.

5. Скибицкий, В. В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания / В. В. Скибицкий. – Киев: Навукова думка, 1987. – 182 с.

6. Ткачевский, Ю. М. Освобождение от отбывания наказания / Ю. М. Ткачевский. – М. : Юрид. лит, 1970. – 240 с.

7. Сабанин, С. Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания. / С. Н. Сабанин; Урал. гос. юрид. акад., Екатеринбург. высш. шк. МВД Рос. Федерации. – Екатеринбург: Екатеринбург. ВШ МВД РФ, 1993. – 170 с.

8. Зельдов, С. Соотношение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и погашения судимости / С. Зельдов // Сов. юстиция. – 1967. – № 12. – С. 8–9.

9. Бибило, В. Н. Особенности норм уголовно-процессуального и уголовного права о давности обвинительного приговора суда / В. Н. Бибило // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 19. – С. 271–283.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Осадчая Наталья Георгиевна
доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
natik3sol@mail.ru

Преступления в сфере экономики могут относиться к коррупционным преступлениям в случае совершения их должностными лицами, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях или лицами, использующими свое служебное положение. Среди этих преступлений хотелось бы уделить особое внимание деяниям, связанным с хищением денежных средств из бюджета. По нашему мнению, такого рода действия представляют повышенную общественную опасность сразу по нескольким причинам. Во-первых, такие преступления наносят огромный ущерб не только государству в лице его органов, но и гражданам и организациям, которые являются налогоплательщиками, то есть от их совершения страдает весьма обширный круг неопределенных лиц. Во-вторых, такие преступления наносят не только имущественный ущерб, но и ставят под угрозу национальную безопасность в целом. В результате хищения бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов и достижение социально значимых результатов, работы выполняются не качественно, что приводит к обрушению стадионов, мостов, приведению в негодность зданий, сооружений, дорог и т. д. В-третьих, такие преступления приводят к разрастанию коррупции, поражающей как ржавчина все устои государства и общества. В-четвертых, когда возбуждаются уголовные дела против расхитителей бюджетных средств, это всегда вызывает широкий общественный резонанс, справедливое негодование граждан и подрыв из доверия к органам государственной власти. В-пятых, в делах о хищениях бюджетных средств всегда фигурируют колоссальные суммы причиненного ущерба в разы превышающие суммы, установленные законодателям для особо крупных размеров хищений. Исходя из этих аргументов, считаем необходимым серьезно усилить борьбу с хищением бюджетных средств уголовно-правовыми средствами. Такая проблема уже становилась предметом рассмотрения в юридической литературе.

Так, например, И. В. Григорьева, проанализировав уголовное законодательство и практику привлечения к ответственности за хищения из бюджета, пришла к выводу, что хищения из бюджета квалифицируются по следующим статьям УК РФ: «мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) – гл. 21 УК РФ определены как преступления, направ-

ленные против собственности» [1, с. 589].

Для этих составов характерно, что объектом в них является собственность, не зависимо от того какому субъекту она принадлежит: государству, предприятию или физическому лицу. В преступлениях, совершенных с использованием служебного положения виновного, появляется дополнительный объект: интересы государственной власти. Предметом в этих составах является чужое имущество, отдельно виды имущества и, в частности, бюджетные средства не выделяются. Объективная сторона этих деяний выражается в хищении чужого имущества путем обмана либо злоупотребления доверием, либо в присвоении и растрате вверенного виновному имущества. Субъективная сторона – во всех случаях прямой умысел и корыстная цель. Субъект может быть как общий, так и специальный. Последний предусмотрен в квалифицированных составах как лицо, использующее свое служебное положение. Отдельно необходимо обратить внимание на наказание за анализируемые преступления. «Самое тяжкое наказание за данные преступления – лишение свободы – предусмотрено сроком до 5 (по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ) либо до 6 (по ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ) лет. За совершение преступления по ч. 3 ст. 160 УК РФ предусмотрено также наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Самые тяжкие меры и виды наказаний за мошенничества, мошенничества при получении выплат, присвоениях и растратах предусмотрены соответственно ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 160 УК РФ, по которым в настоящее время квалифицируются хищения бюджетных средств при совершении организованной группой либо в особо крупном размере. Это наказания в виде лишения свободы на срок до 10 лет со штрафом в размере до 1 000 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового» [1, с. 590].

Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в анализируемых санкциях не установлен минимальный размер наказаний, а это значит, что он может составить минимум, предусмотренный Общей частью УК РФ. То есть в настоящее время за хищение бюджетных средств суд имеет полное право назначить наказание в виде лишения свободы сроком на два месяца со штрафом в пять тысяч рублей или без такового. Кроме того, в статье не учтен тот факт, что хищения бюджетных средств совершаются в размерах в сотни раз превышающих особо крупный размер, составляющий для хищений стоимость имущества в один миллион и выше. Очевидно, что потенциал ст. 159, 159.2, 160 УК РФ явно недостаточен для борьбы с таким опасным коррупционным явлением как хищение бюджетных средств. Как справедливо отмечалось исследователями этой проблемы: «данное обстоятельство указывает на невозможность при помощи действующих норм гл. 21 УК РФ о преступлениях против собственности в полной мере решать охранительные и превентивные задачи, стоящие пе-

ред уголовным законом, а также соблюдать принцип справедливости уголовной ответственности при ее реализации в отношении лиц, совершивших хищения бюджетных средств с использованием своего служебного положения и в размере, значительно превышающем один миллион рублей» [2, с. 17].

Поэтому мы присоединяемся к мнению ученых, считающих необходимым введение отдельной статьи в УК РФ, позволившей бы эффективно бороться с данным явлением [3, с. 205].

С ней солидарны и другие ученые: «на сегодняшний день возникли основания для выделения нового состава хищения чужого имущества – хищение бюджетных средств, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в размере, который в два или более раз превышает особо крупный размер, установленный в примечании 4 к ст. 158 УК РФ» [2, с. 18].

Учитывая изложенное, вызывает сомнения предложение о выделении государственной собственности в отдельный объект уголовно правовой охраны. И. В. Григорьева утверждает, что «в настоящее время сформировались социальные и юридические предпосылки для выделения государственной собственности в качестве относительно самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны» [4, с. 120].

Мы считаем, что такой подход к охране государственной собственности будет противоречить Конституции РФ, которая устанавливает равную защиту всех форм собственности. Повышенная общественная опасность хищения бюджетных средств состоит не в том, что это преступление посягает на собственность государства, а в том, что при его совершении страдают дополнительные объекты: государственная власть и государственная безопасность. В то же время, мы считаем, что норма, предусматривающая ответственность за хищения бюджетных средств, должна находиться именно в гл. 21 УК РФ. Это аргументируется тем, что среди выявленных преступлений, связанных с незаконным освоением бюджетных средств, хищения в несколько раз превышают остальные виды преступных посягательств на бюджетные средства [5].

Предлагаем ввести в законодательство РФ ст. 160.1 «Хищение бюджетных средств или иного имущества, находящегося в государственной собственности». Кроме того, необходимо внести дополнение в ст. 104.1 пункт «а» о конфискации денег, ценностей или иного имущества, полученных в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 160.1 УК РФ.

Список цитированных источников

1. Григорьева, И. В. Уголовная ответственность за хищения бюджетных средств: постановка проблемы / И. В. Григорьева // Молодой ученый. – 2016. – № 12 (116). – С. 588–592.

2. Борисов, С. В. О целесообразности выделения хищения бюджетных средств в самостоятельный состав преступления / С. В. Борисов, С. С. Моисеев // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 15–19.

3. Григорьева, И. В. Хищения государственных бюджетных средств как угроза экономической безопасности Российской Федерации / И. В. Григорьева // Пробелы в рос. законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 204–206.

4. Григорьева, И. В. Направления совершенствования уголовно-правовых мер по противодействию хищениям государственной собственности / И. В. Григорьева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 118–121.

5. Сведения ГИАЦ МВД России за 2022–2023 гг. [Электронныйресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/results/annual_reports – Дата доступа: 05.06.2023.

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Павловская Надежда Владимировна
заведующий лабораторией криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
korsica@mail.ru

Поиск эффективных способов предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), в последние годы приобретает все большую актуальность и востребованность не только в России, но и в других странах.

Официальные статистические данные показывают значительные масштабы распространения криминальных посягательств данного вида [1]. Так, в 2020–2022 гг. правоохранительными органами в Российской Федерации ежегодно регистрировалось свыше 500 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИКТ, в 2023 г. – свыше 600 тыс., а за пятилетний период данный показатель увеличился в 2,3 раза (с 294 тыс. в 2019 г. до 676 тыс. в 2023 г.).

Преступления, совершенные таким способом, занимают все более заметную долю в общей структуре преступности в России. Если пять лет назад на них приходилось лишь 14,5 % всего массива зарегистрированных преступлений, то в 2023 г. – уже более трети (34,8 %), а в некоторых субъектах Российской Федерации данный показатель достигает половины (например, в 2023 г. в Ямало-Ненецком автономном округе она составляет 50,5 %, в Республике Татарстан – 47,9 %, в Республике Марий Эл – 47,2 %, в г. Москва – 45,5 %).

Использование ИКТ становится преобладающим способом совершения для отдельных видов преступлений. Например, сейчас с использованием информационных технологий совершаются две трети

всех деяний, связанных с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков, ответственность за которые предусмотрена ст. 228-1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), свыше 70 % всех случаев вымогательства (ст. 163 УК РФ), более 80 % всех случаев мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Чаще всего в преступных целях используются сеть «Интернет» (в 2023 г. – сеть использовалась для совершения 77,8 % всех зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий) и средства мобильной связи (44,7 %).

Наиболее массовым видом преступлений, совершенных с использованием ИКТ, является мошенничество (ст. 159 УК РФ). На них в 2023 г. приходится более половины (52,2 %) всех зарегистрированных преступлений, для совершения которых использовались такие технологии. При этом их количество ежегодно только увеличивается (+32,2 % в 2019 г., +75,6 % в 2020 г., +13,3 % в 2021 г., +4,8 % в 2022 г. и +41,3 % в 2023 г.). Второе место после мошенничества в структуре рассматриваемых преступлений занимают кражи (ст. 158 УК РФ) (17,6 %), а третье – незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств… (ст. 228-1 УК РФ) (12,0 %). До 5,5 % в 2023 г. увеличился удельный вес преступлений в сфере компьютерной информации, предусмотренных статьями гл. 28 УК РФ.

Разработка системы мер предупреждения преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, должна опираться на результаты анализа и изучения особенностей их причинного комплекса, личности современного кибер-преступника, виктимологических характеристик жертв криминальных посягательств. Так, проводимые исследования указывают на определяющее значение в детерминации телефонного и интернет-мошенничества низкого уровня правовой и финансовой грамотности, незнания правил компьютерной гигиены или пренебрежения ими. Так, по данным исследования, проведенного по заказу Банка России, только половина опрошенных респондентов понимают, что чем выше доходность, тем выше риск, а также осведомлены об организациях, занимающихся защитой прав потребителей на финансовом рынке, около половины готовы рискнуть деньгами при инвестировании, пятая часть не использует никакие средства защиты финансов в Интернете, столько же пострадали от взаимодействия с финансовыми, в том числе телефонными, мошенниками [2].

В этих условиях возрастает роль правового и финансового просвещения и информирования в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В этом направлении в последние годы российским государством и обществом предпринимаются значительные усилия. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2017 г. № 2039-р утверждена Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской

Федерации на 2017–2023 годы, распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 4088-р утверждена Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, в 2023 г. Банком России одобрены основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2023–2025 годов.

В целях повышения эффективности предупреждения кибермошенничества активно совершенствуется российское законодательство. Так, распространенность мошеннических схем, в которых преступники оформляют на граждан кредиты и займы, похищая крупные суммы денежных средств, привела к введению Федеральным законом от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» возможности установления гражданами через портал «Госуслуги» или МФЦ запрета на оформление им кредитов. В случае, если кредит все-таки будет выдан, несмотря на установленный запрет, кредитор не сможет потребовать исполнения обязательств по кредиту.

С 25 июля 2024 г. Банк России расширил перечень ранее утвержденных им признаков перевода денежных средств без согласия клиентов. Приказом Банка России от 27 сентября 2018 г. № ОД-2525 к таким сомнительным (мошенническим) операциям относились случаи, когда получатель средств или устройство, с использованием которого производится перевод, находятся в специальной базе данных Банка России; характер, параметры и объем проводимой операции не соответствуют обычным операциям клиента. К этому добавлены случаи переводов на счета, по которым ранее уже совершались мошеннические действия, даже если информации об этом нет в базе данных Банка России; если есть информация о возбужденном уголовном деле в отношении получателя средств; если имеются данные от сторонних организаций, свидетельствующие о мошеннических операциях.

Одновременно с этим вступят в силу нормы Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе», устанавливающие обязанность операторов денежных переводов приостановить операции при обнаружении подобных признаков на два дня (так называемый период охлаждения) и уведомить об этом клиента. Предполагается, что за этот срок клиент может осознать, что перевел деньги мошенникам, и отменить операцию. Если оператор по переводу денежных средств исполнит операцию в нарушение установленных требований, он будет обязан вернуть клиенту – физическому лицу полную сумму похищенных средств в течение 30 дней после получения от него соответствующего заявления.

Одним из действенных способов предупреждения телефонного мошенничества и иных преступлений становится привлечение операторов сотовой связи к административной ответственности за пропуск соединений

с так называемых подменных иностранных номеров. Так, в г. Санкт-Петербург штрафы в 600 тыс. руб. назначены каждому из двух мобильных операторов, допустивших пропуск в свои сети трафика из иностранных государств с номерами российской системы нумерации, которые использовались при совершении дистанционных хищений денежных средств граждан путем обмана в общем размере свыше 1,4 млн руб. [3].

Принимаемые меры могут способствовать более эффективному предупреждению преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Список цитированных источников

1. Министерство внутренних дел Российской едерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics. – Дата доступа: 13.07.2024.

2. Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/fin_ed_4/. – Дата доступа: 13.07.2024.

3. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=96129384. – Дата доступа:13.07.2024.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НОВЕЛЛАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК БЕЛАРУСИ 2021–2024 ГГ.

Плетенева Дарья Александровна
старший преподаватель кафедры уголовного права
юридического факультета Белорусского государственного университета
dapleteneva@gmail.com

Законами Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З; от 14 декабря 2021 г. № 133-З; от 4 января 2022 г. № 144-З; от 5 января 2022 г. № 146-З; от 9 марта 2023 г. № 256-З; от 8 июля 2024 г. № 22-З в УК введены составы 21 вида преступлений.

Это следующие преступления: реабилитация нацизма (ст. 130-1); отрицание геноцида белорусского народа (ст. 130-2); незаконные организация деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их деятельности (ст. 193-1); нарушение законодательства о средствах массовой информации (ст. 198-1); незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст. 203-1); несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных (ст. 203-2); уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов (ст. 243-1); налоговое мошенничество (ст. 243-2); уклонение от уплаты страховых взносов (ст. 243-3); пропаганда терроризма (ст. 289-1); управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления

(ст. 317-2); подделка документов качества, маркировки, упаковки лекарственных средств и (или) медицинских изделий, вспомогательных веществ, частей, материалов, аксессуаров (ст. 338-1); производство, ввоз в Республику Беларусь, хранение или сбыт фальсифицированных, некачественных, незарегистрированных лекарственных средств и (или) медицинских изделий (ст. 338-2); пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341-1); неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий (ст. 342-2); содействие экстремистской деятельности (ст. 361-4); прохождение обучения или иной подготовки для участия в экстремистской деятельности (ст. 361-5); незаконные собирание либо получение сведений, составляющих государственные секреты (ст. 375-1); нарушение требований по защите государственных секретов (ч. 1 ст. 375-2, ч. 2 ст. 375-2); неисполнение решения о признании организации, деятельности индивидуального предпринимателя экстремистскими, о прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации и (или) приостановлении их деятельности (ст. 423-1).

Устанавливая уголовно-правовой запрет, законодатель дифференцировал уголовную ответственность, прибегая к традиционным критериям: выделение категорий преступлений по степени их тяжести, формулирование квалифицирующих признаков в отдельных составах преступлений, выделение видовых составов преступления.

Категории преступлений, исходя из основного состава (части 1 статьи), распределяются следующим образом: преступления небольшой общественной опасности – 6 составов (ст. 198-1; 203-1; 203-2; 317-2; 338-2; 193-1); менее тяжкие преступления – 14 составов (ст. 130-1; 130-2; 243-1; 243-2; 243-3; 289-1; 338-1; 341-1; 342-2; 361-4; 361-5; 375-1; 375-2; 423-1). Преступлений, основной состав которых относится к тяжким, новеллы не предусматривают. Некоторые квалифицированные составы отнесены к категории тяжких преступлений – 9 составов (ч. 2 и 3 ст. 130-1; ч. 2 ст. 130-2; ч. 2 ст. 243-1; ч. 2 ст. 243-2; ч. 2 ст. 243-3; ч. 2 ст. 289-1; ч. 3 ст. 338-2; ч. 2 ст. 361-4). Особо тяжких преступлений среди введенных норм нет.

Из 21 состава преступления, включенного в УК, в 14 предусмотрены квалифицирующие признаки (ч. 2 и 3). Это: ч. 2 и 3 ст. 130-1; ч. 2 ст. 130-2; ч. 2 и 3 ст. 203-1; ч. 2 ст. 243-1; ч. 2 ст. 243-2; ч. 2 ст. 243-3; ч. 2 ст. 289-1; ч. 2 и 3 ст. 338-2; ч. 2 ст. 361-4; ч. 2 ст. 375-1, ч. 3 ст. 375-2.

Среди квалифицирующих признаков названы типичные для УК – совершение преступления повторно (ч. 2 ст. 317-2; ч. 2 ст. 338-2; ч. 2 ст. 361-4), лицом, ранее судимым (ч. 2 ст. 130-2; ч. 2 ст. 289-1), группой лиц (ч. 3 ст. 130-1), группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 338-2; ч. 2 ст. 361-4), с причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 2 ст. 243-1; ч. 2 ст. 243-2; ч. 2 ст. 243-3).

Повышенную ответственность влекут действия, соединенные с насилием (ч. 2 ст. 130-1), повлекшие причинение по неосторожности тяжкого телесного повреждения (ч 3 ст. 338-2), повлекшие по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 130-1; ч. 3 ст. 338-2).

Способ совершения преступления в качестве квалифицирующего признака назван в одном случае: действия, совершенные с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 2 ст. 375-1).

По признаку субъекта выделяются квалифицированные преступления, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 ст. 130-1; ч. 2 ст. 130-2; ч. 2 ст. 361-4).

Мотив преступного поведения является квалифицирующим обстоятельством в ч. 3 ст. 203-1: «действия, … совершенные в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга».

Не удалось избежать оценочных признаков. Это деяние, повлекшее иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 130-1; ч. 2 ст. 375-1; ч. 3 ст. 375-2).

Дифференциация ответственности осуществлена законодателем посредством выделения видового состава преступления – налоговое мошенничество (ст. 243-2). В данном случае определенная разновидность хищения путем мошенничества перенесена из гл. 24 УК «Преступления против собственности» в гл. 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности».

Данное решение нам представляется неудачным. Несмотря на странную конструкцию диспозиции ч. 1 ст. 243-2, где описание деяния не включает признака завладения имуществом, но прямо указывает на причинение ущерба в крупном размере, налицо все признаки хищения, согласующиеся с составом преступления мошенничества (ст. 209) при условии, что виновный преследует корыстную цель.

Неосновательно возник привилегированный состав мошенничества. Виновный завладевает деньгами, находящимися на законном основании в республиканском или местном бюджете. Завладевает путем обмана – посредством представления уполномоченному органу заведомо ложных сведений. Уголовная ответственность наступает при причинении ущерба в крупном размере, каковым является размер на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (ч. 1 примечаний к гл. 25 УК).

Возникла странная ситуация, когда по общему правилу (ст. 209) завладение путем мошенничества государственным имуществом является преступлением при ущербе в размере свыше 10 базовых величин, а при завладении имуществом из налоговых поступлений в бюджет – при ущербе в 1000 и более базовых величин. Мошенничество в крупном размере (250 и более базовых величин) по ч. 3 ст. 209 может караться лишением свобо-

ды на срок от двух до семи лет со штрафом или без штрафа, а налоговое мошенничество при крупном размере (ч. 1 ст. 243-2) – лишением свободы на срок до трех лет со штрафом или без штрафа. При особо крупном размере (1 000 и более базовых величин) по ч. 4 ст. 209 мошенничество карается лишением свободы на срок от трех до десяти лет со штрафом, а налоговое мошенничество при особо крупном размере (2 000 и более базовых величин) максимально карается лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Нам могут возразить, что не всегда виновный преследует корыстную цель, т. е. не всегда налоговое мошенничество аналог хищения путем мошенничества. Например, когда должностное лицо действует, сообразуясь с иными личными интересами. Но тогда это будет проявлением злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424). Сравнение признаков ст. 424 с признаками налогового мошенничества обнаруживает такие же трудно объяснимые контрасты в строгости ответственности, как и при сопоставлении со ст. 209.

ОБ ОЦЕНКЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Реутская Елена Александровна
доцент кафедры уголовного права учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент
ellen-britova@rambler.ru

Общественная опасность является базовой категорией уголовного права, позволяющей правильно квалифицировать деяния, относить преступления к различным категориям в соответствии со ст. 12 УК, определять справедливые наказания, соизмеримые с тяжестью преступления, влиять на решение вопросов об освобождении лица от уголовной ответственности, назначении более мягкого наказания (ст. 70 УК) или применении иных мер уголовной ответственности (ст. 77-78 УК). Отсутствие общественной опасности в деянии, внешне сходном с преступлением, исключает возможность признания его преступлением, а ее наличие, наоборот, является основанием для постановки вопроса о криминализации деяния. По мнению И. А. Белецкого, целью измерения общественной опасности любого деяния является установление возможности инициировать законотворческий процесс: криминализовать новое, декриминализовать старое, унифицировать нормы, предложить дифференциацию ответственности [1, с. 62].

Действующий уголовный закон ограничился лишь указанием на общественную опасность в некоторых статьях, однако само определение на уровне УК не закреплено. Например, в соответствии с ч. 6 ст. 3 УК справедливость как основополагающий принцип уголовного права и уголовной ответственности связан с его соответствием характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. При назначении наказания суд должен учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного и иные обстоятельства на основании ч. 1 ст. 62 УК.

Отсутствие четкого определения общественной опасности затрудняет разработку теоретических основ уголовного права и приводит к различным интерпретациям этого понятия, затрудняет определение степени тяжести преступлений на основании ст. 12 УК, что может привести к ошибкам в квалификации преступлений и назначении наказаний. Неопределенность общественной опасности в свою очередь негативно влияет на содержание санкций, предусмотренных уголовным законодательством, и влечет несоразмерность наказаний и совершенных преступлений по причине того, что санкции статей Особенной части УК зачастую формируются без объективного учета количества и качества заключенной в преступлении вредоносности [2, с. 144], что противоречит положениям п. 43.1 Концепции правовой политики Республики Беларусь [3].

В научной литературе общественная опасность традиционно рассматривается как важнейший признак преступления, который представляет собой способность причинить значительный вред общественным отношениям или создать угрозу причинения такого вреда. Общественная опасность деяния рассматривается как внутреннее свойство деяния, заключающееся в объективной способности действий человека нанести вред или создать угрозу его причинения. Это понятие включает в себя как фактические последствия деяния, так и его потенциальную угрозу для общественных интересов.

Для преодоления указанных проблем необходимо законодательное закрепление понятия общественной опасности и разработка методов ее измерения. В теории уголовного права к методам измерения общественной опасности относят в первую очередь характер и степень общественной опасности, изучение судебных приговоров, учет личности виновного и иные. Так, характер общественной опасности преступления выражается его принадлежностью к преступлениям определенного рода и может быть определен законодателем с помощью элементов и признаков состава преступления, а степень определяется содержанием санкций. При этом в настоящее время элементы состава преступления не позволяют в полной мере четко разделить признаки, «отвечающие», с одной стороны, за характер, а с другой – за степень общественной опасности [4, с. 137].

И. В. Ищенко предлагает характер общественной опасности определять на основании установления конкретных признаков состава преступления, а степень общественной опасности исходя из обстоятельств, которые находятся за рамками состава преступления, но учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности [4, с. 134], то есть воспринимается через изучение судебных приговоров. Признавая, что характер общественной опасности преступления определяется через его состав, а степень традиционно оценивается правоведами на основании санкции статьи Особенной части УК, следует отметить, что эти методы исходят из самой сущности общественной опасности и предопределяются ею. Таким образом, они не могут служить инструментами измерения того, что их определяет. Первоначально возникает потребность в криминализации деяния, формулируются диспозиция и санкция, учитывающие типовую общественную опасность, а затем правоприменитель, анализируя верхние и нижние пределы наказания в виде лишения свободы и положения ст. 12 УК, определяет категорию преступления и, соответственно, индивидуальную общественную опасность конкретного преступления.

Научный интерес представляет идея измерения общественной опасности личность виновного. Так, лицо, совершившее преступление, не следует рассматривать в отрыве от совершенного деяния, общественная опасность которого напрямую влияет на определение общественной опасности преступления. Подобные исследования позволят разработать более точные критерии измерения общественной опасности.

Таким образом можно сделать вывод о том, что общественная опасность преступления является ключевой категорией уголовного права, от которой зависит точность квалификации преступлений и справедливость назначаемых наказаний. Отсутствие законодательного определения этой категории вызывает серьезные проблемы как в теории, так и в правоприменительной практике. Поэтому необходимы законодательное закрепление понятия общественной опасности и разработка методов ее измерения, что позволит улучшить правоприменение.

Список цитированных источников

1. Белецкий, И. А. Общественная опасность преступления: о чем нужно писать в кандидатских диссертациях? / И. А. Белецкий // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 61–65.

2. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток : Дальневост. ун-т, 1987. – 267 с.

3. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023, № 196 : в ред. от 14.03.2024 № 96 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

4. Ищенко, И. В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непреступных деяний: проблемы понятия и критериев определения / И. В. Ищенко // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. – 2021. – Т. 7 . – № 3–2. – С. 133–147.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Рогава Инга Георгиевна
старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
inga-rogava@mail.ru

Развитие экономики и права, глобализационные процессы последних десятилетий существенным образом повлияли не только на улучшение качества человеческой жизни, но и увеличили показатели социально-экономического расслоения в мире, опосредованно переформатировав параметры преступности. Среди ее современных характеристик и тенденций выделяются транснациональность, организованный характер, сверхдоходность, рост латентности и др. Ввиду чего новый импульс для своего развития получили криминальные явления, которые в современном мире, казалось бы, не должны существовать. К их числу относится торговля людьми, представляющая сегодня систему различных внутригосударственных и транснациональных деяний, посягающих на свободу личности.

Одной из особенностей современного явления работорговли в ее широком смысле является многообразие форм и проявлений, отличных от известных на протяжении веков классических сделок купли-продажи человека (долговая кабала, крепостное состояние, принудительное замужество, вынужденный труд, эксплуатация ребенка, иные институты и обычаи, схожие с рабством). В подобных условиях возникает вопрос о решении современных проблем реализации уголовной ответственности за одно из наиболее опасных преступлений против свободы человека – торговлю людьми. Анализ современной редакции ст. 127-1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и возникающих в связи с ее реализацией проблем позволяет предложить следующие пути их решения:

1. Для квалификации торговли людьми, совершенной в отношении двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ), не имеет значение, был ли общий умысел на торговлю двумя и более потерпевшими или в отношении каждого потерпевшего имелся индивидуальный умысел, как и не имеет значение длительность разрыва во времени между совершенными преступными действиями [1, с. 77].

2. Допустимость относительного знания виновного лица о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего от торговли людьми следует признать объективным вменением и противоречащим основополагающему принципу вины, в связи с чем представляется целесообразным вернуть в п. «б» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ признак заведомости.

3. Беспомощное состояние потерпевшего при торговле людьми (п. «з» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ) означает, что он либо не способен оказать адекватное сопротивление виновному, либо не осознает или не в полной мере осознает фактический характер действий, совершаемых с ним, в силу наличия у него физиологических или психических особенностей.

Материальная зависимость потерпевшего от виновного может быть выражена в нахождении на иждивении, наличии денежного долга, иных обязательств имущественного характера, использовании жилья виновного и т. п. В свою очередь, иная зависимость может проявляться [2, с. 58] в наличии брака между виновным и потерпевших, иных родственных связей, трудовых, служебных отношений между ними и т. д.

4. При торговле в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «и» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ), он должен достоверно, точно, однозначно знать о наличии у потерпевшей этого состояния. В случае фактической ошибки относительно беременности потерпевшей при торговле людьми, такое деяние следует квалифицировать как покушение на торговлю в отношении заведомо беременной женщины.

5. При незаконном перемещении через государственную границу РФ на территорию РФ иностранных граждан или лиц без гражданства, в действиях виновного лица имеется совокупность преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 127-1 и ст. 322-1 (Организация незаконной миграции). Если же незаконное перемещение осуществляется за пределы РФ в отношении граждан РФ, иностранных граждан или лиц без гражданства, то необходима дополнительная квалификация по ч. 3 ст. 33, ст. 322 УК, как организация незаконного пересечения Государственной границы РФ.

Незаконное удержание потерпевшего за границей подразумевает, что он находится на территории иностранного государства, как на законных, так и на незаконных основаниях, и не может в силу внешнего воздействия со стороны виновного лица, вернуться обратно на территорию РФ.

В случае вербовки лица для занятия им проституцией в условиях неволи (лишении физической свободы), отсутствия возможности прекращения такой деятельности, и преследовании виновным цели эксплуатации, при которой занятие проституцией будет принудительным, такое деяния надлежит квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ. Если же лицо вовлекают в добровольное занятие им проституцией и у виновного отсутствует цель его эксплуатации, то в его действиях содержится состав преступления, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 240 УК РФ.

6. Использованием поддельных документов, их изъятие, сокрытие либо уничтожение документов, удостоверяющих личность потерпевшего, совершаются виновным в целях облегчения торговли людьми, сокрытия фактов совершения этого преступления, обеспечения нахождения потерпевшего в эксплуатации. Если целью совершаемых действий с документа-

ми является удержание потерпевшего заграницей, то лицу необходимо вменять и п. «г» и п. «д» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ.

7. При торговле людьми применение насилия (физического и (или) психического) (п. «е» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ) является способом совершения действий, образующих объективную сторону этого преступления, и осуществляется оно исключительно в отношении потерпевшего. Если при совершении торговли людьми насилие применялось к иным лицам, не являющимся потерпевшими, то требуется дополнительная квалификация по соответствующим статьям УК РФ. Физическое насилие охватывает такие его проявления как: побои, истязание, умышленное причинение легкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. Психическое насилие связано с угрозой применения любого физического насилия, в том числе и с угрозой убийства.

В целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия торговли людьми, видится целесообразным дифференцировать насилие на не опасное для жизни и здоровья и опасное для жизни и здоровья. При этом применение насилия не опасного для жизни и здоровья, а также угрозу применения любого насилия оставить в п. «е» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ, а совершение торговли людьми с применением насилия опасного для жизни и здоровья закрепить в качестве особо квалифицирующего признака в ч. 3 ст. 127-1 УК РФ;

8. Торговля людьми, предусмотренная п. «б» ч. 3 ст. 127-1 УК РФ, заключается в совершения действий, образующих ее объективную сторону, таким способом, при котором имеется реальная возможность причинения вреда здоровью двум и более потерпевшим (умышленное причинение легкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести и тяжкого вреда здоровью) и лишения их жизни, и это обстоятельство осознается виновным лицом.

9. К категории лиц, использующих свое служебное положение при совершении торговли людьми (п. «в» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ), относятся должностные лица, как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления, государственные и муниципальные служащих, а также служащие коммерческих и иных организаций. Служебное положение должно помогать, облегчать, способствовать совершению преступления либо в принципе делать возможным его совершение.

10. В п. «ж» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ имеется конкуренция целей, которая возникает между общей целью эксплуатации человека и специальной целью изъятия у потерпевшего органов или тканей, при этом она разрешается в пользу последней. Органы и ткани человека могут изыматься для проведения научных экспериментов, опытов, применения в фармакологической и иной промышленности (производстве), продажи, потребления их в качестве пищи (каннибализм), половых извращений, проведения религиозных, культовых обрядов, церемоний и т. п.

11. Торговля людьми, повлекшая по неосторожности смерть, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или иные тяжкие последствия (п. «а» ч. 3 ст. 127-1 УК РФ) относится к числу материальных составов преступлений, и момент ее окончания связан с наступлением одно или нескольких следующих альтернативных общественно опасных последствий: а) смерть, б) тяжкий вред и в) иные тяжкие последствия. Субъективная сторона осложнена двойной формой вины (ст. 27 УК РФ).

К иным тяжким последствиями следует относить такие как: самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, причинения потерпевшим самому себе какого-либо повреждения (членовредительство), причинение крупного материального ущерба, как реального, так и в виде убытков, нахождение в опасном для жизни и здоровья состоянии близких лиц потерпевшего, особенно малолетних детей, инвалидов, не способных заботиться о себе и т. д.

12. В пункте 1 примечания к ст. 127-1 УК РФ содержится специальное основание освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших торговлю людьми, стимулирующее постпреступное позитивное поведение виновного в целях минимизации вреда, который может быть причинен этим преступлением. Для освобождения от уголовной ответственности, лицу, впервые совершившему преступления, предусмотренные ч. 1 или п. «а» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ, необходимо добровольно освободить потерпевшего (потерпевших) и способствовать раскрытию совершенного им преступления [2, с. 232]. Если лицо, подлежащее освобождению от ответственности, совершило иные преступления в процессе торговли людьми, то оно не подлежит освобождению от ответственности за их совершения.

Виновное лицо должно быть заинтересованно в освобождении из неволи потерпевших, физическая свобода, здоровье и жизнь которых нуждаются не в меньшей защите, а даже в большей, чем потерпевших в преступлениях, предусмотренных ч. 1 и п. «а» ч. 2 ст. 127-1 УК РФ. На основании этого, видится целесообразным распространить действие рассматриваемого основания и на посягательства на иные категории потерпевших, признаки которых закреплены в квалифицированных видах торговли людьми.

Список цитированных источников

1. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Денисова, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Готчиной, д-ра юрид. наук, доц. А. Г. Хлебушкина, Санкт-Петерб. ун-т МВД России. – СПб. : ООО «Р-КОПИ», 2020. – 832 с.

2. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / Под ред. А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2015. – 552 с.

О СУБЪЕКТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ НОРМАМИ ИНСТИТУТА КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА

Рыбак Сергей Вячеславович
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
siarheirybak2022@gmail.com

УК предусмотрены уголовно-правовые меры охраны от посягательств на нормальное функционирование института банкротства. Криминализация данных мер обусловлена угрозой причинения существенного вреда функционированию социально-экономической системы в целом, лишения ее необходимых условий для развития. Уголовно-правовые меры нашли свое выражение в регламентации так называемого в теории уголовного права института криминального банкротства, включающего в себя ст. 239 «Сокрытие банкротства», ст. 240 «Преднамеренное банкротство», ст. 241 «Препятствование проведению расчета с кредитором (кредиторами)».

Нормы института криминального банкротства неоднократно подвергались корректировке на законодательном уровне. Однако и в настоящее время они являются не идеальными, становятся объектом обоснованной критики и нуждаются в совершенствовании.

С 1 октября 2023 г. вступила в силу последняя на данный момент редакция норм института криминального банкротства. Этими изменениями, помимо прочих эволюционных шагов, существенно расширен субъектный состав преступлений о криминальном банкротстве.

Во всех разновидностях норм института криминального банкротства субъект является специальным. Субъектами данного вида преступлений выступают: индивидуальный предприниматель; должностное лицо юридического лица; учредитель (участник) юридического лица; собственник имущества юридического лица; антикризисный управляющий; иное лицо, имеющее право давать обязательные для юридического лица указания или возможность иным образом определять его действия.

Антикризисный управляющий закреплен в качестве самостоятельного субъекта совершения преступления исключительно в ст. 241 УК. Отсутствие такового в ст. 239–240 УК не случайно. В соответствии с п. 3 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон) антикризисным управляющим является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель (гражданин Республики Беларусь либо иностранный гражданин, лицо без гражданства, имеющие вид на жительство в Республике Беларусь), назначаемые судом для исполнения полномочий в делах о несостоятельности или банкротстве в конкурсном производстве, санации, ликвидационном производстве. Следовательно, антикризисный управляющий, как субъект института банкротства, появляется только

после возбуждения дела о банкротстве (несостоятельности). Данное условие исключает возможность совершения антикризисным управляющим действий, предусмотренных ст. 239 УК и ст. 240 УК.

Помимо антикризисного управляющего в Законе регламентирована такая фигура как временный управляющий. Несмотря на закрепление их определения в одной норме (п. 3 ст. 1 Закона) они дифференцированы механизмом процедуры банкротства (несостоятельности). Временный управляющий осуществляет свои полномочия только в защитном периоде, а антикризисный управляющий – в конкурсном производстве, в санации и ликвидационном производстве. В то же время остается без ответа вопрос о том, почему в институте криминального банкротства временный управляющий не предусмотрен в качестве самостоятельного субъекта совершения преступления. Так, в соответствии со ст. 98 Закона в обязанности временному управляющему вменены:

– проведение анализа достоверности фактов, изложенных в заявлении должника о несостоятельности, заявлении должника о банкротстве, заявлении кредитора о банкротстве, и проверить наличие (отсутствие) оснований для открытия конкурсного производства;

– представление по окончании защитного периода в суд отчета о своей деятельности и справки о достоверности фактов, изложенных в заявлении должника о несостоятельности, заявлении должника о банкротстве, заявлении кредитора о банкротстве, и наличии (отсутствии) законных оснований для подачи заявления о несостоятельности или банкротстве и оснований для открытия конкурсного производства.

Соответственно, решения и действия временного управляющего напрямую влияют на вынесение определения экономическим судом об открытии конкурсного производства в отношении должника либо о прекращении дела о банкротстве (несостоятельности). Вступив в сговор с заинтересованными лицами, временный управляющий может совершить действия, составляющие объективную сторону ст. 239 УК.

Не вызывает острых дискуссий утверждение о том, что и антикризисный управляющий и временный управляющий подпадают под определение должностного лица – юридического лица, указанного в качестве самостоятельного субъекта в нормах института криминального банкротства. Согласно п. 3 ч. 4 ст. 4 УК к должностному лицу относятся – лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах и других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий. Исходя из пп. 1.3 и 1.4 п. 1 ст. 103 Закона со дня открытия конкурсного производства о банкротстве (несостоятельности) должника – юридического лица: полномочия руководителя и других органов управле-

ния, а также собственника имущества должника – унитарного предприятия, государственного объединения переходят к управляющему (в Законе под этим термином понимается 2 субъекта: и антикризисный управляющий, и временный управляющий); управление делами должника возлагается на управляющего, к нему также переходит право управления имуществом должника. Соответственно, управляющий наделяется признаками, относящими его к должностному лицу в понимании п. 3 ч. 4 ст. 4 УК. Более того, признаки такого самостоятельного субъекта преступлений, закрепленных в нормах института криминального банкротства, как «иное лицо, имеющее право давать обязательные для юридического лица указания или возможность иным образом определять его действия» в полной мере находят отражение в фигурах антикризисного управляющего и временного управляющего. В этой связи возникает резонный вопрос о целесообразности выделения как антикризисного управляющего, так и временного управляющего в качестве самостоятельных субъектов совершения преступлений, предусмотренных нормами института криминального банкротства.

Аналогичный, по своей сути, вопрос касается и таких субъектов как учредитель (участник) юридического лица и собственник имущества юридического лица. В. С. Захилько убедительно обосновывает утверждение о том, что их указание в нормах о криминальном банкротстве является излишним [1, с. 177]. По мнению ученого, с которым мы солидаризируемся, характер деяний, описанных в нормах о криминальном банкротстве УК, не позволяет лицам, не обладающим признаками должностного лица юридического лица осуществлять поведение, подпадающее под признаки данных преступлений [2].

Указанные обстоятельства предлагаем законодателю учесть и придать соответствующим нормам единообразие в исследуемом вопросе. Для этого необходимо выбрать один из следующих вариантов корректировки УК:

1) отказаться от дублирования в соответствующих нормах УК некоторых субъектов преступлений, предусмотренных нормами института криминального банкротства. Исключению из перечня подлежит антикризисный управляющий; учредитель (участник), собственник имущества юридического лица. Они будут охватываться таким субъектом как «должностное лицо юридического лица» или «иное лицо, имеющее право давать обязательные для этого юридического лица указания или возможность иным образом определять его действия».

2) преследуя цель обеспечить доступность понимания и трактовки норм института криминального банкротства как правоприменителем, так и лицам без юридического образования, конкретизировать признаки субъекта в формулировках. В этом случае необходимо, помимо всех закрепленных на данный момент субъектов, включить в перечень и временного управляющего.

Список цитированных источников

1. Захилько, К. С. Уголовно-правовые меры противодействия криминальному банкротству: дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.08 / К. С. Захилько; БГУ. – Минск, 2020. – 289 с.

2. Захилько, К. С. Субъект криминального банкротства: общая характеристика и некоторые проблемы законодательного определения [Электронный ресурс] / К. С. Захилько. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47972955 – Дата доступа: 08.06.2024.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Серегина Елена Владимировна
заведующий кафедрой уголовного права Ростовского филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
кандидат юридических наук, доцент
seregina51@mail.ru

Смертная казнь по праву считается самым строгим наказанием, исключительной и необратимой мерой государственного принуждения. Данное наказание стало применяться к преступникам с момента появления первых цивилизаций. Древние государства не отличались особой гуманностью и Русь в этом смысле не была исключением. На протяжении длительного времени в Древнерусском государстве прообразом смертной казни считалась кровная месть. До конца XIV в. смертная казнь в качестве меры воздействия за совершение преступлений не применялась. Ситуация изменилась после издания Двинской уставной грамоты в 1397 г., в которой впервые было введено наказание в виде смертной казни. Заметный рост казни пришелся на период правления Ивана IV Грозного, она применялась массово, публично и особо изощренным способом. В эпоху Петра I ужесточились наказания для тех, кто наносил ущерб государственности, количество смертных приговоров увеличилось. Во время правления императрицы Елизаветы I исполнение наказания в виде смертной казни было приостановлено, что позволило считать Россию одной из самых гуманных стран в Европе. Екатерина II хоть и не была противницей данного наказания, но применяла его не часто. Прочно устоявшаяся в дореволюционной России как основной вид наказания смертная казнь, после Февральской революция 1917 г. была упразднена, но ее применение было возможно за преступления, совершенные на фронте. В первой половине XX в. расширилась сфера применения смертной казни, с 1920 г. по 1950 г. она назначалась за самые разные преступления и применялась даже во внесудебном порядке. Во второй половине XX в. был выбран курс на либерализацию и гуманизацию уголовной политики, выразившейся в заметном ограничении применения высшей меры наказания.

Итак, смертная казнь в России прошла довольно длительный путь развития: ее отменяли и снова возвращали, изменялся перечень преступлений, за совершение которых она предусматривалась, трансформировались подходы к ее применению.

Отмена смертной казни в современной России обусловлена исторической тенденцией к сужению пределов применения этого вида наказания. Согласно Конституции РФ «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» (ст. 20). В соответствии с Уголовным кодексом РФ «наказание в виде смертной казни как исключительной меры наказания может быть установлена за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь» (ст. 44). После вхождения России в Совет Европы и ратификации «Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ последовала отмена смертной казни. Первоначальным актом, который послужил фундаментом для фактической отмены высшей меры наказания, стал Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». Решением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. был введен мораторий на исполнение смертных приговоров на территории Российской Федерации. Основанием для такого решения послужило отсутствие унифицированной системы судов присяжных во всех субъектах Российской Федерации, что создавало дисбаланс в правах лиц, осужденных к исключительной мере наказания. Вследствие таких законодательных решений наказание в виде смертной казни перестало назначаться, последний смертный приговор был исполнен 2 августа 1996 г.

Несмотря на то, что с 2010 г. на всей территории Российской Федерации начали действовать суды присяжных, мораторий на сметную казнь не был отменен. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 2 февраля 1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений ст. 41 и ч. 3 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, п. 1 и 2 постановления Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» разъяснил, что смертная казнь является временной и исключительной мерой наказания и не может быть назначена даже после введения во всех регионы судов присяжных.

С одной стороны, принятие данного правового акта было своевременной и необходимой мерой, а с другой – его конституционность вызывала сомнения. Так, М. И. Байтин настаивал на том, что «Конституцион-

ный Суд РФ сформулировал новые нормы, содержание которых существенно расходится с положениями ст. 120 Конституции РФ» [1, с. 358]. Для устранения подобных сомнений Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудаева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» признал не противоречащими Конституции РФ указанные нормы УПК РФ, поскольку предусмотренный данными положениями переход от рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей к иной судебной процедуре осуществлен с учетом запрета назначения исключительной меры наказания в виде смертной казни. Однако официальные разъяснения Конституционного Суда РФ так и не были юридически оформлены, смертная казнь как исключительная мера наказания была отменен без внесения соответствующих изменений в Конституцию РФ, поправок в Уголовный и Уголовно-исполнительные кодексы РФ.

Исследование смертной казни приобретает особое значение на фоне заостренных общественных дебатов, развернувшихся в настоящее время. С учетом нынешних реалий, связанных с нестабильной политической, экономической и социальной ситуацией в мире, актуализировался вопрос относительно отмены моратория на смертную казнь. Так, Д. А. Медведев, заместитель Председателя Совета Безопасности РФ, считает, что мораторий на смертную казнь в России может быть отменен в случае необходимости. Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин допускает применение смертной казни в «некоторых случаях». В качестве примера он приводит трагедию в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 г., когда в результате теракта погибло 144 человека и 550 человек пострадали [2].

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ В. В. Володин отметил: «у нас и в Конституции РФ, и в уголовном законодательстве смертную казнь никто не отменял. Есть решение Конституционного Суда РФ, который отложил вынесение таких приговоров» [3]. В свою очередь, В. Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, еще раз уточнил правовую позицию возглавляемого им ведомства, который «однозначно и категорически выступает против возвращения смертной казни в России, рассматривая это как нарушение Конституции РФ» [4].

Итак, несмотря на выход России из Европейского Союза, мораторий на применение исключительной меры наказания сохраняется. Председатель Верховного Суда РФ И. Л. Подносова, во время заседания комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, уточнила: «снятие моратория на смертную казнь в России является вопросом изменения Конституции РФ» [5].

Первоочередной обязанностью любого государства является защита прав человека. Наивысшим из этих прав выступает право на жизнь – фундамент для других прав и свобод, в том числе права человека не быть подвергнутым смертной казни. В целях устранения правовой неопределенности смертная казнь в России должна быть отменена легитимным законодательным путем. Исключение смертной казни из законодательства России поможет устранить существующие противоречия и стать важным шагом в обеспечении реализации и защиты права на жизнь.

Список цитированных источников

1. Байтин, М. И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М. И. Байтин; М-во образования Российской Федерации. Сарат. гос. акад. права. – Саратов : Сарат. гос. акад. права, 2001. – 413 с.

2. Бастрыкин считает, что в некоторых случаях «нужно применять» смертную казнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pnp.ru. – Дата доступа: 04.07.2024.

3. Володин : для возвращения смертной казни референдум не требуется. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru. – Дата доступа: 07.07.2024.

4. Зорькин, В. Д. Конституционно-судебная защита прав в Российской Федерации : основные свойства : выступление Председателя КС РФ от 26 июня 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ksrf.ru. – Дата доступа: 08.07.2024.

5. Подносова назвала снятие моратория на казнь вопросом изменения Конституции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru. – Дата доступа: 08.07.2024.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сидоренко Дарья Олеговна
главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
aksamit1@yandex.ru

Урбанизация и связанное с ней переселение больших социальных групп из сельской местности в города – одна из причин роста преступности. Более высокий уровень преступности в городах определяется спецификой городской жизни, вынужденной социальной изоляцией, отсутствием тесных межличностных контактов (между соседями, друзьями и даже членами семьи), недостаточным материальным обеспечением, ограниченными жилищными условиями. Кроме того, в городах концентрируются товары и деньги, необходимые для их приобретения, жизнь ведется по стереотипам, в которых главное место занимает потребление. В обыденном

сознании важную роль играют получение денег для удовлетворения базовых потребностей. Это влечет за собой повторяемость процесса, в котором уместность и законность средств достижения целей отходят на второй план, стимулируются крупные и мелкие имущественные преступления [1].

Среди преступлений против собственности в последние годы значительный рост демонстрируют мошенничества. Статистические данные указывают, что число указанных преступлений растет, а сравнительный анализ за последние пять лет отражает, что в 2023 г. данный вид преступлений в процентном соотношении по сравнению с 2019 г. вырос на 179,5 %. В 2022 г. по этим преступлениям отмечался значительный рост (+55,6 %) по сравнению с 2021 г., а в 2023 г. рост составил (+58,7 %) по сравнению с 2022 г. Самыми распространенными на сегодняшний день видами мошенничества являются телефонные мошенничества (звонки с требованием передачи средств для помощи родственникам, решения проблем с законом, мнимого сохранения сбережений и т. п.) (т. н. «вишинг»), в глобальной компьютерной сети Интернет (далее – сеть Интернет), в том числе мессенджерах и социальных сетях (например, поддельные интернет-страницы магазинов, почтовых и иных сервисов, банков, интернет-порталов – т. н. «фишинг») и на торговых интернет-площадках (объявления о продаже товаров по цене ниже рыночной с требованием предоплаты и т. д.).

Следует отметить, что данный вид преступлений обладает высоким уровнем латентности, поэтому данные официальной статистики, могут не в полной мере отражать реальное положение дел. В современных условиях деятельность правоохранительных органов по борьбе с имущественной преступностью целесообразно осуществлять комплексно и превентивно. Государству выгоднее предотвратить преступление, нежели его расследовать.

Использование различных информационных ресурсов для оповещения граждан о новых способах мошенничества можно признать эффективным инструментом противодействия. Эта деятельность должна носить массовый характер и исходить как от правоохранительных органов, так и от финансовых организаций (например, банков) [2, с. 548-549]. Правоохранительные органы оповещают граждан о новых способах мошеннических действий в сети Интернет. Достаточно активно для этого используются мессенджеры и социальные сети.

В числе наименее незащищенных групп населения находятся несовершеннолетние граждане и люди пожилого возраста. Предупреждение преступности против таких групп населения определяет уровень нравственного состояния общества и является одной из основных задач современного общества и государства.

Следует учитывать, что, например, физиологические, социальные и психологические трансформации жизни пожилых людей нередко приводят к повышению их виктимизации. В свою очередь, несовершеннолетние,

в особенности дети, даже в случае владения техникой на хорошем уровне, могут не в полной мере осознавать последствия общения с незнакомыми лицами в сети Интернет.

Предупреждение преступности является важнейшей категорией криминологической теории и в целом определяется как система государственных и общественных мер, направленных на устранение или ослабление причин и условий преступности и усиление антикриминогенных факторов [3, с. 49].

Вместе с тем, несмотря на широкое распространение информационных технологий и активное внедрение во все сферы жизнедеятельности человека цифровых систем, схема мошенничества с течением времени не претерпевает значительных изменений. Изменяются применяемые формы обмана, более активно используются новые технологии, но злоумышленники по-прежнему используют человеческие слабости и психологические особенности личности потерпевших.

В качестве иллюстрации рассмотрим особенности лиц пожилого возраста как потенциальных жертв мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

В пожилом возрасте у людей с большей вероятностью наблюдаются снижение памяти, когнитивных способностей, физической силы, ухудшение зрения и слуха, что делает их более уязвимой частью социума.

К чертам пожилых людей, привлекающих внимание мошенников, можно отнести их доверчивость и открытость; одиночество и недостаток общения; некритичное отношение к информации; неумение пользоваться смартфоном (планшетом, компьютером), банковскими картами, сетью Интернет и т. д.

Для предотвращения мошенничеств, совершаемых в отношении данной категории граждан и осуществляющихся с помощью ИКТ, может использоваться блокировка входящих сообщений, ограничение интернет-трафика или отключение мобильного банкинга. Вместе с тем следует учитывать, что опасность представляет не факт получения каких-либо сообщений, уведомлений или звонков, а факт перевода денежных средств. Специалистами рекомендуется при оформлении в банке платежной карты привязка ее к отдельному номеру телефона (с отдельной сим-картой). В этом случае высока вероятность, что пользователь не будет часто проверять приходящие сообщения или уведомления, а коды подтверждения совершения операций по переводу денежных средств имеют короткий срок действия.

Для получения номера платежной карты, срока действия и CVV-кода мошенники часто используют методику запугивания (например, с членом семьи случилось несчастье и он срочно нуждается в помощи), представляются представителями банков или небанковских кредитно-финансовых организаций, правоохранительных органов и др. и предлагают активировать какую-либо функцию, уладить проблемы с правоохранительными

органами, извещают о якобы плохом диагнозе и необходимости приобрести лекарства или медицинские средства, предлагают поучаствовать в лотерее и т. п.

Эффективной профилактике мошеннических схем, где используется непосредственный контакт с пожилым человеком, могут способствовать следующие меры: улучшение внешнего вида жилища (опрятная входная дверь, почтовый ящик, в котором нет скопившейся корреспонденции с персональными данными, и др.); оснащение жилья локальными системами видеонаблюдения (а также размещение наклеек с уведомлением о ведущемся видеонаблюдении).

Таким образом, мошеннические схемы с применением ИКТ остаются актуальной проблемой современности, что отражается статистическими данными, а также правоприменительной практикой. Злоумышленниками активно применяются не только современные ИКТ, но и различные методы социальной инженерии, что ставит под угрозу широкие слои населения. В группе повышенного риска виктимности в силу их социальных и биологических (когнитивных) особенностей находятся дети и лица пожилого возраста, что требует принятия специальных мер профилактики и предупреждения рассматриваемых преступлений.

Список цитированных источников

1. Преступность в скандинавских странах и некоторые вопросы уголовной политики (научно-аналитический обзор) // Актуальные проблемы правоведения за рубежом. – М., 1989. – 134 с.

2. Стяжкина, С. А. Виктимологическая профилактика кибермошенничества / С. А. Стяжкина // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2022. – Т. 32, Вып. 3. – С. 546–552.

3. Мирошниченко, И. С. Некоторые аспекты предупреждения преступлений в отношении лиц пожилого возраста / И. С. Мирошниченко // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 4 (36). – С. 48–52.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВИКТИМИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Соколов Денис Александрович
заместитель заведующего лабораторией криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук
crimlab1@mail.ru

В криминологической науке общепринятой является точка зрения, согласно которой без учета роли жертвы невозможно в полной мере понять причины и условия, способствующие совершению противоправного посягательства.

Без анализа поведения и личности потерпевшего, его реакции на действия преступника подчас невозможно определить, почему практически одинаковые преступные посягательства со стороны одних и тех же лиц далеко не всегда приводят к одним и тем же желаемым для преступника результатам. Зачастую объективная и адекватная оценка личности и поведения потерпевшего дает возможность объяснить тот или иной преступный акт. При рассмотрении большинства преступлений известны жертва и ситуации, а нарушитель закона неизвестен. Но уже эти знания позволяют понять механизм совершения преступления, осуществления профилактики преступления, для распознавания возможных жертв, потенциально угрожающих ситуаций и таких факторов, которые способствуют развитию опасного взаимоотношения между преступником и жертвой [1, с. 160].

Вероятность стать жертвой преступления, по утверждению исследователей, зависит от особого феномена – виктимности, под которой они понимают свойство личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение [2, с. 120; 3, с. 154].

Серьезным достижением ученых является установление подвижности уровня виктимности, что свидетельствует о том, что виктимологическая профилактика представляет собой одно из важнейших направлений предупреждения преступности.

Накопленные к настоящему времени знания о характеристиках жертв преступлений и их роли в создании ситуации, предшествующей преступлению, указывают на перспективность виктимологической профилактики преступлений.

Заслуживающим серьезного внимания в данном случае следует признать мнение ученых о том, что на протяжении длительного времени вся предупредительная деятельность правоохранительных органов была нацелена на преступника (совершившего преступление и потенциального преступника), при этом не учитывалась важная роль в совершении преступления другой стороны – потерпевшего или жертвы преступления. Виктимологическая профилактика, в том числе осуществляемая правоохранительными органами, может носить как общий, так и индивидуальный характер [4, с. 139].

Общая виктимологическая профилактика включает в себя, например, такие мероприятия, как: изготовление и распространение специальных памяток-предупреждений о том, как вести себя в тех или иных ситуациях и уберечь себя от преступлений; оповещение граждан через средства массовой информации об имеющихся на их территории фактов преступлений, приметах и действиях преступников; проверка и принятие мер по надлежащему освещению улиц, скверов, подъездов и подвалов домов; проведение бесед, лекций с педагогами, родителями, учащимися

о том, как уберечь себя и детей от преступных посягательств. В рамках индивидуальной профилактики реализуются мероприятия, направленные на выявление потенциальных жертв преступлений, с которыми проводят разъяснительные беседы, а также знакомят их с предметными обучающими материалами.

Современное российское законодательство предусматривает достаточно обширную систему норм, направленных на решение проблемы виктимизации поведения в рамках работы по предупреждению преступности.

Так, например, согласно пп. «в» п. 28 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) к числу основных направлений деятельности сил обеспечения общественной безопасности в области противодействия преступным и иным противоправным посягательствам помимо иных мер относится развитие правовой грамотности и правосознания населения.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» также предусматривает повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан в числе основных направлений профилактики правонарушений (п. 16 ч. 1 ст. 6). При этом, согласно данного нормативного правового акта, реализация основных направлений профилактики правонарушений в числе прочего осуществляется посредством выявления лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми, и лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации (в том числе лиц, страдающих заболеваниями наркоманией и алкоголизмом, лиц без определенного места жительства) (п. 7 ч. 2 ст. 6).

Одним из основных направлений реализации Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018– 2024 годы (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р) является повышение защищенности от дорожно-транспортных происшествий и их последствий наиболее уязвимых участников дорожного движения, прежде всего детей и пешеходов.

В число задач, предусмотренных Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733) входит создание с учетом традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей условий для формирования в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков (пп. «ж» п. 11).

Соответствующие нормы, направленные на противодействие виктимизации поведения, предусмотрены и в иных нормативных правовых актах, регламентирующих противодействие отдельным криминальным проявлениям.

Таким образом, современное законодательство Российской Федерации в полной мере согласуется с положениями криминологической науки, что позволяет придать деятельности по предупреждению преступности еще более выраженную системность и целенаправленность.

Список цитированных источников

1. Антонян, Ю. М. Криминология : учебник для бакалавров / Ю. М. Антонян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – 523 с.

2. Клейменов, М. П. Криминология : учебник / М. П. Клейменов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА–М, 2021. – 400 с.

3. Криминология: учебник / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В. В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.

4. Криминология и предупреждение преступлений : учебное пособие для среднего профессионального образования / А. Н. Варыгин, В. Г. Громов, О. В. Шляпникова; под ред. А. Н. Варыгина. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2024. – 165 с.

К ВОПРОСУ О ВОСТРЕБОВАННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Стаценко Владимир Григорьевич
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент
vladimir-stazenko@yandex.by

Проблемы, связанные с качественной стороной развития криминологических исследований, оценкой их эффективности, в том числе и с позиций применения в практической деятельности по противодействию преступности в стране, подготовкой специалистов в области криминологии и преподавания криминологии в системе высшего юридического образования, неоднократно обсуждались в научной среде [1; 2], но остаются, в значительной степени, нерешенными и, следовательно, сохраняют свою актуальность.

Современные представления о содержании криминологии как науки о преступности, ее предмете и практике применения криминологических знаний сложились далеко не сразу, да и сегодня имеют различное толкование, как в отечественной, так и в зарубежной криминологии. Формирующаяся на рубеже 19–20 вв. наука о преступности включала в себя, с самого начала, как теорию преступности и индивидуального преступного поведения, так и прикладную криминологию, исследующую проблемы уголовной политики и уголовного наказания, уголовно-правовых, пенитенциарных и иных средства воздействия на преступное поведение. В работах как западных, так и отечественных исследователей этого и последующего

периодов значительное внимание уделялось указанным проблемам в их комплексе, однако, во второй половине 20 в., зарубежная и советская криминология предметно значительно разошлись.

В большинстве западных стран криминология считается отраслью социологии (девиантологии) и рассматривается не только как наука о преступности, но и как прикладная наука, а также наука о психологии криминального поведения и социальном контроле. Вместе с тем, как отмечают исследователи [3], и в западных странах многие университетские криминологи, в настоящее время исходят из того, что современная вузовская криминология должна быть ограничена рамками теоретической дисциплины.

В ряде зарубежных стран (Великобритании, Соединенные Штаты Америки, Канада и др.) функция анализа и прогнозирования развития криминальной ситуации возлагается, в числе прочих, на профессиональных криминологов – специалистов, подготавливаемых в соответствующих учебных учреждениях. Специализация и получение степени бакалавра в области криминологии, как это характеризуется, например, на сайте юридического колледжа Университета Аберистуита (Уэльс) (*Aberystwyth University*), «позволяет развить понимание причин преступности и преступления, влияние на отдельных лиц, общин и общества в целом… Криминология носит мультидисциплинарный характер…, по завершении вашей специализации вы будете обладать навыками, необходимыми для продолжения профессиональной карьеры в таких областях, как полиция, тюрьмы и правосудие в отношении молодежи» [4].

Отечественная школа криминологии, после своей реанимации в 50-х гг. 20 в., развивается, главным образом, как теоретическая наука, традиционно связанная с уголовным правом. При этом, как отмечается в литературе «научный потенциал криминологии, по-настоящему сегодня не востребован государством, в том числе и для решения важнейшей социальной задачи – профилактики криминального поведения, повышения эффективности уголовной политики в целом, и уголовного наказания, в частности» [5, с. 6].

Специалистами отмечалось, что «из 200–250 социальных факторов, детерминирующих преступность в обществе, субъекты противодействия и профилактики преступности воздействуют, в большей или меньшей степени, лишь на 30-40» [6, с. 27]. Можно предположить, что этот – очевидно низкий эффект предупредительного воздействия на преступность обусловлен, наряду с другими факторами, и недостаточным уровнем криминального прогнозирования, что, в свою очередь, связано с разрывом между криминологической теорией и практикой правоприменения.

Проблема использования опыта западных стран в деле подготовки криминологов уже неоднократно рассматривалась, в частности, в контексте необходимости создания института штатных криминологов-

аналитиков в структуре МВД для осуществления аналитической деятельности в области исследования состояния и тенденций преступности и мер по ее профилактике [7].

В Беларуси специальной подготовки криминологов (за исключением аспирантуры) не осуществляется. Образовательным стандартом Республики Беларусь (Общее высшее образование специальность 6-05-0421-01 Правоведение Квалификация юрист Степень бакалавр) от 1 сентября 2023 г., криминология отнесена к дисциплинам т. н. «компонента учреждения высшего образования», т. е. относится к «дисциплинам по выбору» и не является обязательной. Отсутствует криминологическая специализация и на второй ступени высшего образования (магистратура).

Белорусская школа криминологии, в целом, за последние десятилетия получила значительное развитие [8], тем не менее, проблемы, затрудняющие и ограничивающие реализацию ее потенциала, требуют своего решения.

Существует очевидная потребность целенаправленных мер по развитию как общей теории криминологии, так и связи ее с практикой деятельности правоохранительных органов по противодействию и предупреждению преступности в стране. Научное изучение преступности и преступников не должно замыкаться в рамках криминологической науки, результаты криминологических исследований следует использовать в целях решения конкретных следственных и юридических проблем, а криминологический прогноз, основывающийся на этих исследованиях, должен ложиться в основу государственных программ противодействия преступности.

Для качественного решения рассмотренных задач, существенное значение могло бы иметь введение вузовской специальной подготовки криминологов.

Выдающийся российский криминолог А. И. Долгова афористично заметила однажды: криминология – это наука, «дающая знания, без которых реагирование на преступность – это реагирование слепых и вслепую» [9]. Понимание этого всеми заинтересованными субъектами противодействия преступности, в том числе и на уровне принятия государственных решений, может существенно изменить рассмотренную ситуацию.

Список цитированных источников

1. Ананич, В. А. Криминология современной Беларуси: состояние, проблемы, перспективы / В. А. Ананич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г./ Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Академия МВД, 2018. – С. 141–142.

2. Стаценко, В. Г. Об оценке роли криминологического образования / В. Г. Стаценко // Актуальные проблемы вузовского юридического образования: материалы Междунар. круглого стола, посвящ. 110-летию ВГУ им. П. М. Машерова, Ви-

тебск, 20 мая 2021 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. А. Бочков (отв.ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. – С. 54–58.

3. Forensic Criminology / [edited by] Wayne A. Petherick, Brent E. Turvey, Claire E. Ferguson (2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://booksite.elsevier.com/samplechapters/9780123750716/Sample_Chapters/01~Front_Matter.pdf. – Дата доступа: 20.06.2024.

4. Криминология за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www.hotcourses.ru/study/training-degrees/international/criminology-courses/cgory/ee.24–4/sin/ct/programs.htm. – Дата доступа: 02.07.2024.

5. Клейменов, М. П. Престиж криминологии в мире и в России / М. П. Клейменов, И. М. Клейменов // Всеросс. криминологический журнал. – 2012. – № 1 (19). – С. 5–13.

6. Новичков, В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. Е. Новичков; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2005. – 42 с.

7. Варыгин, А. Н. Институт штатных криминологов (криминальных аналитиков): зарубежный опыт и перспективы внедрения в систему профилактики правонарушений в Российской Федерации / А. Н. Варыгин, Е. В. Червонных, А. С. Клементьев, П. А. Пименов // Всеросс. криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 506–518.

8. Ананич, В. А. Организация криминологических исследований преступности в Республике Беларусь / В. А. Ананич // Сетевое издание «Академическая мысль». – № 1. – С. 21–25.

9. Долгова, А. И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность / А. И. Долгова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimas.ru/?p=3441. – Дата доступа: 10.05.2024.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТОЧЕК: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Судник Татьяна Владимировна
главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
opuzvsed_npc@prokuratura.gov.by

Последние исследования механизма функционирования преступности в сфере экономики показывают, что одной из разновидностей посягательств, представляющих значительную общественную опасность для нормальной и продуктивной деятельности современных банков, являются преступления, в основе которых лежит использование поддельных банковских платежных карточек.

Согласно статистическим данным количество преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек, в 2022–2023 гг. в сравнении с 2018–2021 гг. существенно увеличилось. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. увеличилось количество преступлений в 29 раз,

в 2023 г. по сравнению с 2022 г. – в 6 раз. Среди зарегистрированных в 2023 г. экономических преступлений удельный вес указанных преступлений составил 34,6 %, в 2022 г. – 8,2 %, в 2021 г. – 0,3 %.

Стремительный рост преступлений напрямую связан с развитием компьютерных и банковских технологий, в том числе защитных, а также с активным их включением в противоправную деятельность. Банковские платежные карточки, как всякий высокодоходный бизнес (особенно в сфере денежного обращения), давно стали мишенью для противоправных посягательств. Именно они, активность обращения которых с каждым годом увеличивается, все чаще становятся предметом определенного рода преступлений, выступая как в качестве предмета непосредственного преступления в уголовно-правовом значении, так и в качестве средства совершения преступления.

Наиболее типичными причинами и условиями совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек, являются:

рост информационного обмена через мировые информационные сети, в том числе посредством социальных сетей;

недостаточность мер по защите информационно-коммуникационных технологий, их систем и сетей;

отсутствие и несоответствие средств защиты информации современным информационным вызовам и угрозам;

низкий уровень цифровой грамотности, информированности и защищенности населения;

легкомысленное отношение общества, доверчивость граждан;

низкий уровень жизни отдельных групп населения;

ухудшение материального благосостояния населения.

Преступники находят новые способы подделки банковских платежных карточек, поскольку несмотря на многообразие защитных элементов, гарантии безопасности не могут обеспечены в полном объеме. На сегодняшний день в мире из всех видов мошенничества подделка банковских платежных карточек занимает лидирующую позицию в структуре преступности. На международном рынке в изготовлении поддельных карточек первенство держат представители Юго-Восточной Азии. В Европе чаще всего используют поддельные банковские платежные карточки выходцы из Африки [1, с. 141].

Субъектами преступления в целом являются высокоинтеллектуальные люди, обладающие специальными знаниями в различных областях науки и техники и использующие данные знания в целях совершения преступления. Большинство преступников обладают определенными техническими знаниями, являются одаренными в области использования компьютерных средств. Следует также отметить, что подделка банковских платежных карточек чаще всего осуществляется организованными преступ-

ными группами, поскольку является достаточно сложной и дорогостоящей операцией, которая требует наличие специального оборудования [2, с. 158].

В правоприменительной практике на фоне оптимизации процесса оформления банковских платежных карт появилась новая волна преступлений, набирающая популярность в молодежной среде, это продажа реквизитов банковских платежных карт (номер действия банковской платежной карты, срок ее действия, фамилия и имя держателя карты латиницей (при наличии) и т. п.) и аутентификационных данных (идентификатор пользователя (логин), пароль, PIN-код, код подтверждения, ключевое слово, биометрические данные и т. п.). В последние годы наблюдается рост преступлений, связанных с использованием дропов (дропперов). Данные лица, предоставляют реквизиты своей банковской платежной карточки, посредством которых в дальнейшем осуществляется хищение находящихся на счетах денежных средств путем оплаты различного рода товаров, услуг либо путем денежного перевода и последующего обналичивания средств. Основной причиной, которая вынуждает людей становится дропами (дропперами), является нестабильное финансовое положение и отсутствие денег. Также могут влиять такие субъективные факторы как желание получить легкие деньги, быстро разбогатеть. Дропами (дропперами) обычно становятся: студенты, лица из маленьких населенных пунктов и деревень, мигранты из других стран, обычно экономически не развитых, другие уязвимые слои населения (сироты, лица из многодетных семей, безработные). Чаще всего осознанно сотрудничают с мошенниками безработные и люди из низшего слоя общества, поскольку такими людьми легко управлять и манипулировать. Помимо этого, в данную преступную схему вовлекают несовершеннолетних, которые даже не осознают противоправности своих действий. Так, достигнув возраста 14 лет, подростки могут самостоятельно оформить банковскую платежную карточку на свое имя при наличии паспорта. В большинстве случаях они с использованием мобильных приложений различных банков открывают счета в банках и сообщают их реквизиты злоумышленникам.

Изучение правоприменительной практики в сфере профилактики преступлений, связанных с незаконным оборотом банковских платежных карточек, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования работы по следующим направлениям:

повышение компьютерной грамотности населения от дошкольных и школьных учебных заведений до групп населения пенсионного возраста (обучение правилам безопасности работы с цифровыми устройствами в глобальной компьютерной сети Интернет с представлением показательных алгоритмов негативных ситуаций, обучение правилам в сфере высоких технологий: защита данных банковской платежной карточки, надежные пароли, безопасный WI-FI, проверенные браузеры и сайты, безопасность электронной почты и т. п.);

ориентирование руководства банков на активное использование способов информирования населения, в том числе посредством СМС-информирования клиентов о наиболее распространенных способах компрометации реквизитов банковских платежных карточек, их причинах;

разработка порядка взаимодействия банков с правоохранительными органами по выявленным поддельным банковским платежным карточкам;

постановка банками на специальный учет дропов (дропперов) и в последующем ограничение их в получении новых банковских платежных карточек, а также иных электронных средств платежа;

внедрение новых, более защищенных форм банковских платежных карточек;

учет положительного международного опыта в борьбе с банковским мошенничеством;

освещение в средствах массовой информации конкретных примеров правоприменительной практики по выявленным фактам совершения банковских преступлений с использованием банковских платежных карточек.

Список цитированных источников

1. Хисамова, З. И. Неправомерный оборот средств платежей в контексте норм об ответственности за преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий / З. И. Хисамова // Общество и право. – 2015. – № 13. – С. 139–144.

2. Воспякова, О. Ф. Незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов: новации в законодательстве [Электронный ресурс] / О. Ф. Воспякова // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь, Могилев. Ин-т Мин-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол. И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.] – Могилев, 2021. – С. 157–160. – Режим доступа: https://elib.intinutemvd.by/handle/ MVD NAM/5239. – Дата доступа: 01.07.2024.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Тарасова Ольга Евгеньевна

доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат философских наук

Во все времена отношение к смертной казни было неоднозначно, так как она затрагивает различные стороны жизни общества – политико-правовую, социальную, нравственно-религиозную. И в настоящее время многие страны отказываются от данного вида государственного принуждения, объясняя данную тенденцию тем, что даже государство не вправе решать вопрос о жизни человека. В современной России введен мораторий

на смертную казнь, но на уровне теоретически-научных рассуждений вопрос остается спорным. Одни исследователи считают, что введение моратория является неоправданной и несвоевременной мерой. Другие, ссылаясь на тот факт, что наличие смертной казни не является сдерживающим фактором растущей преступности, выступают за полную ее отмену.

Наличие спора объясняется тем, что на сегодняшний день не все современные государства отказываются от смертной казни. Например, в Китае данная мера наказания не только сохранилась в действующем законодательстве, но и активно применяется на практике. Исполнение приговора не допускается к лицам моложе 18 лет и к женщинам, которые находятся в состоянии беременности на момент судебного разбирательства. К остальным лицам, совершивших тягчайшие преступления, смертная казнь осуществляется путем растрела или введения инъекции. Сторонниками смертной казни выступают и демократические страны, так второе место после Китая по числу применения смертный приговоров принадлежит США. На сегодняшний день 35 штатов из 50 признают смертную казнь, при этом насчитывается около 70 составов преступлений, допускающие данный вил наказания. В России сложилась такая ситуация, что с одной стороны, законодатель запрещает применять смертную казнь в качестве наказания, а, с другой стороны, не предпринимает никаких мер для кардинального решения данной проблемы и приведения российского законодательства в соответствие с основными международными требованиями.

В юридической российской науке, как и в обществе, сложилось неоднозначное отношение к применению смертной казни в России в свете построения правовой государственности. Рассмотрим все «за» и «против».

Одним из аргументов сторонников смертной казни является ее сдерживающий фактор, то есть смертная казнь, по их мнению, выступает в качестве правового ограничения, юридического средства, сдерживающего преступников. Так, М. В. Доцкевич указывает на то, что на сегодняшний день главная ценность для общества в целом и для отдельной личности это право на жизнь. Закон, закрепляя данное право, не разграничивает праведника от грешника, жертву от убийцы. Они все равны перед законом [1, с. 21]. Таким образом, юридически правом на жизнь обладают все в равной мере и убийца и невинная жертва, но жертва своим правом на жизнь воспользоваться не сумеет и соответственно государство не смогло обеспечить ей это право, а что касается жизни убийцы то здесь государство сохранит ему жизнь всеми известными способами в случае отсутствия такой меры наказания как смертная казнь.

Во-вторых, сторонники смертной казни опираются на общественное мнение, которое приобретает масштабные формы. Так, А. И. Коробеев указывает, что 70 % населения в России высказываются за сохранение смертной казни и лишь 11 % выступают за ее отмену [2, с. 195].

Такие цифры говорят о том, что общество придерживаются мнения, что борьбу с антиобщественным поведением можно вести только через ужесточение карательной политики. Именно в жестокости многие видят решение насущных проблем в сфере преступности.

В-третьих, ряд ученых говорят о том, что замена смертной казни пожизненным лишением свободы вряд ли можно назвать гуманной, так как российские смертники будут вынуждены «коротать свой век» в крайне жестоких условиях проживания [3, с. 99].

В-четвертых, сторонники смертной казни указывают на невозможность рецидива, так как сама мера наказания несет собой полное отсутствие впоследствии рецидива. Вероятность того, что опасный преступник после тюремного заключения кого-либо убьет, выше, чем судейская ошибка. Если применить высшую меру наказания такая возможность исключается [4, с. 19].

В-пятых, в последнее время в России наблюдается интеграция терроризма, обнаруживаются факты взаимосвязи отечественных террористических групп с подобными группировками международного уровня. Многие ученые считают, что на сегодняшний день российская правовая система не имеет адекватных государственно-правовых мер противодействия таким террористическим угрозам. В законодательстве должны быть зафиксированы меры принуждения, соответствующие по своей степени репрессивности опасности, которую представляет террористическая угроза. Именно такой мерой может выступать только смертная казнь, которая в борьбе с терроризмом будет морально оправдана.

Несмотря на резкую критику на введения моратория на смертную казнь и приведенные выше аргументы в поддержку высшей меры наказания, довольно большое количество ученых выступают за отмену данной меры наказания. Они так же приводят свои аргументы, и, в первую очередь, все говорят о том, что созданная людьми система правосудия несовершенна и не застрахована от судебных ошибок.

Во-вторых, противники смертной казни говорят о том, что при применении высшей меры наказания исключается возможность реабилитации и примирения, что очень важно. У преступника нет возможности обдумать свое поведение, раскаяться и принести обществу благо. Ожидание смерти часто не мотивирует, а демотивирует приговоренного к размышлениям: все равно ничего не изменить [5, с. 212].

В-третьих, ряд ученых видят в применении смертной казни проявление безнравственности и низкой правовой культуры гражданского общества.

В-четвертых, нельзя считать смертную казнь сдерживающим фактором роста преступности. Человек совершающий противоправное деяние рассчитывает избежать наказание, соответственно разницы в том накажут его пожизненно или лишат жизни нет. Так же существует мнение,

что преступники осознающие, что их ждет смертная казнь, чаще всего совершают новые преступления, так как знают, что более страшной меры наказания уже не будет – им уже нечего терять. Многие ученые разделяют мнение, что наличие смертной казни или ее отсутствие не влияет на число преступлений [6, с. 22].

В заключении хотелось бы сказать еще об одном немаловажном факторе, который подтверждает мнение о необходимости отмены смертной казни.

Не следует забывать, что при наличии института смертной казни в государстве предусматривается наличие аппарата исполнителей – это судьи выносящие решение о высшей мере наказания, исполнители судебного приговора. Психологически вынести решение о высшей мере наказания и привести его в исполнении очень тяжело. Чаще всего говорят о психологической пытке приговоренного к смертной казне, и при этом забывают о людях, принимающих решение о вынесении и исполнении приговора, которые также тяжело переносят тот факт, что они обрекают человека на смерть.

Таким образом, на сегодняшний день у смертной казни нет другой конституционно-правовой перспективы, как ее изъятие из действующего отечественного законодательства. Отмена высшей меры наказания – это неизбежный процесс, обусловленный пока, правда, не столько внутренними, сколько внешними факторами – международными обязательствами Российской Федерации.

Список цитированных источников

1. Доцкевич, М. В. Смертная казнь в России – быть или не быть / М. В. Доцкевич // Концепт. – 2014. – № 15. – С. 21–25.

2. Коробеев, А. И. Смертная казнь: целесообразность сохранения / А. И. Коробеев // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – С. 195–199.

3. Коробеев, А. И. Смертная казнь как вид уголовного наказания в России: быть или не быть? / А. И. Коробеев // Всеросс. криминологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 98–102.

4. Зубова, Я. А. Смертная казнь как вид наказания / Я. А. Зубова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 2–4. – С. 19–24.

5. Савельева, К. В. Этика и смертная казнь: основные проблемы / К. В. Савельева // XIII Державинские чтения в Республике Мордовия. – Саранск, 2017. – С. 212–215.

6. Борсученко, С. Криминологические аспекты смертной казни / С. Борсученко // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 23. – С. 22–27.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ

Хованская Александра Максимовна
младший научный сотрудник ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси»
hovanskaaaleksandra00@gmail.com

Несмотря на существенное изменение правового статуса женщин за последнее столетие и закрепление за ними в большинстве государств всех прав и свобод на равном уровне с мужчинами, названая категория граждан все еще остается в уязвимом положении.

Так, по данным Всемирной организации здравоохранения ООН каждая третья женщина в мире хоть раз в жизни подвергалась насилию, в том числе против половой свободы и половой неприкосновенности [1].

В Республике Беларусь, например, в 2019 г. по данным МВД жертвами насильственных преступлений оказались 77,5 % женщин, в то время как 91,5 % преступников являлись лицами мужского пола [2]. Сложно не заметить соответствующую тенденцию. Безусловно, необходимо упомянуть положительные сдвиги в связи с постепенным снижением уровня домашнего насилия, повышением уровня правосознания в обществе и т. д., однако говорить о значительном улучшении положения заявленной категорий граждан не приходится. Сохраняется высокий уровень латентности преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, жертвами которых в большинстве являются женщины всех возрастов, до сих пор не создана централизованная действующая система защиты и поддержки жертв домашнего насилия, повсеместно распространен виктимблейминг и всеобщее порицание пострадавших.

Для решения глобальных проблем в названной сфере законодателю помимо прочего стоит обратить внимание на возможность криминализации такого рода поведения, как преследование (сталкинга), под которым стоит понимать умышленное систематическое открытое проявление интереса одного лица по отношению к другому при отказе или отсутствии согласия последнего, выражающееся в навязывании контакта, слежении, следовании и/или наблюдении как лично, так и с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. К сожалению, по статистике многие женщины, включая несовершеннолетних, сталкиваются с такой проблемой, однако круг возможных пострадавших не стоит ограничивать лишь представителями одного пола. Так, в частности, в мире с кибersталкингом ежегодно сталкиваются более 7,5 млн человек [3]. В любом случае описанное деяние очевидно нарушает основополагающие права человека и гражданина, в частности – право на неприкосновенность личности.

Помимо этого стоит пересмотреть состав административного правонарушения по ч. 2 ст. 10.1 КоАП. Практика показывает, что существующая мера наказания не способствует эффективной борьбе с домашним насили-

ем, жертвами которого чаще всего и являются женщины и дети. Конечно, история нам демонстрирует, что ужесточение наказания часто приводит лишь к негативным последствиям, среди которых могут быть повышение уровня латентности преступлений, увеличение количества случаев смертельного исхода с целью скрыть совершенное нападение и прочее. Тем не менее, стоило бы проанализировать возможность внесения отдельного состава уголовно наказуемого деяния за умышленное причинение телесного повреждения и иных насильственных действий либо нарушение защитного предписания в отношении близкого родственника, члена семьи или бывшего члена семьи с административной преюдицией.

Помимо изменения непосредственно уголовного законодательства Республики Беларусь стоило бы также поговорить о необходимости супервизии (надзора) как пострадавших, так и осужденных за совершение насильственных преступлений. Без каких-либо утопических идей можно рассмотреть возможность введения дней психологических терапий и сессий (в том числе групповых в пенитенциарных учреждениях) как части пробации и реабилитации осужденных. Стоило бы также вести доступный для граждан учет лиц с неснятой или непогашенной судимостью за преступления против человека. Вопрос о том, насколько это ограничивает права самого вносимого на такой учет, стоит рассматривать с точки зрения принципа справедливости. Обеспечение безопасности граждан может выражаться в форме создания определенных условий для того, чтобы повысить сам уровень правосознания в обществе.

Тем не менее, все перечисленное выше не будет работать без должной внутренней просветительской работы. В Республике Беларусь достаточно много социальной рекламы, реализуется огромное количество необходимых пропагандистских программ. С учетом того, что это уже существующий механизм, органы МВД совместно с другими заинтересованными организациями могли бы разработать соответствующую рекламу против домашнего насилия, инструкции для пострадавших в случае совершения против них противоправных действий. Представители органов МВД в соответствии с планом посещают образовательные и иные учреждения, в повестку дня своего доклада они могли бы включить и ознакомить с этими же инструкциями слушателей, заняться повышением уровня правосознания граждан в части их прав и свобод и недопущения посягательства на них.

Из сложно реализуемых идей, требующих значительных затрат бюджета, однако успешно функционирующих в некоторых других странах, можно назвать создание специальных безопасных зон на улицах. Так, можно было бы изучить места, в которых часто совершаются преступления, или же выявить потенциально опасные места общего доступа (например, различные пустыри, не оборудованные системой видеонаблюдения части скверов и т. д.). Можно было бы оборудовать существующие

в этих местах фонари системой съемки и сигнализации с возможностью моментального вызова милиции. Например, чтобы при совершении звонка фиксировалось лицо звонившего, так ограничим количество ложных вызовов под страхом привлечения к ответственности, но и в случае нападения сможем хотя бы точно идентифицировать жертву или нападавшего. При отсутствии фонаря эту же систему можно расположить на любых доступных конструкциях, в том числе на старых таксофонах, которыми в любом случае уже почти никто не пользуется.

Таким образом, можно сказать, что несмотря на положительные изменения в вопросе укрепления правового и социального положения женщин, последние не защищены должным образом от преступных посягательств на их права, свободы и законные интересы. В силах государства разработать меры превентивного характера, а также создать систему помощи и поддержки пострадавших. В неспокойной политический и экономической ситуации в мире, Республика Беларусь обязана ради своего же блага обеспечить безопасность своих граждан, ведь без защищенности названной категории лиц невозможно говорить о решении демографического кризиса в стране. Без должного уровня воспроизводства населения статус любого государства может быть подвергнут сомнению. В связи со сказанным, стоит подытожить, что нам предстоит еще долгий путь в процессе эмансипации женщин.

Список цитированных источников

1. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence/. – Дата доступа: 15.07.2024.

2. Белта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belta.by/infographica/view/semejnoe-nasilie-20340/. – Дата доступа: 15.07.2024.

3. Safehome.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.safehome.org/data/cyberstalking-statistics/ – Дата доступа: 15.07.2024.

УРОВЕНЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Хомицевич Ирина Геннадьевна
адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
irina.homicevich@gmail.com

Одно из основополагающих направлений государственной политики Республики Беларусь является борьба с детской преступностью и ее профилактика, а также в дальнейшем социализация несовершеннолет-

него преступника после отбытия наказания. С целью определения оптимального направления профилактики преступности среди несовершеннолетних необходимо провести исторический анализ мер, применяемых ранее и их эффективность.

До XIX в. специальных карательных мер к несовершеннолетним не применялось. Подростки подвергались таким же наказаниям, что и совершеннолетние преступники. До осуществления судебной реформы 1864 г. в отношении малолетних от 7 до 10 лет, совершивших незначительные преступления, применялось домашнее исправительное наказание. Малолетние преступники, достигнувшие 10 лет, подвергались тем же наказаниям, что и взрослые преступники: ссылка в Сибирь на поселение, заключение в монастыре, смирительном или работном доме. Лица, достигнувшие 14 лет, за совершенные преступления могли направляться на каторгу, в тюрьму или ссылку, а также на военную службу [1, с. 117–118].

Наиболее характерными и распространенными видами преступлений среди несовершеннолетних являлись: кража (мелкая кража, домашняя кража, кража со взломом), нанесение телесных повреждений, убийство с непрямым умыслом, поджог, бродяжничество. Социально-экономический фактор был основной причиной роста преступности среди несовершеннолетних. Подавляющее большинство несовершеннолетних преступников были из социально-неблагополучных семей.

В конце XIX в. в обществе активно распространялись идеи создания воспитательно-исправительных учреждений. До декабря 1866 г. в России функционировало несколько учреждений для нравственно испорченных детей, созданных частными лицами, которые в большинстве не подпадали под юрисдикцию правоохранительной системы. Появление первых исправительных приютов ознаменовало очередной этап в уголовной и уголовно-исполнительной политике государства. Правовое положение таких приютов было впервые закреплено в Законе от 5 декабря 1866 г. «Об исправительных приютах», который также предусматривалл порядок и условия содержания подростков. В свою очередь исправительные учреждения по своему предназначению отличались друг от друга. Некоторые были смешанными: в них содержались несовершеннолетние различных категорий (бродяги, нищие, правонарушители, сироты), другие сразу стали специальными исправительными заведениями для несовершеннолетних преступников.

19 апреля 1909 г. был принят новый закон о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних, в котором было отмечено, что данные учреждения создаются для «нравственного исправления» воспитанников и «подготовления их к честной и трудовой жизни». Значительное внимание уделялось религиозно-нравственному, интеллектуальному и физическому развитию подростков. В законе

был определен исчерпывающий перечень лиц, направляемый в воспитательно-исправительные заведения, а именно: несовершеннолетние преступники от 10 до 17 лет, обвиняемые в совершении преступления и находившиеся под следствием, беспризорные дети, нищенствующие и бродяжничающие, а также несовершеннолетние, переданные родителями для исправления [2, с. 262].

Значимый вклад в формирование системы предупреждения и пресечения преступлений среди несовершеннолетних внес Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости». В данном нормативном правовом акте предпринята попытка сменить карательный подход, применяемый к несовершеннолетним правонарушителям, на исправительныей. В законе было установлено, что дети до 10 лет не подлежали судебному преследованию. Законодатель указал, что помещение несовершеннолетнего преступника в тюрьму и применение к нему таких же мер воздействия, как к взрослому является антигуманным. Мерами пресечения для таких несовершеннолетних подсудимых могли быть ответственный надзор опекуна или родителя, либо нахождение в отделениях при исправительных колониях [3, с. 357–364].

В 1891 г. под патронажем Министерства внутренних дел на территории Беларуси основано первое Могилевское общество исправительно-земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних. Следующими открыли в 1896 г. земледельческо-ремесленные исправительные колонии для несовершеннолетних в Витебской губернии, в 1898 г. – Виленской, в 1909 г. – Могилевской.

В колониях Витебской, Виленской и Могилевской губерний обучение ремеслам осуществлялось в мастерских, работали там в большинстве на заказ. Посещение церкви (как и школы) было обязательным в сравнении с исправительными заведениями для взрослых. Считалось, что священник колонии способствовал духовно-нравственному очищению несовершеннолетних преступников. В колонии были довольно строгие порядки, несовершеннолетних могли подвергнуть телесным наказаниям, либо поместить в карцер, а также лишить права работать, что приводило к потере заработка несовершеннолетнего.

В отчете правления Виленского общества исправительных земледельческих колоний и ремесленных приютов отмечалось, что процесс перевоспитания подростков проходил довольно сложно: «бедность или неимение родителей, заразительные примеры уличных товарищей, раннее знакомство с развлечениями, несоответствующими их возрасту, направляют их на путь порока и сближают с обитателями воровских притонов. …Среди окружающей развращенной среды не могут пробудиться совесть и нравственное чувство» [3, с. 27].

Количество воспитанников в исправительных учреждениях достигало 50 человек. В дальнейшем колония осуществляла патронаж над воспитанниками в течение 3 лет после их освобождения, при этом оказывала содействие в устройстве их будущего [4, с. 263–265].

С 1909 г. к осужденным несовершеннолетним начали применять право досрочного освобождения, что оказалось действенным стимулом к соблюдению дисциплины и правопорядка подростками.

На территории белорусских губерний конца XIX – начала XX вв. не было специальных колоний для девочек. «Падшими» девушками занимались в большинстве женские монастыри и общины сестер милосердия. Марфо-Мариинская обитель в Вильне, основанная в 1907 г, представляла собой приют для девочек-сирот с больницей и амбулаторией. Несовершеннолетних девочек обучали грамоте по программам народных училищ (занятия проводились не более трех часов в день), рукоделию и ведению домашнего хозяйства при полном самообслуживании [5, с. 59–60].

После освобождения из исправительных приютов и колоний рецидив преступлений среди несовершеннолетних составлял 10 %, в то время как у отбывших наказание в тюрьме рецидивная преступность была нормой поведения.

Таким образом, начало становления отдельной системы исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников происходило в конце XIX в., данный период характеризовался началом создания приютов для беспризорных детей и заканчивался формированием прототипа современных колоний. Необходимо отметить, что предложенные обществом и государством меры профилактики преступности среди несовершеннолетних были не последовательными, не охватывали всю империю и не смогли сократить тенденцию роста преступного поведения среди подростов.

Список цитированных источников

1. Филиппов, О. А. Очерк русского уголовного права. Выпуск первый / О. А. Филиппов. – СПб. : [Тип. П. А. Кулиша], 1866. – 200 с.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXX : 1909. Отделение первое. От № 31330–32882 и дополнения. - СПб. : Гос. тип., 1912. – 1006 с.

3. Отчет правления Виленского общества исправительных земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников за 1900 г. – Вильна: губ. тип., 1901 г. – 51 с.

4. Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости: Мнение Государственного Совета, 2 июня 1897 г. / Полное собр. законов Росс. империи. Собрание третье. Том XVII. – СПб. : 1900. – С. 357–364.

5. Венгер, Ю. И. История отечественной и зарубежной социальной работы / Ю. И. Венгер. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2005. – 108 с.

КРИМИНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Хомич Владимир Михайлович
профессор кафедры судебной деятельности учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», профессор кафедры государственно-правовых дисциплин факультета права учреждения образования «Белорусский госдарственный экономический университет»,
профессор, доктор юридических наук
ul.khomich@tut.by

1. Сегодня криминология однозначно констатирует, что социально-криминогенные риски в современных социальных системах в значительной степени обусловлены деструктивным, ситуационно-хаотическим расширением принуждающих методов регулирования общественных отношений. Посему правовое пространство без необходимости замещалось репрессивно-принудительным регулированием социальных отношений без уяснения их криминологического состояния и уровня опасности для нормального и безопасного существования человека и человечества. Так постепенно формировались предпосылки феномена управляемого уголовного права – допустимости управления социальными процессами посредством объявления системы запретов для субъектов социальной деятельности под угрозой уголовной ответственности, вследствие чего утрачивалась определенность и уголовно-правовая мерность преступления и наказания, а исконно правоохранительное по сути уголовное право расползается до хаотического и небезопасного состояния для человека, граждан, общества и государства.

2. Одной из серьезных в уголовно-правовой науке конца XX и начала XXI вв., вследствие этого, была и остается задача сохранения и развития классических канонов уголовного права и его истинно естественного гуманитарного предназначения в человеческом сообществе. В связи с этим, не могу сказать, что уголовно-правовая наука преуспела в этом направлении теоретически и практически. Наоборот, сегодня мы наблюдаем социальную и культурно-правовую дисгармонию в области развития фундаментальных положений науки уголовного права, уголовной и уголовно-судебной политики, перспектив и направлений развития уголовного законодательства в целях стабилизации и консолидации общества и власти на правовых основаниях социального управления и общесоциальной организации и самоорганизации общественного бытия людей (граждан) на единых подходах утверждения и поддержания цивилизованного внутригосударственного и межгосударственного правопорядка и безопасности человечества.

3. На этом фоне и появляются социальные конструкции, допускающие безграничную возможность обеспечения национальной безопасности и ее защиты посредством уголовно-правового управляемого воздействия на основе введения «новых правовых» и модернизации старых инструментов из арсенала уголовного права. В чем же причина социально-защитной нефункциональности традиционно правовых подходов уголовного права и уголовно-правовой науки относительно выхода из той конфликтно-эскалирующей социальной ситуации, которую нельзя признать нормальной и которая небезопасна для человека и человечества независимо от того, какой политико-правовой системой на сегодня она обусловлена. Что же случилось с человечеством, которое, несмотря на громадный технологический цивилизационный прогресс, утратило, к сожалению, социально-культурную и общеправовую мерность в оценке социального зла и его источников.

4. Смею предположить, что отчасти это произошло и продолжает быть вследствие того, что объективное право, будучи относительно бесконтрольным со стороны общества, постепенно растворялось в предметной безсубъектности и абстрактности социальной коммуникации, поскольку в ней реальные правовые отношения не ставили человека в качестве главной и приоритетной ценности и цели цивилизационного развития политико-организованных общественных систем. Посему криминологическая и уголовно-правовая наука постоянно, но без особых новаций пребывает в поиске истины и гармонии в уголовном праве – в преступлении и наказании. Попытки объяснить эти деструктивные и эскалирующие насилие процессы в общественных и политических системах борьбой за демократические принципы, права и свободы человека сегодня выглядит, по крайней мере, неубедительно (если не более). Отчетливо заметно, что все политико-организованные общества устремились к тотальному властно-олигархическому доминированию, вовлекая в эти процессы огромные массы людей, все более теряющихся в свободе выбора под воздействием новых и старых идеологий защиты национальной государственности и ее безопасности. Не избежало подобной деструктивности и право, в том числе и уголовное право.

5. Современные государства и его властно-элитарные институции испытывают дефицит социального одобрения, а посему легитимация социальных и политических функций и принимаемых властью решений перед обществом и гражданами находится в состоянии перманентных социальных рисков и необходимости их снятия или нейтрализации. Это не так просто, поскольку при нынешней эскалирующей ситуации и разбалансированности социальных интересов в государственной, правовой, да и в судебно-правовой политике, снятие социально опасных рисков и социальных конфликтов, продолжает ориентироваться не на убеждение правдой и согласованность, а на систему властепринуждения, включая инструментарий

(средства) уголовного права. Отсюда, тревожность за счастливое социально-правовое и безопасное будущее, которое все более откладывается и поэтому становится серьезным криминогенным фактором, существенно активирует преступную среду и соответствующую криминальную мотивацию индивидуального и корпоративного отклоняющегося поведения в социальных системах и подсистемах управления современными обществами (экономической, политической, информационной, правоустанавливающей и т. д.). Происходит криминализация и деаксиологизация общественного сознания. На сегодня это и есть главная политико-правовая проблема, которая присутствует сегодня во всех научных дискурсах относительно кризисного состояния современной онтологии уголовного права, уголовно-правовой, уголовно-судебной политики и социально-правовой практики обращения с уголовным законом**,** понятием преступления, назначением наказания и развивающегося стремления использовать инструменты уголовно-правового воздействия в системах социального управления [1].

6. Здесь мы соприкасаемся с непростой задачей и для современной доктрины уголовного права, и для текущей уголовно-правовой и судебно-уголовной политики – перманентно, с учетом складывающихся социально исторических условий постигать истинно правовое предназначение уголовного права, искать и постоянно интегрировать в уголовное право, в преступление и наказание, в систему уголовно-правовых средств обеспечения безопасности правовые позиции защиты человека, общества и государства (государства, создаваемого и защищаемого обществом).

Мы должны исходить из объективной возможности достижения рационального-сбалансированного сочетания социально-культурной гармонии человека и его социального бытия с требованиями правопорядка, организуемого и обеспечиваемого публично-сформированными институциями общества при минимальном использовании уголовно-правовых средств для обеспечения социальной бесконфликтности развития политико-организованных социальных систем человеческого обитания и общежития. Но это достижимо только при условии решения на перманентной основе государством и обществом следующих социально-экономических и политических задач:

серьезного и приоритетно ответственного отношения власти (государства) к поступательно-гарантированному и справедливо сбалансированному повышению уровня жизни собственных граждан;

наличия действительной и свободно реализуемой политической праводееспособности граждан определять, контролировать, изменять и легитимировать политические институции государственной власти и в конституционно-судебном порядке оспаривать ее решения по методу взвешивания интересов – нахождения правильного баланса между человеком и обществом, – который должен стать фирменным знаком качества права и правового регулирования, касаться всех отраслей права – будь то частное или публичное право,

характеризоваться обязательностью установления баланса между частным и публичным, между человеком и всем обществом, между правами человека и потребностями общественного мира и безопасности обостряться [2, с. 100];

утверждение в деятельности судебных и правоохранительных органов принципа их процессуально-правовой независимости от законодательной и исполнительной властей в разрешении социально-правовых конфликтов и правовых споров [3, с. 491–499].

7. Думаю, что возражать против этого никто не станет. Но возникает вопрос, почему это не было сделано, и новая социальная реальность предстает перед нами в столь разбалансированном правовом состоянии, почему право утратило содержательную функциональность приоритетного отстаивания и защиты общегуманитарных ценностей в развитии современных общественных и государственных систем.

Современная трансформация данной нам социально-правовой реальности бытия уголовного права (и не только уголовного права) уже не просто неадекватна сформированным социумом смыслам и требованиям, по которым определяется сфера преступного и непреступного, социально разумного и социально деструктивного. Кроме того, большинство настроено на то, чтобы подстроить возникающие в уголовном праве проблемы на приемлемые по образцу «благополучные» рамки. Но, к сожалению, ничего конструктивного по этому вектору совершенствования уголовного права и правовых систем как на национальном, так и международном уровне не происходит, а социальные риски криминогенного характера динамично расширяются по всем сегментам правового регулирования [4, с. 35–36].

Потребность в поиске последовательной интеграции права в уголовное право преступления и наказания, равно как и в систему уголовно-правового контроля преступности, социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений в содержательно-функциональных свойствах современного отечественного уголовного права существовала всегда. Но в условиях глобальных социальных трансформаций экономических и политических систем, происходящих в XXI в., до беспредела разрушающих привычные социально-правовые устои безопасного сосуществования человечества, реакция уголовного права на эти опасности преступного характера стала уподобляться в качестве первейшего и основного инструментария в противодействия традиционной и новой преступности по стандартам управляемого администрирования. Так не должно быть…

8. На сегодня это одна из фундаментальных проблем, связанных с социально неоправданным и разбалансированным, а также явно завышенным социальным предназначением сферы применения уголовного права. Стремление расширить границы применения и использования уголовно-правовых средств для решения чуть ли не всех значимых общественных проблем без должной общесоциальной правовой легитимации

систем правового установления и регулирования соответствующих социальных систем организации общества и государства ведет к отчуждению большинства членов общества от позитивного права, формируемого государством, и пока к непонятным и внутренне противоречивым изменениям в структуре современной преступности, которая все более становится публично и властно ориентированной и разрушающей единство общества и институций (в том числе правовых) государственной власти.

9. Социально-правовое переосмысление и изменение оценочной парадигмы признания соответствующих деяний правомерными или правонарушающими (преступными и не преступными) и не только в контексте обоснования применения мер наказания, но и с учетом права человека на безопасность и право государства на ее обеспечение возможно только на основе введения криминологического контроля за публичным правообразованием. Это одна из серьезнейших и сложных правовых конструкций, в которой допустимо использование уголовно-правового принуждения на основе контролируемого социального управления системой обеспечения общественной безопасности. Особая сложность здесь связана с определением критериев оценки правовой мерности (законности) применения мер безопасности, причиняющих тяжкий вред человеку (лишение жизни, причинение вреда здоровью), в целях устранения угрозы жизнеутверждающим ценностям человеческого существования, нависшей над государствами, обществами, над отдельными людьми или группами людей. Вопрос заключается в том, совместима ли указанная система мер безопасности, допускающая причинение такого вреда людям при таком целеполагании ее применения, с системой уголовного права или правовые основания и процедуры, гарантирующие и правоустанавливающие правовой стандарт их применения следует исключить из ведения уголовного права.

Устраняясь от излишней рациональности, выход видится в интегративном поиске единого права противодействия преступности на принципах универсального обеспечения безопасности и его поиск сводится к разрешению сложного и вечно изменяющегося диалектического противоречия между человеческой свободой, правом на самосохранение посредством самозащиты и правом государства на применение мер безопасности как чрезвычайного обстоятельства, исключающего уголовную противоправность.

Список цитированных источников

1. Уголовно-правовые средства государственного социального управления: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 8 апреля 2022 г. / РАНХиГС при Президенте РФ; редкол: д-р юрид. наук, проф. В. С. Джатиев (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Юрид. центр, 2023. – 295 с.

2. Шустров, Д. Конституционная революция и возникновение принципа пропорциональности в конституционном праве Израиля / Д. Шустров // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 1 (104). – С. 92–116.

3. Хомич, В. М. О социальной сущности права и уголовной противоправности в системе уголовного права и уголовного правосудия / В. М. Хомич // Белорусское правосудие: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч.-практ конф., посвящ. 100-летию Верхов. Суда Респ. Беларусь, Минск, 15 февр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : Л. Л. Голубева (гл. ред.), С. А. Калинин, О. Н. Романова. – Минск: БГУ, 2023. – С. 491–499.

4. Бабаев, М. М. Очерки криминальной рискологии / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 366 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Чуешов Кирилл Викторович
начальник отдела государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
okmzispp_npc@prokuratura.gov.by

Персональные данные представляют собой нематериальный актив, имеющий значимую социально-экономическую ценность [1]. Вместе с тем они могут использоваться в противоправных целях, в частности, в рамках мошеннических действий. Основным инструментарием получения информации, относящейся к персональным данным, в настоящее время являются методы социальной инженерии.

Несмотря на то, что белорусский законодатель оперирует понятием «социальная инженерия», его легальное определение отсутствует.

В научной литературе сущность социальной инженерии чаще всего соотносится с методами и (или) способами:

несанкционированного доступа к информационным ресурсам, основанного на особенностях психологии человека [2, с. 33];

контроля за поведением человека, выраженного в достижении выполнения им определенных действий, сообщении персональной или конфиденциальной информации, которая позволяет получить незаконный доступ к чужому имуществу [3, с. 12];

манипулирования людьми с целью получения конфиденциальной информации [4, с. 51–52];

управления действиями человека без использования технических средств, основанными на использовании слабостей человеческого фактора [5, с. 43].

Отдельными учеными при исследовании социальной инженерии как научной дисциплины указывается на нередкие идеологические спекуляции данным термином, когда последний трактуется в значении:

централизованное планирование общественных процессов со стороны государства;

средство маскировки изменений в общественной жизни при сохранении общественно-государственного строя в целом [6, с. 87–88].

Ю. М. Резник указывает, что в узком понимании социальная инженерия представляет собой область знаний, практических действий, направленных на создание и обслуживание социальных систем искусственного типа. К последним он относит социальные институты, социальные (формальные) организации, организованные группы [6, с. 89].

Вместе с тем, поскольку термину «социальная инженерия» уже более 120 лет, в широком смысле он может отождествляться с проектно-прикладной социологией, управлением (менеджментом), связями с общественностью и политтехнологиями [7, с. 99].

В современном мире социальная инженерия, приобретая агрессивный характер, предлагает новые виды атак на различные объекты (сознание людей, социальные институты):

атаки, направленные на отвлечение специалистов от основных обязанностей (например, рассылки в организации с целью бессмысленного сбора больших объемов данных или психологические атаки на работников);

атаки с алгоритмами запуска вредоносного программного обеспечения (для целей уничтожения или искажения обрабатываемых данных) и др. [8].

Методы социальной инженерии чаще всего предполагают дистанционное психологическое воздействие. Соответственно, социальная инженерия в контексте обеспечения информационной безопасности представляет собой систему способов психологического манипулирования людьми в целях совершения ими определенных действий или разглашения конфиденциальной информации, которой они владеют [9, с. 347].

Если ранее мошенничества осуществлялись, как правило, с помощью непосредственно ИКТ (технологического оборудования и программного обеспечения), то в настоящее время применяются как методы социальной инженерии для получения доступа к данным и системам, так и непосредственно ИКТ, позволяющие получать выгоду посредством использования добытых преступным путем сведений.

Как отмечает О. П. Казаченок, тем самым «создается двухуровневая угроза кибербезопасности, которую уже нельзя предотвратить исключительно технологическими средствами защиты, которые оказываются бессильными, сталкиваясь с проблемой использования человеческого фактора» [4, с. 51].

Современная схема мошенничеств значительно усложнилась. Изначально злоумышленники получают доступ к персональным данным и (или) к информационной системе путем использования способов и мето-

дов психологических манипуляций (социальной инженерии). Далее они, используя полученную информацию, достигают противоправных целей с применением ИКТ.

Российский специалист С. Кузьмин отмечает, что атака методами социальной инженерии всегда идет в обход аналитических инструментов человеческого разума, воздействуя на эмоциональную и рефлекторную сферы, привычно подавляемые у людей, занятых умственным трудом [8].

Значимыми для социальных инженеров аспектами являются:

планирование (во всех случаях включает этап сбора данных из открытых либо закрытых источников, опосредующих выбор повода для атаки);

условия стресса либо проявления иных сильных эмоций жертвы (использование «психологических триггеров», при котором главная задача – поиск и использование уязвимых точек системы принятия решений жертвы);

действие в условиях цейтнота (мнимая необходимость принятия решений жертвой в ограниченный период времени, не позволяющий рационально осмыслить ситуацию) [8].

Применение техник социальной инженерии требует познаний психологии и навыков сбора необходимой информации о конкретном субъекте [9, с. 347].

Главная характеристика эффективности методов социальной инженерии состоит в том, что, с одной стороны, деятельность человека не подчинена логике выполнения итераций вычислительного процесса, а с другой стороны, любой человек обладает слабостями, используя которые можно внести изменения в технологический процесс обработки информации [2, с. 33].

На основании изложенного к основным факторам, препятствующим формированию методов борьбы с использованием социальной инженерии, можно отнести:

правовые (отсутствие в законодательстве единой стратегии борьбы с использованием методов социальной инженерии);

организационно-профилактические (недостаточные информированность, правовая, финансовая и компьютерная грамотность населения, ограниченная кадровая обеспеченность сферы кибербезопасности);

социально-психологические (воздействие на эмоциональную и рефлекторную сферы человеческого с одновременным подавлением).

Список цитированных источников

1. Азбука права. Как защититься и не попасть на удочку мошенника. [Электронный ресурс] // ilex: информ. правовая система. – Режим доступа: https://nces-private.ilex.by/home. – Дата доступа: 15.06.2024.

2. Кабанов, А. С. Методы социальной инженерии в сфере информационной безопасности и противодействие им / А. С. Кабанов, А. Б. Лось, А. В. Суроев // Рос. следователь. – 2017. – № 15. – С. 32–37.

3. Старостенко, Н. И. Совершенствование криминалистического взаимодействия при расследовании хищений, совершенных с использованием методов социальной инженерии, реализуемых при помощи информационно-телекоммуникационных технологий / Н. И. Старостенко // Рос. следователь. – 2023. – № 1. – С. 11–14.

4. Казаченок, О. П. Социальная инженерия vs кибербезопасность в банковской сфере / О. П. Казаченок // Банковское право. – 2021. – № 2. – С. 50–56.

5. Ошманкевич, К. Р. Социальная инженерия как угроза хозяйственной деятельности кредитной организации / К. Р. Ошманкевич // Хозяйство и право. – 2023. – № 4. – С. 42–50.

6. Резник, Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения / Ю. М. Резник // [Электронный ресурс] // booksee.org. Электронная библиотека – Режим доступа: https://dl.booksee.org/genesis/89000/24bf654ebb965a3332c0d4f2fce44426/_as/[Reznik_Yu.M.]_Socialnaya_inzheneriya_predmetnaya_(BookSee.org).pdf. – Дата доступа: 15.06.2024.

7. Волков, Е. Н. Социальная инженерия: явление и его концептуализация / Е. Н. Волков // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского, Сер. Соц. науки. – 2014. – № 3 (35). – С. 96–101.

8. Атаки с использованием социальной инженерии [Электронный ресурс] // InformationSecurity. Информационная безопасость. – Режим доступа: https://itsec.ru/hubfs/Digital/SS/SS_ADAPT/ITSEC_20-04-23_Кузьмин.pdf?hsLang=ru&yscl id=lyckenu838660977756. – Дата доступа: 15.06.2024.

9. Унукович, А. С. Социальная инженерия и кибербезопасность: виктимологический аспект / А. С. Унукович // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26. – № 3 (86). – С. 346–351.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Шаблинская Диана Викторовна
доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
3322982@gmail.com

Одной из актуальных тенденций развития отечественного уголовного права является усиление его правовосстановительной составляющей. Данное умозаключение предполагает новое видение проблемы дальнейшего совершенствования системы мер уголовно-правового воздействия: провозглашения социальной справедливости принципиальным началом, а ее восстановление – одной из функций уголовного права (как компонента охранительной функции либо самостоятельной функцией).

По мнению Г. В. Мальцева, «справедливость означает принятый обществом или господствующим классом в качестве нравственно оправдан-

ного и правильного масштаб для соизмерения действий субъектов в пользу (или во вред) общества и других лиц с ответными действиями последних» [1, с. 54]. Приведенный тезис весьма значим в плане выявления содержательного признака справедливости, выступающей определенным «эталоном» для сравнения (сопоставления) действия и ответного противодействия. Как отмечает А. В. Шерстнева, «на основе исследования трактовок понятия справедливости можно сделать вывод, что ее основными элементами выступают равенство, дифференциация и индивидуализация, которые взаимосвязаны. Равенство, с одной стороны, исключает возможность установления преимуществ, а с другой – допускает возможность установления законом различий с учетом обстоятельств, основанных на критериях дифференциации и индивидуализации» [2, с. 6]. Данные утверждения имеют перспективный характер при рассмотрении справедливости применительно к мерам уголовно-правового воздействия.

В охранительном праве видится специфика реализации справедливости как принципиальной основы права: через ее восстановление посредством как установления, так и реализации мер уголовно-правового воздействия. Полагаем, позиция социальной справедливости применительно к мерам уголовно-правового воздействия должна иметь оценку по нескольким направлениям (этапам): во-первых, справедливы ли данные меры за совершение данного преступления (этап криминализации и пенализации) и, во-вторых, справедливы ли данные меры применительно к конкретному лицу с учетом характеристик виновного, включая факт возмещение вреда и др. (этап правоприменения).

Сужение сферы государственного принуждения в ходе депенализации и ее расширение при пенализации или криминализации, а равно дифференциация уголовной ответственности должны справедливо коррелировать снижению / увеличению общественной опасности совершаемых деяний, в целом уровню преступности и судимости в обществе. В этом ключе очень важно правильно определять тяжесть преступления, соотнести эту тяжесть, обусловленную характером общественной опасности, с санкцией, установленной за содеянное. И в этом плане следует обратиться к положениям Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь», поставившей задачу обеспечение сбалансированности норм Общей и Особенной частей УК, положений о преступлениях и наказаниях (п. 43.1). Аналогично должно варьироваться и уголовно-правовое воздействие на этапе его реализации в отношении конкретного лица с учетом предусмотренных уголовным законом положений об индивидуализации ответственности, представленных в первую очередь в общих и специальных правилах назначения наказания.

Социальная справедливость предполагает придание уголовно-правовому воздействию правовосстановительной составляющей. На первый взгляд, для восстановления социальной справедливости при реализации уголовно-правовых мер необходимо прибегать к иным правовым средствам (в первую очередь, гражданско-правовым). С другой стороны, задача восстанавливать социальную справедливость в контексте всех отмеченных выше ее составляющих поставлена именно перед средствами уголовного права. Таким образом, необходимо установление и реализация таких мер уголовно-правового воздействия, которые будут максимально эффективны для восстановления справедливости.

В каждом конкретном случае правоприменитель должен определить, будет ли наказание справедливым с учетом целого ряда показателей: его последствий, тяжести совершенного деяния (его характера и степени общественной опасности), личности виновного, возмещения вреда и сделать вывод, соответствует ли оно цели восстановления социальной справедливости, т. е. может ли оно восстановить нарушенные преступлением права и свободы потерпевшего, и в целом восстановить общественные отношения, которым был причинен вред совершенным преступлением. При отрицательном ответе на указанные вопросы суд должен применить иные уголовно-правовые меры, не являющиеся наказанием, а возможно, и освободить лицо от уголовной ответственности.

Обобщая изложенное полагаем, что функциональными признаками мер восстановления социальной справедливости в уголовном праве должны выступать следующие:

1. Справедливость со стороны общества, господствующих в нем представлений о преступном и наказуемом: адекватизация мер уголовно-правового воздействия с учетом проявления такого его компонента как экономия уголовной репрессии.

2. Справедливость со стороны законодателя посредством установления норм уголовного закона (криминализации и пенализации): соразмерность уголовно-правовых мер тяжести содеянного, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иных уголовно-правовых мер, в том числе решение провозглашенной Концепцией правовой политики задачи адекватизации преступлений и наказаний.

3. Справедливость со стороны правоприменителя (суда): надлежащая оценка характера и степень опасности содеянного, личности преступника, расширение практической сферы индивидуализации наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

4. Справедливость по отношению к потерпевшему: возмещение вреда, причиненного преступлением, восстановление нарушенных прав и свобод, в том числе уголовно-правовыми мерами. В данном случае важен ответ на перспективный вопрос: должны ли эти меры обязательно быть уголовно-правовыми либо они должны вытекать из совершения преступления,

а ключевым направлением реализации выступает развитие частноправовых начал в уголовном праве.

5. Справедливость по отношению к виновному лицу, включая ресоциализационный и социально-адаптационный характер применяемых уголовно-правовых мер.

6. Справедливость по отношению к обществу, что включает все вышеуказанное, а также восстановление общественных отношений, удовлетворение ожиданий общества от реализации мер уголовно-правового воздействия, что способствует повышению авторитета государственных органов, воспитывает у людей уважение к духу и букве закона, эффективность достижения цели общего предупреждения.

Список цитированных источников

1. Мальцев, Г. В. Социальная справедливость и право / Г. В. Мальцев. – М. : Мысль, 1977. – 255 с.

2. Шерстнева, А. В. Право и социальная справедливость (конституционно-правовой аспект) / А. В. Шерстнева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2021. – № 2. – С. 5–10.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В РОССИИ В 2023 Г.

Шекк Елена Александровна
старший научный сотрудник отдела научного обеспечения предупреждения преступности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации
alfenka@mail.ru

Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, в качестве целей государственной политики определены сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков. На данном направлении правоохранительными органами ежегодно проводится большая работа по выявлению, пресечению и предупреждению разнообразных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических веществ. Достигнуты определенные положительные результаты. Специалистами отмечается подтвержденная данными медицинской статистики тенденция к снижению общей заболеваемости наркоманией [1, с. 293], проводятся мероприятия по раннему выявлению немедицинского потребления запрещенных веществ в образовательных учреждениях. При этом организационные и иные важнейшие решения в этой сфере принимаются с учетом анализа криминальной ситуации.

Согласно данным правовой статистики Российской Федерации с 2019 г.по 2022 г. в Российской Федерации количество зарегистрирован-

ных наркопреступлений ежегодно снижалось. Однако, в 2023 г. произошло изменение данной тенденции, и количество выявленных наркопреступлений увеличилось на 7,5 %, составив 190 988 против 177 741 в 2022 г. Одновременно количество тяжких и особо тяжких преступлений в этой сфере выросло на 11 % (150 422); сбыт наркотиков – на 13,8 % (126 159); фактов хищения и вымогательства наркотиков – на 21,7 % (84).

Усилена работа по борьбе с контрабандой запрещенных веществ. В 2023 г. Главным управлением по борьбе с контрабандой Федеральной Таможенной службы России организовано 250 (в 2022 г. – 197) оперативно-розыскных мероприятий «контролируемая поставка», в том числе 18 международных операций (в 2022 г. – 8) [2]. По оконченным производством уголовным делам в 2023 г. изъято более 27 тонн наркотиков.

При этом в общем количестве зарегистрированных преступлений удельный вес наркопреступлений составляет фактически десятую часть (9,8 % в 2023 г.), то есть каждое десятое преступление в стране связано с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Для оценки криминальной ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков в 2023 г. в Университете прокуратуры Российской Федерации в июле 2023 г. был проведен опрос 244 прокурорских работников в 10 регионах Российской Федерации. По некоторым ответам результаты могут превышать 100 %, поскольку участники могли выбрать несколько непротиворечивых друг другу вариантов ответа.

Анализ результатов анкетирования показал, что экспертное мнение в большей степени отличается от официальных статистических данных. Так, более половины респондентов (53,6%) считают, что реальный уровень наркопреступности в последние годы увеличивается. Свыше трети опрошенных (34,3 %) считают, что он остался примерно таким же, как в прошлые годы. Лишь 12,1 % – полагают, что уровень наркопреступности снижается.

Закономерно, что прокуроры еще более критично высказались об общественной опасности наркопреступности: 63,7 % опрошенных считают, что степень ее общественной опасности увеличивается, еще примерно треть (29,2 %) указали, что общественная опасность осталась на том же уровне, и лишь 7,1 % указали, что общественная опасность наркопреступности за исследуемый период снизилась.

В 2023 г. на фоне увеличения общего количества зарегистрированных наркопреступлений можно отметить регионы с наибольшими темпами прироста: Ямало-Ненецкий автономный округ (76,8 %), Калининградская (54,3 %), Мурманская (47,6 %), Томская (44,6 %), Оренбургская (44%) области, Республика Ингушетия (43,1 %), Республика Марий Эл (42,7 %), Тульская область (38,4 %), Республика Мордовия (35,6 %), Ивановская область (31,9 %).

В то же время в некоторых регионах отмечается наибольшее снижение выявляемых наркопреступлений: Смоленская область (-27,6 %), Республика Хакасия (-19,5 %), Чеченская Республика (-19,1 %), Республика Адыгея (-17,8 %), Ненецкий автономный округ (-15,4 %), Рязанская область (-15,4 %), Карачаево-Черкесская Республика (-14,6 %), Амурская область (-13,1 %), Еврейская автономная область (-11,7 %), Липецкая область (-11,6 %).

Если взглянуть на общую картину преступности в целом во всех федеральных округах, то уровень наркопреступлений не выделяется особенно ярко среди прочих правонарушений. Однако в Северо-Кавказском ФО имеется существенное отличие. Здесь, несмотря на то, что количество зарегистрированных наркопреступлений в округе существенно меньше, чем в других федеральных округах, оно имеет значительный вес в структуре преступности округа (12,8 % в 2023 г.). Ежегодно этот округ демонстрирует самые высокие показатели среди всех федеральных округов по удельному весу наркопреступности.

Для анализа и оценки масштабов незаконного оборота запрещенных веществ и их потребления, оценки эффективности принимаемых мер по борьбе с наркоторговлей, кроме того, в целях разработки предложений по совершенствованию антинаркотической политики проведен мониторинг ситуации в Российской Федерации и ее субъектах. На основе обобщения информации, полученной в ходе проведения исследований, был подготовлен Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 г. В докладе, как правило, отражаются результаты проведенных социологических исследования по вопросам немедицинского наркопотребления. Оценка наркоситуации как в 2022 г., так и в 2023 г. оценивается как «нейтральная».

Между тем, отметим некоторые триггерные точки в современной наркопреступности – это тенденции увеличения в 2023 г. количества преступлений в этой сфере, совершенных в крупном и особо крупном размере, в частности в крупном – на 4,8 % (с 61 546 до 64 480) и в особо крупном – на 6,0 % (с 3 892 до 4 125). Также в структуре наркопреступности существенно увеличилось количество тяжких и особо тяжких преступлений (с 135 560 до 150 422, или на 11,0 %). Обращает на себя внимание наблюдающаяся в последние годы тенденция уменьшения количества выявляемых преступлений, совершаемых без цели сбыта, и напротив, увеличение доли преступлений, совершаемых с этой целью. Это может свидетельствовать о положительных изменениях в системе реагирования на наркопреступность в стране, смещения фокуса внимания правоохранительной деятельности на разоблачение не рядовых потребителей запрещенных веществ, приобретающих, хранящих или перевозящих их для личного потребления, а сбытчиков и производителей наркотиков.

В 2023 г. доля деяний, связанных с приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотиков (ст. 228 УК РФ), в общей структуре наркопреступности снизилась до 29,9 %. В этом году зарегистрировано 57 190 преступлений, что на 4 % меньше предыдущего года. Отрицательный прирост рассматриваемых преступлений в этом году наблюдался как в стане в целом, так и в пяти из восьми федеральных округах (СКФО –14 %, ЮФО – 8,1 %, ПФО – 6,6 %, СФО – 8,3 %, ДФО – 14,3 %).

В то же время удельный вес деяний, предусмотренных ст. 228-1 УК РФ, за пять лет увеличился с 59,6 % до 66,5 % по стране. В пяти из восьми федеральных округов доля этих преступлений в структуре наркопреступности составляет более половины. В 2023 г. было зарегистрировано 126 916 таких преступлений против 113 303 в 2019 г. (+12 %).

Характерной тенденцией последних лет в сфере незаконного оборота наркотиков является возрастающая интенсивность применения информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) для совершения преступлений. Количество преступлений, совершенных таким способом, предусмотренных ст. 228-1 УК РФ, увеличилось еще на треть (в 2023 г. – 81 520, или +31,0 %, в 2022 г. – 62 209 (+20,9 %), в 2021 г. – 51 444 (+9,3 %)). Это более половины всех случаев сбыта наркотиков (64,6%), причем их доля неуклонно растет последние несколько лет (49,3 % в 2021 г., 41,6 % в 2020 г., 21,8 % в 2019 г. и 16,6 % в 2018 г.).

Результаты анкетирования прокурорских работников, проведенного в 2023 г., подтверждают опасность этой тенденции. Среди наиболее актуальных качественных характеристик современной наркопреступности отмечены прежде всего существенный вклад неконтролируемого использования ИТТ (62,7 %), увеличивающаяся дистанционность схем распространения наркотиков (63,5 %).

Таким образом, современная наркопреступность диктует необходимость выработки принципиально новых стратегических решений в противодействии ей, включающих в себя прежде всего борьбу с криминальным использованием ИТТ, организованными преступными проявлениями и новыми формами сбыта наркотиков. Кроме того, актуальным остается вопрос поддержания уровня международного взаимодействия правоохранительных органов и прокуратур по вопросам противодействия наркоугрозе.

Список цитированных источников

1. Заварыкин, И. Н. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации и ее результаты / И. Н. Заварыкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2024. – № 24. – С. 293–294.

2. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-glavnogo-upravleniya-po-bor-be-s-kontrabandoj/document/561161. – Дата доступа: 12.07.2024.

РАЗДЕЛ 6

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛИЦ, УКЛОНИВШИХСЯ ОТ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИЗЫВА НА ВОИНСКУЮ СЛУЖБУ

Адамович Андрей Александрович
заместитель начальника управления организации процессуального контроля главного управления процессуального контроля центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь
adanda12@mail.ru

В своем выступлении на заседании VII Всебелорусского народного собрания Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Мы все время живем, не задумываясь о том, как в обстановке эскалации и напряженности обеспечивается необходимый уровень военной безопасности нашей страны. А он обеспечивается готовностью нашей армии к обороне, защите национальных интересов» [1].

Современная международная обстановка, в том числе геополитическая обстановка в регионе, отчетливо свидетельствуют об актуальности повышения боевой готовности Вооруженных Сил Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 57 Конституции защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг каждого ее гражданина. Вместе с тем, не все граждане добросовестно и инициативно исполняют обязанности, возложенные на них Основным Законом.

За несоблюдение порядка исполнения воинской обязанности установлена как административная, так и уголовная ответственность.

Преступления против порядка исполнения воинской обязанности, направления и прохождения альтернативной службы содержатся в разделе XIV УК. Раздел включает 30 действующих статей. При этом наиболее распространенным преступлением, из включенных в указанный раздел, является уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу (ст. 435 УК).

Так, за 2023 г. подразделениями Следственного комитета передано прокурору для направления в суд 312 уголовных дел о преступлениях, включенных в раздел XIV УК. При этом дела об уклонении от мероприятий по призыву на воинскую службу составляли 87,2 % (272 дела).

Анализ статистических данных за последние 5 лет (2019–2023 гг.) свидетельствует о том, что с 2021 г. возросло количество совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 435 УК. Так, если в 2019 г. было воз-

буждено 509 соответствующих уголовных дел, а в 2020 г. – 314, то в последующие три года ежегодно возбуждалось около 800 уголовных дел (2021 г. – 777 дел, 2022 г. – 805 дел, 2023 г. – 796 дел).

Изложенное свидетельствует об актуальности изучения вопросов, связанных с методикой расследования уголовных дел об уклонении от мероприятий по призыву на воинскую службу.

Одной из распространенных в настоящее время проблем, препятствующих привлечению соответствующих лиц к уголовной ответственности за уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу, является их выезд за пределы Республики Беларусь. В таких случаях следователи вынуждены приостанавливать предварительное следствие на основании п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК. При этом согласно ч. 5 ст. 246 УПК, до приостановления предварительного следствия следователь обязан выполнить все следственные действия, проведение которых возможно в отсутствие обвиняемого, принять все меры по его розыску.

Вместе с тем в следственной практике встречаются случаи необеспечения данного требования. Например, при изучении в порядке процессуального контроля в июне 2024 г. уголовного дела, возбужденного в 2022 г. по ч. 1 ст. 435 УК в отношении Я., установлено, что расследование по нему проведено неполно, исчерпывающие меры по установлению местонахождения обвиняемого и обеспечению его участия в уголовном процессе не приняты.

Так, несмотря на наличие в материалах уголовного дела предоставленной работодателем (белорусская организация, далее – ООО) информации об адресе проживания Я. на территории Грузии, соответствующая информация при направлении в указанное государство поручения об оказании правовой помощи не использовалась. Кроме того, в поручении среди прочего указано о необходимости допроса Я. в качестве подозреваемого, хотя в деле имеется постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, вынесенное до направления данного поручения. Несмотря на то, что с момента направления поручения прошло более полутора лет, соответствующее напоминание не направлялось.

На скриншоте, приобщенном к протоколу осмотра компьютерной информации, отображено направленное обвиняемому его матерью сообщение следующего содержания: «Хорошо, Лизе привет». Данная информация следователем проигнорирована. В ходе расследования не принимались меры по установлению личности указанной девушки, информация о следовавших на одном авиарейсе совместно с Я. пассажирах не запрашивалась. Установление личности указанного лица, а также ее родственников на территории Республики Беларусь, может способствовать установлению местонахождения Я. в настоящее время.

Также имеется необходимость в допросе должностных лиц ООО по вопросам актуального адреса проживания Я., а также выдвигаемой ро-

дителями последнего версии о направлении его данной организацией в командировку, способе оплаты труда, реквизитах счетов, на которые перечисляется его заработная плата. В целях обеспечения возможных имущественных взысканий следует истребовать информацию из банков Республики Беларусь о наличии у Я. счетов, наложить на имеющиеся на них денежные средства арест.

Несмотря на то, что следствием установлено, что Я. скрылся за день до установленной даты явки в военный комиссариат, осведомлен о возбуждении в отношении него уголовного дела и не планирует возвращаться в Республику Беларусь (исходя из показаний родителей), применение в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу не инициировалось. В случае задержания его на территории иностранного государства это может воспрепятствовать его оперативной экстрадиции.

Перечисленные недостатки послужили основанием для отмены принятого следователем решения о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК.

Приведенный пример, а также результаты изучения автором иных уголовных дел, свидетельствуют о том, что принимаемые следователями решения о приостановлении предварительного следствия по рассматриваемой категории уголовных дел зачастую отменяются как в порядке ведомственного процессуального контроля, так и при осуществлении прокурорского надзора. Основными причинами отмен данных решений является невыполнение всех следственных действий, проведение которых возможно в отсутствие обвиняемых, непринятие исчерпывающих мер по их розыску.

Устранению указанных недостатков, а также установлению местонахождения скрывшихся обвиняемых, будет способствовать проведение комплекса следственных и иных процессуальных действий по следующим направлениям:

1) максимально полное установление обстоятельств выезда подозреваемого (обвиняемого) за пределы Республики Беларусь;

2) принятие исчерпывающих мер, направленных на установление актуального местонахождения подозреваемого (обвиняемого);

3) установление факта осведомленности подозреваемого (обвиняемого) о возбуждении в отношении него уголовного дела;

4) рассмотрение вопроса о применении к скрывшемуся от органа уголовного преследования обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу;

5) подготовка надлежащего поручения об оказании правовой помощи и его оперативное направление;

6) изучение имущественного положения подозреваемого (обвиняемого) с последующим наложением ареста на егоимущество.

Список цитированных источников

1. Выступление на заседании VII Всебелорусского народного собрания [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/events/vystuplenie-na-zasedanii-vii-vsebelorusskogo-narodnogo-sobraniya/. – Дата доступа: 25.06.2024.

О ПОРЯДКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА И ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕХНИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Азарко Екатерина Андриановна
следователь по особо важным делам криминалистического отдела управления Следственного комитета Республики Беларусь по г. Минску,
старший лейтенант юстиции
kate9727@gmail.com

Стремительное внедрение информационных технологий во все сферы общественной жизни побудило законодателя выделить осмотр компьютерной информации в самостоятельное следственное действие, закрепив его в ст. 204-1 УПК. Указанная норма находит свое применение по всем уголовным делам, при расследовании которых осуществляется осмотр технических устройств и извлечение хранящейся в них информации с использованием специализированных аппаратно-программных комплексов. В связи с этой следственной практикой выявлен ряд проблем, связанных с применением рассматриваемой нормы.

Так, при осуществлении предварительного расследования следователем (сотрудником криминалистического отдела) может быть проведен осмотр технических устройств или назначена судебная экспертиза радиоэлектронных устройств и электробытовой техники, в задачи которой входит в том числе обнаружение необходимой информации в памяти мобильных устройств. В ходе осмотра осуществляется копирование и (или) извлечение информации, хранящейся в устройстве.

При осмотре, проводимом на основании ч. 2 ст. 204-1 УПК, следователю необходимо получить согласие лица, у которого изъято то или иное техническое устройство. В этом случае осмотр производится в присутствии этого лица. При отсутствии такого согласия следует вынести мотивированное постановление и получить санкцию прокурора, за исключением случаев, не терпящих отлагательств.

Из содержания ч. 5 указанной статьи следует, что осмотр компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, которые изъяты при производстве процессуальных действий, санкционированных прокурором, проводится без дополнительной санкции прокурора.

При изъятии технических устройств, в том числе мобильных устройств, портативных компьютеров (планшетов), ноутбуков и других устройств, имеющих возможность подключения к сети передачи данных, с целью сохранения имеющейся информации и исключения возможности стороннего подключения третьими лицами, эти устройства отключаются от сети передачи данных и переводятся в «режим полета». Однако, следует отметить, что часть информации, имеющейся в устройстве, фактически хранится в сети Интернет (приложениях мессенджеров, социальных сетей, облачных хранилищ) и при отключении устройства от сети передачи данных информация отображается не в полном объеме. В таком случае изучить информацию полностью возможно при подключении к сети Интернет или путем входа в аккаунт владельца информации. При буквальном трактовании ч. 5 ст. 204-1 УПК осуществление доступа к учетным записям выходит за ее пределы, так как положения статьи ограничивают действия следователя в пределах изъятых предметов, что вынуждает его выносить мотивированное постановление о проведении осмотра учетных записей.

Однако рассматриваемая норма никак не затрагивает проведение экспертных исследований, поскольку нормы УПК не обязывают следователя получать санкцию прокурора для назначения и проведения экспертизы любых технических устройств. В связи с этим имеется возможность обойти требования ст. 204-1 УПК.

Проведение экспертизы технических устройств имеет много общего с их осмотром следователем. В обоих следственных действиях используются различные научно-технические средства, в том числе аппаратно-программные комплексы, которые позволяют получить доступ к хранящейся информации, извлечь ее, в том числе восстановить удаленные файлы. Зачастую извлечение информации сопровождается нарушением системы защиты и модификацией компьютерной информации. К примеру, имеются случаи, когда для исследования поступает устройство, в котором пароль безопасности экрана блокировки неизвестен. В ходе проведения осмотра или экспертизы осуществляется извлечение физического образа устройства, к которому в последующем подбирается пароль для его расшифровки.

Часть 2 ст. 204-1 УПК охватывает любую информацию, которая хранится в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, в том числе информацию о частной жизни. Вместе с тем, исходя из ст. 28 Конституции Республики Беларусь, каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательств на тайну его корреспонденции (к которой можно отнести переписку в социальных сетях и мессенджерах), телефонных и иных сообщений. Безусловно, в рамках уголовного процесса получение информации о частной жизни лица является законным, однако порядок доступа к ней для следователя и эксперта различается.

В настоящее время следователем назначается экспертиза радиоэлектронных устройств и электробытовой техники, а после получения заключения эксперта выносится мотивированное постановление о проведении осмотра полученной компьютерной информации, санкционированное прокурором. Однако при проведении экспертизы технического устройства эксперт получает доступ к хранящейся в нем информации также как и следователь, производящий осмотр этого устройства самостоятельно, но санкция прокурора эксперту не требуется.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выделение осмотра компьютерной информации в самостоятельное следственное действие позволило усилить защиту конституционных прав граждан при осуществлении предварительного расследования. Вместе с тем, его регламентация требует совершенствования.

На основании изложенного полагаем необходимым уравнять порядок проведения осмотра технических устройств следователем и порядок проведения экспертизы технических устройств экспертом, для чего внести соответствующие изменения в УПК. В частности, предусмотреть необходимость получения санкции прокурора для проведения экспертизы различных технических устройств по аналогии со ст. 235 УПК, согласно которой требуется получение санкции прокурора для помещения подозреваемого или обвиняемого в условия стационара для проведения экспертных исследований.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРАТУРЫ И СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ВОПРОСАМ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Амелина Ирина Сергеевна
научный сотрудник отдела научного обеспечения предупреждения преступности Научно-исследовательского института
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
ameli.rina@yandex.ru

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, отмечено, что непосредственную угрозу традиционным ценностям представляет деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, недружественных иностранных государств, транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России (п. 13).

Для сохранения и укрепления традиционных ценностей законодательством Российской Федерации предусмотрены меры по развитию и совершенствованию деятельности в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма, в том числе в информационном пространстве, и повышению эффективности работы органов публичной власти по профилактике правонарушений экстремистской направленности.

В соответствии с п. 1.1 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» прокурорам предписано давать принципиальную оценку эффективности работы по профилактике преступлений, мерами прокурорского реагирования устранять выявленные нарушения закона, а также причины и условия, им способствовавшие.

При этом важно отметить, что в деятельности по профилактике деструктивного поведения прокурорам необходимо в пределах установленной законом компетенции использовать формы и методы, отвечающие современным условиям обострения внутренних и внешних экстремистских угроз, своевременно корректировать направление профилактической работы с учетом анализа состояния законности на поднадзорной территории.

В обозначенной сфере особое значение приобрела деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций, цель которых направлена на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, а также решение иных социально значимых проблем.

Некоторые ученые также подчеркивают, что для качественного противодействия терроризму и экстремизму наряду с повышением эффективности законодательной и правоприменительной деятельности необходимо более активно вовлекать в данный процесс образовательные организации и учреждения, социально ориентированные общественные организации, религиозные организации, представляющие традиционные для государства конфессии [1; 2].

За последние годы в Российской Федерации накоплен положительный опыт совместной деятельности прокуратуры и некоммерческих организаций, демонстрирующий серьезный потенциал данного направления в борьбе с распространением деструктивной идеологии. Например, в 2023 г. в прокуратуру Республики Хакасия было направлено 216 информаций о наличии в сети «Интернет» экстремистских материалов. По результатам анализа содержания размещенных в сети сведений в соответствующий территориальный орган Роскомнадзора прокурорами направлена информация о наличии оснований к внесудебному ограничению доступа к более чем 200 ресурсам.

В целях анализа состояния законности в деятельности общественных и религиозных организаций по профилактике экстремизма в 2020–2021 гг.

проведено анкетирование 118 прокурорских работников, осуществляющих надзор за исполнением законов о межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму, а также 50 представителей социально ориентированных некоммерческих организаций.

Прокурорские работники в ходе опроса указали следующие формы взаимодействия с общественными и религиозными организациями (объединениями), которые применяют на практике: информационный обмен и получение необходимых сведений (55,08 %); проведение совместных мероприятий, направленных на профилактику экстремизма (28,81 %); организация органами прокуратуры рабочих групп с участием представителей общественных и религиозных объединений, национальных диаспор (24,57 %); участие органов прокуратуры в заседаниях общественных советов с привлечением представителей общественных и религиозных объединений по вопросам профилактики экстремистских проявлений (26,27 %).

Представители некоммерческих организаций отметили следующие формы взаимодействия: информационный обмен, получение и (или) предоставление необходимых сведений (34 %); проведение совместных мероприятий, направленных на профилактику экстремизма (22 %).

При этом в целях повышения эффективности обеспечения законности в деятельности общественных и религиозных объединений по профилактике экстремизма прокурорские работники предложили увеличить штатную численность прокуратуры (52,54 %), проводить обучение в рамках профессиональной переподготовки и повышения квалификации прокурорских работников (40,67 %), осуществить специализацию отдельных прокурорских работников в указанной сфере (27,96 %), обеспечить прокуроров методической литературой (27,11 %).

Представляется, что для успешного обеспечения прокурором законности в сфере противодействия экстремистской деятельности необходимо учитывать следующие факторы, влияющие на качество взаимодействия органов прокуратуры и социально ориентированных некоммерческих организаций: состояние законодательства, охватывающего область данных правоотношений; использование современных информационно-телекоммуникационных технологий как при взаимодействии, так и непосредственно при реализации профилактических мероприятий; уровень разработки мер, направленных на профилактику, и степень их внедрения; прогнозирование результатов совместной деятельности и ее планирование с целью решения поставленных в соответствии с этим задач; уровень доверия общественных и религиозных организаций (объединений) к правоохранительным органам; уровень профессионализма прокуроров и систематическое повышение их квалификации.

С учетом изложенного, под формами взаимодействия органов прокуратуры с общественными и религиозными организациями по профилактике правонарушений экстремистской направленности следу-

ет понимать согласованную и совместно реализуемую деятельность надзорного органа и социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляемую с целью ликвидации любых проявлений экстремизма в обществе.

Опираясь на практику прокурорской деятельности в России, можно предложить следующие формы такого взаимодействия:

правовое просвещение и правовое информирование (проведение совместных мероприятий, посвященных профилактике экстремизма: научно-практических конференций, форумов, круглых столов, семинаров и др., разработка по результатам их проведения рекомендаций, информационных и учебно-методических материалов);

организация органами прокуратуры рабочих групп с участием представителей общественных и религиозных организаций;

участие органов прокуратуры в заседаниях общественных советов, созданных как непосредственно при прокуратуре, так и при иных органах публичной власти, по вопросам профилактики экстремистских проявлений;

совместное проведение проверочных мероприятий, направленных на выявление нарушений экстремистской направленности;

заключение соглашений о взаимодействии прокуратуры с общественными и религиозными организациями в сфере профилактики правонарушений экстремистской направленности, в том числе по вопросу информационного обмена [3, с. 105];

участие в подготовке проектов совместных перспективных направлений и определении приоритетов профилактики экстремистской деятельности, а также межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных конфликтов;

рассмотрение обращений представителей общественности о разъяснении требований закона, касающихся деятельности некоммерческих организаций в сфере профилактики экстремистской деятельности.

Список цитированных источников

1. Канунникова, Н. Г. К вопросу о реализации механизма административно-правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Н. Г. Канунникова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

2. Авдеев, В. А. Современные тенденции реализации правовой политики Российской Федерации по обеспечению общественной и государственной безопасности в контексте противодействия терроризму и экстремизму [Электронный ресурс] / В. А. Авдеев, О. А. Авдеева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

3. Глибовец, И. С. Взаимодействие органов прокуратуры с общественными и религиозными объединениями по вопросам профилактики экстремизма / И. С. Глибовец // Вестн. ун-та прокуратуры Российской Федерации. – 2020. –№ 6 (80). – С. 102–106.

СПЕЦИФИКА ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ВВИДУ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА

Аристархов Алексей Леонидович
ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
кандидат юридических наук
alaris700@mail.ru

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное дело не может быть возбуждено в случае уплаты в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, на основании ч. 1 ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В силу ч. 1.2 ст. 148 УПК РФ по сообщениям, в том числе о преступлениях, предусмотренных ст. 198 УК РФ (Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица–плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов), 199.1 УК РФ (Неисполнение обязанностей налогового агента), руководитель следственного органа, следователь выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии данных, подтверждающих информацию об уплате сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Согласно абз. 1 п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» исходя из положений п. 1 ст. 45 Налогового кодекса Российской федерации (далее – НК РФ) о возможности исполнения обязанности налогоплательщика по уплате налога также иным лицом, для целей применения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ полное возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, может быть подтверждено документами, удостоверяющими факт перечисления в бюджетную систему Российской Федерации начисленных сумм в счет задолженности налогоплательщика–организации или физического лица (например, платежным поручением или квитанцией с отметкой банка) [1].

На основании ч. 1 ст. 76.1 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, в том числе предусмотренное ст. 198-199.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если ущерб, причиненный бюджетной

системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме.

Данные вопросы также уточняются в п. 3 Примечания к ст. 198 УК РФ, в котором предусмотрено, что лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с НК РФ.

Также согласно п. 2 Примечания к ст. 199.1 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если этим лицом либо организацией, не исполнившими обязанности налогового агента, полностью перечислены в соответствующий бюджет суммы неисчисленных, неудержанных или неперечисленных налогов и (или) сборов и соответствующих пеней, а также сумма штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с НК РФ.

Изложенная специфика принятия процессуальных решений учитывается в правоприменительной практике, в том числе в случае отказа в возбуждении уголовного дела по указанным основаниям ввиду возмещения ущерба.

Однако имеются и другие особенности принятия процессуальных решений в указанных случаях. Как известно, перечень нереабилитирующих оснований установлен в ч. 2 ст. 27 УПК РФ. По смыслу данной нормы прекращение производства не допускается, если лицо против этого возражает. В таком случае производство продолжается в обычном порядке.

Данные процессуальные гарантии раскрываются в абз. 1 п. 2.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко», согласно которому постановление о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции Российской Федерации. При выявлении такого рода оснований к прекращению уголовного дела лицо, в отношении которого уголовное дело подлежит прекращению, вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в судебном заседании, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела – обжаловать его в установленном процессуальным законом судебном порядке [1].

Согласно абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения

от уголовной ответственности» для целей ст. 76.1 УК РФ лицо признается впервые совершившим преступление, если оно не имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается [2].

При этом в соответствии с абз. 2 п. 3.3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, пп. 14 п. 1 ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации, ст. 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и ч. 1 ст. 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» понимание подлежащего возмещению вреда как включающего в себя не только недоимку и пени, но и штрафы, не уплаченные организацией, вполне разумное применительно к случаям прекращения уголовного преследования, не может быть распространено на случаи возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе лицами, подвергшимися уголовному преследованию за совершение налоговых преступлений и вследствие этого привлеченными к деликтной ответственности. На основании абз. 3 п. 1 резолютивной части данного Постановления не могут использоваться для взыскания с указанных физических лиц штрафы за налоговые правонарушения, наложенные на организацию-налогоплательщика [3].

Список цитированных источников

1. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 26 ноября 2019 г., № 48 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

2. По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации, 14 июля 2011 г., № 16-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 27 июня 2013 г., № 19 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

4. По делу о проверке конституционности положений ст. 15, 1064 и 1068 ГК РФ, подп. 14 п. 1 ст. 31 НК РФ, ст. 199.2 УК РФ и ч. 1 ст. 54 УПК РФ в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации, 8 дек. 2017 г., № 39-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Варавко Юрий Валерьевич
начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь
omopr@sledcom.by

Одним из важнейших элементов информационно-аналитической деятельности следователя (далее – ИАД следователя) является система методов, способствующая оптимизации обработки криминалистически значимой информации в целях получения новых знаний о преступной и иной уголовно-релевантной, а также следственной деятельности.

В качестве метода, позволяющего продемонстрировать возможности интеграции криминалистической и аналитической составляющих в структуре ИАД следователя, интерес представляет факторный анализ. Его особенность заключается в том, что в криминалистике он рассматривается как в качестве метода статистического анализа, так и в качестве специального криминалистического метода.

Основы факторного анализа нашли свое отражение в докриминалистических исследованиях, касающихся раскрытия и расследования преступлений. В частности, А. Бертильон, А. Гершель, Ф. Гальтон, Ч. Ломброзо, Г. Шнейкерт, И. Н. Якимов предпринимали попытки выявления факторов, определяющих ту или иную криминалистически значимую характеристику человека и позволяющих провести либо его идентификацию, либо его отнесение к определенной категории (приемы распознания преступника) [1, с. 211-212]. Кроме того, теории, в основу которых положен анализ способа совершения преступления (*modus operandi system*), можно признать донаучной стадией развития факторного анализа в криминалистике [1, с. 217].

В виде сформировавшегося статистического метода факторный анализ возник в психологической науке как способ оценки разрозненных данных для решения задач в рамках оценки психологических характеристик личности, построения математических моделей способностей и поведения человека [2, с. 13]. Впоследствии одной из сфер применения данного метода стало изучение социальных и психологических явлений, не поддающихся количественной оценке.

Под факторным анализом понимается аналитический математико-статистический метод, позволяющий выявить скрытые (латентные) признаки, а также причины их возникновения и внутренние закономерности их взаимосвязи [3, с. 361]. Рассматриваемый метод базируется на предположении о том, что непосредственно наблюдаемые переменные,

например, признаки поведения, являются лишь признаками некоторого ненаблюдаемого, латентного явления [4, с. 626]. Факторный анализ в юриспруденции нашел свое применение в криминологии как способ выявления факторов, оказывающих влияние на состояние и динамику преступности [5; 6; 7].

В криминалистике в качестве математико-статистического метода факторный анализ использован А. Ф. Лубиным при проведении исследования механизма преступной деятельности. Им была продемонстрирована корреляционная связь между наличием судимости у лица, совершившего кражу, и такими факторами как избирательный подход к выбору предмета хищения, осуществление подготовительных мероприятий, конспирация и высокий уровень распределения ролей в группе [1, с. 259–268].

Непосредственное использование следователем математико-статистического метода факторного анализа, основанного на количественных показателях, представляется затруднительным. Однако опосредовано результаты такого анализа, по нашему мнению, могут быть применены путем формирования информационной модели определенного вида преступления и выработки на ее основе следственных версий, а также осуществления планирования предварительного расследования по материалам проверки или уголовному делу.

Метод криминалистического факторного анализа разработан Г. А. Густовым [8, с. 47–48], предложившим в целях установления криминалистических элементов преступления выявлять и анализировать субъективные и объективные факторы, предопределяющие поведение преступника в конкретных обстоятельствах. Данный метод является методом исключения, позволяющим сделать вывод о невозможности использования обвиняемым определенных способов совершения преступления. Такой подход оптимизирует работу следователя, формируя его представление о возможных способах совершения преступления, что, в свою очередь, позволяет выдвигать следственные версии, указывающие направление дальнейшего поиска [9, с. 138].

Сущность метода факторного анализа в указанной ситуации заключается в подготовке на основании установленных субъективных и объективных факторов вывода о возможности совершения определенных деяний, в том числе составляющих механизм совершения преступления. Полученные результаты компенсируют дефицит следовой информации и иных данных, необходимых для осуществления ИАД следователя.

Применение метода криминалистического факторного анализа предоставляет возможность:

определить неизвестные элементы расследуемого преступления (например, сделать предположение о наиболее вероятном способе, орудии, месте, времени его совершения), построить вероятностную модель изучаемого объекта;

выяснить относимость к расследуемому преступлению того или иного объекта (события, факта, явления), оказавшегося в поле зрения следователя;

«просеять» список заподозренных;

проверить и исключить версии о несчастном случае, самоубийстве;

установить событие преступления, обнаружить его инсценировки;

выявить и устранить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления;

проверить обоснованность принимаемых решений по делу, выдвинутых версий, прогнозов, полноту задач расследования, тактических приемов, тактических операций, достаточность собранных доказательств [9, с. 49].

Таким образом, факторный анализ в качестве метода ИАД следователя как в его математико-статистическом проявлении, так и в криминалистической интерпретации фокусируется на предопределенности событий и явлений некой совокупностью переменных – факторов. Это позволяет упростить понимание сущности и динамики развития системы преступной деятельности, оптимизируя тем самым мыслительные процессы следователя и расширяя его возможности в области предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Список цитированных источников

1. Лубин, А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А. Ф. Лубин. – Нижний Новгород, 1997. – 340 л.

2. Харман, Г. Современный факторный анализ / Г. Харман. – М.: Прогресс, 1972. – 486 с.

3. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Спб. : Питер, 2005. – 520 с.

4. Кондаков, И. П. Психология. Иллюстрированный словарь / И. М. Кондаков. – 2-е изд., доп. и перераб. – Спб. : Прайм–ЕВРОЗНАК, 2007. – 783 с.

5. Гаврилов, О. А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании / О. А. Гаврилов. – М.: Наука, 1980. – 183 с.

6. Вицин, С. Е. Моделирование в криминологии / С. Е. Вицин. – М.: Высш. шк. МВД СССР, 1973. – 104 с.

7. Иншаков, С. М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / С. М. Иншаков. – М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2011. – 839 с.

8. Густов, Г. А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09. / Г. А. Густов; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – М., 1993. – 63 л.

9. Курс криминалистики: В 3 т. / Под. ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. – Т. II. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка. – Спб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 639 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОДСУДИМОГО ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ

Великая Екатерина Видадиевна
старший научный сотрудник
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
catorina@mail.ru

Согласно ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) судебное разбирательство по уголовному делу проводится на основе состязательности сторон. При этом суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а лишь создает необходимые условиядля исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Право на защиту каждого, кто подвергся уголовному преследованию, признается и гарантируется Конституцией Российской Федерации. Обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия. Одновременно в Конституции Российской Федерации отмечено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17).

В ходе рассмотрения судом уголовного дела в условиях гласности стороны обвинения и защиты реализуют предоставленные им законом права, а суд, как указано в ч. 1 ст. 11 УПК РФ, обеспечивает возможность осуществления этих прав. Права, которыми наделен обвиняемый (подсудимый), направлены на защиту от предъявленного обвинения и закреплены в ст. 47 УПК РФ. Подсудимый имеет право заявлять ходатайства и отводы; давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно; знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из него любые сведения и в любом объеме; знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подавать замечания на них; защищаться иными средствами и способами, не запрещенными законом.

К сожалению, приходится отметить, что участники уголовного судопроизводства нередко злоупотребляют своими процессуальными правами, в том числе в ходе судебного разбирательства уголовного дела. Злоупотребление правами возможно как стороной обвинения, так и стороной защиты.

Как показывает практика, злоупотребление подсудимым своими правами выражается в неоднократном заявлении ходатайств, в том числе о предоставлении переводчика (по мотивам недостаточного владения русским языком, непонимания юридических терминов), заявлении необоснованных отводов суду, секретарю судебного заседания, государственному обвинителю, а также защитнику (по мотивам ненадлежащего оказания юридической помощи).

Важно отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит понятия «злоупотребление правом», не употребляет такой термин и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своих разъяснениях. Тем не менее, термин «злоупотребление правом» встречается в гражданском законодательстве. Согласно ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В тоже время в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указано, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц.

Упоминается о злоупотреблении правом и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, в одном из его определений указано, что необходимость обеспечения обвиняемому права на пользование родным языком в условиях ведения судопроизводства на русском языке не исключает того, что законодатель вправе установить с учетом положений Конституции Российской Федерации, о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, такие условия и порядок реализации данного права, чтобы они не препятствовали разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, а также защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства. Органы предварительного расследования, прокурор, суд своими мотивированными решениями вправе отклонить ходатайство об обеспечении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика, если материалами дела будет подтверждаться, что такое ходатайство явилось результатом злоупотребления правом [2].

Одним из прав обвиняемого является право участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций. Не исключено также злоупотребление и этим правом, проявляющееся в ненадлежащем поведении подсудимого в судебном заседании, которое препятствует его проведению. Тем не менее, нельзя однозначно отнести такое поведение подсудимого к

злоупотреблению правом. Как известно, УПК РФ устанавливает определенный регламент судебного заседания, нарушение которого влечет применение различных мер воздействия: штрафа, удаления из зала судебного заседания либо отключения от видео-конференц-связи. Иными словами, лишь нарушение норм права влечет за собой наступление ответственности. В случае же злоупотребления своим правом лицо действует в рамках закона, не нарушая его положений. Однако на практике в постановлениях судов нередко указывается на злоупотребление правом в случаях нарушения подсудимым регламента судебного заседания.

Последствием злоупотребления правом «является нарушение законных интересов других участников процесса либо общественных интересов» [2, с. 15] При этом лицо, злоупотребляющее правом, формально ничего не нарушает. Злоупотребление процессуальными правами, будучи умышленным и волевым действием или бездействием [3, с. 20], не выходит за рамки прямых запрещений и предписаний УПК РФ и поэтому не является уголовно-процессуальным правонарушением [4, с. 37].

Следует согласиться с Е. В. Марковичевой, что «при анализе поведения участника процесса и оценивании его с точки зрения наличия или отсутствия факта злоупотребления следует исходить из того, что злоупотребление всегда связано с осознанным поведением субъекта, когда лицо осознает, что пользуется предоставленными ему правами не только для достижения собственного правозначимого интереса, но для ограничения возможности пользования процессуальными правами иными участниками. То есть субъект должен понимать, что совершает активные действия по реализации процессуального права или воздерживается от совершения таких действий сознательно, «во зло» иному участнику процесса. Только в этом случае можно говорить о злоупотреблении правом» [5, с. 125].

Таким образом, под злоупотреблением правом следует понимать осознанное, заведомо недобросовестное осуществление участником уголовного судопроизводства предоставленных ему прав, нарушающих законные интересы других участников и противоречащих принципам уголовного процесса.

Необходимо отметить, что наступление ответственности подсудимого за злоупотребление правом возможно лишь в том случае, если указанное понятие будет закреплено в УПК РФ. Предлагается сделать это по аналогии с мерами воздействия, предусмотренными за нарушение регламента судебного заседания. В то же время применение мер воздействия за злоупотребление правом не должно лишать подсудимого возможности реализации предоставленного ему законом права на защиту.

Список цитированных источников

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Череповского Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.06.2006 № 243-О // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

2. Токарев, Д. А. Злоупотребление правом. Межотраслевой подход, обзор диссертационных исследований / Д. А. Токарев. – Волгоград: Волг. ГАСУ, 2012. – 131 с.

3. Андреева, О. И. О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение / О. И. Андреева, О. А. Зайцев, Д. В. Емельянов // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 19–24.

4. Даровских, О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. И. Даровских; Юж.-Урал.гос.ун-т. – Челябинск, 2013. – 211 с.

5. Марковичева, Е. В. Злоупотребление процессуальными правами в уголовном судопроизводстве: проблема баланса интересов / Е. В. Марковичева // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства материалы круглого стола: материалы кругл. стола, Москва, 19 дек. 2017 г. / Рос. гос. ун-т правосудия; отв. ред. В. В. Ершов. – М., 2018. – С. 122–128.

ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КАК ОСНОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Данько Игорь Владимирович
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент
dan231069@gmail.com

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства» от 17 июля 2023 г. № 284-З у судов общей юрисдикции появилось право непосредственного обращения в Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) с запросом о проверке конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению при рассмотрении конкретного дела. «Установление данного механизма на конституционном уровне выступает существенной правовой гарантией обеспечения прав и свобод граждан, служит последовательному разграничению компетенции Конституционного Суда и судов общей юрисдикции в утверждении конституционной законности», –подчеркивает Председатель Конституционно Суда П. Миклашевич [1].

Следует заметить, что право обращения в Конституционный Суд с так называемым преюдициальным (предварительным) запросом предусмотрено в законодательстве большинства европейских стран, что отражает общую тенденцию расширения средств защиты конституционных прав граждан. Возможность введения подобной процедуры в Беларуси стала активно обсуждаться более 10 лет назад, так как существовавшее законодательное регулирование рассматриваемых правоотношений было несовершенным. Судья Конституционного Суда Т. В. Воронович в то время отмечал, что «за период действия Конституции уполномоченные ор-

ганы на основании запросов судов предложений в Конституционный Суд не вносили». В связи с этим он предложил дополнить процессуальные кодексы нормой, обязывающей суд приостановить производство по делу до принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке конституционного судопроизводства [2, с. 23].

Преобразования, которые произошли в 2022-2023 гг. в Конституции Республики Беларусь и процессуальном законодательстве, свидетельствуют о прогрессивном характере состоявшейся судебно-правовой реформы. Вместе с тем, дополнения УПК в анализируемой сфере вызывают определенные вопросы процедурного характера, которые, по-нашему мнению, могут осложнить их правоприменение.

Так, в соответствии со ст. 163 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З (в редакции от 21 июля 2023 г.) «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон от 8 января 2014 г.) суд общей юрисдикции вправе обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности нормативного правового акта на любой стадии судопроизводства. При этом допустимым является запрос, направленный в Конституционный Суд до вынесения судебного постановления, которым оканчивается производство по рассматриваемому судом конкретному делу (в том числе в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях). Однако в УПК о праве суда на обращение с запросом в Конституционный Суд упоминается лишь при назначении и подготовке судебного разбирательства (п. 3 ч. 1 ст. 280) и его проведении (ч. 3^1 ст. 302). В связи с этим возникает вопрос о возможности направления такого запроса судом апелляционной или кассационной инстанции.

Некоторую озабоченность вызывает также отсутствие должной регламентации порядка подготовки указанного обращения на стадии судебного разбирательства. Дело в том, что согласно ст. 163 Закона от 8 января 2014 г. с момента направления запроса и до вступления в законную силу решения Конституционного Суда производство по рассматриваемому судом общей юрисдикции делу приостанавливается. Почти аналогичная норма содержится в ч. 3^1 ст. 302 УПК. Это говорит о том, что решение о приостановлении производства по уголовному делу по указанному основанию может быть принято лишь после направления судом общей юрисдикции запроса в Конституционный Суд. Из этого следует, что составление и оформление данного документа должно осуществляться в ходе судебного разбирательства.

В соответствии со ст. 165 Закона от 8 января 2014 г. запрос должен содержать сведения о суде и рассматриваемом им конкретном деле; виде и названии нормативного правового акта, его отдельных положениях, конституционность которых подлежит проверке, дате принятия (издания) и регистрационном номере нормативного правового акта; позиции суда о наличии сомнений в его конституционности, ее правовому

обоснованию со ссылкой на соответствующие нормы Конституции Республики Беларусь; и др. Очевидно, что во время судебного заседания подготовить такой документ затруднительно. Однако УПК не предусматривает специального основания для отложения или приостановления судебного заседания в связи с необходимостью составления запроса в Конституционный Суд. По смыслу уголовно-процессуального закона, перерыв в судебном разбирательстве объявляется по окончании рабочего времени или для отдыха (ч. 2 ст. 351 УПК), а также для составления государственным обвинителем нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого в случаях, указанных в ч. 2 ст. 301 УПК. Отложение судебного разбирательства уголовного дела допускается при невозможности его продолжения вследствие неявки в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц (ч. 1 ст. 302 УПК) или при необходимости проведения экспертизы (ч. 4 ст. 302 УПК).

В этой связи считаем целесообразным предусмотреть в УПК норму, наделяющую суд правом объявить перерыв в судебном разбирательстве также в целях подготовки запроса и иных прилагаемых к нему материалов для направления в Конституционный Суд. После возобновления судебного разбирательства, полагаем, суд должен огласить запрос и объявить решение о приостановлении производства по уголовному делу.

В рамках обсуждения новых полномочий суда первой инстанции необходимо обратить внимание еще на одну проблему, связанную с примененными в ходе осуществления уголовного процесса мерами принуждения. Н. В. Витрук отмечает, что обращение в Конституционный Суд не должно наносить ущерб правам и законным интересам граждан [3, с. 313]. Как следует из Закона от 8 января 2014 г. запрос суда может разрешаться Конституционным Судом достаточно долго – в течении нескольких месяцев. При этом, исходя из ч. 3^1 ст. 302 УПК при приостановлении производства по уголовному делу суд не обязан отменять или изменять примененную к обвиняемому меру пресечения. Свое действие сохраняют также иные меры процессуального принуждения. Например, наложение ареста на имущество, временное отстранение от должности, ограничение права на выезд из Республики Беларусь и др. Нельзя исключать ситуаций, когда в силу особенностей уголовного дела указанные меры попросту не могут быть отменены.

Вышеизложенное ставит перед юридической наукой и практикой задачу поиска путей решения указанных проблем с целью достижения баланса между публичными интересами государства по созданию эффективного механизма конституционного контроля и интересами отдельных участников уголовного процесса по обеспечению их прав и свобод.

Список цитированных источников

1. Миклашевич, П. О законодательном механизме реализации конституционного контроля [Электронный ресурс] / П. Миклашевич // Режим доступа: https://pravo.by/novosti/analitika/2023/july/74877/. – Дата доступа: 03.06.2024.

2. Воронович, Т. В. Обеспечение права граждан и организаций на доступ к конституционному правосудию / Т. В. Воронович // Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности: сб. науч. ст. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А. А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – С. 21–23.

3. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н. В. Витрук – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 383 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Зайцева Людмила Львовна
заведующий кафедрой прокурорской деятельности учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент
ippk.kpd@gmail.com

Действующий УПК является одним из наиболее значимых достижений национальный судебно-правовой реформы, концепция которой была утверждена в начале девяностых годов прошлого века [1]. Он был принят в 1999 г. и введен в действие с 1 января 2001 г. вместе с УК и УИК. С тех пор прошло 25 лет. Несомненно, что это достаточный срок, который позволяет выявить все достоинства и недостатки действующего закона, оценить, какие институты успешно работают, какие нуждаются в совершенствовании, а об отсутствии каких можно только сожалеть [2; 3].

За этот период в Республике Беларусь было принято 68 законов, вносящих в УПК многочисленные поправки, вызванные необходимостью уточнить, дополнить или изменить те или иные нормы. Эти коррективы не коснулись концептуальных основ и принципов действующего УПК, а были направлены на устранение противоречий, выявившихся в правоприменительной деятельности, а также пробелов в ее правовом регулировании [4; 5]. Некоторые изменения были вызваны необходимостью приведения процессуальных норм в соответствии с нормами УК, который за четверть века также подвергался неоднократным и существенным коррективам.

В результате значительно увеличился объем правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. В 2009 г. в УПК был включен новый раздел XV «Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности» (гл. 50-57). Появилось еще 5 глав в связи

с введением ряда новых производств в уголовный процесс (гл. 42^1, 49-49^3). В УПК были введены также 34 новые статьи, регламентирующие действующие правовые институты. Исключено было только 9 статей.

Несомненно, что внесение в УПК за 25 лет столь значительного количества изменений не свидетельствует об идеальности закона и дает почву для его критики как со стороны представителей науки, так и практиков. Однако причинами таких изменений, на наш взгляд, являются повышение требований правоприменителей к совершенствованию порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности и стремительное развитие новых правоотношений в указанной сфере.

Большое число изменений и дополнений, внесенных в нормы УПК, вызывает необходимость каким-либо образом их классифицировать, т. е. выявить основные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства [6]. Полагаем, что одной из них является изменение правового статуса и компетенции органов, ведущих уголовный процесс [7].

Так, значительным изменениям подверглись полномочия и взаимодействие органов уголовного преследования в досудебном производстве в связи с созданием в 2011 г. Следственного комитета Республики Беларусь и возложением на него основных обязанностей по осуществлению предварительного следствия (ст. 35, 36, 182 УПК). В связи с этим был упразднен следственный аппарат в органах прокуратуры и органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, а процессуальное руководство расследованием было передано от прокурора начальнику следственного подразделения. Органы дознания в 2013 г. были лишены права самостоятельного расследования уголовного дела с передачей его прокурору для направления в суд (ст. 187-189 УПК исключены). Ликвидация военных судов в 2013 г. обусловила передачу подсудных им уголовных дел судам общей юрисдикции (ст. 270 УПК исключена).

Расширение прав участников уголовного процесса и усиление их гарантий явилось в последние годы одной из тенденций в развитии норм УПК. В 2015 г. подозреваемый и обвиняемый получили право заключать с прокурором досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 49^1 УПК). В 2017 г. представители умершего подозреваемого, обвиняемого были наделены статусом участников уголовного процесса в случае их несогласия с отказом в возбуждении уголовного дела или прекращением производства по уголовному делу (гл. 49^2 УПК). В 2018 г. свидетелю было предоставлено права пригласить адвоката для участия в следственных действиях и оказания ему юридической помощи (ст. 60^1 УПК). В 2021 г. для примирения обвиняемого с потерпевшим была введена медиация (п. 14^1-14^3 ст. 6, ст. 30^1 УПК), принята новая редакция гл. 48 УПК о возмещении вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс.

Весьма значительными являются изменения в УПК, связанные с применением мер процессуального принуждения. В 2009 г. появилась новая мера процессуального принуждения – временное ограничение права на выезд из Республики Беларусь (ст. 132^1 УПК), а в 2021 г. – новая мера пресечения, не связанная с лишением свободы, – запрет определенных действий (ст. 123^1 УПК). В этом же году были установлены дифференцированные размеры залога (ч. 2 ст. 124 УПК), расширен перечень запретов, применяемых при домашнем аресте (ч. 2 ст. 125 УПК).

Начиная с 2017 г. до 2021 г. постепенно происходило усложнение процессуального порядка и продолжительности стадии возбуждения уголовного дела. Была введена процедура приостановления и возобновления проверки по заявлению и сообщению о преступлении (ст. 173^3 УПК). Установлен порядок взаимодействия между органами уголовного преследования при проведении указанной проверки и ознакомления с ее материалами заявителя и лица, в отношении которого проводилась проверка (ст. 173^2, 178^1 УПК).

В уголовном процессе также нашла свое проявление цифровизация современного общества: в 2019 г. стало возможным проведение отдельных следственных действий без участия понятых с применением звуко- и видеозаписи (ст. 202 и 202^1 УПК), а также производство некоторых из них с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) (ст. 224^1 УПК); в 2021 г. появилось новое следственное действие – осмотр компьютерной информации (ст. 204^1 УПК).

В 2021 г. введено обязательное применение звуко- и видеозаписи при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а по определенным категориям уголовных дел допрос указанных лиц должен по возможности проводиться в условиях дружественной детям комнаты допроса (ч. 2^1 и 4 ст. 221 УПК).

Фиксирование хода каждого судебного заседания суда первой инстанции сегодня происходит с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола в письменной форме (ч. 1 ст. 308 УПК). В случаях, указанных в ч. 1 ст. 343^1 УПК, допрос в судебном разбирательстве может быть проведен с использованием систем видеоконферецсвязи (веб-конференции).

Дифференциация процессуальной формы произошла и в судебном производстве. Его упрощение началось в 2009 г., когда было введено рассмотрение уголовных дел, расследованных в порядке ускоренного производства, без участия государственного обвинителя (ст. 455 УПК). А в 2016 г. по указанной категории дел появилась возможность постановления обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства (заочное производство) (ст. 459 УПК).

Введение в 2015 г. предварительного судебного заседания в стадию назначения и подготовки судебного разбирательства стало первым шагом

к усложнению судебного производства (ст. 277^1, ст. 280^1–280^4 УПК). Затронули указанные изменения и стадию исполнения приговора. Был подробно регламентирован порядок разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора и установлением превентивного надзора (ст. 402^1–402^2 УПК).

Усложнение судебной деятельности продолжилось в 2016 г., когда произошла замена кассационного производства апелляционным с расширением полномочий суда второй инстанции по исследованию и оценке доказательств, а также изменению приговора по основаниям, ухудшающим положение обвиняемого (разд. X УПК). Следующим шагом в этом направлении стало реформирование в 2022 г. порядка пересмотра приговоров, вступивших в законную силу. В настоящее время этот порядок включает две исключительные стадии – кассационное и надзорное производство (разд. XII УПК).

Таким образом, за 25 лет УПК ощутил на себе мощное эволюционное воздействие, поскольку работа по его совершенствованию осуществлялась постоянно и никогда не прекращалась. В указанных период практически все процессуальные институты в той или иной мере были подвергнуты определенным изменениям и дополнениям, сохранив при этом характерные признаки, присущие каждому их них с момента своего возникновения. Однако, в настоящее время, не смотря на различные, порой весьма противоречивые тенденции в развитии национального уголовно-процессуального законодательства, его совершенствование продолжается с учетом тех задач, которые стоят перед государством и обществом.

Список цитированных источников

1. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 16. – С. 270.

2. Зайцева, Л. Л. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь: взгляд в прошлое и будущее (вступ. ст.) / Л. Л. Зайцева // Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Тесей, 2000. – С. 3–32.

3. Зайцева, Л. Л. В новое столетие – с новым Уголовно-процессуальным кодексом / Л. Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2000. – № 2. – С. 13–18.

4. Зайцева, Л. Первая «пятилетка» нового УПК Республики Беларусь: успехи, недостатки и планы на будущее / Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 11. – С. 25–30.

5. Зайцева, Л. Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: обзор изменений и практики применения (вступ. ст.) / Л. Л. Зайцева // Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь с обзором изменений и практики применения. – Минск: Амалфея, 2010. – С. 3–40.

6. Данилевич, А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 20 лет совершенствования / А. А. Данилевич, О. В. Петрова, В. И. Самарин // Журнал БГУ. Право. –2019. – № 2. – С. 106–117.

7. Зайцева, Л. Л. Уголовный процесс Республики Беларусь: реформы XXI века / Л. Л. Зайцева // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12-13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 440–442.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Крукович Татьяна Александровна
начальник отдела принудительного исполнения Пружанского района УПИ ГУЮ Брестского областного исполнительного комитета, магистрант учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»
olejn00@mail.ru

Сотрудничество государств-участников Союза Независимых Государств (далее – СНГ) в сфере оказания международно-правовой помощи по уголовным делам имеет большое значение для эффективной борьбы с преступностью. За последние десятилетия был достигнут значительный прогресс в этом направлении, однако остаются актуальными вопросы дальнейшей гармонизации законодательства, совершенствования механизмов взаимодействия и повышения практической результативности такой помощи.

Важную роль играет развитие двусторонних и многосторонних международных договоров государств-участников СНГ в данной области. Прежде всего, следует продолжать работу по развитию многосторонних международных договоров [1, с. 33–35]. В этом контексте важно уделять внимание уточнению и дополнению положений существующих соглашений, таких как Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в г. Минске 22 января 1993 г. и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. Данные документы является ключевыми в регулировании вопросов оказания правовой помощи по уголовным делам между странами СНГ, но за прошедшее время накопился опыт его практического применения, выявились определенные пробелы и коллизии, которые требуют проработки.

При совершенствовании механизмов практического взаимодействия компетентных органов государств-участников СНГ приоритетными задачами выступают: повышение оперативности и эффективности рассмотрения запросов о правовой помощи путем совершенствования процедур их направления, согласования, исполнения, налаживание более слаженного взаимодействия между соответствующими ведомствами. Решением видится создание эффективного канала обмена оперативной информацией, налаживание прямых коммуникаций между компетентными органами таких, как системы межгосударственного (межведомственного) документооборота (СМГДО), которая принесет позитивные перемены во взаимодей-

ствии между странами-участницами: скорость поступления запроса, обработки поступающих запросов, исполнение запросов в минимальные сроки.

В апреле 2024 г. в рамках межправительственных соглашений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией было подписано соглашение о порядке признания электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП) [2, с. 1]. В случае принятия такого соглашения (о признании ЭЦП) в рамках СНГ (на межведомственном уровне), также видятся позитивные перспективы, такие как: эффективное взаимодействие, мобильность взаимодействия, отсутствие волокиты (несоответствие формы запроса, недостаточности информации, копии документов – основания, которые могут послужить возврату запросов), сохранность персональных данных гражданина, а также экономический рационализм. В случае разработки регламента (иного типового документа), важно учитывать возможность сохранности персональных данных путем шифрования информации (возможности отправки, где требуется определенный код при раскрытии), либо создание уникальной базы электронного документооборота (СМГДО), что поможет не только сохранить персональные данные лица, но и, в общем смысле, скажется позитивно на взаимодействии между государствами.

Весомо продолжать развитие двусторонней договорно-правовой базы. Здесь важно учитывать специфику правовых систем и правоприменительной практики каждого государства-участника СНГ и заключать двусторонние соглашения, максимально отвечающие их потребностям и особенностям. Такие двусторонние договоры могут касаться как общих вопросов оказания правовой помощи, так и более узких и конкретных аспектов, например, выдачи преступников, совместных следственных действий и т. д. [3, с. 32–52]. Так, в УПК к опознанию может быть представлено животное, в УПК Российской Федерации данный субъект отсутствует. В УПК Республики Грузии, для опознания требуется обязательное согласие опознающего, данное требование в УПК и УПК Российской Федерации отсутствует. Решение принимается следователем, при допросе опознающего. Вышеуказанные примеры коллизий могут быть решены путем подписания отдельных двухсторонних соглашений.

Вместе с тем одним из вариантов может стать создание наднационального специализированного органа, ответственного за координацию взаимодействия в сфере международно-правовой помощи не только по уголовным делам, но и по гражданским, семейным. Этот орган, мог бы осуществлять практическую помощь путем получения, оформления и отправки запросов в соответствующую страну-участницу. Проводить регулярный мониторинг и анализ эффективности правоприменительной практики, координировать деятельность центральных органов, ответственных за взаимодействие по вопросам правовой помощи. Находить коллизии и проблемы, анализировать доказательственную ценность полученных в ходе оказания помощи материалов, обеспечению их приемлемости и до-

пустимости в национальных судопроизводствах, вырабатывать согласованные подходы, обобщать и распространять положительный опыт, вносить предложении об унификации национальных законодательств.

Реализация вышеуказанных перспектив, а также пути решений существующих проблем, позволит существенно улучшить механизмы оказания правовой помощи, обеспечить более тесное сотрудничество государств СНГв противодействии преступности.

Список цитированных источников

1. Шарифуллин, Р. А. Некоторые правовые аспекты международного сотрудничества в области предупреждения преступности / Р. А. Шарифуллин // Рос. судья. – М.: Дело, 2006. – № 12. – С. 43–44.

2. Официальный интернет-портал МИД РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62478/. – Дата доступа: 10.07.24.

3. Матвейчук, И. А. Международная правовая помощь по уголовным делам, монография / Ю. А. Матвейчев, Ю. П. Шкаплеров; Могилев. ин-т Мин-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Могилев: Могилев. ин-т МВД Респ. Белрусь, 2017.– С. 32–52.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОКУРОРА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Куликова Галина Лукинична
доцент кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
государственный советник юстиции 3 класса
кандидат юридических наук
galku51@yandex.ru

Речь государственного обвинителя в судебном разбирательстве должна быть результатом реализации комплексного подхода, включающего не только процессуальный, но и психологический, морально-этический, воспитательный аспекты. От качества речи государственного обвинителя в значительной степени зависит, станет ли судебное разбирательство примером уважения к закону, нормам нравственности, человеческому достоинству, будет ли способствовать ли формированию положительного отношения к суду, органам прокуратуры, укреплению их авторитета. При этом задача прокурора состоит не только в доказывании вины подсудимого, но и в определении эффективных средств воспитательного воздействия на лиц, присутствующих в судебном заседании, их правового просвещения.

Наряду с глубокими знаниями материалов уголовного дела и соответствующего законодательства, прокурор должен владеть приемами ораторского искусства и навыками публичных выступлений. Они требуют богатого словарного запаса, художественной выразительности, (использования пауз, риторических вопросов, различной интонации), четкости произношения, соответствующего темпа речи, высоты голоса и других средств воздействия на слушателей. Использование прокурором образных средств речи повышает ее убедительность, способствует лучшему усвоению слушателями юридической стороны речи, ее восприятию и запоминанию, и, наконец, достижению воспитательного эффекта.

Таким образом, результативному решению задач, стоящих перед прокурором в судебном процессе, в том числе задачи воспитательного воздействия на присутствующих в зале, способствует его умение при построении обвинительной речи пользоваться выработанными многовековой практикой приемами ораторского искусства.

Так, еще в конце 19 в. известный российский юрист-правовед А. А. Левенстим отмечал: «Чтобы речь обвинителя могла иметь влияние на присутствующих и на исход дела необходимо: 1) чтобы прокурор имел необходимые познания; 2) чтобы он обладал качествами, без которых ораторское искусство невозможно; 3) чтобы речь его была сознательна; 4) чтобы речь была изложена в красивой форме… он должен поработать над собой вообще, а над речью по каждому делу» [1, с. 15].

Государственные обвинители, проходящие обучение в Университете прокуратуры Российской Федерации, отмечают, что самые остроумные экспромты и оригинальные речевые находки зачастую используются ими в судебных прениях. Выступление без предварительной подготовки не повлечет должного эффекта и воздействия на слушателей.

Прокурор, готовясь к судебному разбирательству и изучая материалы дела, планирует будущее общение с участниками процесса, отмечает особенности личности обвиняемых, потерпевших и свидетелей, вызванных в суд. Ему следует учитывать их индивидуальные особенности таким образом, чтобы создать предпосылки для достижения психологического контакта с ними.

Например, обвиняемый на предварительном следствии неоднократно менял свои показания, излагал новые версии и приводил надуманные доводы. Прокурор, анализируя материалы дела, приходит к выводу о том, что обвиняемому присущи такие черты, как неискренность, лживость и изворотливость. Эти обстоятельства следует иметь в виду при подготовке и построении вопросов к подсудимому в судебном следствии. Сформировать и дополнить свою позицию прокурор имеет возможность, наблюдая за поведением подсудимого в судебном разбирательстве.

Прокурор – государственный обвинитель должен иметь представление также об особенностях психологического воздействия на других лиц. М. В. Кроз и Н. А. Ратинова справедливо подчеркивают, что «психологи-

ческое воздействие – это воздействие на психическое состояние, мысли, чувства и поступки людей, выполненное с помощью психологических средств» [2, с. 6].

Если в зале присутствует значительное число слушателей, а дело рассматривается с участием присяжных заседателей, то прокурору следует подвести итог судебного следствия хорошо продуманной и производящей сильное впечатление обвинительной речью. Цель ее – восстановить в памяти судьи и присутствующих наиболее важные результаты судебного следствия. Для этого необходимо тщательно и логически грамотно проанализировать представленные доказательства, подчеркнуть общественную опасность личности подсудимого и содеянного им преступления, назвать причины его совершения, разъяснить сущность уголовно-правовых норм, недопустимость их нарушения, а также обосновать справедливость и соразмерность меры наказания. Более того, описание деталей и фактических обстоятельств рассматриваемого дела придает речи прокурора достоверность и убедительность.

Грамотная оценка государственным обвинителем как общественной опасности преступления, так и личности виновного, несомненно, оказывают психологическое воздействие на присутствующих, в том числе подсудимого и потерпевшего. На этом этапе под воздействием речи прокурора, выражающего позицию государства и общества, начинает формироваться отношение участников процесса к подсудимому и содеянному им.

Важно отметить, что оценка общественной опасности преступления является обязанностью государственного обвинителя. Она необходима в целях воспитательного и профилактического воздействия на присутствующих, в том числе подсудимого, и должна способствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора. Кроме того, внутреннее осознание опасности преступных действий виновным лицом, его раскаяние в содеянном может послужить надежным гарантом того, что в будущем он вновь не окажется на скамье подсудимых.

На практике имеют место случаи, когда после психологически грамотно построенной и логически обоснованной обвинительной речи прокурора подсудимый, прежде отрицавший свою вину, неожиданно в последнем слове признает ее. Однако государственному обвинителю следует отнестись к такому поступку критически, поскольку его причины могут быть различными: как искреннее раскаяние, обусловленное речью прокурора, так и стремление подобным образом смягчить свою участь, осознавая неминуемость наказания и понимая, что это действительно его последнее слово.

Обвинительная речь прокурора должна оказывать воздействие как на интеллектуальную, так и на эмоциональную составляющую сознания слушателей. В качестве примера следует отметить легендарную речь Р. А. Руденко, главного обвинителя от СССР, произнесенную им в 1946 г.

на Нюрнбергском процессе. Будучи прекрасным оратором, он говорил убедительно, на подъеме, пропустил весь массив информации через сердце, в каждую фразу вкладывал душу. Р. А. Руденко в своем выступлении «поднялся до философских высот осмысления мировой трагедии, разоблачил глубинную сущность фашизма, людоедские планы уничтожения целых государств и народов, непреходящую опасность идей национального превосходства для всего человечества. Его доводы легли в основу признания агрессивной войны тягчайшим преступлением» [3, с. 109].

Таким образом, все доводы государственного обвинителя и его мнение, излагаемые суду, должны основываться на законе и доказанных на судебном следствии фактических обстоятельствах дела. Поведение государственного обвинителя и его позиция должны опираться на нравственные нормы и им соответствовать. Главное, что определяет нравственную характеристику всей речи прокурора, – грамотность и правильность его позиции по существу, справедливость выводов, которые он представляет на рассмотрение суда.

В заключение необходимо сделать вывод о том, что только тщательно подготовленная, профессионально грамотная и логически стройная обвинительная речь прокурора, подкрепленная полным и критическим анализом всех доказательств по делу, добытых в соответствии с требованиями закона, изложенная с использованием приемов ораторского искусства и знанием психологии сможет оказать надлежащее воспитательное воздействие на слушателей.

Список цитированных источников

1. Левенстим, А. Речь государственного обвинителя в уголовном суде / А. Левенстим. – М.: ЛЕНАНД (ЛКИ), 2016. – 128 с.

2. Кроз, М. В. Психологическое воздействие на жертву при совершении преступлений против личности: науч.-метод. пособие / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова; Акад. Генеральной прокуратуры РФ. – М., 2008. – 104 с.

3. Звягинцев, А. Г. Нюрнбергский процесс / А. Г. Звягинцев. – М.: РИПОЛ классик, 2022. – 160 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ И ДОПУСКА ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Мирошниченко Виталий Анатольевич
старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь»
ellina_miroshnichenko@mail.ru

Эффективность правосудия по уголовным делам, связанным с сексуальным насилием в отношении несовершеннолетнего, во многом зависит от участия его законных представителей в уголовном процессе. Законодательством на указанных возлагается обязанность представлять интересы пострадавшей стороны, а следователю необходимо обеспечить реализацию ими своих прав в досудебном производстве.

В юридической литературе особенностям расследования сексуального насилия в отношении детей посвящены работы С. Я. Аземши, Ю. Ф. Каменецкого, С. М. Поплавского, М. П. Шруба [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В них затронуты вопросы участия педагога и психолога, использования комнат опроса несовершеннолетних, проведения очных ставок с детьми.

Однако еще недостаточно изучены вопросы привлечения надлежащего законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего для участия в следственных действиях. Для решения этой задачи требуется исследовать понятие законного представителя потерпевшего, его основное предназначение, а также выработать рекомендации для следователей по изучению личности кандидата в законные представители потерпевшего, с учетом следственной ситуации и отношений последнего с подозреваемым (обвиняемым).

В соответствии с Толковым словарем русского языка «представитель» –это лицо, которое действует по чьему-нибудь поручению, выражает чьи-нибудь интересы, взгляды; «законный» – это лицо, действующее на основании закона в интересах другого лица [7, с. 795, 1273].

В п. 8 ст. 6 УПК определение законных представителей потерпевшего дается путем перечисления соответствующих субъектов: родители, усыновители, опекуны, попечители, а также представители организаций, на попечении которых находится потерпевший. В то же время данная норма не согласуется с положениями ч. 1 ст. 56 УПК, где к законным представителям не отнесены организации, на попечении которых находится несовершеннолетний потерпевший. Исходя из судебно-следственной практики, полагаем, что законными представителями целесообразно признавать также представителей организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний потерпевший.

Кроме того, на практике нередко возникает необходимость привлекать в качестве законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего его родственников, в том числе близких. Очевидно, что если непосредственным воспитанием ребенка занимается его бабушка или тетя, а также иные родственники, не имеющие статуса опекуна, то они в наибольшей степени могут защитить права и законные интересы несовершеннолетнего потерпевшего, чем его неблагополучные родители.

В этой связи считаем целесообразным ч. 1 ст. 56 УПК привести в соответствие с понятием законный представитель, которое содержится в ст. 6 УПК. В свою очередь, п. 8 ст. 6 УПК изложить в следующей редакции: «Законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители, а также близкие родственники, родственники и иные близкие лица, принимающие непосредственное участие в воспитании несовершеннолетнего потерпевшего <…>; представители организаций, на попечении которых находятся <...> потерпевший <…»>.

Исходя из предназначения законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, полагаем необходимым более подробно регламентировать порядок их допуска следователем в уголовный процесс. Так, законные представители признаются и допускаются к участию в уголовном деле не автоматически, а с момента вынесения следователем постановления (ст. 56 УПК). Не может быть признано и допущено к участию в производстве по уголовному делу в качестве законного представителя потерпевшего лицо, которому вменяется причинение предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием вреда потерпевшему (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК). Указанное основание является единственным, которое препятствует признанию лица законным представителем потерпевшего.

Вместе с тем, на практике имеют место факты противодействия расследованию со стороны родителей (законных представителей) потерпевших, как правило, по уголовным делам о преступлениях, когда сексуальное насилие над ребенком совершается со стороны членов семьи. Личность кандидата в законные представители несовершеннолетнего потерпевшего и отношения его с подозреваемым в полной мере не изучается. Не выясняется также мнение несовершеннолетнего потерпевшего при назначении определенного лица в качестве его законного представителя. Отмеченные недостатки не способствуют выполнению законными представителями своих основных функций по защите прав несовершеннолетних потерпевших.

Таким образом, при принятии решения о допуске законного представителя потерпевшего к участию в уголовном деле необходимо изучение личности кандидата в законные представители несовершеннолетнего потерпевшего, его отношения к подозреваемому (обвиняемому); особенностей взаимоотношений лица, привлекаемого в качестве законного

представителя с несовершеннолетним потерпевшим; учет мнения самого потерпевшего о допуске лица в качестве его законного представителя; прогнозирование возможности негативного влияния этого лица на потерпевшего в ходе производства процессуальных действий.

Для повышения эффективности участия законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего следователю необходимо обязательно разъяснять ему права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК, а также сущность проводимых следственных действий. Такая процедура будет способствовать предотвращению случаев противодействия расследованию по уголовному делу.

Законный представитель потерпевшего вправе участвовать по его ходатайству или ходатайству представляемого им лица в производимых органом уголовного преследования с участием представляемого им лица следственных или других процессуальных действиях (п. 4 ч. 1 ст. 57 УПК). Полагаем, что подобная формулировка снижает эффективность защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего. В этой связи считаем необходимым предусмотреть в ст. 57 УПК обязательное участие законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего во всех проводимых с ним следственных действиях.

Согласно ст. 56 УПК следователь наделен правом прекращения участия законного представителя в уголовном процессе путем вынесения мотивированного постановления. Для принятия такого решения необходимо установление отсутствия оснований для пребывания законного представителя в таком процессуальном статусе (ч. 5 ст. 56 УПК). В то же время сами основания в законе не конкретизированы и такие решения принимаются по усмотрению следователя.

Исходя из анализа судебно-следственной практики, к основаниям, препятствующим пребыванию лица в указанном статусе, по-нашему мнению, необходимо отнести: действия, наносящие ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего; невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей законного представителя (необоснованное уклонение от участия в уголовном процессе, негативное влияние на несовершеннолетнего, конфликты с последним, создание препятствий для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела). Таким образом, фактическими основаниями для его устранения являются обстоятельства, препятствующие пребыванию законного представителя в данном статусе, а юридическими – вынесение следователем соответствующего постановления.

Изложенное приводит к выводу, что при расследовании уголовных дел о сексуальном насилии в отношении детей рекомендуется осуществлять подробный анализ личности кандидата для участия в качестве законного представителя, его взаимоотношений с несовершеннолетним потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым), прогнозировать поведение законного представителя, призванного действовать исключительно в инте-

ресах ребенка, в том числе и его возможное негативное влияние на несовершеннолетнего в ходе производства процессуальных действий; учитывать мнение несовершеннолетнего потерпевшего при допуске лица в качестве его законного представителя; в целях предотвращения случаев противодействия расследованию со стороны законного представителя разъяснять ему права и обязанности, сущность проводимых следственных действий; при нарушении законным представителей своих обязанностей следователю необходимо незамедлительно принимать решение о приостановлении процессуальных действий с его участием, его отстранении и привлечении другого лица для выполнения указанной функции.

Список цитированных источников

1. Аземша, С. Я. О целесообразности и особенностях участия несовершеннолетних потерпевших в очной ставке / С. Я. Аземша // Предвар. расследование. – 2018. – № 2. – С. 77–81.

2. Каменецкий, Ю. Ф. Основные направления использования в следственной профилактике данных о криминалистической характеристике обстановки оборота порнографии с изображением детей / Ю. Ф. Камененецкий // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе : наука, образование, практика : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.)[и др]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – С. 191–193.

3. Каменецкий, Ю. Ф. Уголовно-процессуальные средства следственной профилактики / Ю. Ф. Каменецкий // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. : вып. 17. // Нац. центр законодательства и правовых исслед.; редкол.: Н. А. Карпович [и др.]. – Минск : Колорград, 2022. – С. 763–772.

4. Каменецкий, Ю. Ф. Рекомендации по результатам исследования эффективности деятельности специализированных комнат опроса, дружественных детям. Пути совершенствования и перспективы дальнейшей популяризации : метод. рек. / Ю. Ф. Каменецкий, Г. В. Суздалева, Л. Н. Истомова. – Минск : СтройМедиаПроект, 2020. – 36 с.

5. Поплавский, С. М. Международный опыт осуществления восстановительного правосудия и перспективы его использования в уголовном процессе Республики Беларусь / С. М. Поплавский // Предвар. расследование. – 2019. – № 1. – С. 80-83.

6. Шруб, М. П. Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как объект криминалистического исследования : понятие, классификация / М. П. Шруб // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 3 – С. 57–67.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 2314 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО СТ. 28.2 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наметкин Денис Валерьевич
доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Нижний Новгород),
кандидат юридических наук, доцент
nametkindv@mail.ru

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» установлено новое основание освобождения от уголовной ответственности и наказания (ст. 78.1 и 80.2Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), а Уголовного-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) был дополнен ст. 28.2 «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время». Эти дополнения уголовного и уголовно-процессуального законодательств обусловлены проведением специальной военной операции, потребовавшей максимальной концентрации сил общества и государства.

С одной стороны, система привлечения для участия в боевых действиях лиц, отбывающих назначенное судом уголовное наказание, известна со времен Великой Отечественной войны [1, с. 230]. Однако, с другой стороны, официальное наименование вооруженного конфликта как «специальной военной операции», подразумевающее его «ограниченный» характер, требует принципиально иных идеологических подходов к изучению этого нового уголовно-процессуального института.

Процедура прекращения уголовного дела в порядке ст. 28.2 УПК РФ состоит из двух этапов. На первом этапе следователь или дознаватель разъясняют подозреваемому (обвиняемому) возможность прекращения в отношении него уголовного преследования, если он заключит контракт о прохождении военной службы либо поступит на военную службу по мобилизации в периоды времени, связанные с военным временем или периодом военного положения. Если подозреваемый (обвиняемый) согласен с предложением, то следователь (дознаватель) выносят постановление о приостановлении уголовного дела в порядке п. 3.1. ч. 1 ст. 208 УПК РФ. После этого подозреваемый (обвиняемый), изъявивший желание проходить военную службу, передается под полный контроль военной администрации.

Второй этап – непосредственное прекращение уголовного дела. Он обусловлен поступлением к следователю (дознавателю) от военного командования документов, свидетельствующих о том, что подозреваемый (обвиняемый) награжден государственной наградой в период прохождения военной службы или уволен с военной службы по основанию, предусмотренному п.п. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». В этом случае следователь (дознаватель) выносит постановление о прекращении уголовного дела. Копия постановления о прекращении уголовного дела направляется подозреваемому (обвиняемому), прокурору и потерпевшему. Гражданскому истцу в этом случае разъясняется право подать иск в порядке гражданского судопроизводства.

Смысл и логика института прекращения уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ продиктована складывающимися военно-политическими реалиями и вцелом понятна. Однако имеются некоторые процессуальные аспекты, на которые хотелось бы обратить внимание.

По-нашему мнению, природа правоотношений, возникающих при прекращении уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ, представляет собой процессуальное соглашение между подозреваемым (обвиняемым) и государственной властью в лице следователя (дознавателя) и прокурора. Предметом такого соглашения является освобождение от уголовной ответственности в обмен на выполнение полезных для общества и государства функций – прохождение военной службы «на наиболее опасных участках борьбы».

О важном значении этого процессуального соглашения для государства свидетельствует подпадающий под него широкий спектр преступлений, за исключением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и преступлений против государственной власти.

Однако, полагаем, что общественно-политический интерес, заложенный в этот уголовно-процессуальный институт, не должен вступать в противоречие с назначением уголовного судопроизводства. Подозреваемый (обвиняемый) в этом случае должен согласиться с предъявленным обвинением и размером причиненного вреда, а также оказать содействие предварительному следствию в установлении всех обстоятельств, связанных с совершенным преступлением. Учитывая возможность прекращения уголовных дел по ст. 28.2 УПК РФ по тяжким и особо тяжким преступлениям, подобное поведение подозреваемого (обвиняемого) станет свидетельством его раскаяния и желания искупить свою вину за содеянное. Если же подозреваемый (обвиняемый) не признал обвинения и соответственно своей вины в совершенном преступлении, тогда о каком искуплении вины может идти речь с идеологической и моральной точек зрения? В связи с этим, обязанность следователя (дознавателя) разъяснить лицу положения ст. 28.2 УПК РФ должна быть предусмотрена в законе еще до его первого допроса в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Список цитированных источников

1. Реент, Ю. А. Пенитенциарная система и штрафные воинские части: преступление и искупление вины в период Великой Отечественной войны / Ю. А. Реент // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2020. – Т. 25. – № 186. – С. 224–233.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ УЧЕТНО-РЕГИСТРАЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Огородникова Анна Дмитриевна
научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института «Университет прокуратуры Российской Федерации»
AIVIN@yandex.ru

Соблюдение учетно-регистрационной дисциплины можно назвать одним из обязательных условий эффективности противодействия преступности. Основным критерием, свидетельствующем об успешном осуществлении работы на данном направлении, является состояние законности при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях. Наиболее актуален этот вопрос в органах внутренних дел, так как именно там регистрируется наибольшее количество преступлений.

Следует отметить, что в нормативных актах не дается четкого определения понятия «учетно-регистрационная дисциплина», хотя многими авторами были предприняты попытки дать свою, авторскую, трактовку данного термина [1, с. 154]. Так, Ф.Ф. Анюров определяет учетно-регистрационную дисциплину как строгое, неукоснительное соблюдение должностными лицами требований нормативных правовых актов, регулирующих учетно-регистрационную работу, связанную с соблюдением сроков, периодичностью сбора, учета и регистрации сведений, заполнением всех предусмотренных форм учета и отчетности, представлением их руководству органа внутренних дел, направлением в вышестоящие инстанции [2, с. 15].

Е. П. Олифиренко предлагает понимать под учетно-регистрационной дисциплиной соблюдение ответственными должностными лицами органа внутренних дел требований нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения по рассмотрению и разрешению обращений граждан посредством обязательного выполнения регламентированных процедур на различных этапах работы с информацией [3, с. 147].

Процедура осуществления учетно-регистрационных мероприятий регламентирована Приказом Министерства внутренних дел Российской

Федерации от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» и прилагаемой к нему Инструкцией.

Среди многообразия нарушений учетно-регистрационной дисциплины особое место занимает такое нарушение, как укрытие преступлений от регистрации и учета. Оно отличается высокой степенью латентности, имеет прямую взаимосвязь с нарушением и искажением уголовно-правовой статистики и в дальнейшем существенно нарушает гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждан, потерпевших от преступлений, на доступ к правосудию.

В этой связи совершенствование учетно-регистрационной дисциплины и профилактика нарушений законности в данной сфере представляется задачей особой социальной значимости и требует комплексного подхода.

В соответствии с Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» соблюдение законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации. В полномочия прокурора входит проверка законности действий и решений следственных органов в ходе досудебного производства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, осуществление выезда в поднадзорные следственные органы, проведение сверки данных, содержащихся в книгах учета сообщений о преступлениях, регистрации обращений граждан, иных учетных и регистрационных документах, сводках органов внутренних дел.

Также согласно п. 1.2. указанного Приказа прокурор, выявляя нарушения порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, вправе добиваться их устранения, а при обнаружении признаков должностного правонарушения принимать меры к привлечению виновных лиц к ответственности, в том числе уголовной. При этом при обнаружении фактов укрытия преступлений от учета при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, прокурор согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ выносит мотивированное постановление о направлении в органы предварительного расследования соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании.

23 октября 2023 г. был издан Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия». В п. 1.3. данного Приказа отмечается, что в целях недопущения неоднократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела,

в том числе по результатам рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства, прокуроры, в соответствии со своими полномочиями, обеспечивают действенный надзор за разрешением материалов с момента регистрации сообщения о преступлении до принятия законного и обоснованного процессуального решения. В целях определения полноты регистрации сообщений о преступлениях, выявления нарушений законов, связанных с укрытием преступлений от регистрации и учета, ежемесячно производится сверка регистрационно-учетных данных органов дознания и органов предварительного следствия с учетной документацией.

Прокуратурами субъектов Российской Федерации на постоянной основе проводится анализ состояния законности и результатов прокурорского надзора при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах предварительного следствия и дознания, по итогам которого подготавливаются докладные записки, в которых освещаются основные проблемы, возникшие на данном направлении, тенденции роста или снижения нарушений в рассматриваемой сфере, положительный опыт работы конкретных прокуратур.

Таким образом, прокурор как должностное лицо, осуществляющее надзор за процессуальной деятельностью, играет ключевую роль в обеспечении законности учетно-регистрационной дисциплины, поскольку ориентирован на выявление и искоренение манипуляций со статистикой и принятие соответствующих мер по недопущению их средствами прокурорского реагирования.

Список цитированных источников

1. Трофимов, Д. А. О детерминантах понятия «учетно-регистрационная дисциплина» в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / Д. А. Трофимов, А. С. Перевощиков А. П. Анисимов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 12. – 4 (39). – С. 154–158.

2. Анюров, Ф. Ф. Правовые и организационные основы учетно-регистрационной работы в органах внутренних дел : монография / Ф. Ф. Анюров. – М. : Академия управления МВД России, 2014. – 95 с.

3. Олифиренко, Е. П. К вопросу о некоторых проблемных аспектах учетно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел / Е. П. Олифиренко // Проблемы совершенствования законодательства и актуальные вопросы юриспруденции : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : Наука и Просвещение, 2021. – С. 146–148.

О ПРИНЦИПАХ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Орехова Екатерина Петровна
доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
k_orekhova@mail.ru

Принципы судебной экспертизы являются фундаментом, обеспечивающим развитие уголовно-процессуального законодательства и единообразие в правоприменительной практике. Принципы судебной экспертизы задают определенную направленность экспертных исследований, конечной целью которых является создание научных основ данной деятельности. Формулирование ее принципов предполагает систематизацию и обобщение предшествовавших научных знаний, органически связанных между собой. Потребность в выделении принципов возникает тогда, когда объем накопленных знаний в какой-либо области достаточно велик, но эти знания несколько разрознены. Для того чтобы повысить эффективность экспертной деятельности и структурировать порядок ее осуществления, ее следует привести к единому началу, то есть разработать принципы данной деятельности.

В 1959 г. профессором А. В. Дуловым впервые были сформулированы принципы проведения судебной экспертизы. К ним относятся: принцип исследования судебным экспертом только материалов, закрепленных процессуально в уголовном деле; принцип проведения исследования самим экспертом; полное и ясное фиксирование хода исследований эксперта, приемов, методов, анализа и синтеза тех материалов дела, на основании которых им дается заключение [1, с. 30-50].

Принципы судебной экспертизы по уголовным делам базируются на принципах уголовного процесса, судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии. Многие принципы уголовного процесса, указанные в гл. 2 УПК, прямо или косвенно связаны с назначением, проведением экспертизы и оценкой заключения эксперта. Например, такие принципы как неприкосновенность личности (ст. 11 УПК), уважение чести и достоинства личности (ст. 12 УПК), охрана частной жизни (ст. 13 УПК) реализуются при установлении запрета на разглашение сведений, ставших известными в связи с проведением экспертизы. Принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 17 УПК) реализуется при их ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта и использованием прав, предусмотренных ст. 229 УПК. Принципы судебно-экспертной деятельности перечислены в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З (редакции от 17 июля 2023 г.) «О судебно-экспертной деятельности».

Впервые о необходимости формирования принципов судебной экспертологии заявили А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская [2] в конце 70-х гг. XX в. В 90-е гг. прошлого столетия активно начали разрабатываться принципы общей теории судебной. Однако, до настоящего времени система принципов судебной экспертологии (теории судебной экспертизы) окончательно не сформирована. Поэтому по аналогии с разработанной профессором А. В. Дуловым системой принципов науки криминалистики [3, с. 33-46] предлагаем принципы судебной экспертологии разделить на две группы – методологические и науковедческие.

Методологические принципы устанавливают высокий уровень научных исследований в судебной экспертизе и являются базой для формирования принципов, определяющих особенности проведения различных экспертных исследований. К методологическим принципам судебной экспертологии относятся следующие:

1. Принцип обязательного использования всех основных научных подходов к исследованиям: системного, диалектического, деятельностного, личностного.

Специфика системного подхода определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую картину. Широкое использование системного похода в судебной экспертизе обусловлено интенсивным усложнением, усовершенствованием объектов исследования, расширением перечня задач, ставящихся на ее разрешение.

Принцип диалектического подхода предполагает изучение любого явления в его развитии, требует учитывать системы взаимодействия, в которые вступает данное явление, противоречия, проявляющиеся в его развитии, существовании, взаимодействии [3, с. 37].

Судебно-экспертная деятельность, как и любая другая, осуществляется с помощью определенных средств, а также особых приемов, способов, методов, от правильного использования которых во многом зависит успех в реализации поставленной задачи исследования. В связи с этим в изучении развития судебной экспертизы должен учитываться деятельностный подход, то есть соблюдение правил изучения деятельности человека, результаты которой будут исследоваться экспертом, а также деятельность судебного эксперта при проведении исследования.

Личностный подход реализуется при исследовании психических процессов личности, выявлении особенностей и элементов психологической структуры личности. Например, при проведении судебных психиатрических и психологических экспертиз; экспертиз, связанных с определением психического отношения лица к чему-либо.

2. Принцип обязательного использования при проведении исследований теории отражения. В судебной экспертологии теория отражения необходима как основа для познания формы и содержания объектов исследования судебной экспертизы; разработки методов, способов, средств, приемов экспертного исследования, обеспечивающих эффективность проведения судебной экспертизы.

3. Принцип интеграции достижений «материнских» наук в судебной экспертизе. Сложные научные и практические задачи успешно решаются в тех случаях, когда для достижения цели используются знания из разных областей науки, то есть осуществляется межотраслевая интеграция. Рассматриваемый принцип предполагает не только учет закономерностей и методов других наук, но и взаимодействие с ними путем проведения комплексных исследований объектов судебной экспертизы.

К науковедческим принципам судебной экспертологии можно отнести принципы объективности, научной обоснованности, системного построения совокупности научных исследований.

Таким образов, принципы судебной экспертизы в уголовном процессе, с одной стороны, определяют и формулируют итоги познания, а с другой – исходные положения для организации и осуществления экспертных исследований. Они основаны на принципах уголовного процесса, судебно-экспертной деятельности и судебной экспертизы. Указанные принципы позволяют отличать судебные экспертизы от несудебных, служат фундаментом для реализации норм уголовно-процессуального законодательства о назначении, проведении экспертиз и оценке заключений эксперта.

Список цитированных источников

1. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск: БГУ, 1959. – 188 с.

2. Винберг, А. И. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебной экспертизы): уч. пособие / А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская / Отв. ред. Б. А. Викторов. – Волгоград: НИРИО, 1979. – 184 с.

3. Криминалистика: уч. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1996. – 415 с.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ВОЛОКНИСТОЙ ПРИРОДЫ И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НИХ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Панченя Дмитрий Николаевич
начальник отдела исследования и учетов объектов животного происхождения и волокнистой природы главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
fibers@sudexpert.gov.by

Отдельным этапом работы с объектами волокнистой природы и изделиями из них (далее – ОВПИ), обнаруженными на месте происшествия, является их предварительное исследование. Субъектом данной деятельности чаще всего является специалист-криминалист, наделенный конкретными правами и обязанностями. В частности, в соответствии с п.п. 6.6 Инструкции об организации работы сотрудников и лиц гражданского персонала Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, привлекаемых в качестве специалистов для участия в проведении осмотра места происшествия, утвержденной приказом Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 17 ноября 2014 г. № 287, специалист обязан «с целью решения вопроса об относимости к событию преступления (происшествия), целесообразности изъятия, а также для получения иных интересующих сведений проводить на месте происшествия (с учетом имеющейся квалификации и наличия необходимых условий) предварительное исследование следов, иных материальных объектов, результаты которого доводить до сведения лица, проводящего осмотр места происшествия. В процессе предварительного исследования запрещается применять разрушающие методы, которые изменяют свойства следов, иных материальных объектов (форму, количество, размеры, состав, цвет и др.), что может повлиять на результаты последующих экспертных исследований)».

Предварительное исследование определяется как «процессуальное исследование материальных следов, осуществляемое в полевых условиях на месте их обнаружения во временных рамках производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимое специалистом, следователем, сотрудником органа дознания или другим участником следственно-оперативной группы с использованием технико-криминалистических методов и соответствующих научно-технических средств, информационного обеспечения полевой криминалистики с целью получения ориентирующей информации, связанной с определением относимости обнаруженных следов к расследуемому событию и других данных, характеризующих лиц, участвовавших в нем, для выдвижения следственных, экспертных версий и раскрытия преступления» [1, с. 8].

Выделяя значимость предварительного исследования, А. М. Черенков отмечает, что оно позволяет «судить о механизме преступления, способе его совершения и сокрытия, орудиях, которыми мог воспользоваться преступник, о непосредственном контакте преступника с предметами вещной обстановки места происшествия, дают другую информацию, имеющую розыскное значение» [2, с. 12]. В. Д. Корма и Е. П. Ищенко утверждают, что «критериями проведения предварительных исследований являются потребности практики в быстром получении сведений о выявленном преступлении посредством анализа материальных следов и других вещественных доказательств» [3, с. 39].

Подобные высказывания в полной мере применимы в отношении ОВПИ, посредством исследования которых удается установить наличие, количество, относимость к делу, локализацию, состояние, индивидуальные свойства, оценить целесообразность их изъятия и определить возможность последующих исследований в рамках судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них (далее – СЭВМИ), иных видов судебных экспертиз. Кроме того, установленная специалистом первичная информация ложится в основу при построении следственных и экспертных версий, планировании и реализации последующих следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Использование результатов предварительного исследования ОВПИ очевидно и с экспертной точки зрения оправдано. Однако в настоящее время данная форма применения специальных знаний в следственной практике реализуется редко, несмотря на имеющиеся резервы. Данное положение обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в отличие от «традиционных» следов, волокнистые материалы и изделия зачастую содержат ограниченный объем криминалистически значимой информации о совершенном преступлении, которая к тому же нередко носит латентный характер. Установление ее наличия и содержания в достаточном объеме возможно только в процессе проведения СЭВМИ. К примеру, при расследовании изнасилования в ходе осмотра места происшествия (далее – ОМП) не представляется возможным надлежащее установление и изучение всего спектра имеющихся на одежде жертвы микронаслоений волокон. По этой причине их предварительное исследование непосредственно на месте совершения преступления является нецелесообразным, требуется назначение экспертизы.

Во-вторых, предварительное исследование самых распространенных на месте происшествия ОВПИ – единичных текстильных волокон, не всегда результативно. Так, в силу особенностей их морфологии и свойств установить интересующую информацию об изделии, от которого они ранее отделились (вид, целевое назначение, цвет, разновидность используемых текстильных материалов), специалисту не представляется возможным, а полученные результаты имеют диагностический, ориентировочный ха-

рактер. В этой связи предварительное исследование единичных текстильных волокон зачастую ограничивается лишь установлением их природы, цвета и локализации.

Несмотря на ограниченные возможности в отдельных случаях предварительное исследование ОВПИ необходимо, особенно при использовании адгезионного метода изъятия. Перспективным является дифференциация и изучение в ходе ОМП сопутствующих волокнам микрообъектов иной природы (фрагменты лакокрасочного покрытия, осколки стекла, следы горюче-смазочных материалов, частицы металлов), в том числе биологического происхождения (эпителиальные клетки, волосы человека). Результаты предварительного исследования обнаруженных микрочастиц приобретают качественно иную идентификационную значимость, а в отдельных случаях способствуют установлению лиц, совершивших преступление. Наличие таких микрообъектов подлежит обязательной фиксации в протоколе ОМП и должно учитываться на стадии подготовки материалов и назначения судебной экспертизы. Средства изъятия текстильных волокон и микрообъектов – специальные липкие пленки предлагается исследовать в рамках целого ряда экспертиз: СЭВМИ, биологических, генетических, различных видов (подвидов) экспертиз материалов, веществ и изделий.

Иногда предварительное исследование ОВПИ обязательно, поскольку позволяет получить достоверные сведения о их роли, механизме образования и о возможном источнике происхождения. Например, в ходе ОМП по факту разбойного нападения в жилище было обнаружено три фрагмента плетеного шнура. В процессе предварительного исследования специалистом установлены основные технологические особенности их изготовления: цвет, форма поперечного сечения, диаметр, особенности строения, наличие следов эксплуатации и отделения. Установленные и зафиксированные параметры позволили следователю запланировать и верно сформулировать задачи оперативно-розыскных мероприятий, в ходе реализации которых осуществлялся целенаправленный поиск изделий с заданными характеристиками. В результате по месту жительства одного из подозреваемых обнаружен фрагмент шнура, от которого предположительно произошло отделение. Таким образом, полученные на стадии предварительного исследования сведения способствовали розыску преступника по горячим следам.

На основании изложенного, следует отметить, что предварительное исследование ОВПИ на месте происшествия является важнейшим и необходимым этапом работы специалиста. В процессе его проведения возможно получение дополнительной криминалистически значимой информации, использование которой позволит оптимизировать дальнейшую следственную и оперативно-розыскную работу по уголовному делу. Результаты предварительного исследования ОВПИ подлежат процессуальной фиксации и должны учитываться на этапе подготовки материалов и назначения СЭВМИ и иных видов экспертиз.

Список цитированных источников

1. Сырокомля, Л. Б. Предварительное исследование материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12 / Л. Б. Сырокомля; Дальневосточн. юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск, 2017. – 26 с.
2. Черенков, А. М. Правовые, организационные и методические основы деятельности экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел в условиях мегаполиса: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А. М. Черенков; Акад. упр. МВД России. – М., 2000. – 37 с.
3. Корма, В. Д. Предварительные криминалистические исследования следов применения оружия: учеб.-практ. пособие / В. Д. Корма ; под ред. Е. П. Ищенко. – М.: Приор-издат, 2005. – 143 с.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Пацкевич Александр Петрович
доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
Packevich_Alex@tut.by

Каждое следственное действие, которое проводится в ходе досудебного производства по уголовному делу, требует от следователя тщательной подготовки. Только в этом случае его результаты являются эффективными и достигают поставленной цели. Одним из таких следственных действий является допрос несовершеннолетнего подозреваемого.

Процессуальное положение последнего и тактические особенности его допроса были предметом изучения многих ученых-криминалистов: О. В. Боровика [1], А. И. Габы [2], Г. А. Дымова [3], Л. Л. Каневского [4], И. С. Кошелевой [5], И. А. Макаренко [6; 7], С. А. Резвана [8], Е. В. Стрельцова [9], Н. Н. Щелочкова [10], Е. В. Цветковой [11], О. А. Чуприной [12]. Несмотря на обилие работ на эту тему, остаются нерешенными ряд проблем, связанных с первоначальным этапом расследования преступлений несовершеннолетних, в том числе с подготовкой к проведению такого следственного действия как допрос подозреваемого.

Допросу несовершеннолетних присущи определенные особенности по ряду причин: эти лица имеют в отличие от взрослых меньший объем знаний и жизненного опыта; недостаточную способность к сосредоточенному вниманию; отличаются повышенной внушаемостью как со стороны взрослых, так и со стороны сверстников; обладают меньшим развитием аналитических навыков при восприятии и оценке воспринятого, а также повышенной эмоциональностью своих действий и суждений [1, с. 116–121; 2, с. 74–78; 4, с. 82; 6, с. 25–27].

При подготовке допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого следователем должен быть решен ряд задач, в том числе организационного характера. К ним следует отнести:

– тщательный анализ материалов уголовного дела, касающихся участия подозреваемого в совершении преступления;

– доскональное изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого (его темперамента, склонностей, привычек и т. д.);

– определение цели данного следственного действия и предмета допроса для установления всех обстоятельств совершенного преступления;

– установление времени, продолжительности и места допроса несовершеннолетнего;

– определение круга лиц, присутствие которых при допросе несовершеннолетних обязательно или желательно;

– подготовку необходимых научно-технических средств и криминалистической техники;

– составление письменного развернутого плана допроса с указанием обстоятельств, требующих выяснения, формулировки вопросов и порядка их постановки;

– подготовку вещественных доказательств и иных материалов, которые могут быть использованы в ходе допроса с учетом складывающейся следственной ситуации (конфликтной или бесконфликтной).

Анализируя имеющиеся материалы уголовного дела, следователь на основании первоначальной криминалистической информации, имеющейся у него на момент подготовки к допросу, должен мысленно смоделировать ситуацию, которая может возникнуть при его проведении.

Необходимо отметить, что результативность допроса несовершеннолетнего подозреваемого зависит от осведомленности следователя о личности подростка [7, с. 131–135; 9, с. 71–81; 10, с. 124–147]. Определенную помощь в сборе информации, характеризующей несовершеннолетнего подозреваемого, могут оказать сотрудники органа дознания, в частности, оперативные сотрудники криминальной милиции и милиции общественной безопасности. Например, участковые инспектора милиции, на территории которой проживает подозреваемый или члены его семьи, а также сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних, в которой подросток состоитна профилактическом учете, помогут получить информацию о личности последнего.

Для установления психологического контакта и определения тактики допроса несовершеннолетнего необходимо выяснить: отношение к сверстникам (чувство товарищества, чуткость, безразличие, неприязненные отношения и т. п.), черты характера (упрямство, лживость, конформизм и др.), круг интересов и увлечений, а также иные данные, относящиеся к социально-демографической и нравственно-психологической характеристикам несовершеннолетнего.

Чем больше следователь знает об обстоятельствах, относящихся не только к событию преступления и роли подростка в его совершении, но и обстоятельствах, раскрывающих личность правонарушителя, условия его жизни, интересы, наклонности и т. д., тем лучших результатов можно ждать от его допроса [11, с. 17–18].

В криминалистической литературе дискуссионным является вопрос о продолжительности и месте проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого [2, с. 74–78;4, с. 25–26;5, с. 121–139; 8, с. 15]. Так, согласно ч. 2 ст. 215 и ч. 1 ст. 434 УПК его допрос не должен продолжаться более двух часов, после чего делается перерыв на один час для отдыха и приема пищи. Общая продолжительность допроса не должна превышать четырех часов. Данное положение обусловлено особенностями психического развития несовершеннолетнего и связано с его повышенной утомляемостью. Учитывая указанные обстоятельства, следовало бы сократить продолжительность допроса несовершеннолетнего до одного часа без перерыва, либо добавить в ч. 1 ст. 434 УПК положение о том, что при наличии медицинских показаний продолжительность допроса несовершеннолетних устанавливается на основании заключения врача.

В ч. 1 ст. 215 УПК указано, что допрос проводится по месту предварительного расследования. Под ним понимается служебный кабинет следователя или лица, производящего дознание, в производстве которого находится уголовное дело. В случае, если следователь откомандирован для работы в составе следственной группы, местом проведения допроса может являться кабинет, временно предоставленный ему для проведения следственных действий.

По решению следователя допрос может быть проведен по месту нахождения допрашиваемого (по месту жительства, работы или иному месту его нахождения). Например, допрашиваемый заключен под стражу, находится в больнице или состояние его здоровья исключает возможность явки по вызову; необходимо допросить лицо сразу после окончания обыска или иного следственного действия. То есть имеются обстоятельства, указывающие на то, что допрос по месту нахождения подозреваемого в большей степени обеспечивает быстрое и полное расследование преступления.

Допрос несовершеннолетних подозреваемых представляет особую сложность, так как их психическая деятельность еще окончательно не сформировалась и подвержена серьезным изменениям при минимальных воздействиях извне. Значимость их допроса состоит не только в получении показаний от лиц, обладающих необходимыми сведениями для расследования уголовного дела, но и в том, что данное следственное действие должно иметь определенное воспитательное воздействие.

В некоторых ситуациях в начале расследования допрос подозреваемого является единственным способом получения информации по делу

или обнаружения ранее неизвестных источников доказательств. Поэтому умелое, тактически правильное проведение допроса несовершеннолетних подозреваемых в значительной мере определяет успех всего предварительного расследования.

Список цитированных источников

1. Боровик, О. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. В. Боровик. – М., 2006. – 220 с.

2. Габа, А. И. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) / А. И. Габа // Проблемы криминалистики: сб. науч. тр.: Академия МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2003. – С. 74–78.

3. Дымов, Г. А. Правовые и организационно-тактические основы раскрытия и расследования органами внутренних дел корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Г. А. Дымов. – Владимир, 2006.– 321 с.

4. Каневский, Л. Л. Организация расследования и тактика следственных действий по делам несовершеннолетних. Учебное пособие / Л.Л. Каневский. – Уфа: БГУ, 2018. – 287 с.

5. Кошелева, И.С. Организация первоначального этапа расследования убийств, совершенных несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. С. Кошелева. – Саратов, 2006. – 209 с.

6. Макаренко, И. А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. А. Макаренко. – Уфа, 1998.– 250 с.

7. Макаренко, И. А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / И. А. Макаренко. – Саратов, 2006. – 404 с.

8. Резван, С. А. Особенности расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных несовершеннолетними: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. А. Резван. – Краснодар, 2009. – 29 с.

9. Стрельцова, Е. В. Тактические и психологические основы допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. В. Стрельцова. – Саратов, 2007. – 239 с.

10. Щелочков, Н. Н. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных с участием несовершеннолетних: по материалам судебно-следственной практики Краснодарского края : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. Н. Щелочков. – Краснодар, 2009. – 172 с.

11. Цветкова, Е. В. Доказывание в процессе расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. В. Цветкова. – Моск. акад. экономики и права. – М., 2014. – 26 с.

12. Чуприна, О. А. Методика расследования корыстных преступлений, совершенных несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.А. Чуприна. – Волгоград, 2011. – 247 с.

МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Петрова Ольга Валентиновна
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
machkova@bsu.by

Защита детства является одной из задач государственной политики Республики Беларусь, направленной на построение не только правового, но и социального государства. Как известно, преступность несовершеннолетних и ее профилактика представляет собой важную социальную проблему. Эффективное противодействие такой преступности возможно лишь при межведомственном взаимодействии различных субъектов реализации государственной социальной политики.

Указанный подход является основой в работе государственных органов по защите прав детей и предупреждению их девиантного поведения. В связи с этим ст. 4 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусматривает широкий перечень субъектов, осуществляющих данный вид государственной деятельности.

Межведомственное взаимодействие рассматривается как комплекс мер по осуществлению сотрудничества и оптимизации отношений различных ведомств для достижения единых целей определенного направления деятельности. Так, В. Ф. Щербаков рассматривает под взаимодействием основанную на законе и иных нормативно-правовых актах совместную либо согласованную деятельность органов государственной власти, а также должностных лиц, ориентированную на решение единой задачи [1, с. 25]. При этом указанная деятельность может осуществляться как на постоянной основе, так и временно.

Основными характеристиками межведомственного взаимодействия учреждений образования и социальной сферы являются обратная связь, информационный обмен, учет взаимных интересов, координация мероприятий, согласование деятельности по функциям, времени, в пространстве и др. [2, с. 231]. Поэтому представляется, что производство по делам о преступлениях несовершеннолетних не может быть исключено из общей системы работы с подростками, не должно рассматриваться в отрыве от профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальную деятельность в указанной сфере следует рассматривать как составляющую общегосударственной деятельности по предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних. Кроме то-

го, межведомственный подход при производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних является реализацией международно-правовых стандартов, одним из которых выступает принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.

Вместе с тем, вопрос о межведомственном взаимодействии при производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних в должной мере не исследован в юридической литературе. Отсутствует такое требование и в отечественном законодательстве.

Как известно, привлечение к уголовной ответственности преследует цель общей и частной превенции. Однако вовлечение несовершеннолетних в уголовный процесс требует обеспечения дополнительных гарантий их прав и законных интересов. С этой целью УПК предусматривает определенное взаимодействие органа, ведущего уголовный процесс, с субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Некоторые гарантии прав указанных лиц стали традиционными для отечественного уголовно-процессуального закона. Например, обязательное участие при производстве следственных действий с несовершеннолетними подозреваемым и обвиняемым их родителей или иных законных представителей (ст. 436 УПК). В определенных случаях могут выступать органы опеки и попечительства (ч. 2 ст. 56 УПК).

Также при производстве допроса несовершеннолетнего на предварительном следствии, либо в судебном разбирательстве обязательно участие педагога или психолога (ст. 435 УПК). Процедура обеспечения данного требования регулируется Положением о порядке привлечения педагога (психолога) для участия в уголовном процессе, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24 октября 2001 г. № 1533.

Кроме того, следует отметить, что по указанной категории уголовных дел мнение соответствующих специалистов может быть получено путем назначения и проведения экспертизы. Например, комплексной психолого-психиатрической экспертизы (ст. 228 УПК) в отношении несовершеннолетнего. Информация, необходимая для оценки личности несовершеннолетнего, также может быть представлена по требованию органа, ведущего уголовный процесс, различными компетентными органами и организациями (ст. 103 УПК).

Представляется, что наиболее эффективным способом межведомственного взаимодействия может стать обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего специализированными органами. По нашему мнению, такую обязанность следует возложить на инспекцию по делам несовершеннолетних [3, с. 60]. Собранные ею данные о личности обвиняемого приобщаются к материалам уголовного дела и подлежат исследованию в судебном разбирательстве.

Указанное делегирование полномочий по установлению некоторых вопросов, относящихся предмету доказывания (ч. 2 ст. 89 УПК), не умаляет ведущей роли органа, осуществляющего производство по делу, и особенно суда, разрешающего дело по существу. Такое взаимодействие позволяет правоприменителю принимать решение на основе полной и всесторонней оценки личности несовершеннолетнего, обстоятельств, сопутствующих преступлению, а также определить пути его исправления. В результате, межведомственное взаимодействие повышает обоснованность принимаемого решения, его исполнимость и предупредительное значение. В тоже время оценка личности и жизненной ситуации несовершеннолетнего будет основой для его последующей ресоциализации. Следовательно, межведомственная работа с несовершеннолетним будет становиться структурированной и более эффективной, а меры уголовной ответственности будут гармонизированы с иными мероприятиями по профилактике его девиантного поведения.

Безусловно, указанные меры являются лишь частью системного построения межведомственного взаимодействия. Для полноценной реализации предложенных изменений требуются не только организационно-технические, но и функциональные меры по координации взаимодействия как на законодательном, так и правоприменительном уровне.

Таким образом, в рамках производства по делам о преступлениях несовершеннолетних должен быть реализован межведомственный подход, согласованный с мерами по профилактике преступности указанных лиц и их исправлению.

Особенностью межведомственного взаимодействия при производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних является то, что органы, ведущие уголовных процесс, играют руководящую роль в механизме привлечения данных лиц к уголовной ответственности и профилактической работы с ними, а иные субъекты выполняют при этом вспомогательную, консультативную функцию.

Список цитированных источников

1. Щербаков, В. Ф. Реализация государственной политики противодействия преступности в сфере экономики подразделениями экономической безопасности органов внутренних дел МВД России (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. …д-ра юрид. наук / В. Ф. Щербаков. – М., 2006. – 34 с.

2. Ермакова, С. Л. Межведомственное взаимодействие в образовании / С. Л. Ермакова // Аллея Науки. – 2017. – Т. 2. – № 9. – С. 203–236.

3. Петрова, О. В. Сравнительно-правовой анализ порядка изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого / О. В. Петрова // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 3. – С. 58–61.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДОВ ФОТОГРАММЕТРИИ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИШЕСТВИЯ

Розсудовский Егор Сергеевич
следователь Первомайского (г.Минска) РОСК
yegor.rozsudovskij@gmail.com

Органом уголовного преследования для решения поставленных перед ним задач и достижения целей досудебного производства все чаще используются современные цифровые технологии. Это обусловлено ростом преступлений против компьютерной безопасности, а также интеграцией таких технологий в криминалистическую практику.

Фотограмметрия, как наука, возникла задолго до появления первого компьютера, а ее инструменты нередко использовались картографами для построения планов местности посредством выполнения фотоснимков с летательных аппаратов объектов. Сегодня фотограмметрия – это научно-техническая дисциплина, которая занимается определением размеров, формы и положения объектов по их изображениям на фотоснимке. На современном этапе инструменты фотограмметрии используются в геодезии, топографии, кинематографе и других сферах.

Использование фотограмметрии для создания фотореалистичных медиа-материалов (например, трехмерной графики) можно рассматривать как современный метод фиксации следовой картины на месте происшествия. Осмотр места происшествия принято относить к числу неотложных следственных действий, требование к которому определены законодательством. Из ч. 2 ст. 204 УПК следует, что в ходе осмотра места происшествия в необходимых случаях могут быть использованы научно-технические средства.

Важность осмотра места происшествия отмечается большинством отечественных ученых-криминалистов. В ходе его проведения перед органом уголовного преследования стоят задачи, направленные на наиболее точную, детальную и предметную фиксацию следовой картины на месте происшествия с целью дальнейшего ее анализа. Советский криминалист А. И. Винберг определял осмотр места происшествия, как следственное действие, направленное на изучение механизма происшествия, фиксирование обстановки преступления для обнаружения, сохранения и последующего изучения следов преступления, а также различных объектов, предметов, документов и прочего, имеющего по делу значение доказательств в целях установления обстоятельств произошедшего события [1, с. 235].

В ходе проведения осмотра места происшествия нельзя исключить «человеческий фактор», то есть вероятность упущения органом уголовного преследования криминалистически значимой информации. Кроме того, при проведении осмотра места происшествия у органа уголовного пресле-

дования может возникать необходимость в оперативной фиксации окружающей среды (некоторых ее объектов), поскольку внешние факторы могут нарушить первоначальную следовую картину. В результате может произойти утеря криминалистически значимой информации, что повлечет неполноту следственного действия.

Специфика происшествий, по которым организуется выбытие следственно-оперативной группы на место, разнообразна. Это дорожно- транспортные происшествия, пожары, т. е. события с многочисленными объектами либо разрушениями окружающей среды. Их следовая картина наиболее подвержена нарушению, а объекты, подлежащие изъятию – разрушению.

Для фиксации следовой картины на месте происшествия органом уголовного преследования чаще всего используется фотосъемка с целью последующего составления таблицы фотоснимков с изображениями места происшествия. Современные методы фотограмметрии предоставляют возможность трехмерного сканирования окружающей среды и отдельных ее объектов, а в последующем обеспечивают воссоздание их копий в виде компьютерной графики. То есть сканированные на месте происшествия объекты посредством соответствующего программного обеспечения переносятся в компьютерную среду в качестве трехмерных моделей с точечной детализацией их формы размеров, цвета (при наличии должного освещения).

Например, в случае обнаружения на месте происшествия объекта, подверженного сильному термическому воздействию и склонного к видоизменению или полному разрушению, перед изъятием его следует зафиксировать посредством трехмерного сканирования с целью его последующей визуализации в качестве трехмерной модели. В дальнейшем такие манипуляции позволят повторно изучить внешние характеристики объекта в его первоначальном виде (на момент обнаружения), что может оказать положительное влияние на полноту и достоверность экспертных исследований, оценку обстоятельств происшествия.

Зарубежные криминалисты, исследующие возможность применения технологий визуализации цифровой реальности (*VR – Visual Reality*) на практике, не исключают возможность возникновения необходимости в проведении повторного осмотра места происшествия с использованием компьютерной техники при условии максимально точной визуализации копии места происшествия в виртуальной реальности [2].

В качестве примера успешного использования современных методов фотограмметрии в направлении трехмерного сканирования и компьютерной визуализации сканируемого объекта можно привести один из материалов Интернет-ресурса «Habr». В нем подробно описан процесс трехмерного сканирования предмета окружающей среды – среза дерева с многочисленными наростами мха, грибов. Выбор именно такого объекта для трех-

мерного сканирования позволяет продемонстрировать возможности программного обеспечения в части соблюдения точности форм и размеров объекта после его переноса в компьютерную среду. Воссоздание трехмерной модели такого объекта посредством трехмерных редакторов вручную с соблюдением всех пропорций и форм представляет значительные сложности и требует длительного времени [3].

Сам же процесс трехмерного сканирования объектов и его последующий перенос в компьютерную среду связан с наличием специальных знаний об использовании программного обеспечения и правильной фотосъемке объекта. Это можно отнести к единственному существенному недостатку такого способа фиксации места происшествия. Кроме того, обработка фотоизображений и их интеграция в компьютерную среду может занимать довольно продолжительный период времени и зависит от мощностей используемой при этом компьютерной техники.

Из вышеизложенного следует, что применение современных методов фотограмметрии в криминалистике имеет существенный потенциал, которым не следует пренебрегать. Перспективы использования компьютерной графики с целью фиксации места происшествия требуют ее активной апробации в следственной практике. В свою очередь, учреждениям, осуществляющим обучение молодых специалистов, кадровым службам следственных и экспертных подразделений следует уделить внимание подготовке сотрудников, владеющих вопросами использования фотограмметрии в криминалистике при осмотре места происшествия.

Список цитированных источников

1. Винберг, А. И. Криминалистика / А. И. Винберг, Б. Шавер. – М.: Госюриздат, 1950. – 304 с.

2. Цифровое представление в виртуальной реальности места происшествия как инструмент уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Программные системы, теория и приложения. – Режим доступа: https://psta.psiras.ru/. – Дата доступа: 15.07.2024.

3. Исследование фотограмметрии / Хабр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: //habr.com/. – Дата доступа: 15.07.2024.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАЩИТНИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ, СВЯЗАННОМ С РЕШЕНИЕМ ВОПРОСА О ВЫДАЧЕ ЛИЦА ИНОСТРАННОМУ ГОСУДАРСТВУ

Самарин Вадим Игоревич
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
samarynv@bsu.by

Конституция Республики Беларусь гарантирует каждому человеку право на юридическую помощь, которое включает и право пользоваться в любой момент помощью адвокатов в отношениях с государственными органами (ст. 62). Лицо, застигнутое в чуждом ему правовом пространстве при решении вопроса о его выдаче иностранному государству, всегда нуждается в дополнительной юридической помощи. В ч. 4 ст. 20 УПК данное право излагается применительно к производству по материалам и уголовному делу и подробно раскрывается в иных положениях этого нормативного правового акта. Обычно право на защиту является ответом на обвинение, поэтому им наделяются подозреваемый и обвиняемый в ст. 17 УПК. Однако обвинение существует только в уголовном процессе, где дело рассматривается по существу. В случае выдачи лица такой процесс осуществляется, как правило, в запрашивающем государстве. В запрашиваемом же государстве производство ведется не против вовлеченных лиц, а в отношении просьбы органа иностранного государства поддержать основной процесс. То есть данная процедура носит субсидиарный характер. Однако и в такой процедуре лицу может понадобиться юридическая помощь профессионального участника, которым выступает адвокат. Хотя в литературе отмечается, что защита лица, запрашиваемого к выдаче, – это защита от экстрадиции, от необоснованной выдачи в другое государство [1, с. 27].

Для обеспечения права на защиту указанного лица белорусский законодатель расширил задачи защитника в рамках норм разд. XV УПК. В настоящее время защитник осуществляет процессуальную деятельность в целях обеспечения прав и интересов лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи (далее – лица, подлежащие выдаче). Задача защитника в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам – следить за соблюдением законодательства Республики Беларусь и международных договоров Республики Беларусь в процессе выдачи, за соблюдением прав (в том числе процессуальных) лиц, подлежащих выдаче [2, с. 57]. Для привлечения защитника к участию в рассмотрении просьбы органа иностранного государства данным лицам должно быть своевременно и соответствующим образом разъяснено их право иметь защитника (п. 2 ч. 1 ст. 507, абз. 1 ч. 1 ст. 508 УПК).

Статья 509 УПК не определяет момент начала участия защитника в рассмотрении просьбы органа иностранного государства о выдаче лица. Исходя из ч. 4 ст. 44 и ст. 507, 508 УПК, можно заключить, что защитник должен иметь возможность участвовать в рассмотрении данной просьбы с момента фактического задержания лица, применения к нему меры пресечения либо вынесения постановления о выдаче лица на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого.

Для осуществления своих функций по защите прав и интересов лиц, подлежащих выдаче, защитник наделен рядом прав (ч. 2, 3 ст. 509 УПК). Защитник самостоятельно реализует свои права, но средства и методы осуществления защиты он избирает, зачастую, с учетом воли подзащитного. Если сравнить права защитника и указанных представляемых им лиц, то можно прийти к выводу, что они производны от прав последних.

Во многом права защитника в исследуемом производстве схожи с правами данного участника в производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 48 УПК). Правда, они обусловлены не противостоянием обвинению, а необходимостью оказания квалифицированной юридической помощи при применении мер принуждения в связи с нахождением в международном розыске либо при рассмотрении Генеральной прокуратурой Республики Беларусь просьбы органа иностранного государства.

Пункт 1 ч. 2 ст. 509 УПК сопоставим с п. 1 ч. 1 ст. 48 УПК, когда защитнику должна быть доведена информация о сущности подозрения (обвинения) в отношении его подзащитного в рамках национальной процедуры. В результате такого сопоставления можно заключить, что защитнику должна быть доведена информация о наличии лица в базе международного розыска (поступлении просьбы органа иностранного государства), сущности предъявляемого лицу в иностранном государстве обвинения либо содержания постановленного в отношении подзащитного приговора. Законодатель позволяет защитнику знакомиться с копией постановления о выдаче защищаемого им лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания. Однако для его эффективного обжалования адвокат должен обладать знаниями и о содержании просьбы органа иностранного государства, что должно быть обеспечено в рамках п. 1 ч. 2 ст. 509 УПК. УПК Казахстана наделяет таким правом лицо, в отношении которого рассматривается вопрос об экстрадиции (п. 5 ч. 1 ст. 586).

Как и в общем производстве по уголовному делу, так и при рассмотрении вопроса о выдаче, защитник имеет право беспрепятственно общаться со своим подзащитным наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед (п. 2 ч. 1 ст. 48 УПК, п. 2 ч. 2 ст. 509 УПК); подавать жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс (п. 16 ч. 1 ст. 48 УПК, п. 5 ч. 2 ст. 509 УПК); высказывать в судебном заседании мнения по вопросам, разрешаемым судом (п. 19 ч. 1 ст. 48

УПК, п. 8 ч. 2 ст. 509 УПК); требовать внесения в протокол судебного заседания записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены (п. 13 ч. 1 ст. 48 УПК, п. 9 ч. 2 ст. 509 УПК).

Несколько ограничено право защитника на ознакомление с отдельными процессуальными документами в рамках рассматриваемой процедуры (п. 3, 4 ч. 2 ст. 509 УПК). Бросается в глаза отсутствие возможности выписывать из них необходимые сведения, что предусмотрено в п. 5 ч. 1 ст. 48 УПК для общего порядка. При этом в производстве по уголовному делу защитник имеет право не только знакомиться с рядом процессуальных документов, но и получать их копии (п. 15 ч. 1 ст. 48 УПК). В рассматриваемом же производстве таким правом наделен только его подзащитный (п. 2 ч. 1 ст. 507 УПК). Следовательно, содержание данных документов не является закрытой информацией. Указанный пробел может снизить эффективность обжалования защитником процессуальных решений из-за разрыва во времени между ознакомлением с ними и подачей жалобы. Непонятно также, почему в отличие от п. 15 ч. 1 ст. 48 УПК защитник не имеет права на ознакомление с постановлением о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, предусмотренным в ч. 3 ст. 513 УПК? Ведь его подзащитного прокурор или его заместитель должны уведомить о таком продлении (п. 8 ч. 1 ст. 507 УПК), а сам защитник может участвовать при рассмотрении судом жалобы на указанное решение (п. 6 ч. 2 ст. 509 УПК).

В производстве по уголовному делу защитник может участвовать в допросах подозреваемого, обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 48 УПК). В производстве, связанном с решением о выдаче лица, не предусмотрено проведение следственных действий. Однако ч. 3 ст. 512 УПК обязывает прокурора взять у лица, находящегося в международном розыске с целью выдачи, объяснение по факту объявления его в такой розыск до принятия решения о применения меры пресечения. Участие защитника в данном процессуальном действии может позволить установить уже на этом этапе основания для отказа в исполнении потенциальной просьбы органа иностранного государства. В связи с изложенным, считаем, что защитник должен быть наделен таким правом.

Кроме того, согласно закону, право высказывать свое мнение о выдаче лица защитник может только в суде (п. 8 ч. 2 ст. 509 УПК). Хотя для своевременной правовой защиты следует предоставить ему такую возможность и при рассмотрении Генеральной прокуратурой Республики Беларусь просьбы органа иностранного государства.

Таким образом, после 16 лет действия норм разд. XV УПК можно отметить необходимость расширения прав защитника лица, подлежащего выдаче иностранному государству. Полагаем, что выявленные пробелы в процессуальных возможностях защитника указанного лица могут быть устранены путем внесения соответствующих изменений в п. 1, 3, 8 ч. 2 ст. 509 УПК.

Список цитированных источников

1. Насонов, А. А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. А. Насонов; ФГБОУВО «Воронежский гос. ун-т». – Воронеж, 2018. – 248 с.

2. Самарин, В. И. Международная правовая помощь по уголовным делам : учеб. пособие / В. И. Самарин, Г. М. Третьяков, В. М. Козел ; под ред. В. И. Самарина. – Минск : БГУ, 2022. – 307 с.

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Снурницын Никита Викторович
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
n.snurnitsin@mail.ru

Одним из актуальных вопросов в теории уголовного процесса является вопрос о правовой природе независимости: является ли конституционное положение о независимости судей принципом и оправдано ли его закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве? Исследование данного вопроса прежде всего связано с определением юридической природы термина «принцип» и выявлением признаков, позволяющих отнести то или иное положение к принципам либо к иным положениям уголовно-процессуального законодательства.

Проблема установления юридической природы принципов является одним из дискуссионных вопросов как теории права, так и отраслевых наук. Существует множество подходов к пониманию сущности принципов: как основополагающих идей [1, с. 156]; особых правовых норм [2, с. 204]; меры справедливости [3, с. 41]; квинтэссенции многовекового опыта правового регулирования определенной сферы общественных отношений [4, с. 45]; категории, обеспечивающей сбалансированное состояние права, его взаимосвязь с иными формами права, внутреннее единство и целостность; ожидаемость, предсказуемость, непротиворечивость и последовательность правотворческого и правореализационного процесса [5, с. 5-6] и др.

Анализ различных точек зрения позволяет сделать вывод о том, что термин «принцип» используется в отечественной юридической литературе достаточно широко [6, с. 78]. В определениях «принципа» переплетаются как правовые (принцип – правовая норма) и неправовые категории (принцип – политическая идея, квинтэссенция опыта). Разнообразие взглядов на юридическую природу принципов права не позволяет дать единое определение рассматриваемой категории. Заслуживает поддержки понимание принципа как самостоятельной формы права [7, с. 13].

В уголовном процессе проблемам правовой природы его принципов уделялось внимание многими учеными. Так, например, по мнению

В. М. Лебедева, принцип уголовного судопроизводства – это общие руководящие, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны уголовно-процессуальной деятельности, построение всех стадий уголовного судопроизводства, содержание всех его форм и институтов, обеспечивающие достижение задач уголовного процесса [8, с. 34-35]. С точки зрения В. Т. Томина, «принцип отечественного уголовного процесса – это органичная для отечественного мировоззрения, его традиций и прогнозируемого будущего идея максимальной для такого исследуемого объекта, как отечественный уголовный процесс, степени общности, проведенная в совокупности действующих в отечественном судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и в практике их применения» [9, с. 15]. Н. Г. Стойко определяет принципы через систему ценностей уголовного процесса. По его мнению, принципы являются признанием легитимности уголовно-процессуальных ценностей. Принцип есть высший акт легитимации уголовного процесса, его ценностная основа [10, с. 58–60].

Анализ различных точек зрения позволяет сделать вывод о том, что все авторы так или иначе определяют принципы через содержание и форму уголовного процесса. На основании вышеизложенного принцип уголовного процесса можно определить как особую форму уголовного процесса, обладающую по сравнению с иными формами права наивысшей степенью обобщения, имеющую практическое выражение в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и устанавливающую пределы возможного или должного поведения работников данных органов государственной власти.

Что касается принципа независимости судей, то он не только содержится в ст. 8.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но и развивается в иных отраслях законодательства. Таким образом, принцип независимости судей – межотраслевой, т. е. является фундаментальным для нескольких отраслей права, поскольку судебная власть осуществляется не только посредством уголовного судопроизводства, но также посредством конституционного, гражданского и административного судопроизводства. Однако, несмотря на его общий характер, принцип независимости судей наиболее ярко проявляется в уголовном судопроизводстве, развивается в различных положениях уголовно-процессуального законодательства, где обретает свои особенности.

Список цитированных источников

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / под ред. С. А. Степанова. – М.: Проспект, Институт частного права, 2009. – 1504 с.

2. Нерсесянц, В. С. Философия права: монография / В. С. Нерсесянц. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 256 с.

3. Морозов, С. Ю. Неимущественное содержание обязательств, возникающих из организационных договоров / С. Ю. Морозов // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 3. – С. 41–45.

4. Общая теория государства и права / под. ред. В. В. Лазарева. – М.: Юристъ, 2001. –204 с.

5. Ершов, В. В. Тенденции развития права и неправа / В. В. Ершов // Рос. правосудие. – 2011. – № 7. – С. 5–15.

6. Ильина, О. Ю. Актуальные предпосылки возобновления дискуссии о понятии и признаках семьи как правового института / О. Ю. Ильина // Евразийский юрид. журнал. – 2009. – № 11 (18). – С. 77–81.

7. Ершов, В. В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты / В. В. Ершов // Рос. судья. – 2009. – № 5. – С. 13–18.

8. Лебедев, В. М. Уголовно-процессуальное право: учебник / М. В. Ершов. – М.: Юрайт, 2014. – 1060 с.

9. Томин, В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство : лекция – монография / В. Т. Томин. – Нижний Новгород : Волго-Вятская акад. гос. службы, 2007. – 79 с.

10. Стойко, Н. Г. Значение целей, функций и принципов уголовного процесса для защиты государственных, личных и общественных интересов / Н. Г. Стойко // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина: сб. статей по итогам Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 частях. – Часть 4. – Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 2006. – С. 58–61.

ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Солтанович Андрей Владимирович
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
krym_praces@bsu.by

Принцип презумпции (от лат. *praesumptio* – предположение) невиновности сформулирован в ст. 26 Конституции Республики Беларусь, где указано, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Иными словами, лицо считается виновным в совершении преступления при наличии в совокупности трех условий: 1) в отношении его вынесен обвинительный приговор; 2) приговор вступил в законную силу; 3) вина доказана и приговор вынесен в установленном уголовно-процессуальном законом порядке. Это означает, что при отсутствии указанных условий любое лицо считается невиновным.

Презумпция невиновности как идея, еще до закрепления ее в Конституции Республики Беларусь и в ст. 16 УПК, признавалась судебной практикой и юридической наукой. Важность данного принципа подчеркивается также тем, что он содержится в ряде международно-

правовых актов: Всеобщей Декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и других документах.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон не вправе сузить сферу действия конституционных предписаний, но может расширить сферу их применения, на что обращается внимание в специальной литературе [1, с. 71]. Между тем, следует констатировать, что в отличие от ст. 26 Конституции Республики Беларусь, распространяющей действие принципа презумпции невиновности на каждое лицо, ч. 1 ст. 16 УПК определяет адресатом данного принципа только обвиняемого. Однако сущность правового статуса подозреваемого позволяет сделать вывод, что данный участник процесса также не обязан доказывать несостоятельность выдвинутого в отношении его подозрения. В связи с этим в ч. 2 ст. 16 УПК следует указать также подозреваемого, который наряду с обвиняемым не обязан доказывать свою невиновность. Такая норма содержится, в частности, в ч. 2 ст. 14 УПК Российской Федерации.

Нельзя не согласиться с тем, что презумпция невиновности – это объективное правовое положение, а не личное мнение судьи, следователя, прокурора [2, с. 118]. Из содержания принципа презумпции невиновности вытекают как закрепленные в ч. 2–4 ст. 16 УПК, так и выведенные теорией доказательств положения, которые должны быть реализованы при производстве по уголовному делу:

– обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность;

– непредоставление обвиняемым органу уголовного преследования данных в пользу своей невиновности не может рассматриваться как косвенное доказательство причастности к совершению преступления;

– лицо не может быть признано виновным только лишь на основе собственного признания в совершении преступления;

– орган уголовного преследования, суд не вправе перелагать обязанность доказывания на обвиняемого или его защитника;

– сомнения в обоснованности предъявленного обвинения толкуются в пользу обвиняемого как в отношении обвинения в целом, так и в части его отдельных эпизодов, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, обстоятельств, отягчающих ответственность, и т. п.;

– недопустимо использовать доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона;

– приговор не может быть основан на предположениях;

– недоказанная виновность лица в совершении преступления означает доказанную невиновность, т. е. абсолютную реабилитацию в уголовно-правовом плане [3, с. 87].

Определенную трудность применительно к уяснению его содержания и реализации имеет положение, закрепленное в ч. 3 ст. 16 УПК, о том, что все сомнения в обоснованности предъявленного обвинения толкуются

в пользу обвиняемого. Указанная формулировка приводит к следующим выводам.

Во-первых, толкование сомнений в пользу обвиняемого как мыслительный процесс вне связи с принимаемыми в этом случае решениями, сам по себе ничего не дает.

Во-вторых, сомнения должны иметь неустранимый в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, характер.

В-третьих, при вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого у следователя не должно быть даже малейших сомнений об участии лица в совершении преступления, правильности его квалификации и др.

Кроме того, предписание суду в случае полного отказа прокурора от обвинения, если от него отказались также потерпевший, гражданский истец или их представители, своим определением (постановлением) прекратить производство по делу (ч. 8 ст. 293 УПК), не согласуется с сущностью презумпции невиновности. Прокурор, отказываясь от обвинения, обязан изложить суду мотивы и основание такого решения, предусмотренное ст. 357 УПК (ч. 7-1 ст. 293 УПК). Однако ст. 357 УПК регламентирует основания для постановления оправдательного приговора, природа которого существенным образом отличается от постановления (определения) суда о прекращении производства по делу. Так как в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 303 УПК отказ прокурора от обвинения является самостоятельным основанием для прекращения производства по уголовному делу, то в данном случае вопрос о невиновности обвиняемого не решается.

При этом уместно вспомнить, что ст. 247 УПК БССР 1960 г. при отказе прокурора от обвинения не освобождала суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Конечно, в условиях нынешнего состязательного процесса указанную обязанность на суд возлагать нельзя, однако разрешить рассматриваемую проблему можно. Для этого предлагается предусмотреть отказ прокурора от обвинения (если от него отказались также потерпевший, гражданский истец или их представители) в качестве самостоятельного основания для постановления оправдательного приговора путем внесения соответствующего дополнения в ч. 1 ст. 357 УПК.

Список цитированных источников

1. Уголовный процесс : учебник / под. ред. В. П. Божьева. – М. : Высш. образование, 2006. – 524 с.

2. Уголовный процесс. Учебник для студ. юрид. вузов и факультетов / Под ред. К. Ф. Гуценко; изд. 5-е, перераб. и доп. – М. : ИКД «Зерцало–М», 2024. – 704 с.

3. Уголовный процесс : учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред. Л. Л. Зайцевой, В. И. Самарина. – Минск : БГУ, 2023. – 591 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Тимошенко Андрей Анатольевич
заведующий кафедрой международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах),
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент
antim1@yandex.ru

Принцип справедливости в уголовном процессе является естественным проявлением общеправового универсального принципа справедливости, который характеризует особое свойство права как регулятора общественной жизни, разрешающего все сложные вопросы взаимоотношений членов общества между собой, а также с государственными и социальными институтами.

Реализация принципа справедливости в уголовном судопроизводстве не может осуществляться в отрыве от общих целей и задач производства по уголовным делам. Поэтому назначение уголовного судопроизводства в Российской Федерации сформулировано предельно точно в связи с необходимостью обеспечить его справедливость. В соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

В то же время согласно ч. 1 ст. 7 УПК задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Одной из задач уголовно-процессуального закона в Республике Беларусь названо утверждение справедливости (ч. 2 ст. 2 УПК).

Следует отметить, что в УПК РСФСР цель уголовного судопроизводства была сформулирована несколько иначе. В соответствии со ст. 2 УПК РСФСР задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое

и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Аналогичная формулировка содержалась и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., где были регламентированы задачи уголовного процесса (ст. 2).

Таким образом, в исторической ретроспективе задачи уголовного процесса в той или иной степени связаны с необходимостью воздаяния лицу, совершившему общественно-опасное деяние, а по сути – с восстановлением социальность справедливости за счет организации надлежащего судопроизводства.

Для более точного понимания механизмов реализации принципа справедливости необходимо сформулировать его содержание, что самопо себе непросто. Его философские основания настолько глубоки, что могут быть положены в основу частной теории справедливости в уголовном судопроизводстве [1]. Если коротко, то справедливость сводится к возможности обеспечить равный доступ каждого к правосудию за счет создания надлежащих условий реализации им своих прав и свобод.

Следовательно, справедливость в уголовном процессе тесно связана с правосубъектной личностью. Поэтому она напрямую не может гарантировать должностному лицу, вовлеченному в уголовно-процессуальную деятельность, реализацию какого-либо собственного интереса.

В то же время, признавая особую социальную значимость институтов уголовного судопроизводства, нельзя игнорировать публичность соответствующего рода деятельности, ее направленность на защиту жизненно важных интересов социума и государства. Поэтому реализация полномочий должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, должна исходить из принципа справедливости, что порой является препятствием для «чистой» состязательности уголовного процесса.

К примеру, прокурор не только выполняет функцию обвинения, но и защищает права граждан от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Поэтому в соответствии с ч. 4 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе отказаться от уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения. Аналогичным правом наделен прокурор и в Республике Беларусь (ст. 293 УПК).

Данное обстоятельство предполагает необходимость предъявления особых требований к лицам, назначаемым на должность, связанную с уголовно-процессуальной деятельностью. Ведь урегулировать в законе все условия признания справедливыми действия судьи, следователя, прокурора невозможно. Любые требования о необходимости добросовестно исполнять свой долг останутся только лозунгами без профессионального отношения к своим обязанностям.

Иными словами, в силу особого статуса справедливости как морально-нравственной и одновременно правовой категории, она реализуется в уголовном судопроизводстве через конкретную правоприменительную деятельность [2, с. 11–20]. Юридический же механизм справедливости, по сути, предельно общий и связан с правильным применения уголовного и уголовно-процессуального закона.

В отдельных случаях под эгидой справедливого отношения к отдельной категории лиц (например, предпринимателям) допускаются поблажки при правовом регулировании их процессуального статуса. Однако такой подход может привести к обратному эффекту – потребовать справедливого отношения и к иным категориям обвиняемых, не являющихся предпринимателями.

Таким образом, при реализации принципа справедливости необходимо прежде всего руководствоваться общими нормами уголовного процесса, устанавливающими правовой статус личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства. Только понимание ценности уголовно-процессуальной деятельности позволит придать ее субъектам статус действительной легитимности. Снижение данного требования поставит уголовное судопроизводство под угрозу формального отношения к его осуществлению.

Список цитированных источников

1. Тимошенко, А. А. Обеспечение справедливости уголовного судопроизводства: философские основания построения частной отраслевой теории / А. А. Тимошенко // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 94–107.

2. Вязов, А. Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении (Теоретико-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук: 12. 00. 01 / А. Л. Вязов. – М., 2001. – 155 л.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Федулов Андрей Владимирович
доцент кафедры уголовного права и процесса
Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент
angafe@rambler.ru

В юридической науке принципы уголовного процесса определяются как мировоззренческие идеи наиболее высокой степени обобщенности, определяющие его наиболее сущностные черты и закрепленные в уголовно-процессуальном праве [1, с. 32]. Несмотря на то, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) нормы-принципы сгруппированы в гл. 2, некоторые из них нашли свое выражение в других его главах.

Так, например, принцип публичности (официальности) уголовного судопроизводства закреплен в ст. 20 УПК РФ. В соответствии с этим принципом уголовное судопроизводство по делам публичного обвинения начинается независимо от волеизъявления заинтересованных лиц. При этом наказание за нарушение уголовного закона непосредственно связано с принципом неотвратимости ответственности, который «…проявляется в уголовном праве в том, что каждый совершивший преступление должен быть подвергнут наказанию» [2, с. 23-24].

Иными словами, факт обнаружения признаков преступления должен повлечь за собой соответствующую реакцию уполномоченных государственных органов и должностных лиц. Она должна быть выражена в виде решения о возбуждении уголовного дела и его предварительном расследовании, материалы которого должны стать предметом судебного рассмотрения уголовного дела по существу в суде первой инстанции.

Поскольку в основе уголовного преследования лежит публичный интерес, то нужно согласиться с А. С. Александровым в необходимости «…ответить на вопрос, в чем этот публичный интерес заключается: воздержаться от траты времени и энергии на преследование мелкого правонарушения и сосредоточиться на наиболее опасных, сложных и замаскированных преступлениях…» [3, с. 83].

Иногда в сфере публичного интереса лежат довольно острые жизненные ситуации, связанные с нарушением уголовного закона, но требующие иного, внепроцессуального разрешения. В этих случаях возбуждать или продолжать уголовное преследование нецелесообразно, исходя из возможного наступления негативных социально-политических последствий. В качестве примера можно привести трагические события лета 2023 г., обусловленные мятежными действиями руководителя ЧВК «Вагнер» Е. Пригожина.

По официальным данным 24 июня 2023 г. в 2 часа 20 минут Генеральный прокурор проинформировал Президента Российской Федерации о возбуждении уголовного дела по факту призыва к вооруженному мятежу и подтвердил законность этого процессуального решения [4]. После напряженных переговоров в течение дня ситуация была разрешена и уголовное дело было прекращено [5], хотя достаточно сложно представить правовые основания, которые были применены в этом случае.

Однако именно в этой и других подобных ситуациях проявляется необходимость применения идеи целесообразности в регулировании начала уголовного преследования или его продолжения, исходя из общественных и государственных интересов.

В отечественном праве «…в качестве легального принципа целесообразность не закреплена ни в одной из отраслей права, хотя, анализируя современное законодательство, можно сделать вывод, что данный принцип присутствует во многих из них» [6, с. 247].

Между тем, принцип целесообразности давно известен западноевропейскому уголовно-процессуальному праву. М. А. Чельцов-Бебутов отмечал, что в германском процессе с XIX в. существует «принцип целесообразности» и при его действии «…органу, уполномоченному на возбуждение преследования, предоставляется в каждом отдельном случае решить, находит ли он удобным, уместным и целесообразным возбудить уголовное преследование или полагает более удобным от него воздержаться» [7, с. 480-481]. Этот принцип присутствует и в современном законодательстве некоторых европейских стран. Например, Бельгии, Нидерландов, Исландии, Дании и др. [8, с. 32-33].

Следует отметить, что принципы уголовного процесса отражают экономические, политические и общественные закономерности развития государства, обладают свойством объективности и подчиняют «…своему распорядку повседневную жизнь, …идеи формируют институциональную среду, которая может формировать и формирует долгосрочные тенденции развития общества» [9, с. 155].

В связи с изложенным, полагаем, что идея целесообразности уголовного преследования как принцип уголовного процесса должна быть отражена в соответствующей норме УПК РФ, позволяющей не возбуждать уголовное дело или прекращать уголовное преследование вследствие изменения обстановки в целях обеспечения общественной и государственной безопасности.

Список цитированных источников

1. Томин, В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: лекция-монография. / В. Т. Томин. – Нижний Новгород, 2007. – 80 с.

2. Советское уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н. А. Беляева и М. И. Ковалева. – М.: Юрид.лит., 1977. – 544 с.

3. Александров, А. С. Субсидиарное обвинение / А. С. Александров // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 75–83.

4. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2023/06/24/situaciia-vokrug-protivopravnyh-dejstvij-evgeniia-prigozhina-hronika.html – Дата доступа: 14.07.2024.

5. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL//https://rg.ru/2023/06/24/peskov-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-prigozhina-budet-prekrashcheno-on-ujdet-v-belorussiiu.html – Дата доступа: 14.07.2024.

6. Кузнецов, Е. В. Содержание принципа целесообразности, его соотношение с законностью и справедливостью / Е. В. Кузнецов // Вестн. ИрГТУ – 2006. – № 4 (28). – С. 246–250.

7. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб.: АЛЬФА, РАВЕНА, 1995. – 846 с.

8. Головко, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головко. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.

9. Вольчик, В. В. Нарративы, идеи и институты / В. В. Вольчик, Е. В. Маслюкова // Terra Economicus. – 2018. – № 16 (2). – С. 150–168.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Хлус Александр Михайлович
доцент кафедры криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
hlus.home@mail.ru

Одним из видов социально значимой деятельности является расследование преступлений, системность которого обеспечивается надлежащей организацией. Необходимость организации расследования преступлений повлекла за собой формирование соответствующей криминалистической теории, основу которой составили труды Р. С. Белкина, А. В. Дулова, В. Е. Коноваловой, В. В. Степанова, А. Г. Филиппова и др. Многим проблемным аспектам организации расследования преступлений уделил внимание В. Д. Зеленский [1].

Организация представляет собой процесс создания, развития и совершенствования структуры системы деятельности. Процесс определения структуры также рассматривается как деятельность [2, с. 39]. Р. С. Белкин в организации расследования выделил интеллектуальную составляющую, материализованную в виде письменного плана предстоящей практической деятельности [3, с. 214]. В свою очередь, В. Е. Коновалова указала на выбор следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, их сочетание, особенности решения мыслительных задач, использование научно-технических средств, а также экономию процессуальных средств [4, с. 56–58].

Ценным для определения понятия «организация расследования» является учет наличия в его содержании действий, упорядочивающих структурные элементы деятельности. На это обстоятельство обратил внимание С. А. Кучерук, отметив, что под организацией следует понимать упорядоченность и регулирование действий субъектов расследования [5, с. 13].

Организационный процесс непрерывен, возникает с момента создания структуры системы расследования и постоянно развивается в течение времени ее существования. Началом процесса организации расследования является определение его цели. Основываясь на этой концепции, А. В. Дулов определил организацию расследования как «процесс упорядочения и оптимизации расследования путем определения и конкретизации его целей, определения сил, средств и планирования их использования, создания условий для качественного производства следственных и иных действий» [6, с. 273].

Упорядочение расследования предполагает: во-первых, решение вопроса о целевой направленности расследования, т. е. конкретизируются

обстоятельства, подлежащие установлению по конкретному делу; во-вторых, определение его структурных элементов и установление связей между ними, порядка их функционирования; в-третьих, определение следственных и иных процессуальных действий, порядкаи последовательности их производства для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; в-четвертых, определение субъектов и участников процессуальных действий. Осуществляя упорядочение расследования, следователь анализирует теоретическую информацию, т. е. выявляет профессиональные знания, которыми располагает. Подлежат учету также собственный опыт по расследованию преступлений, фактические данные и ориентирующая информация по конкретному уголовному делу.

Систему знаний, определяющих цели деятельности по расследованию конкретного преступления, составляют сведения о типичных обстоятельствах, подлежащих установлению (доказыванию). Первичные и наиболее общие данные о них содержатся в ст. 89 УПК. В уголовном процессе их принято называть предметом доказывания. К ним относятся: наличие общественно опасного деяния; виновность обвиняемого; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, а также характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда. Кроме того, «органы уголовного преследования обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления» (ст. 90 УПК).

Для расследования определенного вида преступлений этого недостаточно. Например, для взяточничества общий перечень обстоятельств, подлежащих установлению (доказыванию), включает: 1) событие взяточничества (место и время совершения субъектами криминальных действий); 2) способ совершения взяточничества, т. е. непосредственная (прямая) или опосредованная (скрытая) передача взятки; 3) предмет взятки и его источник; 4) содержание действий взяткополучателя либо его бездействие в интересах дающего взятку; 5) наличие соучастников у субъектов взяточничества; 6) цели и мотивы субъектов взяточничества; 7) наличие ущерба (кому причинен, характер и размер); 8) интересы (выгода) субъектов взяточничества (материальная либо иная личная заинтересованность); 9) обстоятельства смягчающие и отягчающие ответственность субъектов взяточничества; 10) причины и условия, способствовавшие взяточничеству.

При этом надо иметь в виду, что содержание обстоятельств, подлежащих установлению, зависит также от сферы деятельности, в которой совершено взяточничество. Например, по делам о взяточничестве в сфере образования круг обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, определяется спецификой субъекта получения взятки (руководитель учреждения образования, преподаватель, учитель и т. д.). В связи с этим задачами являются «установление статуса взяткополучателя, определение характера действий (бездействия), совершенных им для получения незаконного вознаграждения, предмета взятки, времени и места ее

передачи, которые имеют существенное значение для решения задач уголовного судопроизводства» [7, с. 112].

Следовательно, с криминалистической точки зрения установлению подлежат обстоятельства, выходящие за рамки непосредственного совершения общественно-опасного деяния. Не являясь преступными, они могут предшествовать, сопутствовать и следовать за уголовно наказуемым деянием. Установление таких обстоятельств необходимо для объективного расследования преступления.

Не вызывает сомнения, что сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению, должны содержаться в методике расследования отдельных видов или групп преступлений. По нашему мнению, информация о таких обстоятельствах подлежит отражению в криминалистической характеристике данного вида преступлений.

Представляется обоснованной точка зрения ученых-криминалистов, рассматривающих в качестве элемента криминалистической характеристики преступлений сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению (доказыванию) [8, с. 92–95]. Конкретизация этих обстоятельств на этапе организации расследования указывает направление следственной деятельности, т. е. фактически способствует определению ее целей.

В заключение можно сформулировать следующие выводы:

– в основе организации расследования взяточничества лежит определение его целей;

– целью расследования уголовного дела о взяточничестве является выявление обстоятельств (место, время и др.), подлежащих доказыванию.

– источником сведений о типичных обстоятельствах, подлежащих доказыванию, может служить криминалистическая характеристика взяточничества.

Список цитированных источников

1. Зеленский, В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты / В. Д. Зеленский. – Ростов н/Д., 1989. – 148 с.

2. Туманов, Г. А. Организация как функция государственного управления / Г. А. Туманов // Сов. государство и право. – 1986. – № 1. – С. 38–45.

3. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории / Р. С. Белкин. – М., 1987. – 272 с.

4. Коновалова, В. Е. Организация и психологические основы деятельности следователя / В. Е. Коновалова. – Киев, 1973. – 123 с.

5. Кучерук, С. А. Тактика и взаимодействие органов следствия и дознания как основа деятельности при раскрытии и расследовании преступлений в особо сложных условиях: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. А. Кучерук. – Краснодар, 2002. – 28 с.

6. Криминалистика : учеб. пособие / Под ред. А. В. Дулова. – Минск, 1998. – 415 с.

7. Енина, Е. И. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования / Е. И. Енина // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 4 (15). – С. 109–113.

8. Щербич, Л. А. Обстоятельства, подлежащие установлению как один из элементов криминалистической характеристики преступлений, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина / Л. А. Щербич // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. – 2007. – № 2 (34). – С. 92–95.

Научное издание

ПРАКТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»

Минск, 5–6 сентября 2024 года

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *М. А. Городецкая*

Подписано в печать 06.12.2024. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 26,68. Тираж 100 экз. Заказ 130.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.